

М.В.ФРУНЗЕ

Неизвестное и забытое

Публицистика,
мемуары,
документы,
письма

Мемориальному музею М.В.Фрунзе,
его сотруднице Э.Н.Тюлькиковой
за большую помощь в работе
над этой книгой —
с сердечной благодарностью

Л. ШОТОВЫЗ
Октябрь 1991, Москва

МОСКВА "НАУКА" 1991

Составитель и автор комментариев М. А. ЖОХОВ

Редактор издательства Г. И. Рыкова

Здравствуйте, уважаемая
Эльвира Нисолалвна!

Неужели мы не знаем, куда вы уехали?
Пора, мол, посылать поздравительные добрые
слова, так я и сделаю с большим удо-
вольствием.

Когда известить, что мы все рады
сознанию «Фрунзе» нашей-ти мысленно
на кинутых прилавке Москва, Минск,
и в вашем кругу он дошел?

Фрунзе М. В.

Ф 93 Неизвестное и забытое: публицистика, мемуары, докумен-
ты, письма. — М.: Наука, 1991. — 272 с.

ISBN 5-02-008600-2

Книга представляет собой публикацию документов, статей, очер-
ков выдающегося советского военного деятеля, одного из видных ру-
ководителей партии, М. В. Фрунзе. Создается образ личности неза-
урядной, талантливой, высоких нравственных качеств. Работа особен-
но ценна тем, что почти все материалы публикуются впервые, не-
большая часть их издавалась в 20-е годы.

Для историков и широкого круга читателей.

Ф 0503020500-374
042(02)-91 КБ-28-10-1990

ББК 63.3(2)712.8

ISBN 5-02-008600-2

© Издательство «Наука», 1991

M. J. P. [Signature]

От составителя

Всего 40 лет и неполных 9 месяцев жил на свете Михаил Васильевич Фрунзе: родился 21 января (2 февраля) 1885 г. в Пишпеке Семиреченской области, умер 31 октября 1925 г. в Москве. Но короткий свой срок прожил он столь ярко, незаурядные способности проявил так плодотворно, что навсегда оставил по себе неизгладимую добрую память в людских сердцах.

Революционная борьба, преобразовательная деятельность во все времена выдвигали истинных самородков, какими богата наша отечественная история. Только и на их фоне феномен Фрунзе выглядит впечатляюще. В самом деле, не припомнишь другого подобного примера, чтобы обыкновенный по всем параметрам человек, к тому же лучшие молодые годы проведший в тюремных стенах, не постигший даже простых солдатских азов, вдруг предстал на виду всего мира талантливейшим полководцем, перед умом, энергией, твердостью которого бежали побежденными маститые генералы генштабистской выучки.

Сам себя он оценивал без всяких амбиций и ни к какой служебной карьере вовсе не стремился. В подтверждение — вот ранее не публиковавшийся документ. Когда в начале августа 1918 г. ему, штатскому, предложили должность военкома Ярославского окружного комиссариата по военным делам, Михаил Васильевич ответил телеграммой № 299 от 8 августа в адрес наркома Троцкого: «Случае отсутствия лучших кандидатов центре согласен так желательно назначение Позерна» (ЦПА ИМЛ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 5. Л. 10). «Лучшего» не нашлось, и он, коль уж «взялся за гуж», то отдался делу всем своим существом. Добивался успехов, но ничуть не вскружилась его голова. В записке от 10 марта 1920 г. (см. наш сборник, с. 259) он сообщал Мавре Ефимовне: «Милая мама! Пишу тебе в первый раз после долгого, долгого перерыва. Ты уже знаешь, что я в Ташкенте и состою в роли командующего армиями Туркестанского фронта. Как видишь, я был вынужден силою обстоятельств подвизаться на военном поприще». Писал — вроде извинялся: так уж вышло, мама, «был вынужден» стать командармом.

За восемь лет своей военной службы М. В. Фрунзе

прошел «без запинки» высшие командные посты на фронтах и в 1925-м стал главой вооруженных сил всей Советской страны. И это еще далеко не все. В мирное время, как ни мало выпало такового на его долю, он проявил себя рачительным организатором народнохозяйственных дел, мудрым дипломатом, инициатором незаемного подхода к вопросам обороны и военного строительства.

У него была масса государственных и общественно-политических обязанностей, и все поручения он стремился исполнять точно в срок и очень добросовестно. При этом оставался человеком добрым, внимательным, доступным, общался со множеством людей из всех слоев населения, вел обширную переписку, от души помогал другим в решении их больших и малых забот. Таких руководителей, не отрывающихся «от земли», трудящиеся люди ценят, уважают, любят.

Современники единодушно отмечали удивительное обаяние его личности. «Этот железный полководец, перед которым трепетали враги, обладал душой исключительно нежной и мягкостью поистине изумительной. Благородный характер, открытый и прямой...— писал Н. И. Бухарин.— Перед глазами веселый, живой, бесстрашный Михаил Васильевич, от общения с которым так радостно на душе...» (Известия. 1935. 30 окт.). И закономерно, что всегда и всюду его окружали верные друзья и соратники. Это были не только партийные товарищи, прошедшие, как и он, революционное горнило,— П. Д. Гусев, И. К. Гамбург, И. Е. Любимов, В. В. Куйбышев, Ш. З. Элиава и другие. Не менее дружно работали с ним рядом и вместе выходцы «из другого стана»— бывшие генералы и офицеры старой русской армии С. С. Каменев, Ф. Ф. Новицкий, А. А. Балтийский, В. С. Лазаревич, П. П. Каратыгин, десятки военных специалистов в штабах его армий и фронтов. Умение сплотить и вдохновить людей на трудное дело, обеспечить простор для их личных способностей— это ли не подлинный организаторский талант!

В многогранном подвижничестве Фрунзе, в его высказываниях по поводу различных событий того бурного времени найдутся положения, устаревшие с сегодняшней точки зрения, и не каждый миг его поступки по нынешним меркам были абсолютно и единственно верными. Что с того! Ведь жил и действовал он не в наше, а в свое время, поступал соответственно тем взглядам и настроениям. Поэтому вполне применимо к Фрунзе давнее, но ничуть не устаревшее ленинское определение: «Исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно со своими предшественниками» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 178).

Жизнь и деятельность М. В. Фрунзе давно стали предметом изучения и популяризации. Научные труды, биографические книги и очерки, беллетристика, бесчисленное количество газетно-журнальных публикаций составляют уже имеющийся арсенал фрунзеведения. Нет нужды в этих кратких заметках выставлять оценки тому или иному произведению, но общее состояние таково, что говорить приходится меньше о достижениях и больше о недостатках. Как это ни огорчительно, образ Фрунзе в научной и художественной литературе преподносится зачастую плакатно, прямолинейно; присущие ему лично черты блекнут, заслоненные набором железобетонных штампов. Многие биографы не слишком утруждают себя проверкой сведений по надежным источникам; беллетристы горазды на всякие выдумки, искажающие обстановку тех или иных событий, облик и характер героя. Не станем искать тут злого умысла. И помимо воли авторов немало причин объективных. Одна из них — весьма ограниченный доступ к первоисточникам и архивным фондам. В течение десятилетий многим просто не под силу было штурмовать архивные редуты, а публикация документальных материалов была и остается на низком уровне.

Конечно, сам Фрунзе и при жизни был, как говорится, желанным автором: написанное и произнесенное им слово появлялось во многих печатных органах. После его смерти было предпринято издание трехтомного Собрания сочинений (1926—1929, под редакцией А. С. Бубнова), куда вошли такие крупные вещи, как научная монография «Европейские колонизаторы и Марокко» (в 1925 г. издавалась отдельной книгой под псевдонимом М. Мирский) и путевой дневник «Поездка в Ангору», а также мемуарные заметки, злободневная публицистика, доклады и речи, некоторые фронтовые приказы. Первоначально это издание, вероятно, удовлетворяло самый насущный спрос. Но с течением времени пяти тысячный тираж рассеялся, от него остались считанные единицы в крупнейших книгохранилищах. Да и содержание ныне воспринимается по-иному, ибо вошло в него далеко не все литературное наследие М. В. Фрунзе. Однако за минувшие 60 лет ничего более солидного, полного издано не было. Выпускались — к тому же с длительными интервалами — избранные произведения Военным издательством (двухтомник в 1957 г., идентичные однотомники в 1965, 1977, 1984 гг.). Адресованные прежде всего офицерам, эти издания поневоле имели «военный уклон», т. е. подбирались для них материалы на военную тематику, а остальное оставалось за бортом.

Особо нужно сказать о публикации документов, так как они, с учетом специфики их зарождения, служат серьезным и надежным источником различных сведений революцион-

но-исторического, военно-оперативного, биографического характера. Первая попытка собрать побольше архивных материалов под один переплет была предпринята на грани 30—40-х годов и осуществилась она в виде большеформатного сборника «М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны» (Воениздат, 1941). Все было вроде бы хорошо, историк и биографы получили внушительное подспорье, доступное любому. Цитаты из него включались в диссертации и монографии, последующие издатели опирались на него в своих предприятиях... Да вот беда — тексты в этот фолиант проходили тщательную фильтровку, включались частью «отредактированными», частью усековенными, с поголовным вымарыванием «запретных» имен. И что еще обиднее: в наше время, решительно осудившее сталинщину, прежние огрехи порой переключиваются в новые издания. Например, к 100-летию юбилею М. В. Фрунзе, отмеченному в 1985 г., изданы четыре подготовленных архивстами сборника документальных материалов (три в Киргизской ССР, один в г. Куйбышеве), освещающие деятельность Михаила Васильевича на Восточном фронте, в Туркестане, на Южном фронте, а также его переписку с В. И. Лениным, и ни один не назовешь безупречным, изъяты прежде из документов имена не все восстановлены. Если же добавить, что куйбышевское издательство выпустило свою книгу тиражом 15 тыс. экземпляров, а киргизское — по 2 тыс., то станет ясной степень их доступности исследователям и тем паче просто читателям в разных концах нашей необъятной страны.

Ну, а чему вовсе не повезло, так это эпистолярному наследию Фрунзе. Письма юношеской поры, из тюрем и ссылки еще цитировались биографами, хотя и не скажешь, что со всей скрупулезностью. А полные тексты этой человеческой, искренней документалистики, особенно письма друзьям и родным за последние годы жизни автора, до сих пор издателей не привлекали.

Невольно приходит на память один маленький любопытный факт. В июне 1917 г., уже освободившись от жандармской слежки и вместо вынужденных чужих вернув себе родовую фамилию, Фрунзе подарил близкому человеку свою фотокарточку со стихотворной надписью:

Быть свободным, несвязанным,
Как движенье мечты,—
Никогда не рассказанным
До последней черты.

Да, имя его широко известно. Да, немало сделано, чтобы довести до читающей публики его дело и слово. Но все-таки он и поныне «не рассказан до последней черты».

Данное издание и предпринято, чтобы в какой-то мере восполнить пробелы в его «рассказывании». Конечно, если

рассматривать наш сборник изолированно, то в нем не найдешь «всего», с чем хотелось бы ознакомиться. Это «все» откладывается на будущее, когда созреют должные условия для подготовки и выпуска фрунзенского «коллекта», как называли на Востоке полное собрание сочинений. Но как дополнение к прежним изданиям эта книга, надеемся, привлечет внимание заинтересованных читателей.

При ее формировании соблюдался принцип открытия: отбирались лишь такие произведения, которые раньше или вовсе не публиковались (письма, документы из архивов), или появлялись только в периодике, преимущественно провинциальной (статьи, интервью), или бывали в книгах, но 60-летней давности и малотиражных.

По времени наш сборник охватывает почти всю жизнь Михаила Васильевича, включая в себя материалы от писем школьному приятелю до строк, написанных в больнице за пять суток до кончины. Содержанием своим он расширяет представление о круге интересов, о самых различных делах и заботах Фрунзе — гимназиста и студента, подпольщика, каторжанина и ссыльнопоселенца, бойца революционного отряда, непобедленного полководца, государственного и партийного деятеля, любящего сына и брата, мужа и отца.

В свое время (февраль 1926 г.) Д. А. Фурманов, приглашенный на вечер воспоминаний о Фрунзе в Иваново-Вознесенск, писал в телеграмме землякам: «Вместе с вами храню память великого полководца революции, любимого ученика Ленина, человека кристальной чистоты — Михаила Васильевича Фрунзе. Он нашей славной губернии лучший представитель. Его жизнь и борьба — это целый университет большевистской мудрости, ленинской закалки. Его жизнь — это историческая наука идущим на смену кадрам большевиков» (ИМЛИ. II-62. 2280). Близкий друг и соратник М. В. Фрунзе, комиссар, писатель Фурманов и сам многое успел сделать для живого воплощения его образа в литературе.

Здесь, во вступительном слове к сборнику, не будем касаться перипетий поиска неизвестного и забытого, хотя каждая находка стоила немалых усилий и терпения; необходимые сведения о публикуемых материалах даются в соответствующих комментариях. Требуется, однако, пояснить, что многие документы в найденных подлинниках и первых публикациях не имеют четких названий. Поэтому заголовки к таким произведениям даны составителем (это помечено звездочками); составитель же озаглавил все разделы, в которых материалы сгруппированы в зависимости от периодов деятельности М. В. Фрунзе.

В тексте встречается много имен, зачастую малоизвестных ныне. По мере возможности биографические данные к ним выяснены и сообщаются в примечаниях, помещае-

мых в конце самостоятельного произведения или документа. Если же человек достаточно популярен, мы ограничиваемся датами жизни в именном указателе.

Выполнение обширного комплекса работы по подготовке сборника было связано с очевидными трудностями, и вполне естественно, что составителю помогали коллеги-фрунзеведы, сотрудники архивов, музеев, библиотек и другие товарищи. Считаю своим долгом назвать их: это член Военно-научного общества, кандидат исторических наук Н. Г. Корниенко, родственники Михаила Васильевича — дочь Т. М. Фрунзе, племянники И. С. Боголюбов, Л. А. Надёжина, М. К. Фрунзе, а также москвичи С. Асафова, К. Белоцкий, Г. Горбачева, Н. Донская, А. Кавтарадзе, Е. Маланчева, Ю. Мишедченко, М. Старотиторова, ивановцы А. Воронин, С. Ильин, З. Корчагина, И. Кузьменко, киевляне В. Александров, В. Волковинский, ленинградец А. Калмыков, Л. Кулишова и Э. Плотникова из г. Бишкек, Р. Савинова из Владимира, А. Завальный из Самары, И. Куренная из Читы. Прошу прощения у тех, кто не назван, и искренно благодарю всех за помощь.

*М. Жозов,
член Военно-научного общества
при ЦДСА имени М. В. Фрунзе*

В ГИМНАЗИИ И ИНСТИТУТЕ

Пять писем К. С. Суконкину

Адресат этих писем Константин Суконкин, обучаясь в Верненской гимназии, из-за конфликта с инспектором П. Г. Бенько был вынужден уйти из 6-го класса. Потеряв учебный год, он продолжал образование в Семипалатинске; туда Фрунзе и посылал ему свои письма из Верного и Петербурга. Судя по имеющейся фотографии Константина Сергеевича в форменной одежде, он обучался в высшем учебном заведении. Дальнейшая его судьба не выяснена.

Подлинники писем М. В. Фрунзе находились сперва в распоряжении его адъютанта С. А. Сиротинского (1889—1957) и цитировались им в книге «Путь Арсения» (Воениздат, 1956, 1960, 1980), откуда цитаты заимствованы другими авторами. В настоящее время письма хранятся в Шуйском мемориальном музее М. В. Фрунзе (инв. № 293—297) — филиале Ивановского объединенного историко-революционного музея. Ниже публикуются по рукописям полные тексты этих писем.

1

30 декабря 1903 года [Верный]

Дорогой дружище Костя!

Извини, что я так долго не писал тебе, совсем не было времени. Хотя, собственно, и немного его нужно, но, знаешь, как-то гажело взяться за перо; все откладываешь да откладываешь на завтрашний день, и так день за днем. Ну, как ты там устроился, напиши мне подробнее. К старикам твоим захожу довольно часто; по-видимому, сильно скучают о тебе, особенно мать, но в то же время и довольны тем, что ты принят и все обошлось благополучно.

Новостей у нас здесь немного. В нашем классе все перешли, так что нас опять 23 человека. С Бенько произошла громадная перемена, теперь ты бы его и не узнал, такой ласковый и любезный, на переэкзаменовках и на совете стоял за учеников, и благодаря именно ему все и перешли. Сапунова убрали; впрочем, это тебе, наверное, известно; на его место никто не назначен, а преподает директор [М. В. Вахрушев. — *Сост.*] начиная с 4-го класса, в остальных же новый воспитатель при пансионе Гавлицев. Эх жаль, что ты уехал, а то славно бы теперь было учиться.

Время провожу довольно скучно; пять часов провожу на двух уроках с Игнатовским Колькой и с Мишей Ивановым, а затем в 8 часов иду на бильярд к Захарке; ужасно пристрастился к этой игре.

Совсем не так проводил каникулы; что за веселое время-то было!!! Мы¹ объехали, во-первых, громадное пространство; были в Пржевальске, объехали кругом озеро Иссык-Куль; затем переправились Тянь-Шань, спустились к китайской границе; отсюда воротились в Нарын, из Нарына поехали на Сонкуль — тоже озеро, раза в три меньше Иссык-Куля; с Сонкуля на долину Джумгал, с Джумгала на Сусамыр, с Сусамыра в Фергану, к Андижану; не доехав немного до Андижана, повернули в обратный путь.

Ты, может быть, удивляешься тому, что я пишу: все объехали, между тем как мы отправились пешком; но мы именно ехали, так как возле Кастека по предписанию² нам дали лошадей, и с тех пор мы постоянно ехали верхом на перемешных.

В заключение несколько цифр. Мы проехали около 3-х тысяч верст; ехали 68 дней; сделали 16 перевалов, в том числе 9 снеговых; из снеговых самый большой — Тозор в Тянь-Шане, затем Ойгаин, Кигеней и Утор в Александровском хребте, а потом Кутемалдинский перевал в Куглей-Алатау и Алмаатинский на Верный, а затем еще несколько почти таких же, как Алмаатинский.

Экспедиция наша увенчалась полным успехом. Мы собрали 1200 листов растений, 3000 насекомых, при этом заметь, что растения собирал я один, а насекомых Ар[онович Самуил] и Эр[аст Пояров]. Коллекции мы уже отправили в Императорское географическое общество и Ботанический сад³.

А что за местность-то мы видели, одна прелесть! По дороге много охотился, убивал всяких птиц, особенно на Сонкуле, вот где охота-то, дичи гибель! Видел много волков, архаров, кабанов и всяких козлов. Вообще, я очень доволен тем, как провел каникулы.

Все знакомые просят тебе кланяться, гимназистки тоже.

Ну, пока до свидания, до следующего письма.

Твой друг М. Фрунзе

В следующем письме напишу, как провел время в Пржевальске.

Отвечай скорее!!!

¹ В путешествии по Семиречью летом 1903 г. участвовали гимназисты Михаил Фрунзе, Эраст Пояров, Самуил Аронович, Леопид Иванов, Драгутин Новак и проводник солдат Шимоил.

² По ходатайству военного врача Ф. В. Пояркова на имя его сына Эраста был получен «открытый лист» за подписью вице-губернатора; в документе предписывалось местным властям оказывать содействие экспедиции.

³ Собраный гербарий поныне хранится в фондах Ботанического института Академии наук СССР в Ленинграде. Коллекция насекомых была отправлена в распоряжение П. П. Семенова-Тян-Шанского (1827—1914).

16 марта 1904 года [Верный]

Дорогой Константин! Прости, что я так долго не писал тебе. Сбирался несколько раз, да все как-то откладывал...

Ну, наконец-то я абитуриент. Вчера был совет, а сегодня выпуск. Экзамены начнутся 1 мая, но если будет объявлена мобилизация¹, то с 15 апреля; мобилизации же ждут с часу на час. Саперная рота ушла на Дальний Восток, и, вероятно, когда ты будешь читать это письмо, она будет находиться в Семипалатинске.

Мы постоянно с нетерпением ожидаем известий с Дальнего Востока; дела наши как будто начинают там поправляться. Жаль вот только, что у нас в России среди студенчества опять происходят беспорядки. В Петербурге закрыт горный институт, прикрыты женские медицинские курсы и, как говорят, университет; в Москве — Бестужевские педагогические курсы для женщин. Это все на руку японцам. Они очень рассчитывают на эти беспорядки, а в особенности на смуты, могущие произойти в Финляндии, Польше и на Кавказе среди евреев и армян. Ну, да довольно об этом.

Поздравляю тебя с успехами в шахматах; очень рад, что паш верненец — первый шахматист в Семипалатинске. Кстати, что это у тебя там за история с этими анонимными письмами; справлялся по твоей просьбе в гимназии, никто ничего не знает о них. По всей вероятности, это не из нашей гимназии. Поздравляю тебя с праздником. Наши тебе кланяются... Все здоровы. Карточку я тебе привезу или сам, если поеду через Омск, или же пришлю с кем-нибудь из наших, а сейчас еще не снимался.

Относительно дальнейшей моей судьбы ничего не известно. Все еще не решил, куда ехать; вот приедет Костя², тогда решу окончательно, куда поеду.

Приедешь ли ты на каникулы? Напиши!

Поклон от товарищей.

Ну, пока до свиданья.

Твой товарищ М. Фрунзе

¹ На русско-японскую войну.

² Старший брат Константин (21.I (2.II) 1881 — 25.XII 1940) учился на медицинском факультете Казанского университета, звал туда и Михаила. Однако тот избрал экономическое отделение политехникума и объяснял свой выбор так: «Ты спрашиваешь, почему на экономическое отделение? Милый Костя, экономика — это основа всего. Мы будем с тобой лечить больного, а через год или через месяц он погибнет от голода, от холода в своем убогом жилье! Лечить надо глубже — изменить всю жизнь, чтобы не было бедности и лишений ни у кого никогда. Я не ищу в жизни легкого. Я не хочу сказать себе на склоне лет: вот и прожита жизнь, а к чему? Что стало лучше в мире в результате моей жизни? Ничего? Или почти ничего? Нет, глубоко познать законы, управляющие ходом истории, окунуться с головой в действительность, слиться с самым передовым классом современного общества — с рабочим классом, жить его мыслями и надеждами, его борьбой и в корне переделать все — такова

моя цель жизни теперь...» Приведенный отрывок, возможно в пересказе, был включен в очерк Н. Виглянского «Детство М. В. Фрунзе» (Семья и школа, 1947, № 7, С. 7) и в дальнейшем цитировался со ссылкой на этот источник.

3

25—26 сентября 1904 года [Петербург]

Дорогой Константин! На днях получил твое письмо, которое меня страшно обрадовало. Спасибо тебе, что не забываешь меня; вот Ленька¹, так тот ничего не пишет, скотина. Прости, что пишу на открытке, нет ни копейки денег, а открытки есть у Матвеева (поклон от него и Миндина)²; вот и пишу на открытке.

Своим выбором я очень доволен. На политико-экономическом отделении нужно только читать, читать и читать, что я и делаю, лекциями же мало занимаюсь. Профессора у нас прекрасные; среди них есть такие знаменитости, как Кареев, Менделеев, Иванюков³ и др.; из наук мне особенно нравятся химия, политическая экономия и история. По экономике и истории пишу сейчас рефераты, которые буду читать и защищать на диспуте. Очень нравится мне тоже энциклопедия права, это в высшей степени интересная наука. Читать приходится массу по всем отраслям знаний.

Советую тебе заняться чтением, но только не пустяков, а серьезных книг, это тебе потом очень и очень пригодится; барышень же брось, это ничего тебе не даст, кроме кратковременного удовольствия. Еще раз повторяю: читай, читай и читай. Здесь без чтения никуда. Хорошо разве будет тебе потом, в университете, когда тебе сразу же придется применить к делу свои познания, а у тебя их нет.

Ну пока довольно. Отвечай скорее. Когда получу от тебя письмо, напишу обстоятельно про мою жизнь, институт и студенчество, это для тебя очень интересно, поэтому пиши мне скорее.

Когда будешь писать своим старикам, то кланяйся им от меня.

¹ Леонид Иванов — гимназист, остался в Семирежье.

² Матвеев и Миндин — верненцы, студенты политехникума.

³ Кареев Николай Иванович (1850—1931) — историк; Менделеев Дмитрий Иванович (1834—1907) — известный химик; Иванюков Иван Иванович (1844—1912) — историк.

4

15 ноября 1904 года [Петербург]

Извини, Костя, что я долго не отвечал тебе. Но ты не пове-ришь, что у меня положительно нет времени писать письма.

Сейчас у нас идет сильное брожение, да не только у нас, но и во всех слоях общества; в печати теперь пишут так, как пи-

когда не писали; везде предъявляются к правительству требования конституции, отмены самодержавия; движение очень сильно. Не нынче, так завтра конституция будет дана; не дадут в этом году, дадут в следующем.

6 ноября в Петербурге было назначено заседание представителей от всех земств. Это заседание, хотя и не было разрешено правительством, все-таки состоялось и выработало программу, исполнения которой потребует у правительства. Между прочим, § II этой программы включает требования созыва учредительного собрания для выработки им конституции.

Сейчас среди студенчества и рабочих, а также частных лиц идут оживленные приготовления к грандиозной манифестации; ряд частичных демонстраций уже был как у нас в Питере, так и в других городах, но это только не что иное, как прелюдия к главному, которое имеет быть в начале декабря.

Вчера был устроен вечер в здании института, была масса народу: профессоров, студентов, курсисток и вообще всякой публики; после вечера собралась сходка, на которой присутствовало свыше 2 тысяч человек. На этой сходке было решено вверить руководство главному комитету социал-демократической партии. От него в нужный момент и пойдут приказания.

Я припаялся за устройство семиреченского землячества; дело идет на лад. Через неделю у нас соберутся все верненцы, которые только находятся в Питере, курсистки и студенты. Тогда окончательно обсудим и вырешим все. В это землячество должны вступить не одни петербуржцы, но и вообще верненцы, находящиеся в университетах России, так что землячество обещает быть грандиозным. Сейчас написал письма в Москву, Одессу, Казань, чтобы узнать отношение тамошних наших студентов к этому вопросу; думаю, что их отношение будет безусловно благоприятно. Землячество первой целью будет иметь взаимную поддержку, для чего будет образована касса взаимопомощи. Эта цель самая главная, но, конечно, не одна она имеется в виду. В следующем году и ты будешь студент, а следовательно, и член землячества. Поступай лучше всего в Питер, ибо у нас будет центральное управление и самая касса.

Еще раз повторяю: читай больше, чтобы быть, по приезде в Питер, настоящим студентом, а не жалкой пародией на него. Я тебе вкратце намечу, что было бы для тебя особенно полезно. Возьми и почитай прежде всего какое-нибудь введение в философию, например Иерузалема или Кюльпе; Вунд будет слишком труден; затем познайся с историей философии; для этого я рекомендовал бы тебе прочесть историю философии Льюиса¹, но если его не найдешь, то все равно, какая попадется, ту и читай. Знакомство с этими двумя книгами очень важно, ибо если ты их прочтешь и усвоишь, то не будет книги, которая бы была для тебя труднопонимаема. Дальше познайся с развитием социализма, так как первенствующая сейчас партия социал-демократов вся основана на социализме. Я хотя кое в чем и не со-

гласен с программой этой партии, за исключением какой-либо другой прогрессивной партии принужден следовать за ней. Потом, может быть, обособим партию особую, «национал-прогрессистов», а теперь же это сделать невозможно, ибо я считаю пока себя неподготовленным к тому, чтобы составлять партию.

Сейчас я преусердно занимаюсь чтением; на лекции почти совсем не хожу.

Подзаймись-ка, Константин, да поступавай к нам в институт; вакансий будет много, если будет мало-мальски порядочный аттестат, то можешь рассчитывать на то, что попадешь. Особенно обрати внимание на русский язык, надо получить 5, математику, физику, новый язык и историю. Жизнь в институте прекрасна, а плата недорогая, всего 25 рублей. Сообщи своим товарищам, пусть тоже подадут сюда; все больше будет нас, семиреков и сибиряков.

Ленька мне тоже не пишет; если будешь ему писать, то выругай хорошенько и от моего имени. Кланяйся своим старикам, смотри не забудь, пусть не думают, что я забываю старые знакомства.

О Косте нет ни слуху, ни духу; что с ним и где он, бог знает. У меня в октябре был сам Поярков, он уехал на Дальний Восток. Эраста² я почти не вижу.

Ну, до свидания. Пиши чаще, не обижайся, если иногда не получишь ответа, сам видишь, что я занят.

Твой друг М.

¹ Иерузалем Вильгельм (1854—1925); Кюльпе Освальд (1862—1915), Вунд Вильгельм (1832—1920), Льюис Джордж Генри (1817—1878) — авторы книг по философии.

² Поярков Эраст Федорович (1885—1956) учился в Петербургском университете. В 1920 г., восстановив связь с М. В. Фрунзе, по его приглашению участвовал в организации университета в Ташкенте.

[10 февраля 1905 года, Петербург]¹

Прости, Костя, что я до сих пор не отвечал тебе, было не до этого. События, совершающиеся сейчас, настолько поражают своей грандиозностью и в то же время сопровождаются такими ужасами, что, право, не хочется и писать о них...² На следующий год сам приедешь и будешь очевидцем.

Все высшие учебные заведения закрыты, в том числе и наш институт; он закрылся даже раньше всех; без хвастовства могу сказать, что Петербургский политехникум все время шел во главе движения, это одинаково относится как к студентам, так и к профессорам. У меня потеряно лишь 1/2 [полугодие], ибо с весны, если, конечно, начнутся только занятия, мы будем изучать то, на чем остановились в декабре 1904 г., а в декабре 1905 г. перейду на 2-й курс.

В военное поступать не советую, испортишь всю жизнь. У меня прямо сжалось сердце, когда я в бытность в Москве³ увидел наших земляков. Боже, что из них делает военщина: ничего не знают, ничего не слышат. Поступай в Московский университет на медицинский или на какой-нибудь другой факультет; тебе как сибиряку сразу будут выдавать из Сибирского комитета ежемесячно по 10 рублей и обеды, со следующего года по 25 рублей и обеды, так что о материальном положении не беспокойся.

Твой М. Фрунзе

¹ Датируется по почтовому штемпелю.

² Речь идет о расстреле мирной рабочей манифестации на Дворцовой площади в Петербурге 9 января 1905 года — Кровавом воскресенье. Об участии в этом событии Михаила Васильевича первым сообщил С. А. Сиротинский в брошюре «М. В. Фрунзе. Отдельные страницы из биографии» (М., 1928). Там говорилось: «Жребий брошен, Рубикон перейден... — писал он матери, — у тебя есть сын Костя, который не оставит, а я...» Это было после 9 января 1905 года. Он был легко ранен в руку и ярко описывал событие, проклиная самодержавие. Письмо почему-то благополучно дошло по адресу». Приведенной тут полужарзой автор ограничился и в книге «Путь Арсения» (М., 1956). Однако позднее другие биографы значительно расширили цитату, и с течением времени она устоялась в таком виде: «Милая мама, у тебя есть сын Костя, есть и дочери. Надеюсь, они тебя не оставят, позаботятся о тебе в трудную минуту, а на мне ты, пожалуй, должна поставить крест... Потоки крови, пролитые 9 января, требуют расплаты. Жребий брошен, Рубикон перейден, дорога определена. Отдаю всего себя революции... Не удивляйся никаким вестям обо мне. Путь, выбранный мною, не гладкий...» Ссылок на использованный источник ни в книгах, ни в периодике не встречалось. Вероятнее всего, что подобное письмо вообще не сохранилось. Сиротинский его содержание излагал со слов Мавры Ефимовны, с которой беседовал, а другие авторы позволили себе «домыслить».

³ 11 декабря 1904 г. М. В. Фрунзе по собственной просьбе получил в институте отпусковой билет на месячный срок и выехал в Москву, где жил у верненских знакомых Михайловых. Вернулся в Петербург 8 января 1905 г. Встречающееся в литературе утверждение о его «административной высылке» из столицы ошибочное.

Документы тех лет

Относящиеся к отрочеству и юности Фрунзе документальные материалы использовались биографами лишь в малой степени, потому, вероятно, что трудно извлечь их из глубин различных архивов. Несколько таких документов периода обучения в Верненской мужской гимназии было напечатано в брошюре «Новые материалы к биографии М. В. Фрунзе» (Алма-Ата, 1933, тираж 750 экз.), откуда мы их и перепечатаем. Студенческий период отражен в делах фонда Санкт-Петербургского политехнического института в Государственном историческом архиве Ленинградской области (Д. 79. Л. 3, 21, 13, 16, 26, 32, 36, 37, 45).

В гимназию Михаил Фрунзе поступил осенью 1896 г. и сразу же столкнулся с трудностями: из-за отсутствия средств не была внесена плата за обучение. Только 10 октября отцу удалось

справиться с бедой, и он послал директору гимназии телеграмму: «Учение сына Михаила деньги высланы, благоволите разрешить ему учиться». После смерти Василия Михайловича (1854—1897) все заботы о детях легли на плечи матери Мавры Ефимовны (1861—1933).

Материнские заботы

1

Его Превосходительству господину директору
Верненской мужской гимназии

Вдовы фельдшера
Мавры Ефимовны Фрунзе

Прошение

На содержание своего семейства, состоящего из пяти малолетних детей, требуются средства; между тем я ни имущественного, ни денежного состояния не имею, пенсии не получаю. Трое детей обучаются в верненских учебных заведениях, именно: двое во вверенной Вам гимназии и одна дочь в Александровском женском училище. Муж мой умер недавно, в конце февраля с. г., и хотя я возбудила ходатайство о выдаче мне пособия из казны, но на скорое получение надежды не имею, потребность же семьи отложить до того времени нельзя, особенно расходы на учащихся, а прервать обучение детей, безусловно, не хотелось бы, так как все они учатся хорошо и подают надежду на успешное окончание курса, в чем для меня заключается вопрос обеспечения дальнейшего существования.

Находясь вследствие вышеизложенного в бедственном положении, решаюсь обратиться к покровительству Вашего Превосходительства и нижайше просить, не признаете ли Вы возможным помочь мне выдачею пособия из какого-либо источника по Вашему усмотрению.

М. Фрунзе

Мая 2 дня 1897 года.

На подлиннике резолюция:
К совету. Выдать 30 руб.
единовременно.

2

В Пишпекское общественное
городское управление

Вдовы фельдшера
Мавры Ефимовны Фрунзе

Прошение

Мой муж Василий Михайлович Фрунзе, как известно большинству жителей города Пишпека, долгое время (с 1878 г. по 1891 г.) служил в Пишпекке фельдшером в местной городской

аптеке, работая, таким образом, на пользу пишпекского общества. Это обстоятельство дает мне смелость обратиться к городскому общественному управлению с настоящей просьбой, и я надеюсь, что она будет услышана сочувственно.

Дело в том, что двое наших сыновей Константин и Михаил обучаются в Верненской мужской гимназии, первый — в седьмом, а второй — в третьем классе. По наукам старший идет хорошо, а младший даже очень хорошо.

Воспитание двух сыновей в гимназии и еще двух девочек Клавдии и Людмилы в женских училищах требует больших расходов, которые до сих пор покрывались, по смерти мужа, средствами, образовавшимися от продажи имевшегося в Пишпекке дома, но теперь средства эти истощились.

Вследствие всего вышеназванного я теперь поставлена в крайне тяжелое положение. Сердце мое холодеет при мысли, что стеснительное материальное положение может быть причиной выхода детей из учебных заведений и вследствие этого они могут остаться без образования, столь необходимого в настоящее время всякому человеку для обеспечения своего существования. В эту-то вот критическую минуту я решилась обратиться к городскому управлению с усерднейшею просьбой придти мне на помощь в деле воспитания детей, во внимание многолетней службы мужа на пользу пишпекского общества.

Представляя при сем свидетельства об учебных успехах Константина и Михаила, прошу городское управление, не признает ли оно возможным назначить из городских сумм стипендию в размере от двух до трех сот рублей на содержание моих детей в гимназии и на приобретение учебников ежегодно вплоть до окончания курса. Если почему-либо нельзя будет дать стипендию на обоих детей, то покорнейше прошу отпустить двести рублей на содержание младшего сына Михаила в пансионате при гимназии на правах вольноприходящего.

М. Фрунзе

Февраля 28 дня 1899 года¹.

¹ Прошение рассматривалось Собранием уполномоченных Пишпека 20 марта 1899 г. Было решено в честь отмечавшегося тогда 100-летнего юбилея А. С. Пушкина назначить воспитаннику Верненской гимназии Михаилу Фрунзе пособие в 120 рублей в год до окончания гимназического курса. Однако не прошло и двух лет, как то же Собрание 19 февраля 1901 г. по надуманному поводу постановило прекратить дальнейший отпуск средств.

Военному губернатору
Семиреченской области

Вдовы фельдшера
Мавры Ефимовны Фрунзе

Прошение

Мой муж много лет служил городским фельдшером в Пишпекке. В 1899 г. по моему ходатайству и в ознаменование столетия со дня рождения великого русского поэта А. С. Пушкина Пишпекское городское общество по постановлению, утвержденному предместником Вашего Превосходительства, назначило мне ежегодное пособие в сумме 120 рублей на воспитание сына Михаила в Верненской мужской гимназии, причем поставило условием, чтобы Михаил ежегодно переходил в следующий класс; ныне Михаил в пятом классе; учится, как всегда и ранее, хорошо. Баллов менее 5 у него нет.

Между тем собрание уполномоченных г. Пишпека постановило прекратить дальнейший отпуск означенного пособия, поставив мне в вину то обстоятельство, что я дочь Клавдию, обучающуюся в городском училище, отдала в женскую гимназию. Это постановление крайне несправедливо и по отношению к Михаилу, не подавшему никакого повода к нареканию в его учебных успехах, ставит меня в такое же критическое положение, в каком я находилась до 1899 года и вынуждена была ходатайствовать о вспомоществовании, ибо средств у меня никаких нет. Существую с четырьмя детьми частью на это пособие, частью на стипендию, отпускаемую моему старшему сыну Константину из земских сумм. Дочь Клавдия благодаря отличным способностям освобождена от платы за учение, поэтому содержание ее в гимназии обходится столько же, сколько требовалось для обучения в городском училище.

Утверждение последнего постановления зависит от Вашего Превосходительства, почему позволю себе покорнейше просить Вас об отмене его ввиду того, что требования, которыми обусловливалось назначенное пособие до окончания курса гимназии, до сего времени нарушены не были, а мое материальное положение ни в чем не нарушалось.

М. Фрунзе

8 марта 1901 года¹.

¹ Семиреченское областное по городским делам присутствие, рассмотрев данный вопрос, удовлетворило прошение М. Е. Фрунзе и отменило постановление Пишпекского собрания от 19 февраля 1901 г. Пушкинское пособие Михаил продолжал получать до 1904 г. включительно.

На выпускных экзаменах

Выпускные экзамены проходили по двенадцати предметам и продолжались с 1 по 31 мая 1904 г. В сохранившихся протоколах экзаменационной комиссии записано:

1 мая, суббота. Испытание по русскому языку. Тема для сочинения: «Личность И. С. Тургенева (по „Запискам охотника“)». Экзаменующиеся приступили к работе в 8 ч. 15 м. Переписку набело первыми начали М. Фрунзе и М. Иванов; выполненную работу они же сдали первыми в 12 ч.

3 мая, понедельник. Письменный экзамен по алгебре. Директором продиктована следующая тема: «Некто внес в банк 1500 рублей из 3,8 сложных процентов и в конце каждого года вносил еще 250 рублей. Какой капитал образовался по истечении 20 лет?» Диктовка начата в 8 ч., окончена в 8 ч. 25 м. Фрунзе окончил работу начерно третьим в 9 ч. 4 м., набело первым в 9 ч. 26 м.

4 мая, вторник. Письменный экзамен по геометрии. Задача: «Определить объем прямой призмы, у которой в основании ромб с углом $\alpha = 78^\circ 30' 40''$, угол между меньшей диагональю ромба, равной 6 метрам, и меньшей диагональю призмы $\beta = 30^\circ 25' 30''$ ». Начало работы в 8 ч. Фрунзе первым подал работу, окончив начерно в 8 ч. 55 м., беловую — в 9 ч. 10 м.

20 мая, четверг. По закону Божию Фрунзе получил 20-й билет; содержание его неизвестно.

21 мая, пятница. В черновом протоколе устного испытания по русскому языку значится: Фрунзе — 4-й билет. Краткая характеристика произведений Максима Грека. Что такое романтизм?..

29 мая, суббота. Устное испытание по истории. Фрунзе получил 11-й билет.

Содержание билета:

Русская история. Павел I. Новые постановления: меры ограничения помещичьей власти, постановление о цензуре. Итальянский поход Суворова. Александр I. Нашествие Наполеона, отступление Барклая, битва при Бородине. Взятие Москвы, отступление Великой армии. Венский конгресс. Министерства. Государственный совет. Сперанский. Училища. Крестьяне: свободные хлебопашцы.

Древняя история. Помпей. Серторианская война. Красс: восстание рабов, Спартак, Цицерон, заговор Катилины. Юлий Цезарь и первый триумvirат, борьба с галлами. Борьба Цезаря с Помпеем, победа Цезаря при Фарсале. Александрийская война. Диктатура и смерть Цезаря. Исправление календаря. Октавиан и второй триумvirат. Октавий, Антоний и Лепид. Правление Октавиана Августа. Тевтобургский лес.

Средняя история. Византийская образованность. Искусства: византийский и романский стиль.

Новая история. Людовик XVIII. Конституционная хартия. Июльская революция: Карл X, свержение его. Людовик Филипп. перевороты 48—49 годов: Гизо, провозглашение республики, Людовик Наполеон, президент республики.

Аттестат зрелости

Дан сей Фрунзе Михаилу, вероисповедания православного, сыну фельдшера, родившемуся в городе Пишпеке, Семиреченской области, 21 января 1885 года, обучавшемуся восемь лет в Верненской гимназии и пробывшему один год в VIII классе, в том, во-первых, что на основании наблюдений за все время обучения его в Верненской гимназии поведение его вообще было *отличное*, исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ *отличное*, прилежание *отличное* и любознательность ко всем вообще предметам *отличное*, и, во-вторых, что он обнаружил нижеследующие познания:

Наименование предметов гимназического курса	Отметки, выстав. в пед. совете	На испытаниях в мае 1904 г.
По Закону Божию	5 (пять)	5 (пять)
— Русскому языку с церковно-славянским и словесности	— 5 (пять)	5 (пять)
— Логике	— 5 (пять)	5 (пять)
— Латинскому языку	— 5 (пять)	5 (пять)
— Греческому языку	— 5 (пять)	5 (пять)
— Математике	— 5 (пять)	5 (пять)
— Математической географии	— 5 (пять)	5 (пять)
— Физике	— 5 (пять)	5 (пять)
— Истории	— 5 (пять)	5 (пять)
— Географии	— 5 (пять)	5 (пять)
— Французскому языку	— 5 (пять)	5 (пять)
— Немецкому языку	— 5 (пять)	5 (пять)

Во внимание к постоянно отличному поведению, прилежанию и к отличным успехам в науках, в особенности же в историко-филологических, педагогический совет постановил наградить его золотую медалью и выдать ему аттестат, предоставляющий все права, обозначенные в §§ 129—132 Высочайше утвержденного 30 июля 1871 года устава гимназий и прогимназий.

Июня 2 дня 1904 года, г. Верный Семиреченской области.

Директор гимназии	М. В. Вахрушев
Инспектор	П. Г. Бенько
Законоучитель	Ф. И. Янковский
Преподаватели:	
русского языка и словесности	М. А. Стратилатов
древних языков	В. В. Крачмер
« »	К. А. Акимов
физики	И. П. Корелинский
истории и географии	М. Е. Плотников
французского языка	П. В. Гурдэ
немецкого языка	А. К. Фишер
Секретарь педсовета	М. Я. Лебедев

На дубликате, хранящемся в Госархиве Казахской ССР, надписи:

Аттестат зрелости за № 800, удостоверение за № 815, кондуктный лист, метрическую выпись за № 49, свидетельство о приписке к призывному участку за № 111 [получил] — М. Фрунзе.

Назначенную мне золотую медаль доверяю получить сестре своей ученице VI класса ВЖГ [Верненской женской гимназии] Клавдии Васильевне Фрунзе. Михаил Фрунзе.

По доверенности золотую медаль получила 30 сентября 1904 года. К. Фрунзе.

Заявление о приеме в институт

Его Сиятельству господину Директору¹

С.-Петербургского политехнического института

Окончившего курс Верненской гимназии в 1904 году
Михаила Фрунзе

Прошение

Желая получить дальнейшее образование во вверенном Вам заведении на экономическом отделении, имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство о зачислении меня в число студентов этого отделения; при сем прилагаю три фотографические карточки и документы, необходимые для поступления в институт, а именно: копию с аттестата зрелости, копию метрического свидетельства и копию с свидетельства о приписке к призывному участку; недостающий же документ о принадлежности к сословию высылаю через несколько дней дополнительно, ибо сей документ, должный быть полученным мной из г. Пишпека, за дальностью расстояния не успел к сроку.

г. Верный. Июня 12-го дня 1904 года.

М. Фрунзе

О результате моего прошения покорнейше прошу известить меня по нижеследующему адресу: г. Верный, Михаилу Васильевичу Фрунзе.

¹ Директором института с 1900 до 1909 г. был князь Гагарин Андрей Григорьевич (1855—1921), выдающийся ученый-математик.

Отношение Семиреченского областного правления

В канцелярию С.-Петербургского политехнического института

В июле сего года студент института Михаил Васильевич Фрунзе обращался к военному губернатору Семиреченской области с просьбой о предоставлении ему для продолжения образования в институте стипендии из земских средств области по окончании братом его семиреченским стипендиатом Константи-

ном Фрунзе курса наук в Императорском Казанском университете. Между тем студент Константин Фрунзе Главным управлением Российского общества Красного Креста командирован ныне на театр военных действий и стипендия сохраняется за ним на учебный 1905—1906 год.

Об этом областное правление просит объявить студенту Михаилу Фрунзе.

9 декабря 1904 года.

На подлиннике пометы: Поступило в канцелярию института 29 декабря 1904 г.; передано в канцелярию по студенческим делам 9 января 1905 г.

Отношение Казанского университета

В Санкт-Петербургский
политехнический институт

16 сентября 1904 года, № 2001

Правление университета, препровождая при сем сто восемьдесят руб. (180 руб.) за вычетом из них 25 коп. пересылочных, имеет честь покорнейше просить Политехнический институт деньги эти выдать студенту оного Михаилу Фрунзе и при этом объявить, что деньги эти следуют к выдаче ему согласно доверенности, данной ему братом его студентом Казанского университета Константином Фрунзе, как следующие последнему в стипендию от Семиреченского областного правления за 2-ю половину 1904 г.

Заявления об отпуске

Его Сиятельству господину директору
С.-Петербургского политехнического института

Студента 1-го курса экономического отделения Михаила Васильевича Фрунзе, 20 л., православного вероисповедания

Прошение

Представляя при сем вид на жительство и лекционный билет, имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство уволить меня в отпуск в г. Москву сроком по 10 января 1905 г.

М. Фрунзе

Декабря 10-го дня 1904 года,
г. С.-Петербург

На подлиннике сверху резолюция: Канц. по студ. делам. Выдать отпуск от 11 дек. 1904 г. утром по 10-е января 1905 г. вечером вкл[ючительно]. Директор Гагарин.

Внизу расписка: Билет за № 867 получил. Декабря 11-го дня 1904 г. Студ. 1 к. Эконом. отд. М. Фрунзе.

Его Сиятельству господину директору
С.-Петербургского политехнического института

Студента I курса экономического отделения
Фрунзе Михаила Васильевича

Прошение

Представляя при сем свидетельство на жительство и лекционный билет, покорнейше прошу уволить меня в отпуск в г. Верный Семиреченской области сроком по 1 сентября 1905 г.

М. Фрунзе

1905 года, февраля 12 дня.

Местожительство во время отпуска: г. Верный Семиреченской обл.

На подлиннике расписка: Билет № 976 по-лучил. 12 февраля 1905. М. Фрунзе.

Извещение о начале занятий

Петербург, 28 июля 1905 г.
М. Фрунзе

Директор С.-Петербургского политехнического института сим извещает Вас, что учебные занятия в текущем году начнутся 5-го сентября, а общежитие для студентов откроется 3-го сентября.

Письмо из института

С.-Петербург, 14 марта 1906 г.

Господину К. В. Фрунзе

Согласно указанию Вашего брата Михаила Васильевича Фрунзе, предназначенную для него бумагу направляю к Вам.

Очевидно, отчисление его от Института было результатом его оплошности или беззаботности, а не намерения. По окончании срока отпуска (1 сентября 1905 г.) он не явился и не дал в Институт о себе никаких сведений.

Чтобы исправить дело, если это желательно, ему следует подать своему декану прошение об обратном его принятии, на то же отделение и курс, причем изложить причины неявки его своевременно к занятиям и несообщения о себе нужных сведений.

Если он будет принят — в чем трудно сомневаться, — то условно с тем, чтобы предварительно им была внесена плата за право слушания лекций за осеннее полугодие 1905 г.

Он должен в прошении указать свой адрес.

Дело его о воинской повинности еще терпимо до весны и начала лета.

[Подпись делопроизводителя по студенческим делам]

Заявление о зачислении в институт

Его Превосходительству
г-ну декану экономического отделения¹
С.-Петербургского политехнического института

Бывшего студента экономического отд.
Михаила Васильевича Фрунзе

Прошение

Быв отчислен от института вследствие моей неявки на учебные занятия к осени прошлого года, я теперь покорнейше прошу Ваше Превосходительство оказать мне содействие в поступлении в число студентов политехникума по тому же (Экономическому) отделению.

Причина моей неявки к 1-му сентября прошлого года заключалась в следующем. Будучи уверен, что учебных занятий в прошлом учебном году не будет, и считаясь с теми громадными затратами, которые пришлось бы сделать (моя родина — Семпреченская обл., на границе с Китаем) и которых я не мог сделать за неимением средств, я решил в институт не ехать. Спешу оговориться, что я совершенно не знал, что за мою неявку я буду исключен из института. Спешу теперь исправить свою оплошность и еще раз прошу содействия Вашего Превосходительства. Деньги, следуемые за прошлое осеннее полугодие, постараюсь внести в самом недалеком будущем.

М. Фрунзе

Р. S. О результатах прошения прошу уведомить меня по адресу: г. Шуя Владимирской губ., Земская больница, Вере Петровне Любимовой² (для Фрунзе).

¹ Эту должность исполнял профессор Постников Александр Сергеевич.
² Любимова В. П. (1883—1969), член большевистской организации, работала в Шуе фельдшером. Приговором суда от 7 декабря 1907 г. сослана в Сибирь, поселилась в Чите.

Удостоверение

Дано сие Фрунзе Михаилу Васильевичу в том, что он состоит в числе студентов II курса экономического отделения С.-Петербургского политехнического института.

Удостоверение это выдано г-ну Фрунзе для представления в Пишпекское городское по воинской повинности присутствие на предмет получения отсрочки по отбыванию воинской повинности для окончания институтского курса.

Профессор — заведующий студентами
В. Скобельцын¹

№ 7113, 19 сентября 1906 г.

¹ Скобельцын Владимир Владимирович (1863—1947) впоследствии стал директором политехнического института.

ЛИСТОВКИ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Расстрел царскими властями мирной манифестации рабочих у Зимнего дворца 9 января 1905 года послужил сигналом для массовых выступлений по всей стране; началась первая российская революция. В ходе ее молодой большевик Михаил Фрунзе (он вступил в РСДРП(б) в конце ноября 1904 г.) прошел политическую и боевую закалку. Поскольку в политехническом институте, как и в других вузах, в знак протеста против Кровавого воскресенья занятия были прекращены до осени, студент Фрунзе получил возможность окунуться в революционную работу. Проведя некоторый срок в Москве, он 6 мая 1905 г. прибыл в Иваново-Вознесенск, и с этого момента почти на два года его жизнь была связана с делами, заботами и борьбой рабочих и крестьян текстильного края. Вместе с большевиками Федором Афанасьевичем Афанасьевым — Отцом (1859—1905), Семеном Ивановичем Балашовым — Странником (1874—1925), Андреем Сергеевичем Бубновым — Химиком (1884—1938), Николаем Андреевичем Жиделевым (1880—1950), Иваном Никитичем Уткиным — Станко (1884—1910) он был в числе руководителей всеобщей политической стачки (май—июль 1905 г.), когда возник первый в России общегородской Иваново-Вознесенский Совет рабочих депутатов. Затем, перебравшись в соседнюю Шую, он возглавил там партийную группу, организовал боевую дружину.

Литературным свидетельством того периода остались большевистские прокламации. Сколько их всего было тогда написано Михаилом Фрунзе — Арсением, доселе в точности не установлено, никто эту тему не исследовал. Его авторство пяти листовок подтвердили в свое время О. А. Варенцова и А. С. Бубнов (см.: Собрание сочинений. Т. I. М., 1929). Три из них включены в настоящий сборник. Из первоначальных текстов опущены повторяющиеся каждый раз слова: «Российская социал-демократическая рабочая партия. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

У четвертой листовки, обращенной к торгово-промышленным служащим, острозащитная история, связанная с налетом боевиков на типографию И. С. Лимонова в Шую 17 января 1907 г. Биографы Фрунзе единодушны в использовании этого эпизода, но упоминают то одну, то другую листовку, якобы отпечатанную во время смелой акции. Однако никто из них так и не «угадал». Между тем в фондах госархива Владимирской области восемьдесят лет пролежали нетронутыми вещественные доказательства

по делу о захвате лимоновской типографии, в том числе рукопись и печатные экземпляры крамольной прокламации. Ее мы и публикуем впервые в книжном издании.

Мир заключен

Товарищи! Окончилась позорная, кровавая бойня. На далеких полях Маньчжурии больше не будет раздаваться свиста пуль и грохота пушек, замолкнут стоны и проклятия умирающих и искалеченных. Останутся только одни братские могилы — там, вдалеке, на чужой стороне. Жди теперь, отец, пришлют тебе изуродованное тело и скажут: «Это сын твой, твой помощник». Жди и ты, молодая жена, пришлют и тебе твоего мужа без рук и без ног, за ним тебе придется ходить. Ждите и вы, малые дети, пришлют вам вашего кормильца и поильца, которого повезете по базарам и ярмаркам и жалобно будете тянуть «христа-ради».

Окончилась позорная бойня. В Маньчжурии заглохнет все, а зато поднимутся стон и вопль во всей многострадальной России — это стон и вопль отцов, матерей, жен и детей.

Позорная бойня окончилась. Мир заключен. Что же нам даст этот мир, товарищи крестьяне и рабочие? Мало того, что отдали мы своих сыновей, мужей и отцов, мало того, что повытянули из нас последние соки на эту проклятую войну, мало того, — этот мир тяжело ляжет на наши усталые плечи. Еще долго придется нам, крестьянам и рабочим, из наших скудных грошей платить контрибуцию. Долго мы будем вспоминать эту проклятую войну, платя контрибуцию и кормя искалеченных, не могущих работать наших отцов и детей.

Но для чего же пролилось такое море крови, слез и горя? Для чьей пользы началась эта кровавая бойня? Разве для нашей, товарищи рабочие и крестьяне? Разве нам нужна чужая Маньчжурия? Разве нам мешали жить японцы? Нет, товарищи, не для нашей пользы началась эта война. А для кого же? Царскому правительству и его приспешникам и нашим «благодетелям» хозяевам и «благородным» помещикам вздумалось через нашу кровь урвать кусок жирного пирога. Царю и его прислужникам мало соков народных, они истожились, давай попробуем в чужой Корее захватить богатые леса. Дворянам и купцам тоже показалось мало народной крови и пота, истожился, изголодался народ, не на что стало покупать их товары, и приходилось туго нашим «благодетелям» — хоть прикрывай фабрики и заводы, нотут пришла нам «помощь» — благотельное царское правительство, пообещало Маньчжурию и что там можно надувать китайцев, сбыв им товары.

И вот царь с прислужниками, дворянами и купцами затеяли эту проклятую войну. Но японскому царю, дворянам и купцам тоже захотелось лакомого кусочка; они оказались сильнее и завоевали Маньчжурию и Корею.

Обозлились наши дворяне и купцы, обмануло их, дескать, царское правительство, оказалось бессильным завоевать для них Маньчжурию. Стали они холопски просить «Государственной думы», стали доказывать, что если они станут помогать царю в управлении государством, то все пойдет хорошо. Заговорили и «наши благодетели», помещики и купцы, давно, с прошлого года, с самой осени. Царь сначала не обратил внимания на их просьбы и жалобы. Но тут стал пробуждаться рабочий класс. 9 января все петербургские рабочие заявили, что так жить нельзя, нужна политическая свобода. На их клич стали отзываться рабочие всей России. Всюду начал пробуждаться темный, забитый люд, стал понимать, отчего ему живется плохо, стал разбираться, кто его «благодетели», которые за него решают и ведают его судьбу. Испугался царь с прислужниками этого громкого требования «Долой самодержавие!». Напугались этого народного голоса купцы и дворяне. И начали они торговаться. Купцы и дворяне стали доказывать царю, что бессилен он один совладать с пробуждающимся народом и потому он должен позвать их на помощь и созвать Государственную думу.

Они сторговались. Царь признал свое бессилие, призвал купцов и дворян в Государственную думу и заключил мир. Кровопийца-грабитель и разоритель всей России зовет к себе на помощь наших благодетелей купцов и дворян, чтобы лучше обсудить, как грабить и держать в темноте проснувшийся рабочий народ.

Купцы и дворяне ликуют — постыдный торг кончился, они собираются в эту Государственную думу и хотят обмануть вас. Товарищи крестьяне, они хотят протащить с собой и некоторых из вас, кто попокладистей и кого разрешит господин земский начальник. Они говорят вам, что ваши представители будут там же. Не верьте, товарищи крестьяне! Они говорят, что и в земских собраниях есть ваши представители, но вы знаете сами, много ли и какие туда попадают; попадают те, которых хочет выбрать земский начальник. Так же будет и с Государственной думой, только тут будет зависеть не от одного земского начальника, а будут вас сортировать исправники в уездах, губернаторы в губерниях, министр в России, а царь в Государственной думе наложит на ваши уста свою тяжелую лапу. И не смей крестьянин обмолвиться словом против своих благодетелей, пой с ними в один голос: «Ничего мне не надо, всем я доволен».

Мы, рабочие, проснулись уже, разобрались, кто наши враги, и пачали тяжелую борьбу с этой шайкой народных насильников и кровопийц. Присоединяйтесь и вы, крестьяне, к этой славной борьбе за народную свободу. Довольно вам спать, проснитесь! Разве не трогают вас стоны и слезы ваших братьев, сыновей, разве мало пролилось народной крови, разве вы еще надеетесь на этих благодетелей, что они улучшат ваше положение, разве не поняли вы, что волкам нельзя давать стеречь ягнят, что волки и в человеческой шкуре только и думают, как лучше и вы-

годнее сожрать ягнят, т. е. темный рабочий люд, который безропотно сносит все издевательства над ним. Так проснитесь же, товарищи крестьяне, присоединяйтесь к нашей славной борьбе, и мы, соединившись, пойдем вместе и вооруженной силой свергнем подлое самодержавие и добьемся, чтобы власть от царя перешла к народу, свергнем самодержавие царя и установим самодержавие народа. Это и называется Демократическая Республика.

Итак, присоединяйтесь к нам, товарищи крестьяне! Пусть раздастся могучий всенародный крик: «Долой проклятое самодержавие! Долой подлую Государственную думу!»

Да здравствует вооруженное народное восстание, которое и свергнет этот гнилой, старый порядок и даст нам возможность создать временное революционное правительство, которое даст народу свободу слова, печати, союзов и собраний, распустит все войска, чтобы никто не мог посылать их против народа; объявит восьмичасовой рабочий день, чтобы было больше свободного времени у рабочего класса для общественных дел, и оно, это временное правительство, созовет истинных представителей всего народа, чтобы каждый, будь то мужчина или женщина, все равно — богатый или бедный, грамотный или безграмотный, мог бы свободно выбирать и посылать своего депутата в народное собрание, которое только одно и может установить новый порядок на Руси. Это-то собрание и называется учредительным.

Итак, товарищи рабочие и крестьяне, соединяйтесь и сплывайте под красным знаменем рабочей партии, которая одна только и борется за интересы всех обездоленных и угнетенных.

Да здравствует демократическая республика, которая даст нам возможность идти к светлему будущему!

Да здравствует социализм! Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия!

Иваново-Вознесенский комитет РСДРП.

Сентябрь 1905 г.

*Партагив Ивановского ОК КПСС:
Ф. 251. Д. 153. Л. 13а. Подлинник.*

Разгон Государственной думы и царский манифест

Государственная дума разогнана. Царь выпустил ко всем «верноподданым» манифест. С сокрушением и скорбью рассказывает царь, что им были «призваны к строительству законодательному лица, избранные от населения», что он ожидал от трудов их «блага и пользы» для страны, но что вместо этого люди эти «уклонились в не принадлежащую им область и обратились к расследованию действий поставленных властей» да стали указывать на несовершенство законов основных и вызвали «смуту».

Дума не оправдала надежд царя! Он ждал, что народ пошлет безгласный сброд холопов, которые будут только и делать, что

выражать свои верноподданнические чувства да прикрывать все преступления палачей народа — царских слуг. Он надеялся, что Дума будет послушной игрушкой в руках его министров — погромщиков и убийц — Столыпиных, Стишинских, Павловых и по первому их требованию будут смиренно ассигновывать новые миллионы в царскую казну для усмирения рабочих и крестьян. Словом, царь хотел таких «народных представителей», которые были бы за одно с ним — против народа. Дума оказалась «крамольной». Она заявила, что от долгого и бесконтрольного хозяйничанья опричников вся страна разорена. Она робко указала на народное бесправие, на голод, тьму и нищету. Она указала на сожженные царскими войсками деревни, на лес виселиц, переполненные тюрьмы, бесшабашный разгул нагайки и штыка. Она просила прекратить эту гнусную работу. Она выразила недоверие министерству погромщиков.

Над Думой глумились. Она постановила отменить смертную казнь — царское правительство отвечало расстрелами, казнями. Дума просила амнистии, ей отвечали арестами и ссылками. Она сказала, что хочет уравнивать всех в гражданских правах, — правительство ответило погромами. Дума приступила к обсуждению земельного законопроекта — царское правительство громкогласно заявило: «земли не дам». Дума хотела учредить контроль над расходующимися казною народными деньгами — министры любезно ее пригласили обсудить, какие бани лучше устроить для Юрьевского университета. Дума требовала отставки министерства убийц-погромщиков — министры отвечали: «Наплевать!».

Дума стала бельмом на глазу. Она обнажила перед самыми темными слоями народа, перед всем миром все язвы, разъедающие Россию. Каждый день раскрывались все новые и новые преступления клики народных мучителей. Правдивые речи депутатов Думы — социал-демократов да трудовиков глубоко зашли в сердца крестьян и солдат. Казаки и те начали изменять царскому правительству. Даже завзятые черносотенцы, поняв правду, порывали с прошлым и переходили на сторону народа. Миллионы рук тянулись к Думе. Рабочие, крестьяне и солдаты в тысячах наказов и приговоров говорили, что терпению настал конец, что жизнь положат за полное освобождение народа.

Думы стали опасаться и ее разогнали. Но Николай II трусит. Пугает его народный гнев. Знает он, что, когда народ поднимется, всем насильникам его плохо придется. Боятся он также потерять кредит иностранных банкиров. Ему нужно, чтобы там верили в его силу, иначе-де не дадут денег, а без денег что будешь делать.

И вот царь в своем манифесте то грозит, то просит, то обещает. Царь грозит: «Не допустим крамолы!», «Раздавим!», «Подчиним своей царской воле!».

«Осторожнее, — скажем, — царь. Посмотри, огромное большинство народа против тебя. Армия „бунтует“. Крамола проникает даже в Петергоф и Царское Село.

Каждая „победа“ твоя над народом превращается в твое же поражение. Только кучка насильников еще с тобою. Осторожнее!».

Царь просит: «Дети мои, объединитесь со мной для блага Родины!»; «Русские люди, объединитесь — раздавите крамолу!»

Жалкий, он не понимает, что сам пад собою смеется.

Царь, кто объединится с тобой? Или ты призываешь всех хулиганов и громил для учинения всероссийского погрома?

У народа спадает пелена с глаз. Жалкий ты!

Царь обещает: «Устрою русскую жизнь»; «Пахарю русскому увеличу крестьянское землевладение».

Царь, кто тебе поверит? Сколько раз ты обещал. С знаменательного 9 января, когда ты последнюю веру в себя расстрелял, сколько раз ты к «возлюбленному» народу с манифестом обращался. А много ты исполнил? Ну, а Думе что ты ответил? Ведь твои министры представили такой выборный закон, ведь слуги твои такую предвыборную свободу дали, что в Думу попало огромное большинство представителей богатых классов. Большинство членов Думы принадлежало к кадетской партии. Ведь они просили у тебя немного. Всего одну треть твоей царской власти, для народа они просили. Для крестьян — на крестьянские же денежки немного земли прикупить. Хотели свободу собраний народу дать, но такую, чтобы каждый полицейский чин мог любое народное собрание по своему усмотрению разогнать. Такую свободу печати обещали, что за иное вольное слово пять лет крепости полагалось. Дума сама боялась революционного народа. Всех своих требований она и не думала предъявлять. Вместо того чтобы стать вождем народа, она предпочла торговаться с тобою. Отчего же ты ей не уступил? Больно много и то, что она просила? Кто же поверит теперь, что ты «блага и пользы» народу хочешь. Кто поверит тебе, царь?

Царь, паки, обещает: «Будьте пайныки, не бунтуйте, к 20 февраля новую Думу созову».

Царь, ты призываешь к спокойствию, но скажи — случилось ли, чтобы ты когда-нибудь без борьбы, добровольно что-нибудь народу дал, — укажи. А насчет новой Думы — спасибо.

Мы, рабочие, еще до созыва разогнанной Думы предостерегали народ не поддаваться на твою удочку. Пролетариат Думу бойкотировал. Но огромная часть народа в нее верила. Дума собралась. Она, как мы и предсказывали, оказалась бессильной. Ты хорошо всем доказал, что, куда власть у тебя, рабочим и крестьянам ждать нечего. Народ теперь понял, что дело не в Думе, что раньше, чем созывать Думу, нужно вырвать власть из твоих обогранных народной кровью рук.

К завоеванию этой власти направит народ все свои силы, и, восставши, сильный и решительный, он камня на камне не оставит от средневекового варварски-полицейского строя. Тогда революционный народ сам созовет себе Думу. Это будет не жалкая подделка под народное представительство, не безвластная гово-

рильня, как созванная тобою Дума, а облеченное всею полнотою власти всенародное Учредительное собрание.

Довольно лжи и обмана. Страшись, царь! Волна народного негодования поднимается все выше и выше. Еще натиск — и следа не останется от того отвратительного чудовища, что называется царским самодержавием.

Товарищи! Самые смелые и честные депутаты Думы в своем обращении к народу предлагают не платить больше ни копейки в царскую казну и не давать ни одного солдата в армию. Будем твердо на этом стоять. Но этого мало.

Весть о разгоне Думы произвела ошеломляющее впечатление. Народ как бы замер. Но буря грянет скоро. Революция как бы притаилась. В народных низах идет непрерывная работа накопления революционных сил. Взрыв неизбежен. Решительный бой приближается. Чтобы этот бой был последним, чтобы победа была за нами, будем к нему подготавливаться, будем организовываться, вооружаться.

К победе! Готовьтесь, товарищи! Да здравствует революция!
Да здравствует вооруженное восстание!

Иваново-Вознесенский комитет РСДРП.

Июль, 1906 г.

Госархив Владимирской обл.

Ф. 76. Оп. 1. Д. 5396. Л. 297. Подлинник.

К рабочим города Шуи

«Каждый шаг нам дается роковой борьбой...»
(Из рабочей песни)

Товарищи! Из тех богатств, которые мы с утра до вечера создаем кровавым трудом на фабриках и заводах, мы получаем лишь ничтожную часть — чтобы не умереть только с голоду. Да и ту часть не хотели бы давать нам наши сытые и жадные хозяева. Да только никто не согласится работать задаром и умирать с голоду. Каждый лишний кусок хлеба для своих детей, каждую лишнюю минуту отдыха для измученного тела мы должны отстаивать борьбой. А если не будем бороться, будем покорно терпеть и сносить всякую эксплуатацию и издевательство, то вымотают из нас всю душу.

Но мало одного только желанья бороться, мало того, что у тебя лопнуло терпение, что ты перестал покорно гнуть шею. Чтобы борьба с сильным врагом окончилась победой, нужна сила! Просьбой или угрозой не сломишь врага.

Силен ли наш враг? Да, товарищи, не будем обманывать себя. Сила капиталистов, буржуазии — велика. Буржуазия имеет богатства и может терпеть забастовки, не зная нужды. Она образованна и умеет обманывать рабочих. У ней на службе сотни и тысячи различных служащих и прислужников. Закон и право на стороне богатей. Капиталисты во всякое время могут собираться для обсуждения своих дел и соединяться свободно в со-

юзы. И везде правительство старается помочь им. Присылают казаков, солдат, отряжают шпионов, жандармов и т. д.

А наш брат, рабочий? Беден, голоден, темен. Все против него. Нигде он не найдет себе права и правды. Правительство преследует его за борьбу с капиталистами. Арестует, ссылает, убивает. Главная наша беда — у нас мало единения, дружбы, мало сознания своих интересов. Разве нет еще из нас таких, которые печалются не о своем бедственном положении, а об интересе хозяина? «Как же его, мол, отца нашего и благодетеля, обидеть?» Немало и таких, кто готов подставить ногу своему брату, рабочему, лишь бы заслужить «милость» хозяина или управляющего, продать своего брата, рабочего, за 30 серебряников. Не понимает он того, что, если всем будет худо, и ему будет худо, а всем лучше — и ему лучше.

Товарищи! В единении наша великая сила! Это одно-единственное богатство, которое у нас останется. Его не могут отнять наши кровопийцы. Если все мы будем стоять за каждого и каждый за всех, никто не сломит нашу силу. Нас миллионы, а наших угнетателей только тысячи. Без нас они не проживут. Солдаты не век будут верить обману правительства и богачей. Дрогнет рука и у них, когда заставят их стрелять в своего голодного брата — рабочего и крестьянина.

Товарищи! Забастовка ситцевых и механических рабочих в городе Шуе окончилась неудачно. Почему? Потому что плохо ее начали и недружно она шла. Прежде чем давать сражение неприятелю, нужно было подготовить свои силы, подготовить провиант, хоть несколько касс, расследовать силы врага, узнать его слабые места, трезво взвесить его и свои силы, выбрать подходящее время и тогда уже дружным натиском ударить на врага. Вот когда мы могли добиться победы. Вы знаете, товарищи, что ничего такого на этот раз не было. Забастовали внезапно, неорганизованно, не обсудивши, не взвесивши как следует свои силы и силы врага. Понадеялись без всякого усилия добиться уступок, глядя на ткачей, которых скоро удовлетворили хозяева. Забастовали, а потом стали рассуждать и требования выработать. Кто в лес, кто по дрова. Видят хозяева, как слаб у них враг, и посмеиваются: «Ну, с этими разговор недолог; зачем нам уступать, мы заставим их под свою дудку плясать». Хитрые хозяева знают, что делать: «Подождите денька три до вторника, — ласково говорят они, — во вторник дадим ответ». Рабочие согласились. Приходит вторник: «Ну, теперь, ребяташки, — решительно заявили буржуи, — товар вы нам подработали, теперь мы не так нуждаемся в вас. Уступок вам — полчаса рабочего времени, а за это уничтожаем мы чай, будем штрафовать вас за 5 минут опоздания. Если не желаете этих условий, то вот вам бог, а вот и порог». Упало сердце у рабочих. А хозяева все примечают. То припугнут, то ласково заговорят, то пригрозят фабрики закрыть, то объявление вывешат, чтобы натравить рабочих на рабочих, — «смульяны-де, виноваты во всем, да кучка мастеровых,

которые три тысячи народа голодом морят». И сбился с толку наш бедный рабочий.

Сначала оторвались от забастовки терентьевские денные, когда хозяин им уступил. Рубачевские рабочие взяли расчет и встали на работу без удовлетворения. Некоторые рабочие Павлова пали духом, друг друга стали обвинять, стали верить хозяину.

Товарищи! Падать духом нечего. Рабочий класс должен учиться не только на победах своих, но и на поражениях. Если сражение неудачно, надо отступить с честью, сохранить свои ряды, сохранить единение. Пока у нас есть единение, дело не проиграно.

Не поддавайтесь провокации хозяина, который натравливает вас друг на друга; ткачей и прядильщиков на мастеровых и обратно. Не допускайте просевать ваши ряды. Без передовых товарищей вам трудно будет бороться. Борьба же неизбежна. Пойдете вы на фабрику, снова вас будут жать, издеваться над вами, выводить вас из терпения. Если же вы сохраните свои силы, соединитесь теснее; подготовитесь к борьбе, заведете кассу, то со временем вы добьетесь своего.

Если Павлов или другой капиталист будет просевать рабочих — никто не должен становиться на места уволенных. Эти места будут под бойкотом. Сообщайте это повсюду. Кто встанет на место уволенного, будет отвергнут от общества рабочих. Его заклеят, как изменника рабочих, будут бойкотировать....

Не падайте духом, товарищи! Смело вперед! Объединяйтесь в профессиональные союзы¹. Вступайте в ряды Российской социал-демократической рабочей партии!

Нас много, нас много! Вставайте же, братья!
Не надо ни слез, ни бесплодной мольбы.
Проклятье насилью, тиранам проклятье!
Мы долго страдали. Вставайте же, братья!
И будем борцы — не рабы!

Иваново-Вознесенская окружная
организация РСДРП.

Июль 1906 г.

*Госархив Ивановской обл. Ф. 23.
Д. 31, л. 72. Подлинник.*

¹ Шуйские рабочие активно и успешно провели стачку летом 1905 года, когда действовали заодно с иваново-вознесенцами. Год спустя они бастовали изолированно и ничего не добились. Осознав причину этого, шуйцы по инициативе окружного партийного организатора Арсения объединились в профессиональный союз, первый в этом промышленном районе. Создание профсоюза было оформлено на легальном собрании четырехсот делегатов, состоявшемся 6 августа 1906 года в гостинице «Лондон», где Михаил Васильевич под видом «прибывшего из Москвы гражданина Санина» выступил с полторачасовым докладом о профессиональном движении. «Нам не дают права, — говорил он, — оказывать помощь стачечникам, мотивируя это тем, что если мы будем поддерживать стачечников, то будем таким образом, нарушать общественную тишину и спокойствие. Накормить голодных у нас значит нарушить закон. Рабочим разных го-

родов не дают права объединяться между собой... Я предлагаю вам не отказываться от мысли организовать профессиональный союз. Пусть мы будем отделены от рабочих других городов, но настает пора, эти маленькие ручейки рабочего движения сольются в могучую реку» (Владимирец, 1906. № 92. 19 ноября). Присутствовавшие в зале исправник с полицейскими пытались арестовать оратора, да не смогли пробиться к трибуне сквозь крепкий людской заслон. На собрании был принят разрабатанный ранее М. В. Фрунзе «Устав профессионального союза рабочих текстильного, предсвитцепечатного и ткацкого производства в Шуе».

К торгово-промышленным служащим

Товарищи приказчики! Товарищи конторщики!

К вам, рабам властелина жизни капитала, занятым трудом по магазинам и лавкам, фабрикам и заводам, обращаемся мы. Товарищи! Могучее движение происходит в России. Оно приковывает к себе наше внимание, оно заставляет упорно работать нашу мысль. Каждый из нас стремится познать сущность происходящей на наших глазах борьбы, стремится уяснить ее цели, задачи и определить свое отношение к ней. Одни глубоко ненавидят и проклинают это движение; другие же лишь от него ждут избавления, лишь на него возлагают надежды и упования. Что же такое совершается? На наших глазах рушится старый порядок, а на смену исчезающего старого создаются основы нового строя. Старый порядок, созданный веками насилия и обмана, изжил сам себя. Он привел Россию на край гибели, он разорил народ, подорвал народное хозяйство. Старый порядок был тормозом, задерживавшим всякое движение вперед; он подавлял человеческую мысль, держал народ в невежестве и суеверии, справедливо полагая, что темных и серых легче держать в кабале. Он беспощадно подавлял всякое проявление недовольства, всякое желание лучшего.

Но вот в какие-нибудь два года все изменилось. Неожиданно появляются новые силы, наносящие удар за ударом старому строю, подрывающие его основы. Россия, представлявшая доселе безмолвную могилу, тишина которой лишь изредка нарушалась треском ружейных залпов, расстреливавших недовольных крестьян и рабочих, вдруг ожила, зашевелилась; годами накопившаяся злоба к вековым угнетателям и поработителям вырвалась наружу. И вот началось... Началось это небывалое по своим размерам движение, носящее название Российской революции. Шаг за шагом подвигается она вперед, завоевывая все новые и новые права, все новые и новые улучшения. Завоевано право иметь хоть некоторое подобие народного представительства, завоевана некоторая доля свободы, с бою взяты некоторые материальные улучшения. Но все это ничто перед тем, что может быть достигнуто, что должно быть сделано. Революция не кончилась. О, нет, она лишь делает передышку, она набирается свежих новых сил, чтобы двинуть их на борьбу против старого строя. Правительство мечется в безумном ужасе, не зная, что делать, чем предотвратить грозящую гибель. То ослабляя вожжи, то снова натягивая их, то уступая напору революционных сил, то снова беря назад

сделанные уступки и усиливая репрессии, оно лишь медленно, но неуклонно идет к своей собственной гибели. Оно создало первую Думу, потом разогнало. Теперь созывается вторая. Еще больше урезаны избирательные права, главным образом бедноты, еще меньше шансов попасть в Думу действительным народным избранником. Для чего это делается? Для того, чтобы создать Думу покорную, Думу послушную, но не народной, а царской воле. Репрессии доведены до неслыханных размеров, массовые казни, расстрелы, аресты — обычные явления. Все оппозиционные партии загнаны в подполье. Даже кадеты, робкие, трусливые кадеты, и те не пощажены. И им стеснена свобода действий.

При таких условиях открывается думская кампания. Несмотря на все препятствия, все помехи, РСДРП вступает в избирательную кампанию; вступает для того, чтобы содействовать делу сплочения революционных сил, чтоб путем широкого распространения революционных лозунгов образовать кадры революционной народной армии. Трудна наша задача, но это не пугает нас.

Товарищи! Скоро день выборов. Вам придется решать, за кого голосовать. Три главные партии борются у нас — монархисты, кадеты и социал-демократы. Кому же должны вы отдать голоса, кого должны поддерживать на выборах, дабы эта поддержка была вам на пользу? Черносотенцев, членов самодержавно-монархической партии? Но ведь поддерживая их, вы поддерживаете старый порядок, поддерживаете военно-полевые суды, расстрелы и казни; вы помогаете тем, кто говорит: ни куска земли крестьянину, никаких улучшений рабочему. Товарищи! Вспомните, что и вы ведь члены великой пролетарской семьи, вспомните, что и вы живете продажей своей рабочей силы, являетесь рабами капитала. Неужели пролетарское сознание не подсказывает вам, что, голосуя за черносотенцев, вы отрезываете себе всякий путь к улучшению. Вспомните, что в программе «союза русского народа» стоит требование смертной казни для всех снимающих во время забастовки с работы своих товарищей. Возможна ли борьба при таких условиях? Возможно ли улучшение? Нет, нет и нет.

Но, быть может, вы станете голосовать за кадетов? Быть может, их захотите поддержать? Товарищи! Подумайте хорошенько над этим. Что такое кадеты? Ведь это буржуазная партия, партия имущих людей, партия либеральных помещиков, фабрикантов, людей свободных профессий. Может ли такая партия защищать до конца интересы класса наемных рабочих? Нет, не может. Вы, может быть, скажете нам, что кадеты выставляют широкие требования в защиту рабочих и крестьянских масс? Но где они, эти требования? Укажите их. Неужели широким является требование отчуждения части частновладельческих земель по справедливой оценке? Справедливая цена! Какой горькой пронией звучит эта фраза. Для кого справедливая? Для крестьян? Нет, не для них, ибо кто скажет, кроме кадетов, что обязанность уплатить за землю такую сумму, доход с которой должен равняться доходу с имения, является справедливостью для крестьян? Или, быть может,

обещание 8-часового рабочего дня соблазняет вас? Но, товарищи, обратите внимание на примечание к нему. Примечание маленькое, но весьма важное. Оно гласит: там, где это возможно. А кто будет определять эту возможность? Пролетарий? Нет, не он. Кто же? Государство,— говорят нам кадеты. Государство буржуазное, государство кадетское,— добавим мы. Конечно, мы заранее можем сказать, что введение 8-часового рабочего дня будет объявлено пустой и вредной мечтой. Это ли называется широкой защитой пролетарских интересов? Нет, товарищи приказчики, нет, товарищи конторщики, не ищите этой защиты в партии кадетов, все равно вы ее там не найдете.

Остается еще одна партия — российская социал-демократия. Эта партия, стоящая на почве интересов пролетариата, класса наемных рабочих, и больше ничьих. Для нее нет надобности, подобно кадетам, кивать направо и налево, нет надобности заигрывать с пролетариатом и крестьянством и в то же время строить глазки правительству, как это делают кадеты. Она не останавливается ни перед чем, что только может улучшить положение трудящихся масс. Она называется социалистической, ибо понимает, что лишь социализм может уничтожить пропасть между богатыми и бедными и все вытекающие отсюда несправедливости. Она называется демократической, ибо стремится к полному уничтожению царского самодержавия, к замене его полным народовластием — Демократической Республикой. Она добивается неограниченной свободы собраний, союзов, стачек, полной неприкосновенности личности и жилища. Она выставляет требование земли для крестьян, 8-часового рабочего дня, государственного страхования для рабочих. По глубокому убеждению РСДРП, единственным выходом из современного положения является немедленный созыв всенародного Учредительного собрания — собрания, обладающего всей полнотой государственной власти, правом уничтожения всего негодного старого, создания на его месте нового.

Товарищи! Если вам дороги интересы родного народа, если вам дороги интересы правды и справедливости — голосуйте за социал-демократов.

*Госархив Владимирской обл. Ф. 107. Оп. 1.
Д. 1099. Л. 113—118. Рукопись.*

Письма шуйским друзьям

Публикуемые ниже письма адресованы шуйским друзьям: «Елене» — Клавдии Васильевне Важновой-Градинской (в замужестве Кудрявцева) (1888—1973), «Ксенни» — Елизавете Мефодьевне Касаткиной (1887—1965), «Лидке» — Юлии Михайловне Сперанской (даты жизни не установлены). Они учились в Шуйской женской гимназии, были знакомы с рабочей молодежью, входили в нелегальный кружок. После ареста М. В. Фрунзе поддерживали с ним переписку, навещали его во Владимирской тюрьме. В дальнейшем все работали на педагогическом поприще.

Подлинники хранятся в Центральном государственном архиве Советской Армии (ЦГАСА. Ф. 32392. Оп. 1. Д. 142). Публиковались в журнале «Молодой коммунист» (1966 г. № 5), в сборнике «И дум высокое стремление» (М.: Молодая гвардия, 1972), но с ошибками и без пояснений.

1

4. IV 1907, 12 час. почт.

Сегодня нам доставили целый ворох писем, в том числе одно, подписанное Еленой, Ксеней и Лидкой; вы не можете представить себе, до чего мы обрадовались. Сразу повеяло чем-то близким, близким и хорошим. У меня пропал целый день (чем я, кстати, ничуть не опечален), все время только и делал, что бегал из угла в угол по камере, вскакивал на окна, а в голове какое-то столпотворение вавилонское... Шуя, казаки, крики «ура!», Елена, Ксения, Лидия и т. д. — все это пестрым калейдоскопом вертится в голове. Трудно поверить, чтобы такое, по существу, маленькое событие, как получение письма, хотя и от близких людей, могло производить столь сильное впечатление.

Михаил¹ прохаживается с «милейшей» и «наиблаженнейшей» улыбкой на устах, делает ручкой «эдак», а ножкой «так» (замечательно изящно, ей-богу) и говорит: «А ведь хорошо! А?» А у меня непреодолимое желание схватить в объятия Михаила, всех вас, целый мир! Чертовски хорошо. И, представьте, о ужас! Я, столь почтенный и серьезный господин (чувствую, как вы начинаете улыбаться), вдруг почувствовал сильнейшее желание стать на голову и в эдаком можно сказать, не подобающем для солидного человека виде пройтись по камере. Ну, довольно об этом.

Ваше пожелание стало фактом. Сегодня многое выяснилось в нашем положении. Прежде всего спешу обрадовать вас известием о том, что Михаил, по всей вероятности, своей собственной персоной явится в самом недалеком будущем засвидетельствовать вам свое глубочайшее почтение. Ему не предъявлено (да и не может быть предъявлено) никакого обвинения; он арестован в порядке охраны, «между прочим», как выразился один из достойнейших представителей российской Фемиды, и, надо полагать, скоро покинет меня одного. Что же касается меня, то я точно так же сегодня многое выяснил в ожидающей меня судьбе.

Вскоре после получения писем меня потянули за жабры и представили пред ясные очи «недреманного» блюстителя правосудия, сиречь судебного следователя². Сей милый господин с голубиной кротостью и с ангельской улыбкой на устах изволил прочесть мне обвинительный акт и учинить затем допрос. Обвинительный акт начинается так: Дело по обвинению неизвестной личности, известной под именем «Арсений», п. т. д...

Прежде всего я счел своим долгом отрекомендоваться ему своим настоящим именем. (Дело в том, что вследствие непростительной оплошности Павла Гусева мое пикогнито все равно должно было раскрыться; у него взяли письмо³, написанное мной моему брату, с головой выдающее меня.) Но г. следователь в высшей степени мило изволил усомниться в достоверности моих слов и спросил меня, не буду ли я настолько любезен, что сообщу имена человек так 5—6, которые бы удостоверили мою личность, что я исполнил с величайшей охотой. В числе их назвал проф. Иванюкова. Будь я трижды проклят, если только уважаемого профессора не хватит кондрашка, когда его потянут во Владимир для удостоверения моей личности. Что ж поделаешь! Видно, так богу угодно! «Никто, как он, батюшка!» — как говорил один палач, вздергивая на виселицу слезоточивого патера.

Ну, а мне приходится разделяться за все грехи — и прошедшие, и настоящие, и даже будущие. Вместе со старым делом* я обвиняюсь всего по следующим статьям: 126-й (1 и 2 пункты), 127, 129, 103, 132-й и еще какая-то. Словом, целая серия, хватит с меня. Особенными «прпятностями» улыбается мне второй пункт 126-й статьи (принадлежность к боевой организации и руководство боевыми выступлениями). Тут пахнет военно-окружным судом и каторжными работами. Но пока еще нет улик против меня по этому пункту, кроме найденных у меня 81-го воззвания, отпечатанных в типографии Лимонова, и оружия. Что будет дальше, не знаю. Но если только удастся обелить себя от обвинений в захвате типографии⁴ (а ведь вы сами знаете, что я, можно сказать, «яко агнец непорочен»), то мои шансы значительно повысятся.

Завтра и послезавтра судебный следователь доставит все письменные документы, и там окончательно выяснится вопрос о привлении меня по этому делу. Кроме же этой статьи, остальные

* В прежних публикациях ошибка: «другом».

пустяковые; правда, каждая из них грозит каторжными работами, но судебная практика говорит, что дело всегда кончается только небольшой высадкой. Ну, а в совокупности получится тоже «высидка», с той лишь маленькой разницей, что придется отпять слог «не». Я думаю, что суд приговорит или к заключению в крепости года на 2—3, или же к ссылке в Сибирь без срока. Так недавно было с тремя товарищами, бывшими в положении, похожем на мое, даже более благоприятном.

Факт тот, что до суда сидеть придется здесь. На поруки, понятно, не выпустят, об этом, как мне сообщил следователь, позаботится Его Превосходительство владимирский губернатор⁵, который, кстати, недавно посетил тюрьму, чтобы посмотреть «неизвестного субъекта, носящего кличку Арсений». Его Превосходительство позволили назвать меня «бравым молодчиком» и приказали перевести в отдельную камеру.

Что касается нашего физического состояния, то мы оба находимся в вожделенном здравии, если не считать заявлений Михаила, что у него «шумит в голове», да некоторых изменений, происшедших с моей физиономией; изменения эти сводятся, во-первых, к тому, что два зуба отказываются до сих пор занять предназначенное им природой место и выполнять предопределенные судьбой обязанности (причиной этого прискорбного обстоятельства, по объяснению одного стражника, было его задушевнейшее желание утереть мой разбитый нос своими перстами), а во-вторых, легонького раздвоения моего благородного носа на две части под влиянием далеко не благородного прикосновения ружейного приклада. Вот и все. В интересах истины смею уверить, что мой нос, при всем том, сохраняет свое надлежащее место и не смотрит никуда в сторону.

Сейчас Михаил выразил изумление по поводу энергии, с которой я пишу уже второй листок, и запел: «Захочу полюблю, захочу разлюблю...»

Опять охватывает ощущение полноты и восторга. Хочется петь, танцевать... Страшно хочется, чтобы вы были здесь. Послушайте, когда кончится следствие по моему делу, то приезжайте на свидание. Приедете? А? Я буду ждать. Сейчас вспомнил о том, что Михаил скоро выйдет, и сразу стало холодно, холодно. Мы успели привязаться друг к другу, а тут последняя из связей с Шуей порвется! Э, да все равно! «Нам осталось мало жить, так зачем же плакать...» Опять придут красные дни, не век ведь сидеть! Черт возьми! Как хорошо будет.

Ну, прощайте, дорогие товарищи! Надеюсь, что никто из вас, ни Елена, ни Липа, ни Ксения, не сердится ни за что на меня!

Ей-богу же, я вас всех люблю, и сердиться не надо! Так ведь! Я вижу, что вы смеетесь, значит так.

Арсений

P. S. Вещи получил, но книги все задержаны в конторе. Передавайте привет всем, всем товарищам.

* Из репертуара известной певицы Анастасии Яковлевны Владыкиной (1871-1913).

- ¹ Вероятно, речь идет о Павле Дмитриевиче Гусеве (14.I 1886 — 9.II 1915), имевшем партийные клички Северный, Михаил. Ближайший друг и помощник Арсения. Арестован, как и Фрунзе, в ночь на 24.III 1907 и заключен во Владимирскую тюрьму. Оба обвинялись в покушении на полицейского урядника Перлова; военно-окружным судом МВО дважды приговаривались к смертной казни: первый приговор (27.I 1909) по кассации защитника отменен Главным военным судом; второй (23.IX 1910) командующим войсками МВО заменен Фрунзе на 6 лет, Гусеву — на 8 лет каторжных работ. Скончался в тюремной больнице (см. на с. 48 адресованное ему письмо М. В. Фрунзе).
- ² Следователь Владимирского окружного суда по важнейшим делам В. В. Соколов.
- ³ Письмо М. В. Фрунзе брату Константину от марта 1907 г. не найдено.
- ⁴ Налет на типографию И. С. Лимонова в Шуе совершена группой иваново-вознесенских и шуйских боевпов 17 января 1907 г. для печатания листовок к предстоящим выборам во II Государственную думу; Фрунзе организовал эту смелую акцию и руководил ею.
- ⁵ Владимирским губернатором был И. Н. Саонов (1855—1915).

Иван Николаевич

2

Пятница, 25 [мая 1908 г.]

Дорогие товарищи Елена и Юлия! Как досадно, что нам так и не пришлось увидеться. Я с таким нетерпением ожидал пасхи, вот, думал, приедут из Шуи свои, расскажут обо всем, что делается, и т. д. Теперь все мечты разлетелись прахом. Обиднее всего то, что все вышло как-то до чрезвычайности нелепо. Ведь увидеться через окно или у ворот была полная возможность, но все сложилось против нас. Главной причиной неудавшихся свиданий... было ваше незнание тех мест, где это можно было устроить, и времени. Я писал вам целых три письма, но, по-видимому, ни одно до вас не дошло. Ваше же, написанное во Владимире 21-го¹, получил лишь 26-го: немедленно настрочил ответ, но он уже не застал вас во Владимире и, вероятно, возвратится обратно ко мне².

Слежу я в том корпусе, который расположен сейчас же против ворот; моя камера находится во 2-м этаже, и окна выходят почти прямо в ворота, так что мне видно всех, кто только в них входит. Когда вы пришли в первый раз и принесли кулич и пасху (которым я, кстати, воздал подобающую честь), то я не успел вас увидеть, запоздав выглянуть на какие-нибудь 5 минут; меня поздно предупредили, а сам я не ожидал в это время. После же, как я ни следил, ни разу вас не видел. Много приходило, но вас не было ни разу. А между тем так бы легко было это сделать. Кроме того, у меня дважды в день прогулка, гуляю я один. Во время прогулок все время торчал у ворот, но точно так же безуспешно. Гуляю утром от 9—10, а после обеда — 2—3. Я несколько раз писал, чтобы вы часов в 6 пришли гулять на ж.-д. линию, мне видно все, что на ней делается, но, понятно, этого не вышло. Словом, неудачи, неудачи и неудачи.

За эти дни я совсем изнервничался. Делать не могу положительно ничего. Все время проводил или в беготне по камере, из угла в угол, или же на подоконнике. Черт знает до чего обидно.

Когда я узнал, что вы уехали, так словно что оборвалось у меня внутри; так сделалось холодно, пусто и скучно, скучно до тошноты. Злюся бесконечно. Зол на прокурора, на судебного следователя, на себя. С судебным следователем и с товарищем прокурора³ разругался. Черти проклятые! Ну, чего им стоило разрешить свидание! Нет ведь, не дали.

Из вашего письма, а потом и от товарища прокурора узнал, что условием разрешения ставят предварительное венчание. Теперь я положительно не знаю, что делать: с одной стороны, хочется иметь свидание, а с другой — самая мысль о браке, даже формальном, кажется для меня чем-то чудовищным. И выходит, что я рассуждаю в данном случае по рецепту щедринских персонажей: «С одной стороны, нельзя не сознаться, а с другой — нельзя не признаться». Ничего не попишешь, приходится и в эдакой одежке побывать. Меня смущает то, что брак наложит на нас целый ряд пут (по отношению, например, к школе, государству и т. д., вообще во всех этих проклятых житейских отношениях, правда мелких, но тем не менее всегда в высокой степени чувствительных).

Не подумайте, что я сейчас рассуждаю чисто эгоистически, ничуть не бывало. Наоборот, мои собственные удобства занимают тут самое последнее место, если только вообще они его занимают; мне страшно будет тяжело сознать, что из-за меня вы наложите на себя цепи, которые потом будут до известной степени себя давать чувствовать. Тут имеется элемент самопожертвования, а его я не хочу. Нужно быть отъявленным эгоистом, чтобы согласиться на такую комбинацию. А как хорошо мне было, когда я читал ваше письмо; меня до глубины души трогает ваше желание хотя что-нибудь сделать приятное мне. Я люблю, страшно люблю вас всех, дорогие товарищи, и чувствую вас удивительно близкими.

¹ В воскресенье 21 апреля 1908 г. началась пасхальная неделя.

² Упоминаемые здесь письма не найдены.

³ Товарищем (помощником) прокурора Московской судебной палаты был А. К. Уфтилов. (Александр Кирикович)

[Дата не указана; 1908 г.]

Дорогая Елена! Не знаю почему, но мне страшно захотелось написать Вам. Что буду писать, и сам не знаю, но все-таки хочу. Да, хочу и пишу. Не забудьте обещания. Вы его дали неохотно? Ведь правда? Если да, — почему? Ваш приезд совершенно выбил меня из обычной колеи. Словно струя свежего воздуха ворвалась в затхлую атмосферу тюремной жизни. А ведь я уже привык к ней, к этой тюремной обстановке, и до сих пор (до свидания с Вами) она мне даже нравилась. Я совершенно искренне час тому назад говорил, что воля меня не тянет. Но теперь не то, не то... Вместе с Вами явилось ко мне и желание воли. Все кругом меня теперь кажется тускло и бесцветно. Смотрю на книги, на бумаги,

и они, за несколько часов близкие для меня, теперь вдруг отдалились и кажутся бесконечно чуждыми.

Странно все, и более всего я сам. Ну, можно ли так поддаваться настроениям? Может быть, это плохо, но я сейчас чувствую себя хорошо. Итак, отныне провозглашаю: «*bas le livres*»¹ — и буду записываться организацией побег.

Как Вы почувствовали себя на свидании? Мне казалось, что немного неловко. Верно ли? Не знаю, чему приписать это, может быть, необычайная обстановка действовала на Вас, а может быть, и что другое? Только этого «другого» не надо. Я хочу чувствовать близкой и не хочу, чтобы Вы испытывали хотя атом неловкости. Смотрите, приходите во вторник. Теперь буду жить надеждой на него. Вы сами виноваты в том, что создал у меня такое «неработающее» настроение, а посему должны докончить начатое и не дать ему превратиться в полную противоположность.

Ну, настряпал же я. Думаю, будете читать с увеличительным стеклом и то не разберете моей тарабарщины. Знаете, я и сам-то не могу разобрать ни черта. Ну, да ладно. Авось поймете. Хотел было писать спокойно, уравновешенно, отчетливыми и ясными буквами, но моя рука не повинуется и карандаш неистово прыгает по бумаге, выводя нечто неудобочитаемое.

Записку эту Вам передаст наш Н. [надзиратель], звать его Михаилом Васильевичем, так же, как и меня. Парень он славный, можете прислать с ним что-нибудь, не опасаясь ничего, Ну, до свидания!

Арсений

Р. S. Елена, если у Вас есть деньги, то пришлите с посланником рублей 5. Если нет, то спросите у Алексея. Я забыл на свидании Вам сказать об этом. Денег нет ни гроша.

Послушайте, Елена, приходите завтра в 10 часов к тюрьме, а затем в 3. Кстати, рассмотрите хорошенько окружающую тюремную местность. Побывайте, во-первых, в саду, что расположен направо от ворот тюрьмы. Велик ли он и каковы из него пути к городу? А во-вторых, что за местность за кладбищем? Есть ли дорога к городу, помимо той, какая пролегает мимо тюремных ворот?

Крепко жму вашу руку.

¹ Буквально: «Долой ливрею» (с фр.), по смыслу: пора бежать из тюрьмы.

Из письма старшему брату

с. Кривоозерки Чистопольского уезда Казанской губернии
Земскому врачу К. В. Фрунзе

г. Владимир, 21.V 1907 г.¹

...Имя мое открыто. Произошло это благодаря халатности одного товарища, у которого было конфисковано письмо, написанное мною тебе и не сданное им вовремя на почту. Так что с этой

стороны твое общение со мной ни к каким печальным для меня последствиям привести не может.

На основании пока теперь выяснившегося материала я привлекаюсь по 126 статье, вдобавок к этому присоединяется мое прежнее дело ², т. е. статьи 127, 129, 103 и еще какая-то, точно не помню. Надо полагать, что какой-либо новый материал, могший бы послужить основанием для привлечения меня по другим статьям и, следовательно, для передачи моего дела в сферу компетенции военно-окружного суда, следствием добыт не будет.

Содержат меня строго. Этой строгостью по отношению ко мне я в значительной мере обязан благосклонному вниманию местного губернатора, отдавшего приказ усугубить наблюдение за мной. Вообще жандармы и администрация будут препятствовать всячески попыткам освобождения, хотя бы на поруки. А не удастся выйти на поруки, так и еще *сумею изыскать способы освобождения* ³.

Пиши мне по адресу: Владимир, Студеная гора, дом Медушевского, Федору Гавриловичу Краснянскому ⁴, а внутри: «для Арсения».

ЦГАОР. Ф. 102. ДП. Оп. 265. Д. 208, в. 5486/1907.

Перлюстрация.

¹ При перлюстрации письма в департаменте полиции, произведенной 26.V. 1907 г., скопировано основное содержание, без начальных и заключительных слов.

² «Прежнее дело» было заведено в результате ареста 29.X. 1905 г. в Иваново-Вознесенске. После двухнедельного заключения в Ямской тюрьме М. В. Фрунзе был освобожден с обязательством проживать безвыездно в Казани, чего не выполнил, выехав в Шую и продолжая там нелегальную работу.

³ Выделенные слова подчеркнуты жандармским чиновником, наложившим резолюцию: «Предупредить начальника Владимирского ГЖУ [губернского жандармского управления] о намерении совершить побег».

⁴ Краснянский Ф. Г. — служащий земской управы.

Обращение к товарищам по партии

Понедельник, 28-го [мая 1908 г.]

Товарищи! Пользуюсь тем, что то письмо ¹ еще не успело уйти, вместе с ним посылаю и это. Сегодня был опять на допросе. Следствие, казалось заканчивавшееся, получило новую пищу ². Открывается даже то, что я уже и сам позабыл и что казалось давным-давно канувшим в Лету забвения. Отдан приказ еще больше усилить надзор за мной. Надзирателям запрещено подпускать других заключенных даже к дверям моей камеры. Конечно, все эти предписания остаются гласом вопиющих в пустыне, но они характерны как показатели положения моих дел. Как видите, они далеко не блестящи. Наскоро отделяется одиночный корпус. Как только отделка кончится, меня, вероятно, переведут туда. Это

будет уже прямо могилой, [оторвет] даже от всех здешних товарищей. [Дальше лист подлинника оборван.]

...сумму. В зависимости от этого находится вся остальная работа. В случае благоприятного ответа потом перейдем уже к самой подготовке. Пока я еще не переведен, то шансы имеются. Есть свой надзиратель. Но эти шансы с каждым днем падают. Начальник тащит за собой из Москвы всю бутырскую свору каких-то прямо цепных псов. Вообще, у нас, видимо, хочет водворить нечто похожее на режим настоящих каторжных тюрем. Уже начались покушения на некоторые маленькие вольности. Постарайтесь мою просьбу исполнить поскорее. Не сообщайте об этом никому, кроме Ц. Г. [центральной группы]. Пока прощайте. А вдруг да через месяц увидимся? Вот, черт возьми, было бы хорошо.

Желаю вам всего, всего хорошего.

¹ См. письмо на с. 41—42.

² По делу о покушении на урядника Перлова привлекался сначала один П. Д. Гусев. На суде 13 марта 1908 г., куда М. В. Фрунзе был вызван в качестве свидетеля защиты, Перлов показал на него как на второго покушавшегося. Отсюда «новая пицца» для следствия.

Вести из Николаевского центра¹

1

г. Верный Семпреченской обл.
Лиди Васильевне Фрунзе

15 февраля 1914 г.

Милые девочки Лида и Уля², Ваши открытки с видами Семпречья я получил. Спасибо за них. Хотелось бы немножко побольше поговорить с вами, чем это удастся сейчас, но нет возможности. А очень жаль! Мне хотелось бы знать, чем вы теперь интересуетесь, чем занимаетесь и пр. Вы уже теперь совсем взрослые, и я, пожалуй, вас и не узнаю, когда приеду домой. Вот что, мои дорогие: как только получите эту открытку, то немедленно пришлите фотографические карточки. Только, смотрите, немедленно. Ведь я, кажется, 7-го апреля уже уеду отсюда, так что они могут меня не застать.

Ну, будьте здоровы. Крепко целую вас.

Ваш брат Миша

*Мемориальный дом-музей в г. Бишкеке.
Подлинник.*

¹ В каторжную тюрьму г. Николаева Херсонской губернии (ныне областной центр) М. В. Фрунзе был переведен из Владимирского центра в июне 1912 г.

² Лида — младшая из сестер М. В. Фрунзе. Уля — двоюродная сестра Юлии (Ульяна) Яковлевна Бочкарева, в замужестве Курганова (1897—1978).

[Неизвестному адресату] ¹
7 марта 1914 г.

Знаете, я до сих пор как-то не верю, что скоро буду на свободе. Ведь больше 7 лет провел в неволе и как-то совсем разучился представлять себя на воле. Это мне кажется чем-то невозможным. Я страшно рад, что к моменту освобождения не превратился в развалину. Правда, временами хвораю и даже спльно, но теперь, в общем и целом, чувствую себя совершенно здоровым. Одно меня удручает — это глаза. Болят уже более 4-х лет. Неужели же не вылечу их на воле? Сейчас все время ощущаю в себе прилив энергии. Тороплюсь использовать это время в самых разнообразных отношениях...

Я ведь чем-чем только не был на каторге. Начал свою рабочую карьеру в качестве столяра, был затем садовником, огородником, а в настоящее время занимаюсь починкой водопроводов, сигнализации и, кроме того, делаю ведра, кастрюли, чиню самовары и пр. Как видите, обладаю целым ворохом ремесленных знаний. Не могу сказать, что знаю их в совершенстве, но все же кое-что знаю.

Итак, скоро буду в Сибири. Там, по всей вероятности, ждать долго не буду... Не можете ли... позондировать почву, не могу ли я рассчитывать на поддержку с их стороны на случай отъезда из Сибири. Нужен будет паспорт и некоторая сумма денег... Ох, боже мой! Знаете, у меня есть старуха-мать, которая ждет не дождется меня, есть брат и три сестры, которые мое предстоящее освобождение тоже связывают с целым рядом проектов, а я... А я, кажется, всех их обману...

Историк-марксист. 1941. № 2. С. 60—61.

¹ Данное письмо было приведено в отрывках С. А. Сиротинским в статье, напечатанной в 1941 г. одновременно в журнале «Историк-марксист» и сборнике трудов Военной академии имени М. В. Фрунзе. При этом источник (подлинник, перлюстрация), место его хранения не были указаны, и выяснить это пока не удалось. Сокращения, отгочия — по первой публикации.

Петербург, Петербургская сторона,
Покровка, дом № 31, кв. 4
Людмила Васильевне Боголюбовой-Фрунзе ¹

6. IV 1914 г.

Дорогая Люша! Твоего письма я так и не дождался ². После-завтра, по-видимому, отправляюсь в Сибирь на поселение. Сейчас отправляю тебе багажом свои вещи. Там несколько книг, одеяло, тетради, альбом и кое-что из одежды. В дороге я пробуду около полутора месяцев ³. Как приеду на место, дам тебе телеграмму, если, конечно, разживусь там деньгами. А ты немедленно пришьлешь

мне одежду и белье. Первое время придется шеголять в арестантском. Пришли также и все те книги и вещи, которые я сейчас посылаю⁴.

Пока до свидания. Крепко целую. Привет мужу и Косте.

Боже, как медленно тянется время! Все еще не верю, что скоро буду на воле.

¹ Подлинник письма, сохраненный адресаткой и ее сыном И. С. Боголюбовым, представляет собой самодельную почтовую открытку — листок ватмана. На чистой оборотной стороне при исследовании обнаружилась приклеенная текстом внутрь другая открытка. Скрытый текст ее выявлен экспертом Р. В. Горчаком во ВНИИ судебных экспертиз. Это оказалось поводное поздравление, посланное из Ревеля 29.XII 1909 во Владимирскую тюрьму: «Шлем Вам, Миша, сердечный привет и наилучшие пожелания в будущем году! Тоня и я живем сейчас у наших в Ревеле и после Рождества едем снова учиться в Питер. Часто вспоминаем Вас и не теряем надежды когда-либо встретиться. Тоня Ст., Лпра, М. С. и С. Г.» Отправители пока не выяснены. (См.: *Жохов М.* Тайна почтовой открытки // Рабочий край, Иваново, 1985. 6 нояб.).

² В это время Л. В. Боголюбова, закончив в Петрограде медицинский институт, выехала на родину в Семиречье.

³ Дорога от Николаева до места ссылки с пребыванием в ряде пересыльных тюрем заняла не полтора, а четыре с половиной месяца.

⁴ Просьбу о пересылке вещей в с. Манзурку по поручению Людмилы Васильевны выполнила Н. А. Михайлова, в замужестве Щербакова (1886—1975).

Из манзурской почты

1

[Гор. Верный, Семиреченской области,
Мавре Ефимовне Фрунзе]

22.IX.1914

Здравствуйте, мои дорогие мама, Люша и Лида!

Вот я и на свободе. Еще вчера прибыл в Манзурку и с тех пор обретаюсь без всяких провожатых и надсмотрщиков. Чувствуется как-то странно и дико; знаете, словно ребенок, который учится ходить. 8 лет заключения совершенно почти отучили действовать самостоятельно. Но это скоро пройдет. После, когда осмотрюсь и разберусь в своих впечатлениях, напишу подробно обо всем. Пока же в голове у меня один туман.

Сейчас приходится думать лишь о том, как бы устроиться. У меня в данный момент нет ни денег, ни одежды. Прежде всего надо одеться. Из казенной у меня имеется один лишь халат, да и тот никуда не годный. Если вы еще не выслали мне белья и одежды, то сделайте это немедленно. Тут пока стоит хотя и холодная, но чудная осенняя погода, которая скоро прямо перейдет в зиму, тогда без теплой одежды хоть пропадай. Здесь покупать одежду не имеет никакого смысла, все ужасно дорого. Мне нужны белье, брюки, шапка, куртка, две-три верхних рубашки и теплое пальто. Пальто, впрочем, можно побояу: та куртка, кото-

рую я послал на имя Люши в Питер, на первых порах мне заметит его. Мне тут, собственно, требуется и приличный костюм, так как придется съездить иногда в Иркутск, да часто и здесь требуется, ибо Манзурка оказывается довольно крупным селом, больше своего уездного города. Но это все после, а пока надо хотя самое необходимое.

Итак, пришлите все это немедленно. Я написал Косте открытку, просил тоже помочь хотя на первых порах устроиться. Дело в том, что сейчас заработка я тут найти не могу. Я ведь буквально гол; таким образом, месяца два придется прожить исключительно в расчете на помощь извне.

Помимо того, эти последние месяцы чрезвычайно сильно расстроили мое здоровье. Я чувствую себя довольно плохо. Отдых необходим. Какая досада, что у меня нет ружья. Тут прекрасная охота, живописная местность. Будь хоть немного средств, я бы снова стал молодцом. Напишите Косте, чтобы он прислал мне на время ружье (на зиму). Я тут с одним товарищем взялся бы тогда за составление зоологической коллекции, что дало бы порядочный заработок. Сейчас завожу знакомства, хочу попасть куда-нибудь в бурятский улус, обучать ребятишек. Пока же думаю немножко столярничать; опять беда в том, что нет денег на инструмент. Надеюсь на Люшу и Костю.

А теперь я намерен поговорить немножко специально с тобой, Люша. Дело вот в чем. Прежде всего я должен выяснить сейчас тебе административно-полицейские условия моего существования. Я, как ты знаешь, освобожден — сейчас в Манзурке Верхояленского уезда. Но освобожден лишь временно. В мае месяце меня должны отправить к черту на кулички в Ичерскую волость¹. Это, конечно, чрезвычайно нежелательно. Мне бы, собственно, на все это наплевать, если бы не разразилась война. Она, по моему мнению, внесет чрезвычайные изменения во всю русскую жизнь. Весьма возможно, что в результате ее будут облегчения и для нашего брата. Ввиду этого не имеет никакого смысла уезжать отсюда. Следовательно, приходится думать о том, чтобы по возможности сносно устроиться здесь. При своих знаниях, живя в Иркутске, я бы мог зарабатывать порядочно; надо, стало быть, попасть туда. Это мне теперь совершенно невозможно. Но все это было бы очень легко сделать, если бы у меня здесь был кто-либо из родных.

Имеешь ли ты место? Если нет, то не поедешь ли сюда? Я не буду говорить о том, как был бы рад пожить и увидиться с тобой; это само собой разумеется, но с твоим приездом мое существование здесь было бы во всех отношениях обеспечено. Теперь твои личные интересы. По словам местных товарищей, врач здесь (в Иркутской губернии) будет всегда обеспечен с материальной стороны. Во-первых, чрезвычайно легко найти официальное место (между прочим, как раз в Манзурке у нас сейчас нет врача), а затем практика. Что же касается культурных развлечений, так ведь Иркутск — центр Восточной Сибири, имеет 125 тысяч жителей, театры и т. д. Место врача можно бы найти и там.

Вот, Люша, подумай об этом. Пока же до свидания. Крепко целую вас всех.

Ваш Миша

*Центральный музей революции СССР.
Инв. № А 255546—9. Фотокопия.*

¹ Ичерская волость Ниренского уезда была определена местом ссылки М. В. Фрунзе первоначально, в с. Манзурку он был поселен как бы временно. Переселение, однако, не состоялось.

2

г. Владимир, каторжная тюрьма,
заключенному Павлу Дмитриевичу Гусеву ¹

16.XII 1914 г.

Дорогой друг и брат Паша!

Письмо твое я получил, хотя и не сразу. Можешь писать по тому же адресу. Очень рад, что ты, по-видимому, по-прежнему бодр и крепок духом. Да, скоро кончается твоя неволя и скоро, уж скоро ты будешь со мной. Занимайся, брат, там побольше, гони вовсю, а то здесь некогда, надо бороться за кусок хлеба.

Я открываю тут столярную мастерскую. Не думаю, чтобы предприятие оказалось выгодным, но что-нибудь делать-то надо.

В общем живем здесь дружно. В других местах, по слухам, хуже. Хлопочем об открытии ряда кооперативных предприятий — пекарни, колбасной и пр. Вообще, не унываем. Хотел было я издать сборник, посвященный каторге, да времена теперь не те. Всех поглощает война, и на ней сконцентрировано всеобщее внимание. Своих литературных опытов не прекращай. Я не думаю, что ошибся в тебе. У тебя несомненный талант. Ты можешь и должен еще в тюрьме создать что-нибудь крупное. Что же касается помещения, то об этом не беспокойся. Это все приложится ².

Ты спрашиваешь насчет войны. О ходе ее вы, конечно, знаете, ибо согласно циркулярам начальшка Главного тюремного управления вам должны пропускать официальные донесения Главнокомандующего и даже «Правительственный вестник» и «Губернские ведомости». Что же касается отношения к ней, то оно различно. Большинство настроено так же, как ты, а особенно первое время военных действий, но теперь замечается некоторое изменение. Правительство укрепляет свои позиции и становится откровенно реакционным. Я и сам не прочь от того, чтобы «немцу» привинтили хвост, но до активности не дохожу. Не надо забывать, что у нас ведь есть и свои особые задачи. Ну, да довольно об этом. Знаешь, «ходить бывает сколько по камешкам иным, так о том, что близко, покуда умолчим» ³.

Как тебе сейчас живется? Помогают ли родные? Я Якову ⁴ писал письмо, но ответа почему-то не получил. Ты спросишь, почему я написал письмо Якову, а не кому-либо другому. Дело в том, что я был уверен, что все остальные уже давно на водах ⁵. Так оно и оказалось. Сообщи адрес Николая ⁶. Напиши ему пись-

мо п укажи мой адрес. Я буду очень рад получить от него весть. Недавно имел письмо от Калиныча⁷. Он хозяйничает, думает основательно осесть там; хочет строить дом, да только мало денег. Просит помощи у меня, а у меня и у самого-то нет ни черта.

Э. Запольский⁸ живет со мной. Сейчас он состоит учителем в одном бурятском улусе. Получает 10 р. на всем готовом.

Жизнь тут дороговата. Дорого все привозное. Но мясо и хлеб нельзя сказать, чтобы были очень дороги: мясо — 11 к. фунт, а хлеб 3—4 к. Правда, нынешний год был урожаен.

Насчет моего здоровья не беспокойся. Я теперь поправился. Чувствую себя хорошо. Шатаюсь нередко на охоту. Из дичи тут есть козы, зайцы, рябчики, тетерева, глухари и куропатки. Правда, далеко не в изобилии, но все же есть.

Пока будь здоров, дорогой. Пиши.

Твой брат Арсений

*Госархив Владимирской области. Ф. 705. Оп. 1.
Д. 37. Л. 12—13. Подлинник.*

¹ Об адресате см. примечание на с. 40.

² Несколько литературных произведений П. Д. Гусева еще до ареста было напечатано в ярославской газете «Северный край». Оставшаяся после его смерти тюремная рукопись, сохраненная товарищами, увидела свет в 1939 г. в «Ивановском альманахе» (№ 3).

³ М. В. Фрунзе по памяти цитирует строки А. К. Толстого («Русская история от Гостомысла...». Берлин, 1904. Стих. 69):

Ходить бывает склизко
По камешкам иным,
И так о том, что близко,
Мы лучше умолчим.

⁴ Яков (1870—1952) — старший брат П. Д. Гусева, жил в Шуге.

⁵ «На водах» — в тюрьме, ссылке.

⁶ Николай (1889—1948) — младший брат П. Д. Гусева, находился в то время на военной службе.

⁷ Калиныч — подпольный псевдоним шуйского большевика Ефима Федоровича Киселева (р. 1886), осужденного по делу Иваново-Вознесенского союза РСДРП, как и М. В. Фрунзе, к 4 годам каторжных работ. По отбытии срока сослан в Сибирь, где и скончался вскоре после революции.

⁸ Довнар-Запольский Эдуард Владиславович — политический заключенный Владимирской тюрьмы, ссыльнопоселенец с. Манзурка.

3

Губернский г. Владимир, Троицкая ул.

д. Тарасова,

Ивану Михайловичу Петрову¹

25 января 1915 г.

Здравствуйте, дорогой Ваня!

Вы совершенно напрасно решили, что я Вас мало помню. Вообще-то я помню довольно хорошо всю нашу владимирскую братию, а некоторых, в том числе и Вас, особенно. Помните ли, например, Вы тот момент, когда меня отделили после приговора от вас и отправили в Польский корпус? Ведь это Вы, а никто другой,

крикнули мне громче всех: «Прощайте, Арсений!» Этот крик до сих пор отдается у меня в ушах и будет впредь отдаваться до тех пор, пока я жив. А стало быть, и помнить я Вас буду до тех же пор.

Вашему письму я был очень рад. От Коли уже раньше узнал, что Вы во Владимире. О смерти Яши узнал только от Вас. Какая жалость, я очень полюбил Яшу и страшно хотел бы увидаться с ним. Но этому желанию теперь, увы, уже не исполниться. Грустно и больно... Много, много товарищей-друзей сошли уже в могилу, и мы сами приближаемся к ней. Я впал, как видите, в меланхолию. Но успокойтесь, это только момент. Просто при упоминании о Яше мне сразу же сделалось грустно. Вообще же я не пессимист. Жизнь в моем теле еще есть, и я еще намерен «поездить». Немножко, конечно, поразвинтился; так, страдаю желудком, слегка оглох на одно ухо, но в общем и целом ничего, и думаю избавиться от этих болезней.

Вы пишете об идейном распаде социализма и кручинитесь по этому поводу. Дело действительно невеселое, и картина не из отрадных, но я как-то не задеваюсь этим больно. Все перемелется, и мука будет. Практика современного социалистического движения полна вопиющих противоречий, но ведь из противоречий соткана и вся жизнь. И насколько социализм является не одной теорией, а живым практическим делом, постольку он и должен был отразить на себе все эти жизненные противоречия. Сущность трагического положения современных социалистов заключается в неумении найти правильный принципиальный и свободный от внутренних противоречий путь между «долгим» и «близким». Силы для осуществления максимальных требований нет; нет возможности провести наше решение поставленных на очередь жизнью вопросов, но, с другой стороны, трудно оставаться безучастным зрителем современных событий, которые могут дать различные решения ближайших задач. Выступая же активно в этой сфере, мы рискуем пойти по стопам Вандервельде². Вот эта-то трудность совместить ближайшие практические задачи с конечной целью движения, слить борьбу за «дальнее» с борьбой за «близкое» является нашей Сциллой и Харибдой.

Вы спрашиваете, каков мой личный взгляд на войну и отношение к ней социалистов. Принципиально я, конечно, против войны, но я не могу сказать, что всегда и везде целиком стоял бы за осуществление этого принципа. Пока мы бессильны дать свое решение вопросов, приходится выбирать между буржуазными решениями и предпочитать те из них, которые наиболее нам выгодны. Что же касается современной войны, то, по-моему, русским социалистам ни с каких точек зрения невозможно высказываться за активное участие в войне с нашей стороны. Это и принципиально недопустимо и практически бессмысленно. Вот Вам мой взгляд. В общем я смотрю на положение дел довольно оптимистически. Воинственный задор скоро схлынет, выплывут на сцену все старые, больные вопросы нашей жизни, ибо война их

только обострит, и снова закипит работа. Но каких-либо радикальных перемен в ближайшем будущем я не ожидаю. Мне думается, скорее, что мы вступаем в период длительного внутреннего застоя. Подождем — увидим.

Ну, об этом довольно. Пишите побольше о себе — удовлетворены ли жизнью или наигрываете тоску по чем-то неопределенном и неизвестном?

О себе напишу больше как-нибудь в другой раз. Работаю целый день (столярничая и затем даю урок), возжусь с разными библиотечными делами (между прочим, не устроите ли присылку книг в нашу библиотеку, требуются классики и вообще беллетристика и наша публицистика).

Занят все время, читать некогда, и это удручает. Но пока ничего не поделаешь. Живу компанией, и представьте себе все с социалистами-революционерами. Нас 7 и лишь я один социал-демократ.

Ну, до свидания.

Арсений

ЦГАОР. Ф. ДП. 00. 1915. Д. 9. Ч. 13-Б. Л. 2—3.

Перлюстрация.

¹ Адресат письма И. М. Петров (1888—1919) с гимназических лет примкнул к революционному движению, состоял во владимирской группе эсеров; отбывал административную ссылку в г. Пинеге Архангельской губернии. Во время первой мировой войны был на фронте, офицер-артиллерист, награжден боевыми орденами. В 1918 г. работал в Иваново-Вознесенске зав. земельным отделом губисполкома. В феврале 1919 г. с боевым рабочим отрядом, сформированным М. В. Фрунзе, отправился на Восточный фронт, где был назначен комиссаром и начальником артиллерии Александров-Гайской стрелковой дивизии. Вступил в ряды РКП(б). Заболел и в июне скончался.

² Вандервельде Эмиль (1866—1938) — лидер бельгийских социалистов, в 1914 г. вошел в состав буржуазного правительства Бельгии.

4

[Неизвестному адресату]

25 января 1915 г.

Вы спрашиваете, как я здесь живу? Право, затрудняюсь Вам сказать, хорошо или плохо. Временами чувствую себя прекрасно, весел, болтаю всякий вздор, начинаю организовывать всякие предприятия, увеселения, примиряюсь с манзурской обстановкой... А порой мне все это до того делается противно, что готов бежать куда угодно от всех здешних прелестей. И тогда я делаюсь угрюмым и готов молчать целые дни. Но мне не дают молчать, ибо на руках масса дела. Я столярничая (купно с двумя товарищами завели свою мастерскую), занимаюсь с ученицей (готовлю одну девицу в гимназию) и, наконец, возжусь с разными общественными делами. Хлопот, как говорится, полон рот. В доме у нас вечная толчея, люди приходят и уходят; никогда не остаешься с собой наедине, а в этом порой чувствуется сплывшая потребность.

Есть ли у меня здесь настоящие товарищи?.. Нет, нет. У меня много друзей, в общем меня любят, всюду зовут, но товарища-друга, с которым можно бы делиться всем, у меня нет...

Ну, что еще сообщить Вам о себе... Иногда бываю на охоте, недавно ездил на облаву на коз. Но был такой ужаснейший мороз, что мы только пообморозились и вернулись с пустыми руками.

Сейчас готовимся к вечеринке, на масленице хотим поставить чеховскую «Свадьбу», организуем хор. На масленице поеду на Лену, в Качуг; зовет в гости бывший член Государственной думы от Владимира — Жиделев¹.

Историк-марксист, 1941. № 2. С. 62.

¹ Жиделев Николай Андреевич (1880—1950) — большевик с 1903 г., иваново-вознесенский ткач. Летом 1905 г. избирался в общегородской Совет рабочих депутатов. В феврале 1907 г. избран членом II Государственной думы по рабочей курии Владимирской губернии. В селе Качуг Иркутской губернии отбывал политическую ссылку.

* Лири за решеткой

Немногие знают, что М. В. Фрунзе с юности любил и понимал поэтическое слово, сам сочинял стихи. Автор не записывал их, не хранил, и только благодаря его близким знакомым, вспомнившим тексты, удалось собрать несколько произведений. Стихотворение «Северный ветер» взято из журнала «Каторга и ссылка» № 7 за 1927 год. «Ветром носится по свету» приводил И. Власов в своей статье в газете «Рабочий край» за 30 октября 1935 г. «Осеннюю ночь» автор подарил сокамернику в Николаевской тюрьме С. А. Карахану (воспроизводится по его мемуарным заметкам). Два последних стихотворения записала по памяти В. П. Любимова, которой посвящено одно из них («В. П. Л.»).

В нескольких книгах (*Колесников М. С. Без страха и упрека. Роман. М., 1971; Щербаков Н. Н. Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири. Иркутск, 1984; Воробченко В. И. Слово в бою. Кишинев, 1988*) утверждается, будто М. В. Фрунзе публиковал стихи под псевдонимом Иван Могила в читинской газете «Забайкальское обозрение». Версия не выдержала проверки. Таким псевдонимом пользовался сотрудник газеты А. И. Кривенко (ок. 1890 — ок. 1925).

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

Северный ветер в окно завывает,
Зданье тюрьмы все дрожит.
В муках отчаянья узник рыдает,
Сон от больного страдальца бежит.
Звуки печальные, звуки унылые
Рождают в сознании образы милые,
Картины былого, полузабытого,
В счастье или муках давно пережитого.

Вот ему грезится образ родимый,
Вся в серебре голова...
Тихо склонилась с улыбкою милой,
Мягко рукою коснулась чела.
«Спи, моя детка, спи, мой любимый!»—
Слышит он голос родной.—
«Скоро конец твоим мукам, родимый,
Скоро, уж скоро ты будешь со мной».
Северный ветер все свирепеет,
Грозится он крышу сорвать...
Мертвого лик на подушке белеет,
Больше не будет страдать.

* * *

Ветром носится по свету,
Сна лишился от порывов.
Дух бурлит мятежный у него в груди:
— Иди, иди! Много дела впереди!

Вот в лесу он, одинокий,
С ветром, с солнцем говорит:
— Ветер, где ты побывал,
На земле что нового встречал?

Отвечает ветер, глухо завывая:
— Много слез я видел,
над землей летая,
В дальней деревушке,
в бедной, беспротядной,
Слышал стон крестьянский,
ропот безотрадный.
В городах цветущих
слышал стон голодных,
Лязг станков рабочих,
свист ремней приводных.
Видел замок желтый,
каменный, старинный:
Часовые ходят, сторожат могилы.
Дальше не летал я, не хватило силы.

ОСЕННЯЯ НОЧЬ

Шел дождь осенний, вялый,
В окошко к нам стучал.
А я больной, усталый
Лежал, не спал, мечтал.
«Так-так»,— мне пели капли,
Стекая по стене,—
«Кто здесь не спит? Не раб ли,
Измученный в тюрьме?»

Так-так, усни скорее,
Наш скорбный, милый брат,
А завтра будь бодрее,
Будь силами богат».

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ НА КАТОРГЕ

Ночь... одна только ночь.
А там на этап и на волю.
Свой рабский облик я сброшу прочь,
Скажу: прощай, неволя!..
При мысли о воле душа оживает,
Кровь в жилах струится быстреей.
Радость к сердцу волной приливает,—
Эх, хоть бы ночь проходила скорей!
Много лет я провел в объятьях тюрьмы,
Много лет непрерывных терзаний,
Без света и солнца, в царствии тьмы,
Средь звона цепей и рыданий.
От гнева и скорби душа огрубела,
Сердце покрылось корой ледяной,
Память ослабла и мысль отупела,
А жизнь мне бесцельва казалась порой.

Так было... Довольно!

Завтра раскроется дверь предо мной,
Завтра с своей я прощаюсь тюрьмой,
Вторично рождаюсь на божий я свет,
Воля, свобода, вам шлю свой привет!
Свобода, свобода! Одно только слово,
Но как оно душу и тело живет!
Ведь там человеком стану я снова,
Снова мой челн по волнам полетит.
Станет он реять и гордо и смело,
Птицей носиться по бурным волнам.
Быть может, погибну, какое мне дело,
Смерти ль бояться отважным пловцам!

* * *

В. П. Л.

Я смотрю на тебя,
Ты грустна и бледна,
И во взорах твоих
Утомленность видна.

Ты ушла вся в себя
И упорно молчишь
И ревниво от всех
Свою тайну хранишь.

Я смотрю на тебя,
Твои пальцы дрожат.
О, как много они
За тебя говорят!

Говорят мне о том,
Что был скорбей твой путь,
Видно, вовсе тебе
Не пришлось отдохнуть.

Я смотрю на тебя,
Друг мой милый, родной,
И в груди у меня
Сердце поет тоской.

Но я тоже молчу,
Не хочу говорить,
Не хочу я опять
Твою боль оживить.

Наш расходитя путь —
Расстаемся с тобой,
Но часть боли твоей,
Знай, увез я с собой.

ЧИТИНСКОЕ ПОЛУГОДИЕ

От недреманного ока жандармерии Михаил Васильевич сумел избавиться в августе 1915 г. Из села Манзурки 14 арестованных ссыльнопоселенцев конвоировали в Иркутскую тюрьму. На этапе, в селении Оёк, вечером 8 августа Фрунзе бежал из-под стражи. К утру 9-го он был в Иркутске, получил в подполье паспорт на имя дворянина Владимира Григорьевича Василенко, приоделся и вскоре выехал в Читу поездом. Здесь с помощью партийных товарищей устроился на службу в статистический отдел переселенческого управления, а также активно работал в редакции еженедельной легальной газеты «Забайкальское обозрение». На ее страницах (№ 9—13 за 1915 г. и № 1—10 за 1916 г.) Фрунзе под псевдонимом Сергей Петров напечатал большой научный труд «Письма о войне», в котором дан обстоятельный анализ экономических и социальных аспектов первой мировой войны. В газете печатались и небольшие его статьи на злободневные темы. Пробыв в Чите около шести месяцев, Михаил Васильевич в середине марта 1916 г. выехал в центральную Россию.

*Отчеты статистика Василенко

1

Чита, заведующему статистическим отделом
Забайкальского переселенческого управления
В. Э. Монтвиду¹.

[Ст. Заиграево, 27 октября 1915 г.]

Мой привет Вам, многоуважаемый Виктор Эдуардович!

Извиняюсь, что до сих пор не собрался уведомить Вас о себе. Первое время, собственно, не о чем было бы и писать, а последнее время все как-то не удавалось улучшить свободное и располагающее к писанию время. Пишу сейчас со ст. Заиграево, где сижу усталый, злой и голодный. Прибыл сюда утром, целый день проработал и теперь сижу в ожидании поезда. Придет он в 11 вечера, а сейчас только 6.40. Вот я и воспользовался этим временем, чтобы сообщить Вам о том, что и где я сделал за это время.

Прежде всего должен сказать, что с самого начала маршрут мой был изменен. Уже с Могзона я отправился прямо в Иркутск. Дело в том, что, как мне сказали, таким образом я мог еще наде-

яться застать там подрядчиков, какраз отправляющихся к этому времени туда. В противном же случае я рисковал не встретить их ни там, ни на линии. Ввиду этого я и решил с Могзона двинуться прямо на Иркутск, что и привел в исполнение. В Иркутск я прибыл, кажется, 18 или 19 числа и пробыл там три дня. Результаты оказались не особенно блестящими. Из подрядчиков удалось разыскать только троих, из которых, конечно, выжал все, что оказалось возможным.

Был у Иорданского². Нужных мне сведений у него еще не было, но должен был получить их дня через два-три. Ожидать их я не стал, ибо из его слов убедился, что работа у них производилась в крайне ограниченных размерах. Я оставил у них бланк, дал необходимые пояснения и просил, по заполнении, прислать в статистический отдел.

По выезде из Иркутска успел объехать Мысовую, Кабанское, Верхнеудинск, Онохой и Запграево. Частных предприятий по Верхнеудинску не обследовал. Как было условлено, уведомил об этом письмом Фаддеева³.

Успел за это время заполнить 40 бланков.

Должен сознаться, что я не предполагал, что работа будет настолько утомительной. Встречается масса неудобств. При маломальски добросовестном отношении к делу приходится испытывать бездну тревожений и хлопот.

Мое впечатление таково, что анкета поставлена чересчур широко. Я имею в виду обширность собираемых сведений. Они пространны, а средства выполнения (время и число регистраторов) им не пропорциональны. Как только имеешь дело с крупным предприятием, то сразу убеждаешься, как трудно получить за короткий срок удовлетворительные сведения. У меня, большей частью, какое-то смутное недовольство получаемыми результатами.

Перехожу к дальнейшим планам. Итак, сегодняшней ночью я выезжаю на Петровский Завод. Дней через десять надеюсь быть в Чите.

Пока всего лучшего. Привет всей «статистике».

В. Василенко

P. S. Если найдете нужным что-нибудь сообщить, то направьте на Хилок, куда я прибуду дней через пять-шесть.

Госархив Читинской обл. Ф. 19. Д. 339. Л. 618, 619. Подлинник.

2

Петроград, В. Э. Монтвиду.

Чита, 2 февраля 1916 г.

Многоуважаемый Виктор Эдуардович!

Препровождая Вам, согласно с Вашим желанием, последние тетради основной таблицы (1), я считаю долгом представить и своего рода отчет в сделанной работе.

Вся работа по окончанию и исправлению прошлогодней анкеты была закончена к 1 февраля. Производилась она мной в сотрудничестве с Иннокентием Ивановичем³ и иногда также при участии В. О. Бочарова³. Составленные наново таблицы приложены при сем, остальное же на днях будет отправлено в Иркутск. Относительно посылаемых таблиц говорить не приходится, ибо они у Вас перед глазами. По поводу же старых, исправленных нами и препровождаемых для печати в Иркутск, мне необходимо дать некоторые сведения.

Дело в том, что в двух таблицах (№ 4 и 5, «Цены на продукты» и «Стоимость содержания рабочего») я сделал маленькое изменение, а именно: [выделил] Троицко-Усть-Кяхтинский район, который в старых таблицах был соединен с районами, прилегающими к железным дорогам, и подытожен вместе с ними под заголовком «По населенным местам и пунктам, лежащим на линиях железных дорог». Это совершенно неправильно, прежде всего, с формальной точки зрения, ибо ни Троицкосавск, ни Усть-Кяхту никак нельзя отнести к числу «населенных пунктов, лежащих на линиях железных дорог». Но это соединение нежелательно и по существу, ибо цены этого района значительно разнятся от цен железнодорожных районов.

Дабы дать более ясное представление о том, что я Вам сейчас излагаю, я приложу старую таблицу. Если Вы найдете нужным оставить ее в таблицу 5 в старом виде, то сообщите в отдел. Печтаться они будут, очевидно, еще не так скоро, а потому всегда будет можно заменить их другими.

В переделанном виде эти таблицы, стало быть, таковы: 1, 2 и 3 районы (местности, лежащие к западу от Читы, к востоку и по Амурской ж. д.) подытожены также вместе; затем идут приисковые районы и, наконец, отдельно Троицкосавск и Усть-Кяхта, которые тоже подытожены. А затем, как и прежде, общий итог по области. Вот и все. Все же остальные наименования (перераспределение приисков, перегруппировка предприятий и пр.) выполнены согласно с Вашими инструкциями.

Теперь несколько слов о ходе работ по разработке нашего обследования. В общем оно подвигается вперед довольно успешно к середине марта, самое позднее к началу апреля, все работы по разработке, сводке и составлению новых таблиц будут закончены. Что же касается «золотых» бланков, то, как полагает публикация, вряд ли их удастся закончить к этому времени.

Теперь несколько слов о себе. В начале марта еду отсюда в Петроград. Надеюсь привести с собой уже ряд образчиков новых таблиц. Буду в Петрограде приблизительно числа 15—16 марта.

Вам от рабочей анкеты привет. Особенно от Иннокентия Ивановича. Он частенько (особливо же в «известном» состоянии) с умилением вспоминает Вас.

Всего хорошего. В. Василенко

ЦГАСА. Ф. 32392. Оп. 1. Д. 21с. Л. 331. Подлинник.

¹ В. Э. Монтвид (по предкам Монтвид-Монвиж) (1887—1943) в Читу прибыл по окончании в 1913 г. Петербургского политехнического института. Сыграл определенную роль в жизни М. В. Фрунзе, приняв «дворянина Василеньку» на службу в руководимый им статистический отдел. В советское время работал по своей специальности в органах статистики Ленинграда, Москвы, Баку.

² Иорданский — сотрудник переселенческого управления в Иркутске.

³ Фаддеев В. С., Инокентий Иванович (фамилия не установлена), Бочаров В. О. — сотрудники статистического отдела в Чите.

3

Из статьи «Урожай трав на покосах»

...Лучшими покосами являются те, урожай которых в значительной степени зависит от воздействия на них человека. Такими для Забайкальской области, где, как известно, отсутствует посев кормовых трав, являются прежде всего так называемые утужные (удобряемые) покосы, а затем поливные. И те и другие в большей или меньшей степени гарантированы от влияния неблагоприятных естественно-климатических условий. Одной из наиболее распространенных в области причин порчи, а иногда даже и гибели всего урожая трав являются внезапные летние разливы горных рек. Так как естественные покосы обычно расположены по их течению, то они довольно часто и испытывают подобную участь. От этого поливные и утужные покосы избавлены, ибо они обычно занимают более приподнятое положение. С другой стороны, им не грозит, или, во всяком случае почти не грозит, гибель от недостатка атмосферных осадков, вызывающих так называемую «засушливость», являющуюся бичом для другого вида естественных покосов — степных и суходольных. Вполне понятна поэтому и более высокая качественная оценка их и большая урожайность.

Наряду с поливными и даже несколько выше их в нынешнем году в порядке урожайности стоят покосы заливные. Обычно оценка этого вида покосов бывает несколько ниже, чем поливных, но в обстановке уборки урожая или в условиях самой вегетации, очевидно, имелись какие-то причины, обусловившие эту перестановку. Прежде чем искать причину этого явления, отметим, что в естественном по урожайности порядке в нынешнем году произошли и другие изменения. А именно — покосы болотные и лесные, обычно стоящие ниже степных и суходольных, [нынче] оценены выше их.

...Причина легко отыскивается, если мы обратимся за содействием к корреспондентским отзывам:

«Травы сначала были хорошие, но появившаяся в июне и июле засуха повредила растения» (Сретенская станица); «Сено было хорошее; собрано все на болотных покосах» (там же);

«В июне стояла засуха и от жары травы задержались ростом» (Оронойская волость).

Словом, целый ряд корреспондентских отзывов указывает на

наличность в нынешнем году засухи, которая, вполне понятно, должна отозваться на состоянии трав в покосах, занимающих вышеупомянутое положение. К числу таковых прежде всего относятся суходольные и степные.

*Урожай хлебов и трав в 1915 году.
Статистическое издание. Иркутск, 1916.*

Письма о войне

Письмо первое Борьба до истощения

Еще не пришло время подводить итоги войны.

Кровавая драма еще так далека от развязки! На сцене еще не все действующие лица, которые будут участвовать в заключительном действии драмы. А из остальных участников представления лишь немногие успели доиграть свою роль до конца. Да и то зрители не знают, окончательно ли ушли со сцены эти участники драмы или лишь отдыхают за кулисами, чтоб в нужный момент вновь появиться у исторической рамы.

Еще не пришло время для подведения итогов.

Но кое-что вырисовалось уже с достаточной ясностью. И можно уже теперь сделать попытку осмыслить те пути, по которым влекут нас слепые исторические силы.

Быть может, это праздное, пустое дело?..

Стоит ли гадать о том, что будет завтра, когда текущая действительность выдвигает столько острых вопросов, настоятельно требующих разрешения?

Да и что можно сказать о завтрашнем дне, когда каждый миг приносит нам неожиданные новости, переворачивающие вверх ногами наши ожидания?

Нам кажется, что о будущем, об открывающихся перспективах думать и говорить можно и должно. И вот почему.

Будущее — результат и следствие того, что происходит сегодня. Оценка сегодняшнего дня без предвидения будущего невозможна. А от оценки сегодняшнего дня зависит наше поведение. От нашего — я имею в виду, разумеется, не круг читателей «Забайкальского обозрения», а всю российскую демократию — от нашего поведения зависит отчасти дальнейшее развитие событий. Но как можем воздействовать мы на события, не понимая природы и характера их?

Итак, предвидение будущего — необходимое условие для того, чтоб мы могли сознательно отнестись к вопросам и задачам сегодняшнего дня.

Но действительным предвидением можно считать лишь то, которое основано на точном научном анализе, на бесспорных фактах, на строго проверенных цифрах. Наши желания и политические симпатии и антипатии должны смолкнуть перед го-

досом фактов и цифр. Чтоб не быть слепыми в борьбе, мы должны суметь открытыми глазами взглянуть в лицо правды...

Задача автора — только научный анализ настоящего и определение общих линий научного предвидения будущего.

Пусть читатель не ищет «политики» в предлагаемых письмах. Пусть не спрашивает у автора, как тот относится к тому или иному вопросу. О своих взглядах автор будет говорить в другом месте. А здесь в этих письмах будут говорить только факты.

Начать мы должны с некоторых общих вопросов.

* * *

Характер войны определился. Это — *борьба на истощение...*

Только первые дни, первые недели войны наши противники рассчитывали кончить дело рядом коротких молниеносных ударов. Но ко второму или к третьему месяцу выяснилось, что не молниеносные удары решат исход нынешней кампании.

Когда столица Бельгии была занята неприятелем, страна продолжала бороться. Когда уже вся страна была занята, бельгийское правительство переехало в Англию, армия отступила за французскую границу, но Бельгия, переставшая существовать на карте, осталась по-прежнему в числе воюющих держав.

Когда немецкая армия была в 40 верстах от Парижа, французское правительство переехало в Бордо. Сдача столицы мира казалась предрешенной. Но вместе с тем было предрешено, что потеря Парижа не отразится на готовности Франции продолжать борьбу.

Был момент, когда Кракову, Будапешту и даже Вене грозила осада, когда австрийскому правительству приходилось думать о возможности потери лучших городов империи. Но в Австро-Венгрии считалось в то время несомненным, что потеря того или другого города не может означать конца кампании.

Был момент, когда движение немецких армий на восток поставило на очередь вопрос о судьбе Киева и Петрограда. Но ни у кого не явилось тогда мысли о том, чтобы взятие нашей старой или новой столицы означало конец борьбы и победу врагов над Россией.

Итак, ясно: ни взятие австро-германцами Парижа, Киева, Москвы, Петрограда, ни захват союзниками Будапешта, Вены и Берлина не решает судьбы войны.

Ибо война ведется не на захват тех или других центров, а на истощение противников.

На признании этого характера войны построена вся тактика сторон.

Раньше всего проявилось это в тактике немцев, когда они начали обирать занятую их войсками Бельгию, облагая огромными контрибуциями города и провинции, забирая эти контрибуции деньгами и натурой, торопясь использовать все производительные силы побежденной страны для усиления своей военной мощи.

Наша либеральная печать возмущалась этой тактикой Германии, приписывала изобретение ее немецкому дьявольскому гению. Но в действительности этот способ ведения войны изобрел не Гинденбург¹ и не Вильгельм, а полководец и император, отмеченный большим гешем, чем вожди наших противников. Изобрел этот способ воевать за счет побеждаемых молодой генерал Бонапарт, отправленный французским революционным правительством в Италию. Он брал с побежденных городов одежду для своих солдат, лошадей для своей кавалерии, деньги для своего правительства. Этой системой Бонапарт проложил себе путь к власти. И этой системе оставался он верен до конца.

Этой системой Наполеон побеждал, пока Франция была окружена кольцом врагов, рассчитывавших на ее истощение. И померкла его слава, пало его могущество тогда, когда он столкнулся с Россией, принявшей решение воевать до истощения собственных сил.

В Бельгии, в северной Франции, в Польше, в Литве, в Прибалтийском крае, а в последние дни и в северной Сербии — повсюду, где Германии удастся захватить вражескую территорию, она, не медля ни дня, ни часу, принимается осуществлять систему Наполеона и осуществляет ее с такой методичностью и последовательностью, какой позавидовал бы император французов.

Используются не только готовые запасы, но и земля, рудники, фабрики и заводы, уцелевшие кустарные промыслы — короче, все производительные силы занятой территории. С такой же тщательностью используется труд военнопленных и рабочая сила невоенного населения захваченных департаментов и губерний.

Платят или не платят военнопленным, ставят ли завоеванное население в положение бесправных рабов или даруют ему свободу союзов и собраний — это деталь, подробность, не меняющая существа дела. И в том и в другом случае система остается та же.

Война ведется на истощение. И потому задача сводится не к тому, чтоб разбить наличные силы противника или занять тот или иной пункт. Задача сводится к тому, чтоб *обеспечить себя всеми средствами борьбы до момента истощения сил противника.*

Этой задаче подчинены грандиознейшие операции нынешней войны. Захват питательных центров французской промышленности был одним из мотивов движения германских войск через Бельгию и северные департаменты Франции. Опасение истощения боевых средств России, стремление открыть доступ к нам для военных грузов было одним из мотивов широких операций союзников у Дарданелл и на Галлипольском полуострове. Желание пробиться к еще не использованным запасам пушечного мяса и хлеба в Малой Азии вызвало последнее движение австро-германских армий на юг через Сербию и Болгарию к Кон-

стантинополью. Стремление помешать этому движению заставило союзников решиться на рискованную Солуньскую экспедицию.

Правда, формально все эти движения объясняются по-иному. Союзники идут через Солунь на помощь Сербии, а немцы двинули свои войска на помощь Турции. Но ведь в нынешней войне с самого начала так ведется, что никто не нападает и не думает о своих выгодах — все только защищают своих союзников: мы заступились за Сербию, Германия — за Австрию, Франция — за нас, Англия — за Бельгию; Турция вынуждена была защищаться после того, как ее броненосец обстрелял наши берега; Италия, заступаясь за своих единокровных, объявила оборонительную войну своей союзнице... Так все шло в нынешней войне.

Но за этой словесной оболочкой кроется иное содержание. И если не касаться экономической основы войны, если ограничиваться анализом военных операций, для которых боевое столкновение определенных групп государств является данной предпосылкой, — если так рассматривать нынешнюю войну, то общий смысл ее — в борьбе на истощение сил.

Это объясняет, между прочим, и тактику Англии — ее медленное и осторожное развертывание сил. Англия накапливает армию, пока армии других воюющих государств тают и гибнут в огне. Англия издержала 450 миллионов фунтов стерлингов (5,5 миллиарда рублей) за первый год войны, а в течение второго года рассчитывает довести свои военные расходы до 5 миллионов фунтов стерлингов (60 миллионов рублей) в день, т. е. до 150 миллионов фунтов (1800 миллионов рублей) в месяц, до 450 миллионов фунтов в каждые 3 месяца.

Об этих дальновидных расчетах руководители английской политики говорили в то время, когда Россия переживала ряд военных неудач, когда немцы входили в Варшаву, когда шла эвакуация Риги и Вильны, когда население Киева и Петрограда не знало, чего ждать! В основании британской невозмутимости в эти тяжелые для России дни лежал не только политический эгоизм, но и учет хода войны как борьбы, которая должна кончиться лишь полным истощением одной из сторон.

Из этого характера войны вытекает и чудовищное развитие беженства.

Пока характер войны не выяснился, пока шла речь о молниеносных ударах, отступающие армии щадили города и деревни, уступаемые врагу. Разрушению подвергались лишь крепостные сооружения, средства сообщения — мосты, дороги, железнодорожные водокачки — да оружейные заводы. Остальное покидалось в нетронутом виде. Гражданские сооружения разрушались не иначе, как ради определенной боевой цели (как шлюзы в Бельгии).

Благодаря этому немцы заняли Бельгию в таком состоянии, что могли без труда пустить в ход ее заводы и рудники. Благодаря этому и французы, отбросив врага от Марны, вернули себе

свои территории, через которые прокатились дважды войска вражеских армий, вернули их себе не разоренными, сохранившими прежний цветущий вид.

Но когда характер войны определился, тактика отступающих армий не могла не измениться. Задачей их стало оставление врагу покидаемой территории без населения и в таком виде, чтобы враг не мог извлечь выгод из передвижения вперед.

Это та тактика, о которой с ужасом писал в «Новом времени» член Государственного совета польский аристократ Шебеко². Он оставлял в своем письме открытым вопрос о том, целесообразна ли эта тактика. Не будем ли мы решать этот вопрос.

Отметим, что немецкие газеты возмущались «скифской тактикой» русских войск и объявляли за нее Россию страной дикарей. Но полемика с немецкими газетами не входит в круг наших задач...

Стремление оставлять за собой при отступлении безлюдную пустыню и обугленные развалины как нельзя более соответствует характеру нынешней войны. Никакими жалкими словами нельзя остановить это стремление, раз вся борьба сводится к тому, кто раньше будет доведен до истощения.

Можно быть уверенным в том, что и немцы, отступая к Берлину, и австрийцы, отходя к Вене, будут придерживаться той же «скифской тактики» разрушения, видоизменяя эту тактику лишь там, где это будет для них выгодно в военном отношении.

И отсюда неизбежность развития беженства при каждом продвижении вперед вторгнувшихся неприятельских армий. Беженцев выселяют с насиженных мест не враги, а свои же...

Беженцы — это не жертвы зверства врага. Это не жертвы собственного патриотизма и чувства долга. Это жертвы особого, небывало разрушительного характера нынешней войны.

Можно было бы продлить и развить анализ нынешней войны. Можно было бы остановиться в отдельности на событиях каждого фронта. Можно было бы углубиться в вопрос о связи, существующей между вопросами «фронта» и «тыла».

Но охватить все вопросы, связанные с войной, невозможно. Ведь с войной связаны все вопросы современной жизни!..

Мы ограничимся пока, в нашем первом письме, данной характеристикой. Эта характеристика достаточно ясно указывает вопросы для дальнейшего анализа. Эта характеристика определяет и те линии, по которым возможно научно обоснованное предвидение будущего.

В самом деле!

Борьба на истощение...

Значит, если не явятся на сцене новые, молчавшие до сих пор силы, то рев пушек стихнет лишь тогда, когда силы одного из противников будут истощены до конца, до невозможности дальнейшего сопротивления.

В чем же должно раньше всего сказаться это истощение?

В отсутствии свинца, меди, селитры — вообще в недостатке снарядов?..

Или в отсутствии хлеба, мяса — вообще средств продовольствия?..

Или раньше этого обнаружится отсутствие денег для продолжения войны и одно из государств должно будет прекратить борьбу вследствие банкротства?..

Или раньше, чем наступит такое банкротство, иссякнет живая сила, истощится запас человеческой крови и мяса?..

Поищем ответа на эти вопросы. И, ответив на них, попытаемся выяснить, что будет представлять собой Европа, когда великая война, озарившая ее заревами от моря до моря, будет доведена до конца.

Письмо второе

Силы наших противников и союзников

В предыдущем письме я отметил основную черту нынешней войны: борьба ведется на *истощение сил противника*.

Раз это так, то для понимания хода войны и для предвидения ее результатов решающее значение приобретает вопрос о силах той и другой стороны. При этом не важно, сколько солдат содержала под ружьем та или другая страна накануне войны. Не важно, сколько ружей и пушек, сколько аэропланов и автомобилей было перед войной у Германии, Франции, России, Англии. Не важно, какими крепостями была прикрыта каждая граница.

Ведь все эти условия определяли лишь исход отдельных сражений, ход отдельных кампаний. Но этими условиями не предопределяется исход войны, которая может тянуться многие годы.

За годы войны из земли вырастают новые армии. Старое оружие разрушается, приходит в негодность. Создаются новые технические средства борьбы и истребления. Крепости превращаются в груды развалин. Форты переходят из рук в руки. Там, где стоял укрепленный город, остается пустыня. Где шумел лес и колосились нивы, возникают укрепления с сетью траншей, подъездных путей, полевых фортов...

Состав каждого полка обновляется по несколько раз. На место выбитых из строя вливаются свежие силы. На место подбитых орудий выдвигаются новые пушки.

При этих условиях второстепенное значение получает даже вопрос о боевых резервах, которыми располагала каждая страна в начале войны.

Не важно, сколько было у наших противников и у нас обученных военному делу людей, ибо обе стороны могут обучить и подготовить к войне людей, не проходивших раньше через казарму. Не важно, сколько было пушечных и ружейных заводов, ибо можно выстроить новые заводы, можно приспособить к изготовлению оружия заводы и мастерские, изготовлявшие до

войны сельскохозяйственные машины, граммофоны, металлическую посуду, предметы спорта и роскоши.

Нынешняя война переросла все расчеты. И теперь, на второй год ее, смешными и наивными кажутся нам рассуждения газетных обозревателей, которые в начале войны исходили в своих расчетах из наличного числа штыков и сабель и предсказывали скорый мир в результате полной и решительной победы...

Англия доказала, что миллионные армии, удовлетворяющие всем требованиям современной военной техники, могут создаваться из ничего. Франция, утратившая при первом наступлении немцев свои северные департаменты, в которых была сосредоточена металлообрабатывающая и машиностроительная промышленность страны, доказала возможность создания новых промышленных центров. Германия, которую война лишила ввоза пищевых продуктов из-за границы, доказала возможность добычи хлеба чуть ли не из воздуха...

Таким образом выяснилось, что в нынешней войне, в нынешней «борьбе на истощение», решающее значение принадлежит не наличным к началу войны силам каждой страны, а ее скрытым силам, тем силам ее, которые могут быть выявлены и реализованы в ходе борьбы.

До сих пор не было в мировой истории подобных войн. И потому наука не выработала до сих пор формул для сравнения тех сил противников, которые в нынешнюю войну решают кровавый спор.

Ни к чему не ведет сравнение численности армий в мирное и военное время, сравнение дальноточности ружей, мощности артиллерии, качеств солдата. Приходится искать других данных для сравнения. И по самому существу вопроса эти данные не могут не быть гадательными.

Человеческий гений еще не сказал своего последнего слова.

Аэропланы, из заоблачной выси осыпаящие бомбами людей... Субмарины, незаметно подплывающие к пароходу и пускающие его ко дну... 42-сантиметровые орудия... Удушливые газы... Блиндированные автомобили...

На этом человеческий гений не остановится. Придумают в ходе войны и новые, еще более грозные средства разрушения!

Десятимиллионные армии...

Наполеону, с именем которого историки связывают 15-летние войны начала прошлого века, эта картина показалась бы диким кошмаром. Ибо великий завоеватель никогда не располагал даже армией в один миллион штыков и сабель. Но остановится ли на этом напряжение сил воюющих стран? Ведь Сербия в агонии перед нашествием могущественного врага заполняет женщинами убыль в рядах своих войск! Не обратится ли в конце концов к этому средству и та из великих держав, силы которой будут сломлены, резервы которой придут к концу?

Мы будем помнить об этих возможностях, но выводы свои будем строить все же не на них, а на тех данных, которые уже

выявились с большей или меньшей отчетливостью в ходе военных действий.

Налицо столкновение двух групп держав.

С одной стороны, Россия, Англия, Франция, Япония, Италия, Бельгия, Сербия и Черногория. С другой стороны Германия, Австро-Венгрия, Турция и Болгария.

Наши обозреватели не раз сравнивали размеры столкнувшихся коалиций. Сравнения эти приводили неизменно к таким выводам, что оставалось только удивляться, как это мы до сих пор не закидали шапками наших врагов.

На самом деле.

Англия [с колониями] владеет территорией в 29 млн кв. км. Россия — в 22 млн, Франция — в 11 млн. Владения Италии и Японии измеряются сотнями тысяч кв. км (Италия — 800 тыс., Япония — 450 тыс. кв. км). Восемь союзным державам принадлежит приблизительно 63,5 млн кв. км.

Между тем владения Германии составляют 3,1 млн кв. км, Австро-Венгрии — 626 тыс., Турции — 2,6 млн. Поверхность всех четырех воюющих с нами стран не больше 6,5 млн кв. км.

Соотношение (10 : 1) для нас чрезвычайно выгодное!

Но в приведенный подсчет введены колонии. А истекшие месяцы войны показали, что европейские страны могут лишь в незначительной степени использовать для военных целей средства своих колоний. Правда, колонии дали возможность Англии забрать колоннальные владения у немцев, не истратив на это ни одного шиллинга из сумм лондонского казначейства, не отправив для этой цели ни одного катера из портов метрополии, не послав ни одного солдата. Правда и то, что колонии облегчили для союзников осуществление блокады Германии. Но «желтые» и «черные» полки на европейском театре военных действий играли ничтожную роль. Все эти пидусы, суданские негры, дикари-герреро, всадники на верблюдах и чуть ли не на слонах давали обильную пищу для военных беллетристов и художников. Но едва ли они увеличили силы Англии и Франции хотя бы на 5 %.

Воюют пока лишь метрополии. Внеевропейские колонии в незначительной степени втянуты в войну.

Кроме того, выяснилось, что из воюющих стран не все участвуют в борьбе с одинаковым напряжением сил.

Япония удовлетворена достигнутыми ею успехами на Дальнем Востоке и в ближайшее время не намерена вмешиваться непосредственно в европейскую свалку.

Италия ограничивается местными операциями, связывающими определенную часть австрийских сил, но не влияющими непосредственно на соотношение сил на главных театрах военных действий.

Местный характер имеют, равным образом, операции Сербии и Черногории, с одной стороны, Болгарии, с другой стороны.

Роль Турции сводится главным образом к защите Дарданелл, преграждающих сообщение России с союзниками.

Роль Бельгии уже сыграла. От самостоятельной педавно страны осталась лишь небольшая армия, влившаяся в состав англо-французских войск на западном фронте.

Таким образом, фактически дело свелось теперь к борьбе пяти великих держав: Англия, Россия и Франция, с одной стороны, Германия и Австро-Венгрия, с другой стороны.

Остальные семь держав образуют, так сказать, обстановку борьбы. И эта обстановка может быть определена следующими чертами.

Союзники господствуют над морем и благодаря этому отрезали своих врагов от внешнего мира. Но сами союзники отрезаны друг от друга среднеевропейскими державами и Турцией. Союзники сохранили свои колонии, Германия колонии потеряла. Часть австрийских сил связана в Альпах и на Карпатах. Часть наших сил связана за Кавказом. Союзники могут черпать средства для борьбы повсюду, где пожелают. Для австро-германцев открыты ресурсы лишь мелких северных государств, части Балканского полуострова да Малой Азии.

Обстановку эту нельзя не признать благоприятной для наших союзников. Менее благоприятна она для среднеевропейских держав. И совсем невыгодно сложилась она для нас, для России.

Каково же соотношение боевых средств пяти держав, находящихся в центре столкновения?

Взглянем прежде всего на размеры этих государств.

Европейская Россия (без Финляндии)	5173 тыс. кв. км
Великобритания (без колоний)	315 тыс. кв. км
Франция (без колоний)	538 тыс. кв. км
	<hr/>
	6026 тыс. кв. км
Германия (без колоний)	541 тыс. кв. км
Австро-Венгрия	676 тыс. кв. км
	<hr/>
	1 217 тыс. кв. км

Значит, и европейские владения обеих коалиций весьма неравны. Союзники обладают территорией в 5 раз большей, чем их враги.

Но не нужно ослепляться этим перевесом. За время войны немцы заняли территорию Бельгии, часть Франции и Сербии и 15 наших губерний. Занятая ими территория равняется, приблизительно:

В России	275 тыс. кв. км
В Бельгии	30 тыс. кв. км
В Сербии	80 тыс. кв. км
Во Франции	50 тыс. кв. км
Всего в круглых цифрах свыше	400 тыс. кв. км

Захваченные территории больше трети поверхности обеих среднеевропейских держав. Кроме того, нужно помнить, что в

состав 6 млн кв. км, составляющих владения союзников, входят такие малозаселенные земли, как: Архангельская губерния — 830 тыс., Вологодская губерния — 400 тыс., Пермская губерния — 330 тыс. кв. км.

Ясно, что 1230 тыс. кв. км, составляющие поверхность Архангельской и Вологодской губерний, не могут идти в сравнение с 1217 тыс. кв. км, составляющими поверхность Австро-Венгрии и Германии. А стоит скинуть со счета эти две губернии, и окажется, что владения союзников в Европе (4800 тыс. кв. км) только в 3 раза больше владений Германии и Австро-Венгрии, расширенных военными захватами (1600 тыс. кв. км).

Этих простых выкладок достаточно, чтобы видеть, что простое сравнение поверхности воюющих держав (63 млн и 6 млн кв. км) — прием в высшей степени ненадежный. Таким сравнением можно пустить пыль в глаза читателю, но нельзя выяснить действительное соотношение сил двух государств или двух коалиций.

Надежнее признак — количество населения в каждом государстве.

К началу войны, т. е. к середине 1914 г., число жителей в воюющих странах равнялось, в круглых цифрах: в России (Европейской и Азиатской, без Финляндии) — 175 млн, в Англии (без колоний) — 47 млн, во Франции — 40 млн, всего 262 млн; в Германии — 70 млн, в Австро-Венгрии — 55 млн, всего 125 млн.

Даже если предположить, что германцам, пробившимся до Константинополя, удастся использовать полностью все силы Турецкой империи, и то соотношение численности населения складывается для наших противников неблагоприятно: на стороне союзников численный перевес приблизительно в 2 раза.

Схематическую карту воюющей Европы можно представить в таком виде:

на Западе — Англия (47 млн жит. на 315 тыс. кв. км) и Франция (40 млн жит. на 538 тыс. кв. км);

в центре — Германия (70 млн жит. на 541 тыс. кв. км) и Австро-Венгрия (55 млн жит. на 676 тыс. кв. км);

на Востоке — Россия (175 млн на безгранично-обширной территории).

В эту грубую схему я не ввожу Бельгии, так как роль ее сыграна. Не ввожу Сербию, Черногорию и Болгарию, так как силы их приблизительно уравниваются. Не ввожу Японию, так как она в европейском конфликте участвует лишь косвенно. Не ввожу Италию и Турцию, так как роль Турции как «стража проливов» мы учли, говоря о разобщении союзников, а в остальном Турция связывает часть наших сил точно так же, как Италия — часть сил Австрии.

Учитывая последние успехи наших противников, можно представить положение противников в таком, еще более схематическом виде:

на Западе — около 87 млн жит. на территории в 800 т кв. км при открытом море,

в центре — около 125 млн жит. на территории в 1600 т кв. км при закрытом море;

на Востоке — около 175 млн жит. на безграничной территории, оторванной от союзников, но открытой к востоку.

К этим грубым цифрам нужно прибавить различие в степени технической (военной и промышленной) подготовки воюющих стран. Нужно учесть отсутствие постоянной армии в Англии, известные особенности государственного хозяйственного уклада России. И тогда данные для сравнения сил противников будут налицо.

И нельзя отрицать, что при «борьбе на истощение» эти данные складываются в пользу союзников и против среднеевропейских держав.

Быть может, мыслимо было поражение союзников при молниеносных ударах из центра на запад и на восток (ибо технически развитые, милитаризированные и вооруженные с ног до головы среднеевропейские державы могли оказаться сильнее своих врагов на обоих фронтах). Но истощение сил среднеевропейских держав должно наступить раньше, чем истощение сил их врагов. Ибо у врагов их на западе — безграничный запас технических средств (благодаря открытому морю), а на востоке — колоссальный запас человеческого материала.

Разобщенность обоих театров военных действий (западного и восточного) и прочие отмеченные выше обстоятельства умаляют значение этого перевеса союзников. И, конечно, соотношение сил обеих сторон не 10:1 (как соотношение территорий с колониями), не 5:1 (как соотношение территорий без колоний перед началом войны), не 3:1 (как соотношение территорий без трех наших пустынных губерний после военных успехов Германии) и даже не 2:1 (как соотношение численности населения). Но все же перевес сил на стороне союзников несомненен. И если война продлится до истощения сил одного из противников, то побежденными окажутся среднеевропейские державы.

Я оставляю в стороне вопрос о том, что даст Европе эта победа. Не касаюсь также вопроса о том, насколько важна эта победа для демократии. Об этом достаточно писали Плеханов и Алексинский³, Бурцев⁴ и Маслов⁵, Авксентьев⁶ и Бунаков⁷, Булгаков⁸ и Мережковский⁹, Меньшиков¹⁰ и Розанов¹¹. Присоединять свое скромное имя к этой блестящей веренице главных имен я не дерзаю. Конкурировать с перечисленными учеными и публицистами в патриотизме я не намерен. Полемизировать же с ними для меня невозможно.

И потому, не касаясь политической стороны вопроса, ограничусь простым констатированием факта. При неограниченно продолжительной войне, рассчитанной на истощение сил одной из сторон, невероятно, чтобы силы союзников истощились ранее, чем силы среднеевропейских держав.

Поэтому для учета вероятных результатов войны достаточно проследить, в каких формах и когда может наступить истощение сил Германии и Австро-Венгрии.

Анализу этой стороны вопроса будут посвящены мои дальнейшие письма.

Письмо третье Расходы на войну

Как ни велики естественные ресурсы средневропейских держав, но средства их врагов еще больше. И естественно ожидать, что при затяжной войне средства средневропейских держав раньше придут к концу.

Скоро ли настанет этот час?

Чтоб иметь хоть какие-нибудь данные для ответа на этот вопрос, необходимо определить, истощение каких именно средств может сломить сопротивление наших противников.

Посмотрим, прежде всего, можно ли рассчитывать на то, что немцы будут побеждены вследствие отсутствия у них денег на продолжение войны.

Этот вопрос приводит нас к чрезвычайно интересному вопросу о стоимости войны для каждой державы и для всего человечества в целом.

* * *

К. Каутский в самом начале войны определил приблизительно стоимость одного года войны для пяти великих держав (Англии, Франции, России, Германии и Австро-Венгрии) в 100 млрд марок. В эту сумму он оценил лишь государственные расходы держав, не считая убытков, лежащих на население. Не пытался К. Каутский оценить и те потери, которые воюющие стороны несут убитыми и ранеными.

Чтоб пояснить цифру, вычисленную немецким социалистом, отметим, что 100 млрд марок — это 25-кратная сумма знаменитой контрибуции, которую 44 года тому назад Германия наложила на побежденную ею Францию.

По истечении года войны королевское статистическое общество в Лондоне попыталось вычислить, в какую сумму обошлась человечеству борьба великих держав за мировое господство. По подсчетам английских статистиков оказалось, что год войны стоил нашим великим державам и Бельгии 9 337 900 000 фунтов стерлингов, т. е. по нынешнему курсу, около 150 миллиардов рублей.

Как осмыслить эту цифру?

Представьте себе всю массу золота, имеющуюся в мире: золото в банках, золото в руках частных лиц, золотую утварь в домах богачей, золотые короны и скипетры властителей мира, золотые украшения в церквях, крупницы золота в кольцах, браслетах, брошках. Представьте себе все, что веками творилось в

мире во славу золотого тельца: все войны, все преступления, все страдания, всю муку, наполнявшую мир, охваченный погодой за золотом...

Соберите мысленно в одну кучу все золото мира. Во всех странах мира, на всех материках золота окажется на 15 млрд рублей. Это 1/10 того, сколько заплатили шесть держав за первый год войны.

К этому нужно прибавить, что с каждым днем военные расходы держав увеличиваются.

Так, во Франции *месячные* расходы на военные нужды составили (во франках): в августе 1914 г.— 805 млн, в ноябре 1914 г.— 1100 млн, в феврале 1915 г.— 1300 млн, в августе 1915 г.— 1500 млн, в ноябре 1915 г.— 1600 млн, а на начало 1916 г. определены в 1750 млн.

В Англии *ежедневный* расход на войну составлял (в фунтах стерлингов), за первые 8 месяцев войны 1,5 млн, в июне 1915 г.— 3 млн, в августе 1915 г.— 3,5 млн, в октябре 1915 г.— 4,5 млн, в ноябре 1915 г.— 5 млн.

Равным образом повышались непрерывно и наши военные расходы. Согласно официально опубликованным данным, Россия расходовала на войну *ежемесячно* (в рублях): за второе полугодие 1914 г.— 400 млн, за первое полугодие 1915 г.— 500 млн, за второе полугодие 1915 г.— 700 млн.

Соответствующих цифр для Германии и Австро-Венгрии мы не имеем. Но несомненно, что увеличение военных расходов держав-союзниц вызывает все большее напряжение сил и средневропейских государств.

Во Франции за год дневные расходы на войну увеличились на 85 %, в Англии — на 100 %, в России — на 75 %. Последнюю цифру, как наименьшую, примем за основу дальнейших рассуждений.

Если первый год войны стоил шести державам 100 миллиардов рублей (не считая человеческих жертв), то второй год будет стоить не меньше 175 миллиардов. А так как за это время число воюющих стран увеличилось, так как в войну вмешались Турция, Италия и Болгария и выступление их создало новые театры военных действий, то второй год войны будет стоить человечеству значительно больше, чем 175 миллиардов рублей и, во всяком случае, не меньше 200 миллиардов.

За два года — 300 миллиардов рублей!

Это 100-кратная сумма нашего государственного бюджета. Проценты по этой сумме, обращенной в государственный долг, превысили бы сумму бюджетов пяти великих держав...

Но если война обходится так дорого, то нельзя ли ожидать, что недостаток денег заставит немцев признать себя побежденными? Мы говорим о немцах, так как их ресурсы, как мы показали, значительно меньше, чем средства их врагов.

В начале войны многие именно на этом строили свои надежды на скорое окончание войны.

Посмотрим, насколько основательны были эти надежды.

Сосредоточим все внимание на Германии, так как относительно нее мы имеем наиболее полные сведения, касающиеся способов финансирования войны.

В самом начале войны Германия открыла кредит на военные нужды в сумме 30 миллиардов марок.

В настоящее время эта сумма Германией реализована и израсходована без остатка.

Откуда же страна взяла такую чудовищную сумму денег? Кое-что германское правительство добыло повышением налогов и выпуском бумажных денег. Были пущены в ход и специальные капиталы, припасенные заблаговременно на случай войны. Но этим путем удалось добыть лишь 1/8 требуемой суммы. Внешние займы оказались для Германии невозможны. И почти всю требуемую для войны сумму страна собрала тремя последовательными внутренними займами:

первый заем (сент. 1914 г.)	дал 4 461 млн марок
второй заем (февр. 1915 г.)	9 060 млн
третий заем (сент. 1915 г.)	12 101 млн

Все три займа — 25 622 млн марок

Значит ли это, что в Германии оказалось свободных капиталов на 25,6 млрд марок и что население отдало эту сумму правительству на военные нужды?

Нет!

25,6 млрд марок в стране никогда не было. Сумма свободных капиталов на немецком денежном рынке к началу войны едва ли превосходила 1—2 миллиарда марок. Но в первые месяцы правительство предприняло ряд финансовых мер, которые сообщили подвижность капиталам, находившимся раньше в связанном состоянии. Первый заем, размещенный чрезвычайно искусно при общем воинственном энтузиазме, подобрал, нужно полагать, все средства, которые в то время были у граждан. Подписывались на этот заем и бедняки, и средние классы, и богачи. Число подписчиков перевалило за миллион. И если они дали государству 4461 млн марок, значит, больше у них и не было.

Откуда же в стране спустя 5 месяцев оказалось еще 9060 млн, а спустя еще 7 месяцев новые 12 101 млн марок?

Очень просто!

Получив 4,5 млрд, правительство израсходовало их и, по необходимости, внутри страны. Все эти деньги, извлеченные из немецких кошельков и карманов, снова вернулись в немецкие кошельки и карманы. Заводчики получили эти деньги за железо, за порох, за снаряды, за предметы обмундирования. Рабочие получили часть этой суммы в виде заработной платы. Аграрии поживились при продаже государству предметов продовольствия.

Когда сумма, собранная первым займом, была израсходована и в казне Вильгельма II стало пусто, в стране оказались вновь свободные деньги. И притом не 4,5 млрд, а ббльшая сумма.

К сумме казенных платежей, возвращенных стране, прибавились пятимесячные сбережения.

Гельферих¹², немецкий министр финансов, определяет сбережения (прирост богатств) Германии в 10 миллиардов марок в год. Другие экономисты определяют годовые сбережения Германии в 7—8 миллиардов. А К. Каутский считает, что во время войны сбережения не могут быть больше 6 миллиардов в год.

Если принять последнюю цифру, и тогда 5 месяцев должны были дать стране сбережения на 2,5 миллиарда. Значит, к выпуску второго займа на денежном рынке Германии было не меньше 7 миллиардов марок свободных капиталов.

Но заем был покрыт на сумму 9 миллиардов.

Откуда были взяты лишние 2 миллиарда? Они были извлечены из фонда восстановления постоянного капитала.

Теперь понятно, каким образом через 7 месяцев после второго займа германское правительство поместило в стране новый заем в небывалую сумму в 12 101 млн марок.

К моменту размещения этого займа деньги, собранные вторым займом, были истрачены и в стране было благодаря этому до 9 миллиардов свободных капиталов. К этой сумме прибавились 3 миллиарда сбережений, сделанных страной за 7 месяцев между вторым и третьим займами, и вот вам разгадка непонятого богатства Германии во второй год войны.

Совершенно очевидно, что, действуя таким способом, германское правительство весной 1916 г. без большого труда устроит новый, четвертый заем в 15 миллиардов марок, а осенью разместит, если потребуется, и пятый заем миллиардов на 18.

По этому поводу немецкие империалисты будут кричать о росте богатства страны, о благодетельности войны. А наши публицисты, предсказывавшие финансовый крах Германской империи, будут удивляться: «Как это немец изворачивается!» Но восхищаться и удивляться тут нечему. Государство, финансирующее войну *внутренними* займами и добывающее все (или почти все) боевые материалы на *внутреннем* рынке, не может испытать недостатка в денежных средствах, пока война не сделалась ненавистна населению и пока население не потеряло доверия к правительству.

К тому же германское правительство принимает специальные меры, чтобы обеспечить доверие капиталистов к своим военным займам. Мелкие купюры займов оно рассовывает в пизах населения. Благодаря этому оно привлекло к первому займу 1 177 235 подписчиков, ко второму — 2 691 060, к третьему — 3 551 746.

Такие займы выдержат какую угодно революционную бурю. По таким займам вынуждено будет платить какое угодно правительство, которое унаследует власть от Бетмана-Гольвега¹³ и Гельфериха. И капиталисты учитывают это...

Кончая письмо, прошу читателей «Забайкальского обозрения» не пугаться множества цифр, приведенных мною на этих столбцах, и теоретической трудности затронутых здесь вопросов. Вопросы эти действительно очень сложны.

Но обойти эти вопросы невозможно. Только разобрав их, можно понять, что финансовые затруднения не могут привести к окончанию войны*.

Возможно, что немцы будут побеждены в нынешней борьбе на истощение. Но истощаться у них должны для этого не деньги, а *другие* боевые ресурсы.

Какие именно ресурсы — об этом мы поговорим в следующем письме. Дальше поговорим мы и о том, к каким результатам для народного хозяйства должно привести в конце концов безумное расточение средств в ходе войны.

Письмо четвертое

Хозяйственное истощение Германии

1

Для войны нужны деньги. Без денег воевать невозможно. Но денег у наших противников достаточно. Отсутствие денежных средств, финансовые затруднения не заставят их признать себя побежденными.

Говоря о близком истощении Германии, наши газеты в последнее время чаще и охотнее всего ссылаются не на отсутствие денег у наших противников, а на недостаток у них хлеба, хлопка, селитры, меди — вообще жизненных продуктов и сырья. Говорят о растущей в Германии дороговизне, о расстройстве ее промышленности и торговли, о надвигающемся на страну голоде.

И на этом строят надежды на скорое и победоносное окончание войны.

Что в Германии не хватает многого — это верно. В 1913 г. в Германии было на 1 кв. версту 145 жителей, тогда как в России — 9,4. Страна со столь густым населением не может жить

* В последнее время это положение признала и официальная наука. Так, например, проф. М. И. Фридман¹⁴ (в № 39 «Вестника финансов, промышленности и торговли») пишет: «Было бы наивно рассчитывать на то, что Германия должна будет покориться из-за финансовых затруднений. Современные государства во время войны становятся распорядителями всех колоссальных богатств, накопленных народом. С помощью налогов и, особенно, выпуска кредитных денег, сопряженного с кредитными операциями, воюющие страны... могут добывать то, что нужно для финансирования войны, как будто без особенного труда... Если есть достаточное количество людей, оружия, съестных припасов, если не остыл боевое напряжение войска и народа, если не исчезла готовность к лишениям и жертвам, чисто финансовый вопрос, вопрос о деньгах, не может играть решающей роли у таких крупных государств, как воюющие ныне державы». [Примеч. автора.]

без внешнего ввоза, не может прокормиться собственным хлебом.

И хотя Германия снимала с десятины 130—156 пудов пшеницы, а Россия 32—53 пуда, все же на душу населения в Германии приходилось пшеницы 3,6 пуда, а у нас 6,7. Не меньше 20—25 % потребляемого хлеба Германия ввозила из-за границы.

Равным образом не хватало Германии собственного мяса, масла, яиц и еще многих предметов питания. Для удобрения полей в Германии употреблялась привозная селитра. На изготовление тканей шел привозной хлопок. Ввозились из-за границы многие элементы металлообрабатывающей и химической промышленности. В пределах среднеевропейских государств не добывалось каучука, почти не добывалось меди и никеля. Добыча нефти в Германии не покрывала спроса австро-немецкой промышленности на жидкое топливо.

Все это давало в начале войны возможность надеяться на быстрое истощение хозяйственных запасов среднеевропейских государств.

Охватив кольцом Германию и Австро-Венгрию, союзники надеялись взять их измором, как осажденную крепость. Но эта задача оказалась неразрешимой.

В первый год наибольшей опасностью грозило Германии отсутствие хлеба. Но высокие урожаи предшествовавших войне двух лет выручили Германию. Сократив и урегулировав потребление хлеба, Германия продержалась до урожая 1915 г.

Урожай 1915 г. оказался ниже среднего. Но в этом году исключительно богатый сбор хлебов оказался в нейтральной Румынии. Одной пшеницы Румыния собрала 300 тыс. вагонов (против 127 тыс., собранных в 1914 г.). Германия скупила свободные остатки румынского урожая и этим ее продовольственные нужды до лета 1916 г. покрыты.

А о более отдаленном будущем наши враги могут не думать. Ведь в их распоряжении захваченная ими территория, на которой до войны кормилось свыше 42 млн человек, т. е. в общей сложности население, превышающее численность населения Франции. Кроме того, немцам удалось пробиться к богатствам Малой Азии и Месопотамии. Значит, пока они не будут разбиты на поле битвы, отсутствие хлеба в 1917 или 1918 г. им не грозит.

Серьезной угрозой явилось для Германии прекращение ввоза селитры из Чили. Но с этой угрозой успешно справилась немецкая техника, выработавшая приемы добывать азот для удобрения почвы и для другого употребления прямо из воздуха. В настоящее время в этом отношении немецкое народное хозяйство не зависит от ввоза из-за границы.

Так же точно разрешился и хлопчатобумажный кризис в среднеевропейских странах.

Этот кризис был весьма серьезен, так как одна только Германия (не считая Австро-Венгрии) потребляла ежегодно свыше

В этом превращении Германии в лагерь, в котором все подчинено требованиям войны и большая часть населения живет для войны и войною, в этом источник огромной хозяйственной устойчивости наших врагов.

Мы видим, что из 30—40 миллиардов годового дохода страны правительство Германии может брать на нужды войны ежегодно 14—20 миллиардов.

Возьмем среднюю из двух последних цифр — 17 миллиардов. Ежегодные военные издержки в этой колоссальной сумме не нарушают, как оказывается, хозяйственного равновесия Германии.

Только увеличивая военные издержки выше этой суммы, за пределы 17 миллиардов в год, германское правительство сталкивается с вопросом: откуда взять недостающие средства на войну? И здесь-то придется обращаться к старым запасам, экономить на удовлетворении текущих потребностей населения, на восстановлении капитала и т. д.

Но урезав на 10—15 % потребности, извлекая ежегодно по 4 миллиарда из основного капитала и реализуя миллиарда на 2 запасов, Германия может расходовать на войну свыше 25 миллиардов ежегодно — и хозяйственное истощение не достигнет ее, хотя бы война продолжалась неопределенно долго.

Нужно, значит, ожидать какого-то другого окончания нынешней войны.

Хозяйственное истощение Германии конца войны не принесет.

Письмо пятое

Много ли людей осталось у наших противников?

В предыдущих письмах я разобрал вопрос о возможности скорого прекращения войны под влиянием финансового или экономического истощения наших противников.

И вывод, к которому я пришел, оказался неутешительный: денег и боевых материалов нашим противникам хватит еще на много лет.

Быть может, ближе момент истощения *живого материала*, питающего армии воюющих стран?..

Много ли людей, способных носить оружие, осталось у средневропейских держав?

Этот вопрос давно уже мелькает в нашей печати. Каждый день газеты приносят новые доказательства того, что последние резервы пемцев на исходе.

Оказывается, немцы берут в армию младенцев и стариков, так как мужчины призывного возраста у них давно не осталось. Оказывается, прекращения войны вследствие истощения человеческого материала у немцев можно ожидать со дня на день. Оказывается, «безумные» попытки немцев перейти в наступ-

20 млн пудов привозного хлопка. А отсутствие хлопка должно было остановить не только производство тканей, но и выработку пороха.

В начале войны в Германии оказались запасы хлопка в количестве до 250 тыс. т. Эти запасы пополнились благодаря захвату хлопка в Бельгии, Северной Франции и Польше. Но этого было недостаточно, хлопковый голод все же грозил Германии на втором году войны.

В это время на помощь Германии пришли нейтральные страны — Швеция, Норвегия, Дания и Голландия. Они начали усиленно ввозить к себе хлопок и вывозить его в Германию.

Вот картина того, как шла работа в этом направлении в названных государствах. В марте и апреле ввоз хлопка составлял (в сотнях тысячах английских фунтов):

	1914 г.	1915 г.	Увелич.
В Швецию	337	4 564	+4227
Норвегию	130	5 570	+5440
Данию	—	1 813	+1813
Голландию	424	15 394	+14970

Под конец Англия приняла меры, чтобы закрыть доступ хлопка в нейтральные страны, торгующие с Германией. Но в это время немецкая техника нашла уже способ заменить хлопок при изготовлении пороха особым образом переработанной древесиной.

В это время в Германии начали усиленно наводить экономию на всех вообще изделиях из волокнистых веществ — на шпагате, веревках, тканях. И теперь к грозящему ей прекращению ввоза хлопка страна относится с величайшим хладнокровием.

Были слухи, что в Германии не хватает меди. Этим слухам придавали значение, так как медь необходима для предметов военного снаряжения. Медь обладает особыми свойствами (значительной вязкостью), которых нет у других металлов. Эти свойства и сплавам удавалось сообщать лишь путем введения в них меди.

Германия не добывает меди и не имеет медных рудников. Ввоз меди в страну прекратился. А медь нужна была в огромном количестве для изготовления ружейных гильз и снарядов. Тогда правительство реквизирировало запасы меди, находившейся в стране, — колокола, кастрюли, части машин — все вплоть до медных пуговиц. Подсчет показал, что этих запасов хватит на 10 лет. А тут к тому же в руки немцев попали медные рудники, расположенные на севере Сербии.

Все это — частные примеры. Но по ним видно, как борется Германия с блокадой. Отчасти помогают ей нейтральные страны. Местами ей удается силой оружия прорубить брешь в охватившем ее кольце. Все силы ее техники направляются на то, чтобы избавить ее от хозяйственной зависимости от заграничного ввоза. Где это не удается сразу, страна прибегает к регулированию и сокращению потребления и к использованию запасов.

При таких условиях надеяться на экономическое истощение Германии было бы непростительной наивностью.

В Германии продукты массового потребления дорожают. Народ голодает. Но причина этого внутренняя, а не внешняя. Причина дороговизны в Германии — безудержная спекуляция, разнузданная алчность немецких аграриев.

Временами хищничество богачей, строящих свои барыши на переживаемом стравой бедствии, проявляется в Германии так ярко и вызывает против себя такое негодование в пролетарских кругах, что является мысль о могущей вспыхнуть в Германии революции.

Но это уже особый вопрос. Возможности прекращения войны революцией мы не касаемся. Нас интересует пока лишь вопрос о том, может ли война кончиться вследствие истощения припасов в Германии.

Но на этот вопрос мы должны ответить отрицательно.

2

В последнее время к вопросу о хозяйственном истощении Германии стали подходить с другой стороны.

Вот, например, как поставили вопрос «Русские ведомости».

Весь годовой продукт Германии оценивался до войны самое большее в 42 миллиарда марок.

Из этой суммы в распоряжение имперской казны, отдельных немецких государств, городов и общин поступало 7 миллиардов. На прирост национального капитала, на увеличение богатства страны откладывалось ежегодно тоже 7 миллиардов. Остальные 28 миллиардов шли на удовлетворение текущих потребностей населения.

Война сократила годовую производительность труда в стране на 1/3, т. е. до суммы в 28 миллиардов. Но сумма, поступающая в распоряжение государства и общин, осталась при этом прежняя — 7 миллиардов. За вычетом этой суммы страна располагает всего 21 миллиардом.

Но одна только война поглощает чуть не 20 миллиардов — точнее, в первый год поглотила 18 миллиардов, а в следующее полугодие 12 миллиардов.

Значит, на покрытие текущих потребностей в стране не остается ничего. Страна живет на свои запасы, экономя на восстановлении капитала и урезая до последней степени потребление. Длительное время такое существование невозможно. А потому хозяйственное истощение страны неизбежно.

В этом расчете все построено на ошибках.

Начать с того, что нет оснований считать, что война сократила на 1/3 годовой доход Германии. Многие отрасли ее промышленности процветают, как никогда. Ее земледельцы кладут в карманы миллионы и сотни миллионов там, где раньше кричали о грозящем им разорении. Наживаются и углепромышленники, и сахарозаводчики, и металлурги, и машиностроители,

саться мы не будем. Заберет ли Германия Эстляндию и Курляндию в целях защиты своих восточных владений, или мы получим Галицию, или Франция вернет себе Эльзас, каждое такое «исправление границ» лишь увеличит неизбежность новой войны, лишь сгустит висящие над Европой тучи.

Таким образом, мир, предлагаемый Европе мистером Фордом, по-видимому, является миром *преждевременным*.

Люди еще не успели додраться.

Еще недостаточно пролито крови. Еще недостаточно пало убитых. Слишком мало вдов и сирот в мире. Еще не зазубрилась коса смерти — и не пришло еще время кончать кровавую жатву.

2

Мы пришли к заколдованному кругу.

Война ведется на истощение сил. Но доведение этой борьбы до конца означает чуть ли не гибель Европы.

Война должна прекратиться раньше *такого* конца. Но преждевременное прекращение ее приведет неизбежно к возобновлению бойни.

Люди, мысль которых отравлена удушливыми газами шовинизма, угадывая смутно сформулированные в последних строках положения, делают из них такой вывод.

Как это ни тяжело, но приходится воевать до истребления немцев. Пусть это будет стоить Европе 50 миллионов человеческих жизней! Но милитаризму должен быть положен конец!

Бедные слепцы! Бедные жертвы удушливых газов! Откуда мы взяли, что разгром 145-миллионной коалиции средневропейских государств принесет с собой конец милитаризму? Ведь на наших глазах растут два новых милитаристических центра на западе и на востоке от Европы — в Северо-Американских Соединенных Штатах и в Японии! Откуда вы взяли, что в будущем невозможны столкновения между державами, ныне объединенными в союз? Ведь интересы России на Дальнем и Ближнем Востоке не тождественны с интересами в этих областях Японии и Италии! Ведь стремления Франции в Африке не тождественны с английскими планами относительно Черного материка!

Если бы разразилось землетрясение в Европе и земля поглотила бы Германию и Австро-Венгрию, если бы исчезли с географической карты не только Берлин и Вена, но вместе с ними и Царьград с Дарданеллами и Босфором, — разве это могло бы обеспечить мир Европе? Разве это разрушило бы основы милитаризма?

Разумеется, нет! Не разрушило бы, не обеспечило бы мира...

Это приведет нас к безотрадному выводу: собственно говоря, и мир после разгрома Германии был бы лишь перемирием...

Капиталистическое развитие привело к роковой черте.

Мы вступили в полосу бесконечных войн. И эти войны не несут в себе условий для своего завершения прочным миром. Эти войны внутренне неразрешимы.

ление объясняются именно тем, что немцы, устрешенные чудовищной убылью людей в своих рядах, отчаялись в победе...

Пусть весь этот вздор останется на совести газетчиков, которые видят свой патриотический долг в том, чтоб морочить людей посредством печатного слова, на совести публицистов, которые распространение лжи сделали своим ремеслом. Нам нужна не успокаивающая, усыпляющая ложь о скорой победе и близком мире, а правда — какой бы тревожной ни оказалась она...

1

Развитие империализма и соперничества между державами дошло до своего логического предела.

Столкнулись в вооруженной борьбе две коалиции, число граждан которых исчисляется многими десятками миллионов, и спор идет о том, на чьей стороне раньше будет истреблено, перебито все взрослое мужское население.

Это — последняя фаза борьбы на истощение. Ибо деньги совершают во время войны круговорот, так что истощение их невозможно. Материальные средства тоже кое-как восстанавливаются, и все ужасы разоренья Европа почувствует лишь после заключения мира. И только жизнь человеческая разрушается в сражениях безвозвратно. Никакая сила не воскресит павших, не вернет в строй убитых.

Пока не перебито мужское население средневропейских держав, силы их не сломлены. Только когда немцы будут истреблены, прусский милитаризм перестанет быть «угрозой европейскому миру».

Так поставлена проблема развития европейской культуры с точки зрения союзников.

И нужно отдать справедливость нашим врагам: в их представлении задача мировой истории принимает менее кровавый характер. Германия не мечтает о том, чтоб истребить мужское население России, Франции, Англии и Италии. Германия мечтает только о том, чтобы продержаться и удержать в своих руках захваченную добычу до того момента, когда державы согласия признают неразрешимой задачу поголовного истребления немцев...

Говоря о поголовном истреблении, мы далеки от преувеличения и сгущения красок.

В армию в нынешнюю войну призывается все мужское население страны. И потому истребление стратегических резервов противника превращается в истребление мужской половины враждебного народа.

В мирное время вне казармы оставались больные и физически слабые люди. Действовали льготы по образованию, по семейному положению и т. д. Но война уравнила всех перед необходимостью платить подать кровью. И прежде всего оказались уравнены физически слабые и больные с сильными и здоровыми.

Формируя «дивизии смерти», посылая полки на верную смерть, не считаются ни с физическими недостатками мобилизуемых ни с их семейным положением. Каждый мобилизуемый на что-нибудь да годен. В крайнем случае годен на то, чтобы умереть и своим трупом увеличить бруствер тел, под прикрытием которого лезут вперед новые колонны людей, обреченных на смерть...

У испанского романиста Бласко Ибаньеса¹⁵ имеется потрясающая картина боя быков. Разъяренный зверь подхватывает на рога лошадей, бросает их на воздух. Лошадей с волочащимися по земле внутренностями вытаскивают с арены, — и за досчатой загородкой их чинят, как старые баньмаки: засовывают вывалившиеся внутренности в распоротое брюхо, зашивают пятами рану. И вслед за тем снова выгоняют этих лошадей на арену, навстречу быку, который должен снова подхватить их на рога. Так используется до конца жизнь несчастных животных, и кровожадная толпа, собравшаяся вокруг арены, до конца наслаждается их муками, их агонией.

Теперь вся Европа превратилась в «кровавую арену», описанную испанским романистом. И на этой арене человека используют так, как в Испании использовали лошадей, — используют его до последнего издыхания, до последней капли крови.

Считая стратегические резервы немцев, мы должны принять во внимание этот характер современной войны.

2

Число жителей в воюющих с нами странах нам известно: Германия — 68 млн, Австро-Венгрия — 53 млн, Турция — 20 млн, Болгария — 4 млн, всего 145 млн человек.

В Германии и Австро-Венгрии мужчины в возрасте 17—45 лет составляют 20,5 %, 46—50 лет — 2,5 %, 51—54 лет — 2,0 %.

В Турции и Болгарии число мужчин средних возрастных групп несколько меньше. Но мы, во всяком случае, не преувеличим число их, если будем считать в возрасте 17—45 лет — 19,4 %, 46—50 лет — 21,9 %, 51—54 лет — 23,9 %.

Эти цифры позволяют нам определить численность мужского населения различных возрастных групп во всех четырех государствах, воюющих с нами.

	Германия и Австро- Венгрия	Турция и Болгария	Всего
17—45 лет	24 684 000	4 656 000	29 340 000
17—50 лет	27 709 000	5 256 000	32 965 000
17—54 года	30 129 000	5 736 000	35 865 000

Из этого числа нужно исключить людей, физически не годных для военной службы, т. е. слепых, глухонемых, идиотов, сумасшедших, калек и больных.

Но слепые, глухонемые, идиоты и сумасшедшие составляют лишь 0,5 % населения, столько же приходится на калек. На больных приходится 1—2 %. Допуская некоторое преувеличение, мы можем забраковать самое большее 5 % из мужчин призывного возраста. Но и тогда численность призываемых будет определяться огромными цифрами: 17—45 лет — 27 873 тыс., 17—50 лет — 31 317 тыс., 17—54 лет — 34 072 тыс.

Из этого числа некоторую часть необходимо оставить для обслуживания предприятий, работающих на военные нужды. Определим число необходимых здесь рабочих в 4 млн человек.

Эта цифра скорее преувеличена, чем преуменьшена, так как она в 10 раз больше числа рабочих, занятых на военных заводах в Англии, и в 2 раза больше числа всех рабочих (мужчин и женщин, взрослых и детей), занятых во всех видах обрабатывающей промышленности в России.

Может явиться мысль, что германская промышленность лопнет, если из нее будут вырваны и отвлечены на фронт миллионы рабочих. Но это неверно.

Призывы в воюющих государствах производятся постепенно, частями.

Так, в первый призыв попало в Германию и Австро-Венгрии миллионов 10, т. е. около 1/3 мужчины, способных носить оружие. Но в промышленности средневропейских стран на мужчин призываемого возраста приходится немногим больше 50 % всех рабочих рук — остальная работа выполняется женщинами, подростками и стариками. Усилив эксплуатацию женского и детского труда, промышленники легко вознаградили себя за убыль рабочих-мужчин. Таким образом, первый призыв почти не отразился на производительных силах страны.

К моменту следующего призыва в стране оказались сотни тысяч, а то и миллионы военнопленных. Приспособились к работе и вернувшиеся с фронта раненые. Наконец, широких размеров достигла эксплуатация труда гражданского населения захваченных областей (Бельгии, Польши, Северной Франции).

Все это облегчило извлечение из промышленности новых миллионов рабочих рук.

Таким же способом будут производиться и следующие призывы. И потому мы можем с уверенностью утверждать, что наши противники сумеют использовать до конца свой запас живых сил. А определяется этот запас цифрой в 30 млн человек.

3

Число убитых, раненых и взятых в плен на стороне наших противников огромно.

Чтобы сгладить впечатление от огромной цифры потерь германской армии, имперский капцлер не нашел ничего лучшего, как сослаться на то, что потери держав Согласия еще больше, чем потери Германии и Австро-Венгрии.

денций в различных государствах Европы. Равным образом ясно, что война не уничтожила тех предпосылок, из которых выросли эти тенденции.

Совершенно несомненно, что после войны соперничество между державами останется таким же, каким оно было до войны.

Представим себе такую картину.

Миссия мистера Форда¹⁷, снарядившего мирную экспедицию в Европу, увенчалась успехом. Воюющие державы вняли голосу благоразумия, обращенному к ним из Америки. Заключен мир. Допустим самое невероятное при сложившихся условиях: мир заключается без аннексий. Восстанавливаются в прежних границах Бельгия и Сербия. Германия получает обратно свои колонии. Россия получает обратно западные губернии, Франция — северные департаменты. Улаживается тем или иным способом и вопрос о проливах...

Представим себе такую картину и спросим себя: чем будет такой мир для Европы? Принесет ли такой мир прочный покой европейским народам? Или это будет лишь кратковременное перемирие перед новыми войнами?

Двух ответов на эти вопросы быть не может.

Такой мир, привезенный в Европу мистером Фордом, был бы лишь перемирием.

В самом деле.

Под покровом этого мира продолжалось бы стремление средневропейских держав на восток и их хозяйничанье на Балканах и в Малой Азии. В Бельгии и во Франции зрела бы идея реванша. Англия, вступившая на путь милитаризма, развивала бы свои судоходные силы. С новой стороны всплыл бы вопрос о русско-немецких торговых отношениях. Америка, за счет европейских государств развившая у себя производство смертоносных орудий, продолжала бы засыпать Европу снарядами. Япония, все глубже и глубже пропихивая Китай, с востока давила бы на Россию. Все жила бы в напряженном ожидании катастрофы. Все готовилось бы к неизвестности завтрашнего дня. Дипломаты создавали бы новые комбинации. Германия стремилась бы использовать неизбежные трения среди союзников в целях осуществления того плана, который ей не удался в нынешней войне. А союзники, предполагая, что союз между ними выдержит испытание временем и останется нерушимым, подстерегали бы момент, когда можно будет добить Германию и освободить Европу от вечной угрозы новой войны...

В результате — дальнейший рост вооружений и через два-три года новая война, быть может, еще более ужасная, чем та, свидетелями которой мы являемся.

Предположим себе теперь, что мир, заключенный по настояниям мистера Форда, будет иметь в основании своем не возвращение к старым границам, а те или иные аннексии, гарантирующие победителей от повторения нападения на них.

В чью пользу будут произведены такие аннексии, этого ка-

не говоря уже о пушечных королях. Правда, рабочие в Германии бедствуют. Но акционерные предприятия дают прекрасный дивиденд, а сумма вкладов в сберегательных кассах поднялась до небывалой высоты, дошла до 20 миллиардов.

Все это делает весьма спорным вопрос о годовом доходе Германии во время войны. Ведь к этому доходу нужно причислить все то, что немцам удастся выжать из захваченных ими областей. А как оценить эту добычу? В миллионы или в миллиарды?

Впрочем, спорна и сумма годового дохода Германии в мирное время. Вероятно, в мирное время доход страны выражался суммой 30—40 миллиардов марок. И в этих же пределах заключена ценность годового продукта Германии в военное время.

Из этой суммы в мирное время 6—8 миллиардов шло на увеличение национального богатства. Теперь эта сумма поступает на военные нужды.

7 миллиардов, поступавшие в мирное время в распоряжение государства и общин, сохраняют и теперь то же назначение.

Остается сумма в 17—25 миллиардов. Какую часть ее может отчуждать государство для покрытия военных расходов, не урезая потребностей населения, не расхищая запасов страны и не затрачивая капитала?

По-видимому, ни одного пфеннига?

Но это глубокое заблуждение.

В настоящее время в Германии 10 миллионов человек приходится на занятых в предприятиях, работающих непосредственно на морское и военное ведомство; 19 миллионов составляют мобилизованные с их семьями; 7 миллионов приходится на лиц, занятых в государственных и общественных учреждениях и предприятиях.

Все эти 36 млн человек находятся так или иначе на иждивении государства. При этом не существенно, выдает ли государство им пищу натурой (как солдатам) или деньгами (как семьям мобилизованных), или уплачивает им жалованье, или рассчитывается с ними, выдавая им заработную плату. Существенно, что 36 млн человек в Германии продовольствуются за счет ценностей, отчужденных так или иначе государством. А за счет ценностей, не взятых правительством, должны просуществовать не 61 млн человек, как до войны, а всего лишь 32 млн*.

Значит, во время войны правительство Германии может забрать почти половину тех средств, которыми в мирное время покрывались текущие потребности населения. Оно может забрать на эту сумму хозяйственных ценностей путем выпуска бумажных денег или займов, путем реквизиций или налогов. И ни в том, ни в другом, ни в третьем случае не будут затронуты ни запасы страны, ни ее капитал, ни уровень потребностей ее населения.

* Принимая население Германии в 68 млн.

Но значит ли это, что Европа переживает агонию? Значит ли это, что мы присутствуем при гибели человеческой культуры? Нет!

Смертный приговор человеческой культуре был бы подписан лишь в том случае, если бы капитализм (с империализмом и милитаризмом, как неразлучными спутниками) был единственной возможной формой существования общества. Но, к счастью, это не так.

Капитализм — лишь преходящая форма исторической жизни людей. И в рамках капиталистических отношений общество эволюционирует, преобразуется, изменяет свой характер. Ведь целая пропасть лежит между Англией времени Адама Смита¹⁸ с господствующей во всех областях жизни свободой конкуренции и, для примера, современной воюющей Германией с характерным для нее вторжением государственной власти во все области хозяйства! Целая пропасть лежит между Францией начала минувшего века и современной Англией, где министр Ллойд Джордж¹⁹ и представители тред-юнионов как равные силы вступают между собой в соглашение.

В ходе истории человечества не только поколения ученых, поэтов, мыслителей сменяют друг друга, но и общественные классы приходят один на смену другому.

Когда сходит в могилу великий человек, над могилой его гремят поминальные речи. Когда сходит со сцены истории общественный класс, выходящий до конца свое историческое предназначение, сказавший свое последнее слово и ставший для мира ненужным, тогда над землей загорается красное зарево в небе.

Такое зарево пылало над миром 120 лет тому назад. Но оно бледно и слабо по сравнению с заревом военных пожаров, зажженных над Европой империалистическим соперничеством держав.

Это новое зарево — такая же грань в истории, как великий переворот конца XVIII в. во Франции.

Неразрешимость противоречий, во власти которых гибнет буржуазная Европа, делает неизбежным выступление на авансцену истории новых общественных слоев, чуждых империалистическим стремлениям господствовавших до сих пор классов.

И теперь, на исходе 18 месяцев войны, можно с полной ясностью видеть, что именно внутреннее перерождение государств Европы, перепрушивание общественных сил внутри них принесет человечеству мир.

Чтобы видеть это, нет надобности ссылаться на события последнего времени в Берлине, на настроения во Франции или в Англии, на недавнюю швейцарскую конференцию социалистов. Все эти события показательны. Но чтоб в шуме их услышать тяжелые шаги исторически неизбежных грандиозных событий, нужно обратить внимание на положение, выше установленное нами:

— ведь каждый мир, установленный в нынешней обстановке господствующими классами, был бы лишь кратковременным перемирием;

— прочный мир может быть установлен лишь с переходом господства в руки элементов, чуждых империализму, т. е. в руки *не буржуазных* элементов;

— и только *пролетариат* может быть опорой установленного таким образом мира;

— мир, установленный до торжества пролетариата, будет непрочен и, следовательно, *преждевременным*...

* * *

Предсказывать, когда и как кончится нынешняя война, — пустое занятие. Но можно с уверенностью утверждать, что полоса войн, в которую вступила Европа полтора года тому назад, ведет к вполне определенным изменениям во внутреннем укладе ее жизни — именно к всестороннему обобществлению, к социализации ее. И этому вопросу будут посвящены дальнейшие письма.

Письмо седьмое

Проблема населения после заключения мира

1

Английский министр Ллойд Джордж в споре с тред-юнионистами бросил недавно крылатые слова: «Разве вы не поняли до сих пор, что война — это стихийное бедствие! С землетрясением нельзя входить в договорные соглашения».

Сравнение не вполне удовлетворяет нас, как не убедило оно, впрочем, и английских тред-юнионистов. Между войной и землетрясением та разница, что люди не в силах прекратить землетрясение, но могут остановить войну. На того, кто во время землетрясения пытался бы словами и заклинаниями остановить его, мы смотрели бы как на безумца. На тех, кто в ходе войны вслед за Либкнехтом²⁰ поднял голос против разгула империализма и против аннексий, мы смотрим с гордостью, так как ими спасается культура Европы; в их руках знамя, которое должно осенить человечество, когда закончится нынешний пир смерти...

Но, не соглашаясь с Ллойд Джорджем в его определении войны, мы должны все же признать, что английский министр ближе к истине, чем те благонамеренные сюсюкающие и воздыхающие профессора, которые до сих пор ищут «духовный смысл» войны.

Война — это стихийно-разрушительный процесс, подобный не землетрясению, а пожару, процесс, конец которому будет положен вмешательством определенных общественных сил.

Мы не можем предсказать, когда и чем кончится война. Но мы твердо знаем, что *до конца* (в смысле полного истощения и разгрома одной из сторон) война может быть доведена лишь

через много-много лет. Равным образом мы знаем, что прочный мир наступит лишь тогда, когда в общественных группировках Европы произойдет определенный сдвиг в сторону торжества демократии, в сторону вытеснения ныне господствующих классов другими, чуждыми идей империализма...

Полтора года тому назад многих — от Рорбаха²¹ до Кропоткина²² — интересовал вопрос, что принесет миру торжество той или другой коалиции. Считалось несомнительным, что борьба кончится полным торжеством или союзников, или среднеевропейских держав. Считалось бесспорным, что от того, кто победит, зависит направление дальнейшего хода истории...

Как далеки мы теперь от такого понимания войны!

Полтора года показали нам, что возможные в результате войны перемещения границ европейских государств — ничтожная мелочь по сравнению с теми переменами, которые эта война внесет во внутреннюю жизнь общества. В этих переменам всемирно-исторический смысл войны.

В переходе человечества на высшую ступень общественного существования — внутренний смысл войны, ее историческое оправдание.

Как будет совершаться этот переход — предсказать невозможно. Но, изучая то положение, в котором будет находиться Европа после заключения мира, мы можем уяснить себе, в какую сторону будет толкать ее жизненная необходимость.

2

Источником богатства народов, основой ценности является труд. Степень квалифицированности труда, находящегося в распоряжении нации, определяет уровень ее хозяйственного развития. Но мировое значение при внешних условиях могут иметь лишь страны, располагающие значительным запасом живого труда, т. е. многочисленным населением.

Бельгия с ее 8 млн жителей могла развить внешнюю торговлю, превосходящую торговлю Австро-Венгрии (53 млн жителей) и почти равную торговле России (175 млн жителей). Но только Германия с ее многочисленным и постоянно растущим населением могла выступить на мировом рынке соперницей Англии. А в будущем можно было ожидать выступления на авансцену мировой истории России, Соединенных Штатов, Японии, вообще любого из больших и растущих государств, но никак не Франции, не Бельгии, не Швеции.

Оценивая будущность Европы, нужно прежде всего остановиться на том, в каком положении окажется в европейских государствах после войны *вопрос о народонаселении*.

Война — это торжество смерти. Будто ледяное дыхание чумы веет над миром. Но чума косит свои жертвы без разбора, уносит мужчин и женщин, стариков и детей. А во время войны смерть отбирает здоровых и сильных, щадя стариков, щадя женщин, щадя калеки, слабоумных, увечных. И потому опустошение, остав-

ляемое в мире войной, чувствительнее, глубже, чем следы, оставленные эпидемией, унесшей такое же количество людей.

Если эпидемия унесет 10 % населения, то в последующие годы абсолютный прирост населения уменьшится на 10 %, а относительный прирост может остаться на прежнем уровне.

Иное дело — 10 % убыли населения вследствие войны. В этом случае вся убыль падает на мужчин средних возрастных групп. Для этой части населения убыль получается в 40—50 %. В этой же пропорции должно уменьшиться на ближайшее десятилетие число деторождений. Обычная же смертность при этом почти не уменьшается. И в результате вместо естественного прироста должна получиться ежегодная убыль населения, которая прекратится лишь спустя много лет, когда подрастут новые поколения, когда станут отцами те, кто во время войны были детьми.

Необходимо иметь в виду еще одно обстоятельство.

Убыль 10 % населения при эпидемии не нарушает (или почти не нарушает) численного соотношения между мужчинами и женщинами, между людьми, способными к труду, и стариками и малолетними, находящимися на их попечении. А 10 %-ная убыль населения под влиянием войны означает 40—50 %-ную убыль мужчин-работников при сохранении прежнего числа женщин, детей и стариков. В результате создается совершенно новый состав семейств, получается новое соотношение между потребностями общества и живыми силами, которыми оно располагает для удовлетворения своих потребностей...

Сопоставление, которое я делаю между последствиями войны и последствиями эпидемии, может показаться искусственным. Мне скажут: «Не лучше ли обратиться к истории прежних войн? Не лучше ли в истории искать примеры того, как излечивалось общество от ран, нанесенных войной?»

Но в том-то и дело, что история прежних войн не дает нам ни одного примера, пригодного для сравнения: прежние войны были слишком незначительны, слишком бескровны по сравнению с переживаемой миром катастрофой.

Наполеоновские войны стоили Европе 1,5 млн человек в 15 лет. Нынешняя война поглотила 15 млн жертв в полтора года. Даже принимая во внимание, что население Европы выросло за это время в 3—4 раза, все же приходится признать, что количество переходит здесь в качество.

Нельзя, изучив излечение царпшны в 1 мм глубиной, утверждать, что так же точно будет протекать заживление рапы в 10 см глубиной!

В минувшей истории Европы мы знаем лишь одно событие, последствия которого похожи на последствия, которые должна иметь нынешняя война, «доведенная до конца». Это — черная смерть, чума, в середине XIII в. опустошавшая Европу, грозным призраком прокатившаяся через весь материк и вызвавшая глубокие изменения в жизни людей и в общественных взаимоотношениях.

Учитывая последствия войны с точки зрения проблемы народонаселения, нужно принять во внимание, что при заключении мира каждая страна получит обратно своих пленных, что одновременно с этим вернутся в свои семьи миллионы стоящих под ружьем солдат. Нужно также иметь в виду, что часть раненых, возвращающихся в тыл, сохраняет жизненные силы и способность иметь потомство. В число окончательных потерь следует заносить лишь убитых и безнадежно изувеченных.

Вот число таких окончательных потерь по подсчету английского журнала «Economist».

	За полтора года войны	В среднем за 1 год
Англия	235 тыс. чел.	160 тыс. чел.
Франция	515 тыс. »	340 тыс. »
Россия	980 тыс. »	655 тыс. »
Италия	140 тыс. »	95 тыс. »
Бельгия и Сербия	130 тыс. »	85 тыс. »
Германия	990 тыс. »	660 тыс. »
Австро-Венгрия	840 тыс. »	560 тыс. »
Турция и Болгария	150 тыс. »	100 тыс. »

Для правильной оценки этих потерь необходимо сравнить их с численностью населения каждой страны, и в частности с численностью взрослого мужского населения. При этом взрослое и здоровое мужское население каждой страны мы можем принять, согласно указаниям статистики, в 20 % всего населения.

Окончательные потери за 1 год

	Число жителей	В % к числу жителей	В % к числу мужчин
Англия	47 млн	0,34	1,7
Франция	40 »	0,85	4,25
Россия	175 »	0,34	1,7
Италия	36 »	0,26	1,3
Бельгия и Сербия	12 »	0,71	3,5
Германия	68 »	0,97	4,8
Австро-Венгрия	53 »	1,06	5,3
Турция и Болгария	24 »	0,40	2,0

Если воюющим государствам удастся избежать увеличения заболеваний и смертности, являющегося обычным спутником войны, то цифрами последнего столбца будет измеряться понижение рождаемости в каждом государстве в результате каждого года войны.

Но значение такого сокращения рождаемости определяется для каждого государства характерным для него соотношением числа рождений и смертей в мирное время. Для государства с

ничтожным естественным приростом уменьшение числа рождений на 2—3 % весьма чувствительно. А для государства, ежегодно выбрасывающего за свои границы сотни тысяч эмигрантов, не страшно и более резкое понижение числа рождений.

Приведем данные о числе рождений и смертей в воюющих государствах.

	Рождения	Смерти	На 1000 жителей	
			Естественный прирост	Отношение естеств. прироста к числу рождений
Англия	25	14	11	44 %
Франция	20	18	2	10 %
Россия	44	29	15	34 %
Италия	33	18	15	45 %
Сербия и Бельгия	30	17	13	44 %
Германия	30	16	14	47 %
Австро-Венгрия	34	23	11	32 %
Болгария	42	24	18	42 %

Из этой таблички мы видим, что во всех государствах, кроме Франции, имеется налицо значительный перевес числа рождений над смертностью. Поэтому лишь война, тянущаяся много лет, может подорвать способность воюющих народов к естественному росту. При нынешней кровопролитности войны, при нынешнем количестве жертв убыль мужчин прекратила бы рост населения: в Англии — через 26 лет, во Франции — через 2,3 года, в России — через 20 лет, в Италии — через 35 лет, в Сербии и Бельгии — через 12 лет, в Германии — через 10 лет, в Австро-Венгрии — через 6 лет.

Непосредственная опасность грозит, как мы видим, лишь Франции. Положение Англии, России и Италии таково, что о приостановке их роста вследствие убыли людей можно было бы говорить лишь после 20 лет войны. Более тревожное положение Австро-Венгрии и Германии. Но и в этих воюющих с нами государствах убыль мужского населения станет действительно угрозой их росту не так скоро, как этого многие ожидают.

4

Мы приходим таким образом к заключению, что ни одному государству Европы (за исключением Франции) не грозит пока физическое вымирание вследствие механического истребления населения.

Гораздо серьезнее опасность таится в расстройстве хозяйственной жизни, влекущем за собою нищету, болезни, распространение эпидемий и повышение смертности (главным образом в крайних возрастных группах среди детей и стариков). С этой опасностью наилучшим образом справятся те государства, которые проявят максимальную смелость и энергию в развитии социального законодательства.

И интересно бросить взгляд на те меры, которые уже теперь принимаются в воюющих государствах ради обеспечения дальнейшего роста населения.

Германия.

Здесь женатых солдат отпускают с фронта домой, причем им вменяется в патриотический долг при возвращении в строй оставить жену ожидающей рождения ребенка.

Здесь разрабатываются меры помощи многодетным, выдаются пособия многодетным женщинам, устраиваются для них специальные квартиры, организуется ясли, приюты.

План этих мероприятий разработан учеными немецкими профессорами. И их указания проводятся в жизнь всемогущей государственной властью.

Англия.

Классическая страна индивидуалистической свободы не может ввести в вопрос о создании новых поколений немецкие методы, своей грубой прямолинейностью напоминающие приемы коннозаводства. Здесь вопрос разрешается доброй волей граждан.

Как общественное начинание в этой области газеты отметили образование общества, поставившего целью подыскание невест возвращающимся с фронта раненым воинам. Во главе этого общества стоят два благочестивых епископа.

Россия.

У нас ограничилось лекцией Тана²³, призывавшего учащуюся молодежь — студентов и курсисток — к мобилизации деторождения. Пример Тана подражателей не нашел. И его не поддержали пока даже такие «специалисты», как Арцыбашев²⁴ и Сологуб²⁵...

Случайно ли это? Или тут проявились особенности трех стран?

Ведь лекция Тана, общество сватовства с благочестивыми епископами во главе и немецкая «подготовка призыва 1935 г.» — все это явления одного порядка. Но в Германии вопрос поставлен как государственное дело; в Англии — как дело христианской благотворительности; у нас — как болтовня, из которой, на хороший конец, ничего не выйдет, а на плохой конец, получится гнусность. В Германии за дело берутся ученые профессора, в Англии — елейнейшие священнослужители, у нас — болтливейшие из пустозвонов.

Случайность ли это? Увы, не случайность!..

Но в будущем жизненная необходимость заставит все государства поставить вопрос о населении как вопрос государственной. Жизненная необходимость заставит все государства признать право матери и ребенка на жизнь и принять на себя охрану этого права. Это так же неизбежно, как и широкое развитие мероприятий социальной гигиены.

В этом направлении должно пойти после войны развитие жизни европейских государств независимо от выступления новых общественных групп на авансцену истории при ликвидации европейского конфликта.

Ибо при проведении Германней намеченной политики Англии не удовлетворится деятельностью своих епископов, а Россия не сможет оставаться при лекциях Тана. Равенство должно быть восстановлено. И жизнь восстановит его, заставит и нас, и англичан идти по пути мероприятий государственного социализма.

Письмо восьмое

Проблема демобилизации после войны

За последний год понятие «мобилизация» расширилось, получило распространительное толкование. Стали говорить о мобилизации промышленности. Затем заговорили о мобилизации кредита. А под конец не осталось ничего, что не подверглось бы «мобилизации».

«Мобилизация ответственности», «мобилизация доверия», «мобилизация печати»... Такими выражениями пестрели газеты. Договорились даже до «мобилизация губернаторов». Но, к счастью для России, мобилизованные губернаторы не были все же отправлены на фронт под вражеские пули, а получили командировку на узловые железнодорожные станции — следить за разгрузкой вагонов.

Нет ничего удивительного, что под влиянием всех этих мобилизационных опытов и разговоров у среднего читателя сложилось скептическое, полунасмешливое отношение к самому понятию «мобилизация», поскольку это понятие не относится к армии. «Мобилизацию армии, рассуждает читатель, я себе представляю. Но все остальные мобилизации слишком похожи на пустую болтовню. И трудно понять связь этой мобилизации языков и газетных перьев с войной».

Но если отбросить в сторону военную болтовню, все же приходится признать огромное значение за мобилизацией хозяйственной жизни каждой воюющей страны.

Сговоримся относительно смысла слова: «мобилизацией» хозяйственной жизни страны мы называем приспособление ее к нуждам военного времени.

Поскольку такое приспособление совершается волею и приказами государственной власти, мы имеем перед собой *государственную мобилизацию* хозяйства страны. Поскольку здесь действуют общественные организации, мы можем говорить об *общественной мобилизации*. При стихийно-неорганизованном течении процесса приспособления перед нами *стихийно-неорганизованная мобилизация*.

В зависимости от того, насколько полно приспособилось хозяйство страны к обстановке и нуждам военного времени, мы можем говорить о полной или неполной, законченной или же только-только начавшейся мобилизации хозяйства.

При таком определении «мобилизации» нетрудно очертить и смысл обратного понятия — «демобилизация».

Под «демобилизацией» мы будем понимать возвращение хозяйственной жизни к нормальным условиям мирного времени.

В ходе войны и после нее хозяйственной жизни втянутых в войну стран предстоит пережить два потрясения — сперва «мобилизацию», потом «демобилизацию». Пройдут ли эти потрясения бесследно или в результате их будут поколеблены самые основы хозяйственного быта Европы? Вернемся ли мы после военных потрясений к прежней системе хозяйства, характеризующейся анархической конкуренцией и торжеством индивидуальной свободы капиталистов? Или к этой системе после войны уже не будет возврата?

Таковы стоящие перед нами вопросы.

* * *

«Мобилизация» хозяйственной жизни всего раньше началась и получила наиболее полное выражение в Германии. В известной степени германская практика рисует нам то положение, к которому другие воюющие страны придут спустя некоторое время в результате продолжающейся войны.

В Англии планомерная «мобилизация» промышленности началась лишь в середине 1915 г., т. е. спустя почти целый год после начала военных действий.

Во Франции перестраивание промышленности началось значительно раньше, но государственная власть проявляет в данной области большую нерешительность. Даже у нас хозяйственная жизнь кое-как приспосабливается к новым условиям, хотя этот процесс приспособления и протекает крайне уродливо, болезненно для масс населения.

Война поставила перед различными странами существенно различные задачи, которые все же могут быть сведены к ряду общих требований:

- 1) обойтись без заграничного ввоза и вывоза товаров или урезанным ввозом и вывозом;
- 2) обойтись без рабочих рук мобилизованных;
- 3) снабдить армию оружием, снарядами, амуницией, провиантом.

Иными словами: война лишила промышленность части сырья, рабочей силы и рынков сбыта и в то же время поставила перед нею задачу удовлетворить во что бы то ни стало потребности нового рынка — многомиллионной армии.

И тут необходимо было для каждого государства, чтобы его хозяйственные силы приспособились к этим новым условиям. Это стало вопросом самосохранения каждого государства. От удовлетворительного разрешения этого вопроса зависели не только военные силы государства, но и сохранение в нем внутреннего мира, и финансовая мощь государства, и все его будущее.

Трудности, стоявшие в этом отношении перед каждым государством, были прямо пропорциональны тем испытаниям, которые война внесла во внешние условия его хозяйственной жизни.

Всего тяжелее оказалось положение Германии, обладавшей до войны развитой внешней торговлей, нуждавшейся в привозном сырье и приужденной содержать армии на двух фронтах разом. Положение Австрии было менее трагично, так как Австрия менее зависит от внешнего рынка и в меньшей, чем Германия, степени нуждается в привозном хлебе.

Из держав Согласия наилучшее положение оказалось у Англии, которая легко восстановила сношения со всем миром и могла производить призыв добровольцев в свою армию постепенно, не отвлекая никого насильно от работы и в то же время систематически очищая страну от безработных. Тяжелее оказалось положение Франции, потерявшей при первом наступлении немцев свои богатейшие департаменты, снабжавшие железом и углем чуть ли не всю страну. Наконец, еще хуже оказалось положение России, так как закрытие Дарданелл и западной сухопутной границы поставило нас в почти такое же состояние блокады, в какое Англия пыталась поставить Германию.

Чтоб судить о размерах разрухи, внесенной войной в жизнь различных стран, приведем несколько цифр.

К 1 сентября (н. ст.) 1914 г., к началу второго месяца войны, среди членов профессиональных союзов Германии число безработных доходило до 21,2 %. Эта цифра превышает в 10 раз среднее число безработных за десятилетие 1904—1913 гг.! За все последнее десятилетие не было случая, чтоб безработица среди членов немецких профессиональных союзов подымалась выше 4,8 %.

А между тем к 1 сентября 1914 г. не меньше 20—25 % рабочих было призвано на фронт. Значит, промышленность в это время сократилась до 55—60 % нормального оборота.

Постепенное приспособление промышленности к новым, созданным войною условиям привело к сокращению безработицы. К 1 ноября 1914 г. число безработных упало до 10,5 % (да кроме того 7,2 % работали неполное время); к 1 февраля 1915 г. осталось 6,6 % безработных (и 7,5 % работающих неполное время); к 1 августа 1915 г. оказалось лишь 2,6 % безработных (и 3,6 % работающих неполное время). В то же время в промышленности успешно притекал женский труд, и в результате на второй год войны Германии удалось поднять свой хозяйственный оборот почти до того уровня, на котором стоял он до войны.

А вот картина постепенного приспособления к военной обстановке хозяйственной жизни Франции.

Французское министерство труда периодически публикует собранные анкетным путем сведения о числе приостановившихся во время войны предприятий и о числе рабочих, занятых в предприятиях, продолжающих функционировать. Насколько можно судить по этим анкетам (охватывающим далеко не всю промышленность Франции), оказывается:

	% предприятий, продолжавших функционировать	% продолжавших работать рабочих и служащих
В августе 1914 г.	45	34
В октябре »	58	44
В январе 1915 г.	69	59
В апреле »	77	65

Таким образом, в начале войны торгово-промышленная жизнь Франции сжалась до 1/3 нормального оборота, а в течение 8 месяцев оправилась настолько, что оборот ее равнялся почти 2/3 нормального.

Нет сомнения, что к концу 1915 и к началу 1916 г. в хозяйственной жизни Франции можно было отметить и дальнейшее улучшение.

Отмечаемое и в Германии и во Франции резкое сокращение хозяйственной жизни и последующее постепенное восстановление ее рисуют приспособление хозяйственных сил обеих стран к новой обстановке, к новым условиям военного времени.

Посмотрим теперь, как совершалось это приспособление.

Часто приходится слышать утверждение, что в приспособлении хозяйственных сил Европы к обстановке военного времени проявилась необыкновенная гибкость и живучесть капиталистического строя. Ведь этот строй выдержал колоссальные потрясения и не рухнул!

Это утверждение правильно лишь наполовину.

В том, как прошла хозяйственная мобилизация Европы, проявилась сразу и сила и слабость капиталистического строя, живучесть его и неизбежность его смерти.

В самом деле.

Воюющая Европа избежала промышленного краха, который многие ожидали при начале всемирной войны. Но капиталистический строй принужден был в целях приспособления к условиям военного времени сдать целый ряд своих позиций.

Частнопредпринимательский интерес, как регулятор производства, оказался никуда не годен. Капиталисты должны были уступить руководящую роль во всех областях хозяйства государственной власти.

Взгляните на Германию.

Из 68-миллионного населения страны 36 млн непосредственно содержатся государством. Государство монополизировало в своих руках торговлю большей частью жизненных припасов. Государство устанавливает цены на продукты. Государство местами прямо распределяет продукты между населением. Государство предписывает гражданам, какой хлеб, когда и в каком количестве должны они есть. Государство предписывает сельским хозяевам, какими семенами должны они засеять поля и сколько скота должны они содержать. Государство закупает за границей для своих граждан необходимые предметы питания. Государство посредством особых обязательных связей регулирует производство

и транспорт, кредит и торговлю, распределение и даже потребление.

Примите во внимание, что эта своеобразная хозяйственная система в Германии еще далеко не получила своего вполне законченного выражения, что она продолжает развиваться, что каждый месяц приносит нам известие о дальнейшем вытеснении этой системой частнопредпринимательского начала в хозяйственной жизни.

Примите, далее, во внимание, что в вопросе о формах организации хозяйства Германия идет во время нынешней войны впереди всех остальных страны Европы, что другие страны малопомалу вводят у себя то, что раньше было введено немцами.

Примите это во внимание, и для вас станет ясно, что хозяйственный быт воюющей Европы и те формы хозяйственной жизни, которые водворяются в Европе при дальнейшем течении войны, имеют мало общего с капитализмом. На наших глазах капитализм превращается в свою противоположность. Создается своеобразная, внутренне противоречивая, но вместе с тем крепкая и стройная система военно-государственной регламентации, вытесняющая старую систему свободной конкуренции.

Эта система получила в литературе меткое название «военного социализма». И необходимо в полной степени уяснить себе, что корни этой системы не в необходимости повысить производительность пушечных заводов, а в том, что резко изменилась вся обстановка хозяйственной жизни государства, и государство под угрозой гибели должно было приспособить свои хозяйственные силы к новым условиям.

Капитализм не нашел в себе сил и средств для того, чтобы перестроить хозяйство страны по новому плану. В этом сказались бессилие капитализма как *системы хозяйства*.

Но государство, как особый орган, успело взять дело в свои руки, причем капиталисты от этого не только ничего не потеряли, но, напротив, получили новые источники огромных доходов. В этом проявилась сила государства, с одной стороны, и политическая сила капиталистов как *класса*, с другой стороны.

* * *

Как мы показали в предыдущих письмах, ход военных действий исключает мысль о возможности скорого мира (иначе как под влиянием выступления демократии).

Значит, к моменту восстановления мира система государственной регламентации (или «военного социализма») будет более распространена в Европе, чем в настоящее время.

При таких условиях перед Европой встанет задача «демобилизации», т. е. нового перестроения хозяйственной жизни каждого государства применительно к тем новым условиям, которые окажутся налицо после войны. Европе придется решить эту задачу и в случае «преждевременного мира», т. е. в том случае, если после войны во главе государств останутся силы, зажегшие

пожар вынужденной войны и готовые использовать перемирие для подготовки к новой войне. И эта задача будет *значительно сложнее*, чем предыдущая задача «мобилизации» промышленности. В этом убедиться нетрудно.

Мир освободит 20—25 млн человек, которые к моменту заключения мира будут находиться под ружьем. Они вернутся в свои родные города и села и 3/4 из них окажутся в положении безработных. Что будут делать государства Европы с этими людьми?

Мир разорит тысячи предприятий, работающих на военные нужды. В одной только Германии благодаря этому без куска хлеба останется до 10 млн человек. Что предпримут государства Европы, чтобы смягчить этот кризис?

Мир не воскресит сразу промышленности, которая раньше работала на внешние рынки, так как за время войны внешние рынки окончательно уйдут от ныне воюющих стран. Частью завладеют этими рынками нейтральные страны, частью эти рынки закроются вовсе благодаря развитию местной промышленности в странах, которые раньше нуждались во ввозе из-за границы...

Только люди безнадежно слепые могут думать, будто раны, нанесенные войною хозяйственной жизни народов, излечатся сами собой под влиянием всеисцеляющего времени! Только слепцы могут думать, будто после войны Европа сможет вернуться к системе свободной конкуренции, к той хозяйственной системе, которая царяла до войны!

На самом деле к этой системе возврата после войны не будет.

Задача «демобилизации», по природе сходная с задачей «мобилизации», но притом значительно более сложная и трудная, окончательно утвердит в передовых странах Европы систему государственной регламентации хозяйственной жизни.

Из военно-государственного социализма, на наших глазах расцветшего в Германии и пробивающего себе путь и в других странах, исчезнет специфически военный дух. Но новый принцип хозяйствования останется, и не только останется, но будет развиваться все дальше и дальше под влиянием условий, о которых мы поговорим в следующем письме.

И развиваться этот принцип будет не под покровом «гражданского мира», а в атмосфере напряженной гражданской борьбы.

Господство государственной власти над хозяйственными силами страны сохранится. На очередь встанет вопрос: кому, какому классу должна принадлежать эта государственная власть?

К постановке и решению этого вопроса и идет человечество.

Письмо девятое

Финансовые последствия войны

Как известно, нынешняя война ведется почти исключительно за счет займов.

Только в Англии известная часть военных расходов покрыв-

вается налогами. А в других странах даже поштынок не делается возложить финансирование войны на плечи налогоплательщиков. И если в Германии, во Франции или у нас вводятся специальные военные налоги и усиливаются ставки налогов, существовавших до войны, то эти мероприятия отнюдь не преследуют цель покрыть целиком или отчасти военные издержки. Их цель несравненно скромнее: заткнуть кое-как дыры обычного государственного бюджета.

Дело в том, что война внесла расстройство в народное хозяйство. В результате — недобор по всем статьям государственного бюджета. Сократилось поступление как прямых, так и косвенных налогов. Государства не могут свести концы с концами в своих обычных сметах, в расходах на управление, на поддержание путей сообщения, на школы и пр. И новые налоги вводятся для того, чтоб покрыть получающийся здесь дефицит.

В России, несмотря на повышение старых налогов и создание новых, бюджет все же сводится с дефицитом в несколько сот миллионов рублей. Это значит, что займами покрываются у нас не только все военные расходы, но и часть расходов, не имеющих прямого отношения к военным действиям.

Приблизительно таково же и положение Германии.

Мы не будем останавливаться на подробном изображении финансовых мероприятий различных государств. Сейчас нас интересуют лишь те *финансовые последствия*, которые оставит война после себя.

Как и в предыдущих письмах, я хочу наметить здесь общую линию, по которой пойдет после войны развитие государственной жизни. Для освещения с этой точки зрения вопроса о финансах мы можем исходить в дальнейшем расчете из такой формулы:

Военные издержки покрываются в нынешней войне займами; значит каждый год войны приносит увеличение государственного долга, равное годовым военным расходам;

следовательно, в результате войны долг каждого государства увеличится на сумму, выражающую стоимость войны.

Оговариваюсь: это упрощенная, грубая формула. В действительности часть военных издержек покрывается все же налогами (Англия). Но зато часть займов, заключаемых во время войны, уходит на покрытие дефицитов по обычному бюджету (Россия). И мы принимаем, что эти отклонения взаимно покрывают друг друга.

* * *

Займы, к которым прибегают государства во время войны, бывают трех родов.

Прежде всего, нужно различать займы внешние и внутренние.

1) *Внешний заем* заключается в том, что одно государство — например Англия — одалживает другому — например России — известное количество денег на определенных условиях.

В условиях оговаривается, когда и сколько процентов должны мы уплачивать англичанам и когда обязуемся мы погасить долг.

Но в каком виде получим мы деньги от наших заимодавцев? Получим ли мы несколько вагонов английских банковых билетов? Или к нам приплывет корабль, нагруженный золотом?

Недавно, например, мы сделали в Англии золотой заем в 4 млрд рублей.

1 фунт золота стоит около 500 рублей, 1 пуд — 20 тыс. рублей. Значит, на 1 млн рублей идет около 50 пудов золота, на 1 млрд — около 50 тыс. пудов, а на 4 миллиарда — 200 тыс. пудов, т. е. 10 поездов из 20 вагонов каждый, нагруженные золотом.

На что нам эти горы золота? И получим ли мы это золото из Англии?

Этого золота мы не получим, да оно и не нужно нам. Золото, якобы получаемое нами, в действительности остается в Англии, и им мы расплачиваемся за военные заказы, выполняемые для нас английскими заводами. Таким образом, вся операция сводится к тому, что Англия доставляет нам на 4 млрд снарядов и военных припасов, а мы обязуемся заплатить ей цену этих товаров с определенными особым договором процентами.

Такой же вид имеют французские и английские займы в Америке. Америка не отправляет в Европу золото, а отправляет на соответствующую сумму лошадей, автомобилей, хлопка, готовых снарядов и пр.

В результате заключения и израсходования государством внешнего займа получается, следовательно, такая картина:

государство А отправило государству В определенное количество боевых материалов;

государство В, получив эти материалы, израсходовало их;

у государства В осталось обязательство уплатить государству А в известные сроки определенную сумму (превышающую стоимость полученных боевых материалов).

Значит, пока государство В воюет за счет государства А. Но после войны народу залезшего в долги государства придется расплачиваться. Расходы на войну переносятся, так сказать, во времени, с одного года на другой.

2) Совершенно иное значение имеют *внутренние* займы.

Вот, например, Германия в три приема собрала со своих граждан внутри страны займами 25,5 миллиарда марок.

Истратив эту сумму в пределах своей страны, германское правительство вернуло в страну взятые из нее деньги. Значит, *деньгами* страна ничего не потеряла.

Но, расходуя собранные путем займов деньги, правительство отчуждает на соответствующую сумму всевозможные припасы, необходимые для войны (снаряды, амуниция, провиант, фураж и т. д.). Эти припасы вырываются из народного хозяйства и разрушаются безвозвратно. Оплата этой реальной стоимости войны не перелagается на будущие годы, но ложится целиком на современников войны.

С этой точки зрения убыточность первых 18 месяцев войны для немцев была бы не больше, чем теперь, если бы правительство вместо всяких займов просто забрало бы в стране на 25 млрд марок всевозможных хозяйственных благ и сожгло бы их. Тот же эффект получился бы в результате грандиозного землетрясения или пожара.

Но при финансировании войны внутренними займами от уничтоженных ценностей остается след. Собственники потребных государству продуктов получают денежное вознаграждение (иногда даже превосходящее нормальную стоимость проданных им продуктов). Получается, таким образом, перемещение ценностей. При растущей дороговизне и обнищании низших слоев населения богатеют поставщики военного ведомства. А главное, в руках определенной части населения остаются долговые обязательства государства на всю сумму заключенных им займов.

По этим займам государство должно будет рано или поздно платить.

Это значит, что государство после войны должно будет откуда-то достать и отдать своим кредиторам сумму ценностей, равную стоимости войны!

Откуда же возьмет оно эту сумму?

Откуда, например, германское правительство достанет 25,5 млрд для уплаты своим отечественным кредиторам?

Источник один — народный труд.

А так как главную массу плательщиков государственных налогов составляют низы населения, то государственные обязательства по внутренним займам приводят вот к чему.

Этими обязательствами государство обеспечивает за высшими, имущими классами получение соответствующей суммы — главным образом — за счет неимущих низов населения.

В конечном счете все сводится к тому, что германское правительство истратило на войну на 25,5 млрд разных хозяйственных ценностей. А за это удовольствие оно обязалось в будущем содрать со своих верных подданных еще 25,5 млрд и передать их держателям государственных бумаг.

Нам скажут на это: на займы подписываются не только богачи; государственные займы размещаются и среди рабочих: в Германии число подписчиков равнялось: при первом займе — 1177 тыс., при втором — 2691 тыс., при третьем — 3552 тыс.

Допустим даже, что подписчики каждый раз являлись новые. Допустим, что займы распределялись между 7420 тыс. человек.

Примем число налогоплательщиков в Германии в 20 млн. Может казаться, будто больше 1/3 их числа участвовали в займах и получают свою долю при погашении их.

Но при погашении займов на 25,5 млрд каждому немцу — плательщику налогов придется внести свыше 1000 марок.

А среди подписчиков на займы мелкие подписчики, внесшие до 1000 марок, составляли: при первом займе — 746 тыс., при втором — 1694 тыс., при третьем — 2380 тыс., итого 4820 тыс.

Эти 4820 тыс. чел. при уплате государством военных долгов получают меньше, чем сколько государство возьмет с них налогами.

Выгадают, следовательно, при уплате лишь 2600 тыс. чел., около 10% налогоплательщиков. Но выгадают они весьма не одинаково.

Слишком 20% общей суммы займов (5241 млн марок) германское правительство получило от 2828 подписчиков; 13% (3376 млн марок) дали ему следующие 13 685 подписчиков. Приблизительно столько же, сколько дали эти богачи, внесли при распределении займа 650 тыс. средних капиталистов. И только недостающую сумму внесла многомиллионная масса малоимущих.

Значит, даже при самом широком размещении займов после войны при погашении займов предстоит *грандиозная экспроприация бедноты в пользу богачей.*

Тут оплата войны не переносится на плечи последующих поколений.

Реально война оплачивается целиком современниками. А в дальнейшем предстоит держателям государственных бумаг получить полностью стоимость войны — с кого? С государства! Значит, с народа! Значит, главным образом с неимущей, рабочей массы населения.

Мы рассмотрели, таким образом, сущность внешних и внутренних займов. Но есть еще один вид займа, о котором необходимо упомянуть, — это выпуск бумажных денег.

Выпуская бумажные деньги сверх золотого покрытия, государство обязуется со временем выкупить их, изъять их из обращения, так как иначе оно не может вернуться к свободному размену бумажек на золото.

Таким способом правительство как бы кредитует у своего народа. За чей счет совершается этот кредит, проследить довольно трудно. Но одно ясно до очевидности.

При обесценении бумажных денег все товарные цены идут в гору. Купцы и промышленники на этом наживаются. А страдают от этого малоимущие классы.

Выкупать же свои бумажки государству приходится за счет все того же налогоплательщика, за счет которого оно платит по своим внешним и внутренним займам.

Таким образом, мы приходим к выводу: нынешние войны, питаемые займами, оставят после себя народам такое наследство, по сравнению с которым бремя милитаризма, до сих пор тяготевшее над Европой, будет казаться детской игрушкой.

* * *

Попытаемся определить в цифрах вероятные финансовые последствия войны.

К октябрю 1915 г. военные займы, заключенные различными государствами, выражались в таких примерно цифрах (в рублях): Великобритания — 12 млрд, Франция — 8 млрд, Россия —

7 млрд, Италия — 1 млрд, всего 28 млрд; Германия — 14 млрд, Австро-Венгрия — 5 млрд, всего 19 млрд.

А предстоящие тем же государствам дальнейшие расходы в год определялись (в рублях): Великобритания — 18 млрд, Франция — 10 млрд, Россия — 12 млрд, Италия — 3 млрд, всего 43 млрд; Германия — 12,5 млрд, Австро-Венгрия — 8 млрд, всего 20,5 млрд.

Чтобы оценить значение этих цифр, остановимся на одной какой-либо стране, например на России.

Перед войной наш государственный долг равнялся 8 млрд рублей. К октябрю 1915 г. он должен был увеличиться, согласно приведенным цифрам, до 15 млрд. К 1 января 1916 г. государственный контроль определил наш долг в 17 млрд. В эту сумму не вошли: 1 млрд — собранные последним 5,5-процентным внутренним займом; 4 млрд — одолженные нам Англией; 3 млрд — бумажных денег, выпущенных сверх золотого покрытия и подлежащих выкупу при возвращении к размену бумажек на золото. Всего, значит, наш долг теперь равен 25 млрд руб. В дальнейшем этот долг возрастет.

По последним официальным сообщениям, мы тратим по 1 млрд руб. в месяц на войну. Возможно, что в ближайшее время эта сумма ежемесячных военных расходов еще увеличится.

Но допустим даже обратное.

Тогда, при продолжении войны, наш государственный долг будет равняться: к 1 января 1917 г. — 37 млрд, к 1 января 1918 г. — 49 млрд, к 1 января 1919 г. — 61 млрд, к 1 января 1920 г. — 73 млрд рублей.

На этой цифре мы можем остановиться, так как даже англичане не предполагают, что война продлится дольше 1920 г.

И заметим себе хорошенько: наш государственный бюджет составлял до войны 3 млрд руб. ежегодно. Последний заем мы получили из 6 %, за дальнейшие займы будем платить еще дороже. Значит, уже в текущем 1916 г. наши платежи по займам превысят 1,5 млрд руб., а в 1920 г. эти платежи будут поглощать полностью и без остатка всю сумму нашего государственного бюджета!

Это — при предположении, что правительство не будет предпринимать каких-либо шагов к погашению государственного долга или к сокращению его суммы.

Но такое предположение не соответствует действительности, ожидающей нас. Ибо все долги заключаются на срок, и ждать до бесконечности кредиторы могут не пожелать.

А при постепенном погашении долгов, в ближайшие после войны годы, Россия должна будет расходовать на проценты по государственному долгу и на уплату самого долга ежегодно сумму, в полтора-два раза превышающую величину нашего нынешнего государственного бюджета.

Примите во внимание, что платежные силы населения будут подорваны, что капитал страны будет разрушен, что лучшие ра-

ботники не вернутся домой с кровавого поля, и вам ясно станет, что финансовые последствия войны разрешить будет нелегко.

Но не представляйте себе, что только положение России будет затруднительно.

Нет! Таково же будет и положение Германии, Франции, Австро-Венгрии. Не многим лучше будет и положение Англии и Италии.

Не будем задерживаться на оценке этого положения; пусть оценят его вместо нас сторонники «войны до конца».

Мы удовлетворимся пока тем, что отметили, насколько затруднительна будет для воюющих государств *финансовая ликвидация* войны.

А в дальнейшем попытаемся выяснить, какими путями должны будут идти государства, чтоб справиться с задачей, которая встанет перед нами.

Письмо десятое

Условия государственного хозяйства после войны

Надеюсь, что мои читатели не кажутся праздными и пустыми те вопросы, которым были посвящены мои последние письма. Надеюсь, никто не упрекнет меня за то, что я пытаюсь определить вероятные последствия войны в то время, как печать полна подробностей о военных событиях вчерашнего дня, полна описаний сегодняшнего положения борющихся армий.

Ведь нельзя сознательно относиться к войне, не уяснив себе тех исторических перспектив, которые открываются за нею. А уяснить себе открываемые войной перспективы — значит определить, каково будет после войны состояние различных сторон народной и государственной жизни.

Этими вопросами и занимался я в последних письмах.

Но к этим вопросам я попытался подойти с точки зрения, несколько отличающейся от той, которая усвоена всей нашей печатью. Оставив разговоры о том, что принесет миру торжество «правды и справедливости» (т. е. России, Англии и Франции) над «тевтонским варварством» (т. е. над Германией и Австрией), я попытался в цифрах представить то, что принесет народам война. И первое, что обнаружили цифры, полученные нами, это несомненность вполне определенного и бесконечно тяжелого, разрушительного влияния войны на обе коалиции, на победителей и на побежденных.

Кончится ли война решительной победой той или иной стороны или мир будет заключен при приблизительном равновесии сил борющихся коалиций, этого мы в настоящее время не знаем. Научно предвидеть это нельзя. А предсказывать будущее, не зная его, мы предоставляем тем гадалщикам на кофейной гуще, которые уверены, что во время войны каждый патриот должен кричать «ура», а каждый публицист, сверх того, должен быть еще шарлатаном.

Мы не знаем, будут ли победители и побежденные в результате нынешней войны. Но одно мы знаем на верное. Будут десятки миллионов убитых. Будут десятки миллионов калек. Будут десятки миллионов вдов и сирот. Будут развалины городов и деревень. Будут опустошены области и страны. Будут разорены государства.

И эта тяжесть распределится между всеми участниками великой войны.

Чтоб это предвидеть, не нужно гадать на кофейной гуще. Достаточно для этого иметь глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать.

И достаточно раз подумать над этим, чтобы понять, насколько это важнее всех тех изменений в положении государств, которые могут быть вызваны колебанием боевого счастья. Отсюда необходимость при изучении вопроса о вероятных последствиях войны не связывать себя мыслью о том или другом исходе сражений. При изучении этого вопроса достаточно помнить то положение, которое я выставил и пытался обосновать в одном из предыдущих писем:

— каковы бы ни были условия будущего мира, но прочным он будет лишь под охраной пролетариата;

— только значительный сдвиг соотношения общественных сил в сторону демократии создаст возможность устойчивого равновесия в области международных отношений...

* * *

Обратимся теперь к условиям государственного хозяйства после войны.

Мы видим, что каждый год войны увеличивает сумму государственных долгов, а следовательно, и платежи, предстоящие государствам после заключения мира.

Мы видели, что война оставит государствам неотложную задачу широких мероприятий по охране здоровья и жизни граждан, особенно матерей и детей.

Мы видели, что после войны в руках государственной власти неизбежно должно остаться управление производительными силами страны, контроль над производством, обменом, а может быть, и потреблением.

Эти положения дают возможность предвидеть главнейшие линии развития государств Европы после войны.

Огромная задолженность приведет к тому, что одной из главных задач государств станет добытие денег для уплаты по обязательствам.

Если война продлится еще 2—3 года, то уплата одних только процентов по займам будет требовать от государств приблизительно столько, сколько до войны выходило ежегодно на покрытие всех государственных нужд.

Так, например, Россия, до войны расходовавшая ежегодно по 3 млрд рублей на все свои нужды, после войны должна будет —

независимо от покрытия всех своих текущих расходов — добывать еще по 3 млрд рублей в год на уплату процентов — кому?... Тем банкам и капиталистам, которые в годы войны ссужали ее деньгами.

В таком же положении окажутся и другие государства. И даже в Германии, где займы, по-видимому, размещаются чрезвычайно широко, между всеми классами населения, — даже в Германии государство окажется в руках сравнительно малочисленной группы крупных кредиторов.

Значит, в этой области роль государства сведется к тому, чтоб извлекать теми или иными путями в пользу финансистов миллиарды рублей из общей суммы производимых народным трудом ценностей.

Не будем останавливаться пока на вопросе о тех путях, к которым обратятся государства для того, чтоб удовлетворить своих кредиторов. Отметим только, что хозяином в тех операциях, которые будут затеяны государствами ради уплаты процентов по займам, хозяином в этих операциях будет финансовый капитал.

В результате войны финансовый капитал перестанет играть роль «государства в государстве», он превратится в «государство над государством».

Правительства превратятся в ответственных приказчиков финансового капитала. Министры будут работать на банкиров, как служащие, приставленные к заведованию отдельными отраслями огромного хозяйства...

Как далеко пойдет этот процесс, предсказать трудно.

И перед войной банки имели огромное влияние на государственное управление, и влияние их заметно усиливалось с каждым десятилетием. Война лишь ускорила во много раз этот процесс, сделала его заметным для невооруженного глаза. А результаты этого процесса к концу войны зависят прежде всего от того, сколько времени продлится война.

Через 2—3 года банки смогут выколачивать через правительства ежегодно: в России — 3 млрд руб., в Германии — 7 млрд марок, во Франции — 3 млрд франков, в Англии — 0,5 млрд фунтов стерлингов. Если война продлится дольше, эта сумма соответствующим образом возрастет.

И так как только усиление демократии и решительное выступление ее в защиту мира могут положить действительный конец войнам, в полосу которых вступила Европа, то ясно, что и увеличению власти финансового капитала над государствами может положить предел лишь демократия.

* * *

Государства, залезшие в чудовищные долги во время войны, не смогут после заключения мира отказаться от тех расходов, которые онинесли до войны.

Если окончание всемирной войны не совпадет с торжеством проникнутого социалистическими идеалами пролетариата, то

после войны останется — в том или ином виде — система милитаризма. Придется, значит, снова расходовать сотни миллионов на крепости, броненосцы, армии — вообще на «защиту границы».

Если же пролетариат будет достаточно силен, чтоб сокрушить систему милитаризма и обеспечить мир Европе, то на сцену выступят новые потребности государств — дальнейшее развитие школьной сети, широкое страхование рабочих от болезней, безработицы и старости, улучшение гигиенических условий жизни низов населения и т. д. и т. д. И на удовлетворение этих нужд потребуются миллиарды, которые до сих пор шли на подготовку убийств и разрушения.

Итак, независимо от того, насколько усилится пролетариат к моменту ликвидации войны, государства после войны должны будут прибегнуть к дальнейшему расширению своих обычных расходов.

Необходимость такого роста государственных бюджетов вытекает и из задачи охраны физических сил населения, сокращенного и ослабленного кровопролитной бойней.

И есть еще одно обстоятельство, делающее рост государственных расходов после войны неизбежным.

Война подорвет производительные силы государств. Значит, сократятся и платежные средства населения. Явится опасность государственного банкротства, т. е. наступления такого момента, когда правительство, при всех стараниях, не сможет выколотить из своих верноподданных достаточно налогов и податей для удовлетворения appetites банкиров. Поднятие производительных сил населения станет задачей государства — эту задачу укажут ему и финансисты, заинтересованные в том, чтоб платежи исправно поступали в их карманы. Потребуется, следовательно, восстановление и дальнейшее развитие дорожной сети; широкий кредит на восстановление разрушенных войною жилищ, на возрождение сельского хозяйства, на расширение живого и мертвого инвентаря. Возможно, что ради всего этого государствам придется после заключения мира еще более увеличить сумму своих долгов.

Но и после того, как будет изжита острота вызванного войной разорения, государства принуждены будут сохранить в своих бюджетах огромные суммы расходов по производительным сметам. Без этого они не смогут извлекать из народного хозяйства миллиарды, ежегодно требуемые в виде дани банкирами, представителями финансового капитала.

Мы видим, таким образом, неизбежность чудовищного роста государственных расходов после войны.

А доходы?

Относительно доходов сомнения излишни. Раз пужны деньги, то деньги будут.

Но откуда?

Источник один — народ...

— Ен достанет.

Вопрос в том, как удобнее подступиться к его кошельку, как ловчее залезть в его карман.

Вопрос идет, значит, о той самой «последней копейке», которая не давала в свое время покоя Коковцову²⁶...

* * *

Можно считать несомненным, что усиление налогового бремени, само по себе взятое, не даст государству тех миллиардов, которые будут требоваться им после войны.

Бедь есть пределы возможного роста налогов. Во время войны налоговый пресс будет доведен до крайнего напряжения. Дальнейший нажим будет грозить поломкой машине.

К тому же при увеличении налогов для получения обязательных результатов приходится, в конце концов, облагать и крупные капиталы. А господствующие классы этого не любят.

И после войны, когда государства будут еще в большей, чем теперь, степени зависеть от банков, гг. финансисты не допустят того, чтоб налоговая система лишила их плодов их праведного труда по стрижке купонов.

Для увеличения своих доходов государствам остается лишь один путь: расширение области государственных предприятий и монополий.

Этим путем государство одновременно:

1) устанавливает косвенное положение населения;

2) овладевает в самом ходе производства значительной частью создаваемой народным трудом прибавочной ценности.

Городское и общинное хозяйство передовых стран Европы уже давно развивается почти всецело за счет роста городских и общинных предприятий. Именно эти предприятия дают муниципалитетам и органам местного самоуправления средства для разрешения стоящих перед ними задач. И эти средства в некоторых странах (например, в Англии) оказываются больше, чем средства, добываемые центральной государственной властью путем налогов.

Развитие государственных предприятий и монополий может быть проведено по-разному, и в зависимости от того, как будут проведены данные мероприятия, социальная их ценность может оказаться больше или меньше. Но при наличии демократического контроля над властью развитие государственного хозяйства за счет чисто капиталистического является шагом вперед на пути преобразования нашей хозяйственной и общественной жизни, на пути к высшим формам ее.

Уже теперь финансисты воюющих стран признают неизбежность развития государственных монополий после войны.

Мощный толчок именно такому развитию финансовой системы дает распространение «военного социализма», т. е. устанавливаемое во время войны регулирование государством частнохозяйственных операций по производству и обмену. Фактически уже теперь купцы и производители Германии отказались в поль-

зу государства (и банков) от управления своими предприятиями, а государство щедро заплатило им за это, предоставив им огромные военные барыши. Уже теперь правительства воюющих стран выступают на нейтральных рынках торговыми представителями населения. Они продают на нейтральном рынке назначенные для вывоза товары. Они покупают для населения те продукты, в которых ощущается недостаток.

И мы знаем, что после войны быстрый отказ от этой системы будет невозможен.

Отметим еще одну черту. Развитие государственных предприятий и монополий будет неизбежно вести к дальнейшему росту государственных долгов, к дальнейшему усилению власти банков над государством.

Ибо, как бы ни усилилась демократия при прекращении войны, но если силы пролетариата будут недостаточны для осуществления окончательного преобразования общества, государственная власть ни в коем случае не решится нарушить права частной собственности капиталистов. При введении государственных монополий будет применяться система щедрых выкупов. Купцы и промышленники, лишаясь своих предприятий, будут превращаться в финансовых капиталистов.

* * *

Мы видим, таким образом, что перспективы, ожидающие нас, весьма далеки от ходячего представления о молочных реках, которые потекут в кисельных берегах после того, как доблестные союзники с мечом в руках и крестом в сердце освободят мир от тевтонского варварства, прусского милитаризма и всякой иной скверны.

Грядущее не так просто.

Многое в нем покрыто тьмой, недоступно предвидению.

Вырисовываются пока лишь кое-какие основные линии, характеризующие его. И некоторые из этих линий я пытался осветить в настоящем письме.

Повторю выводы, вытекающие из данного анализа:

после войны государства, развивая свои предприятия, устанавливая разного вида монополии, будут вытеснять частный капитал из области производства и обмена, будут концентрировать производство и обмен в своих руках;

но в то же время возрастет власть над государствами банков и кучек финансистов, государства превратятся в доходные предприятия финансового капитала.

Быть может, всемирно-исторический смысл войны сведется в конечном счете именно к ускорению означенного перерождения государства; в этом перерождении его окончательное последнее выражение общественных противоречий, предшествующее окончательному и последнему шагу человечества к свободе и братству!

Аграрный вопрос после войны

Война, как мы видели, чревата глубокими изменениями в различнейших областях народнохозяйственной и государственной жизни. Эти изменения неизмеримо важнее, чем перемещения государственных границ, возможные в результате победы той или иной армии. Об этих изменениях, а не об увеличении территории того или другого государства за счет его соседей должны мы думать, определяя свое отношение к войне.

Ввиду огромного значения, которое имеет для России аграрный вопрос, мы остановимся теперь на изменениях, которые вносит война в земельные отношения.

* * *

Официально одной из главных целей войны для России признается выход к свободному морю, обеспечение свободного вывоза нашего хлеба через Босфор и Дарданеллы в Средиземное море.

Мы оставим в стороне вопрос о том, насколько завоевание Царьграда обеспечило бы нашим помещикам свободу сбыта хлеба за границу. Отметим только, что действительно, почти 2/3 нашего хлебного вывоза шло через порты Черного и Азовского морей и что этот путь имел для русского сельского хозяйства огромное значение.

На время войны этот путь оказался заперт. Часть хлебных излишков урожая 1914 г. и все излишки урожая 1915 г., направлявшиеся за границу через Черное море, остались в стране. Как отразилось это на положении государств, потреблявших до войны русский хлеб?

Главными рынками нашего хлебного сбыта были Германия, Англия и Франция. Из этих государств только Германия сократила на время войны потребление хлеба. А Франция и Англия без малейшего труда заменили русский хлеб американским, австралийским и отчасти румынским.

Вывоз хлеба из Северо-Американских Штатов во время войны устроился. Увеличился вывоз и из Канады и из Австралии. А Румыния получила возможность реализовать свой урожай 1915 г. по неслыханно высоким ценам.

Таким образом, на внешних хлебных рынках Россию заменили ее старые конкуренты — как раз те конкуренты, которые и в предшествовавшие войне годы постепенно вытесняли ее из Англии и Франции. И необходимо отметить, что для наших заокеанских конкурентов война прилась как нельзя кстати, чтобы закрепить мирное завоевание Европы, к которому они готовились с открытием Панамского канала.

Панамский канал должен был сократить чуть не в 2 раза стоимость провоза западноамериканского и австралийского хлеба в Европу. Это обеспечивало возможность увеличения площади

запаски в конкурирующих с Россией вывозящих хлеб странах. Предстояла борьба цен русского и заокеанского хлеба на мировом рынке.

Но война позволила нашим конкурентам захватить мировой рынок без борьбы, т. е. без убытков.

Сможет ли Россия после войны вернуть себе утраченные внешние рынки?

Трудно ответить на этот вопрос.

Одно несомненно — отвоевать обратно утраченное место на рынке гораздо труднее, чем удержать, то, что имеешь.

А наши экспортеры хлеба перед войной были не в силах удержать за собой свои старые рынки.

Теперь к тому же на стороне заокеанских экспортеров выгоды удешевленного транспорта (Панамский канал) да еще новые огромные запасы, созданные при минимальных затратах капитала, чуть ли не даром — за счет воюющей Европы.

Все это дает основание ожидать после войны жестокого кризиса для нашей внешней хлебной торговли.

А кризис вывозной хлебной торговли — это кризис крупного землевладения, кризис помещичьего хозяйства.

* * *

Для России война сопряжена с чудовищным истреблением живых сил населения. Потери людьми у нас больше, чем у наших противников, так как только живую силу миллионов солдат Россия может противопоставить техническому превосходству Германии.

Списки потерь у нас не публикуются. Но и без этих списков мы давно привыкли к мысли, что наши потери определяются в несколько миллионов человек. Еще немного времени, и цифра в 10 миллионов, которая пока представляется несколько преувеличенной, станет общепризнанным минимумом приписанных нами жертв.

А сколько времени продлится война, мы не знаем...

Во всяком случае, война кончится не скоро. И большая половина убыли людьми придется на крестьянство, на сельскохозяйственные слои России.

Наша деревня уже теперь обезлюдела настолько, что в иных губерниях тысячи десятины лежат необработанными, а в некоторых местах площадь запашки сократилась наполовину. В дальнейшем предостоят новые призывы. Правда, после войны вернуться люди из плена и с фронта. Это даст возможность населению восстановить хоть отчасти ход нарушенной войною хозяйственной жизни. Но убыль рабочих рук будет давать себя чувствовать еще долгое время.

Общее разорение ослабит связь крестьянина с клочком его земли, облегчит отлив рабочих рук из деревни в город. Да и всегда военная служба облегчает крестьянину переход от деревенской обстановки к городской жизни.

Город после войны будет нуждаться в рабочих руках. Потребуется усиленное производство, начнется усиленное строительство. И естественно, что убыль рабочей силы города будет пополнена за счет деревни.

Можно считать поэтому, что процентная убыль рабочего населения деревни окажется после войны раза в два больше, чем процентная убыль всего мужского населения страны.

Это увеличит нищету деревни, так как на каждого работника будет приходиться большее, чем теперь, число едоков. Но вместе с тем смягчится острота земельной тесноты, смягчится необходимость расширения площади землепользования.

В распоряжение крестьянина перейдут участки земли, хозяева которых пали на фронте. Сократится потребность в аренде помещичьей земли. Соответственно этому неизбежно падут арендные цены.

Падение арендных цен вызовет стремление крупных землевладельцев обрабатывать свои поместья наемным трудом. Но отсутствие избыточного рабочего населения в деревне вызовет повышение платы сельскохозяйственных рабочих. А низкие цены на хлеб на мировом рынке будут препятствовать производству хлеба в широком масштабе для вывоза.

Таким образом, к моменту окончания войны России некуда будет сбывать хлеб, да и не будет у России излишнего дешевого хлеба для продажи.

* * *

Вопросом спасения сельского хозяйства России становится, следовательно, развитие ее внутреннего рынка. А если так, то вопросы о Царьграде и вывозе русского хлеба в Германию утрачивают всякое значение.

Иные вопросы встают перед страной.

И старые «проклятые» вопросы принимают в ней новые формы.

Так аграрный вопрос перестает быть вопросом о расширении крестьянского землепользования за счет землепользования помещичьего. На первый план становится вопрос об упорядочении всего землепользования в целом.

Как разрешит жизнь этот вопрос, предсказать трудно. Но можно предвидеть, что частное крупное землевладение выйдет из кризиса ослабленным, разрушенным. Вероятен переход земли в руки государства и общественных союзов.

Во всяком же случае необходим будет ряд решительных мероприятий, направленных к тому, чтобы повысить культурный уровень деревни. Без этого страна не будет обеспечена продовольствием, а промышленность не сможет развиваться за отсутствием близкого рынка для сбыта.

В области сельского хозяйства приходится ожидать после войны проявления тех же тенденций, которые мы предвидим в развитии всей хозяйственной жизни Европы.

Задачи демократии во время войны

В настоящем письме я попытаюсь подвести итоги тому, что говорил в своих предыдущих статьях. Вернее, не подвести итоги, а сделать выводы.

«Итогов» подводить мне почти не придется, так как вопросы, на которых я останавливался в предыдущих статьях, надеюсь, достаточно выяснились перед читателем. Снова повторять то, что уже сказано, вряд ли необходимо.

Единственное, что мне осталось, чтоб закончить свои письма, это сделать политические выводы из выполненных выше научных анализов. Политические выводы — это те указания, которые может получить для своей деятельности, для своей тактики та или иная партия, та или иная политическая группа.

Научный анализ не обосновывает конечных целей партии, так как конечные цели диктуются ей классовыми интересами той части населения, защитницей и представительницей которой она является. Но наука позволяет партии разобратся в хаосе и противоречиях окружающей ее действительности, позволяет партии наметить тот путь, который скорее всего и вернее всего приблизит ее к намеченной цели. Научный анализ позволяет партии решить, какие шаги для нее выгодны, целесообразны, разумны, какие — вредны, нецелесообразны, безрассудны.

Я имел все время в виду читателей из демократических слоев населения. Для них я писал и знаю, что только им могут быть понятны и близки соображения, которые развивал я в предшествующих письмах.

Цель рабочей демократии во всех странах мира одна и та же: это социализм, преобразование самых основ нашей жизни на началах разумного и справедливого использования человечеством достигнутого им господства над силами природы.

Для осуществления этой высокой цели демократия не покладая рук трудится над развитием своего самосознания, над сплочением своих сил. Вместе с тем демократия борется за усиление своего влияния в государстве и за развитие общества, за его движение вперед в смысле роста его производительных сил, повышение его культурного уровня и т. д.

Таковы наиболее общие, основные линии политики демократии в мирное время.

Эти линии — одни и те же во всех странах. Именно единство их создает международную сплоченность пролетариата, образует основу объединения рабочих всех стран в их борьбе за общие цели, в их борьбе против общего врага.

До войны эти простые истины были всем понятны и никто не спорил против них, кроме людей, стремившихся с той или другой целью внести разложение и смуту в рабочую среду.

Но вот разгорелась война, и все перепуталось.

В одних странах социалистические депутаты прямо со своих скамей «крайней оппозиции» попали на министерские кресла.

В других странах депутаты-социалисты прямо из парламентских зал попали в тюрьму и ссылку.

У социалистов явились новые цели, о которых раньше они и не подозревали. У них оказался общий язык с их старыми противниками. А хуже всего — вдруг обнаружилось, что интересы демократии возлагают на социалистов враждующих стран задачу истреблять друг друга.

Девятнадцать месяцев уже тянется война. И социалисты, увлекшиеся воинственной идеологией правящих классов, не только с радостной готовностью выполняют то, чего требуют от них их вчерашние противники, но и создают особые обоснования того, что они делают.

Обосновывают они свою деятельность по-разному, хватаясь за всевозможные авторитеты, за всевозможные доводы.

В пачале войны в большом ходу были ссылки на зачинщиков войны: «Нужно показать, кто начал войну!» На этом сходились социал-шовинисты России, Германии, Франции, Англии. Но одни видели зачинщиков в лице Вильгельма II и его приближенных, другие считали виновником войны сэра Грея²⁷ и его коллег. В результате те и другие приходили к лозунгу «Пролетарии всех стран, истребляйте друг друга!».

Вывод получился зазорный. Особенно, когда выяснилось, что разыскать зачинщиков войны невозможно.

Тогда обратились к моральной оценке войны. В качестве нового проповедника выступил Плеханов. И смысл его проповеди свелся к поучению:

— Братне! Во имя вечных основ нравственности вы должны истреблять врагов ваших. Изменники те, кто не желает помочь вам в этом деле. Трижды изменники и преступники — враги ваши, если они дерзают сопротивляться вам. За эту преступную дерзость во имя братства народов вы должны покарать их.

Вышло гнусно.

Теоретик марксизма своей проповедью гогентотской морали приобрел себе лишь одного нового приверженца — Владимира Митрофановича Пуришкевича²⁸. В рядах же демократии проповедь его встретила суровое осуждение.

Социал-шовинисты некоторое время пытались еще козырять Бельгией, разгромленной германскими варварами. Но после печальной судьбы Греции злоупотреблять этим доводом стало неудобно.

Сосредоточили все внимание на выяснении последствий войны.

Пытался что-то доказать Маслов. Но из его попытки ничего, кроме копфуза, не вышло. Оказалось, что у марксистского экономиста нет ни одного серьезного довода в пользу его утверждения о грозящем России ите немецкого капитализма. Все его теоретическое построение рассыпалось, как карточный домик, при

первом прикосновении критики. И ответить своим критикам Маслов мог лишь сердитым ворчаньем.

Последняя попытка социал-шовинистов у нас в России обосновать задачи демократии во время войны связана с появлением так называемых «оборонцев». «Оборонцы», впрочем, неточное название для этой группы. Их можно было бы назвать и «нападцами» и даже «раздавленцами», так как их программа, кроме обороны России, включает еще и другой лозунг: «Германия должна быть раздавлена».

Я перечислял пока лишь марксистов — сторонников войны, так как народники, охваченные воинственным пылом, не создали у нас ничего похожего на теоретическое обоснование своей позиции. Авксентьев и Бунаков попросту подмахнули довольно скверную бумажонку, авторами которой были Плеханов и Алексинский.

Тан добросовестно впитал идеологию приютившей его «Биржевки».

В речах Керенского²⁹ в Государственной думе было много боевого темперамента, но ни грана политической мысли. Да и политическими речами думские выступления этого бойкого депутата можно назвать лишь с большой натяжкой.

А Сорокин³⁰, Витязев³¹, Колосов³², Савенко³³ (вдохновитель статьи Эрве³⁴ «Да здравствует Царь!») — их достаточно назвать и пройти мимо.

Социалистам — проповедникам войны не удалось обосновать свою тактику научными данными. Та переоценка ценностей, которую они предприняли, осталась висящей в воздухе.

Налицо оказалась кучка людей, поддерживающих войну. Но осталось не выясненным, почему демократия должна идти за ними, за Масловым и Плехановым в России, за Зюдекумом³⁵ в Германии, за Гэдом³⁶ во Франции, за Вандервельде в Бельгии.

Может быть, разрыв этих людей с их прошлым знаменует поворот в истории европейской демократии?

А может быть, покпнув свое знамя интернационала, эти люди порвали с демократией и отныне движение всемирного пролетариата идет мимо них?

Эти вопросы не могут не волновать нас.

А в фактах повседневной действительности достаточно указаний для прямо противоположных ответов на эти вопросы.

С одной стороны, большинство рабочих во Франции, в Германии и в Англии до сих пор охвачено воинственным угаром.

С другой стороны, во всех воюющих странах с каждым днем крепнет и ширится в рабочей среде интернационалистическое движение, движение за восстановление порванных военной бурей международных связей. Это движение доказало свою зрелость и способность к дальнейшему росту на недавней социалистической конференции в Циммервальде.

Победит ли это движение?

Соберутся ли к старому знамени разбросанные по полям чуждых, ненужных им битв отряды интернационала?

Или от старых путей пора отказаться и пролетариям придется вместе с буржуазией возлагать свои надежды на силу оружия, на преимущества тех или других пушек?

Ясное дело, что задачи демократии в современной войне будут представляться нам в том или ином виде в зависимости от того, как ответим мы на все перечисленные вопросы.

Приведенные в предыдущих письмах соображения должны помочь читателю разобраться в этих вопросах.

Мы видели, как шатки надежды на возможность скорого окончания войны вследствие истощения одной из сторон.

Отсюда нетрудно сообразить, соответствует ли интересам демократии бесконечное затягивание войны, отказ от мирных переговоров до «полного разгрома» противника.

Мы видели, что только выступление демократии может положить прочную основу европейскому миру, что мир, заключенный господствующими классами, будет непрочен.

Отсюда вытекает вполне определенная оценка позиции тех демократов, которые отказываются от классовой борьбы во время войны потому, что только полная победа над врагом может, по их мнению, обозначить их родне прочный и длительный мир.

Мы познакомились и с основными линиями вероятного развития Европы после войны. Мы убедились, как мало зависит будущее развитие европейских государств от того, какая армия победит. Неизвестно, как переместятся границы государств после войны, да и переместятся ли они. Но несомненно, что после войны будет продолжаться и развиваться процесс сосредоточения в руках государственной власти всех нитей управления хозяйственной жизнью страны, управления производительными силами. И развиваться будет этот процесс не под охраной социального мира, а в атмосферах напряженных классовых противоречий.

Силы помещичьего класса будут сметены с арены истории. Силы капитализма сплетутся в единый узел — финансовой олигархии.

Государство будет всемогуще в области хозяйственной жизни и в то же время бессильно перед лицом кучки банкиров. К этому последнему противоречию сведутся все противоречия капитализма. И к разрешению этого последнего противоречия будут направлены силы демократии.

Итак — вот цель, к которой влечет нас могучий поток истории.

Близится час, когда набат решительного боя призовет европейскую демократию к мобилизации всех ее сил. И знаменем ее будет тогда старое интернациональное знамя освобождения труда.

Значит, и теперь, пока кипит в мире чуждая ее целям братоубийственная борьба народов, демократия должна хранить верность своему знамени.

- ¹ Гвиденбург Пауль, фон (1847—1934) — немецкий генерал-фельдмаршал; с ноября 1914 г. командующий Восточным фронтом, с августа 1916 г. начальник Генштаба; с 1925 г. президент Германии.
- ² Шебеко Игнатий Альбертович (1854—?) — член Госсовета Российской империи.
- ³ Алексинский Григорий Алексеевич (1879—?) — участник с.-д. движения, депутат II Государственной думы, с 1908 г. отзовист.
- ⁴ Бурцев Владимир Львович (1862—1942) — публицист, издатель журнала «Былое», разоблачал провокаторов царской охранки.
- ⁵ Маслов Петр Павлович (1867—1946) — социал-демократ, экономист, с 1929 академик АН СССР.
- ⁶ Авксентьев Николай Дмитриевич (1878—1943) — один из лидеров левых эсеров, в 1917 министр Временного правительства.
- ⁷ Буваков-Фундаминский Илья Исидорович (1880—1942) — публицист.
- ⁸ Булгаков Сергей Николаевич (1871—1944) — экономист, религиозный философ, теолог.
- ⁹ Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866—1941) — писатель.
- ¹⁰ Меньшиков Михаил Осипович (1859—1918) — реакционный журналист, сотрудник газеты «Новое время».
- ¹¹ Розанов Василий Васильевич (1856—1919) — писатель, публицист, философ.
- ¹² Гельферих Карл-Теодор (1872—1924) — в 1915 статс-секретарь (министр) финансов, с 1916 статс-секретарь внутренних дел Германии, вице-канцлер.
- ¹³ Бетман-Гольвег Теобальд (1856—1921) — рейхсканцлер Германии и прусский министр-президент в 1909—1917.
- ¹⁴ Фридман Моисей Ильич (1878—1939) — профессор, экономист, в 1917 товарищ министра финансов Временного правительства.
- ¹⁵ Еласко Ибабьес Висенте (1867—1928) — испанский писатель; пересказав эпизод из его романа «Кровь и песок» (1908).
- ¹⁶ Милюков Павел Николаевич (1859—1943) — организатор кадетской партии, редактор газеты «Речь», апологет империалистической политики царизма.
- ¹⁷ Форд Генри-Младший (1863—1947) — американский бизнесмен, в декабре 1915 приезжал в Европу с миротворческой миссией.
- ¹⁸ Смит Адам (1723—1790) — английский экономист и философ.
- ¹⁹ Ллойд Джордж Дэвид (1863—1945) — в 1908—1915 министр финансов, в дальнейшем премьер-министр Великобритании, один из лидеров либеральной партии.
- ²⁰ Либкнехт Карл (1871—1919) — деятель коммунистического движения, в 1912—1916 депутат германского рейхстага.
- ²¹ Рорбах Пауль (1869—?) — немецкий журналист, политический деятель.
- ²² Кропоткин Петр Алексеевич (1842—1921) — князь, русский революционер, теоретик анархизма, географ и геолог.
- ²³ Тав — псевдоним Богораза Владимира Германовича (1865—1936), этнографа, публициста; в последние годы был директором музея религии.
- ²⁴ Арцыбашев Михаил Петрович (1876—1927) — писатель.
- ²⁵ Сологуб (Тетерников) Федор Кузьмич (1863—1927) — писатель.
- ²⁶ Коковцов Владимир Николаевич (1853—1943) — граф, крупный банковский деятель, в 1911—1914 председатель Совета министров.
- ²⁷ Грей (Грей оф Фаллодон) Эдуард, виконт (1862—1933) — министр иностранных дел Великобритании с 1905 по 1916.
- ²⁸ Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870—1920) — один из лидеров «Союза русского народа», крайне правый член II—IV Государственных дум, крупный помещик.
- ²⁹ Керенский Александр Федорович (1881—1970) — адвокат, лидер фракции трудовиков IV Государственной думы; в 1917 министр, председатель Временного правительства.
- ³⁰ Сорокин Питирим Александрович (1889—1968) — социолог, лидер правых эсеров, с 1922 в эмиграции, проф. Гарвардского университета.
- ³¹ Витязев — псевдоним Седенко Фераонта Ивановича (1886—?), публициста.

- ³² Колосов Евгений Евгеньевич (1879—?) — социалист-революционер, публицист; в 30-е годы сотрудник музея Шлиссельбургской крепости.
- ³³ Савенко Анатолий Иванович (1874—?) — журналист, депутат IV Государственной думы.
- ³⁴ Эрве Гюстав (1871—1944) — один из лидеров левого крыла Французской социал-демократической партии; во время войны шовинист.
- ³⁵ Зюдекум Альберт (1871—1944) — один из лидеров правого крыла Германской с.-д. партии, депутат рейхстага.
- ³⁶ Гед — Гед (наст. фамилия Базиль) Жюль (1845—1922) — один из основателей Французской рабочей партии, с августа 1914 государственный министр Франции.

Удар в спину

Социал-демократической фракции Государственной думы приходится работать в невероятно тяжелой обстановке.

В Таврическом дворце осталась лишь крошечная кучка людей, сохранивших ясность мысли, понимающих бесплодность войны и направляющих все свои силы, чтоб спасти страну от разорения и растущих жертв кровью.

Вокруг них враги.

Под взглядами врагов поднимаются на трибуну представители пролетариата России. Враги прерывают их речи криками и насмешками...

Их лишают слова, когда негодование срывает с их уст выражения слишком смелые, слишком яркие и резкие.

Им зажимают рот, когда они пытаются говорить о том, что думают и чувствуют миллионы рабочих.

Их речи извращаются в отчетах и в урезанном, изуродованном виде доходят до страны. А иногда, как в нынешнюю сессию, их речи и декларации не публикуются вовсе. Даже в стенах Думы не всегда удается им добиться оглашения своих взглядов.

Телеграфное агентство как о незначительном инциденте сообщает нам:

«Председательствующий заявляет, что по поводу декларации председателя Совета министров внесена формула с.-д., но ввиду того, что формула заключает в себе резкие и грубые выражения по адресу правительства, то председательствующий не считает возможным ее огласить. Если авторы предложения пожелают изменить редакцию формулы, тогда она будет оглашена.

Авторы предложения отказываются изменить редакцию.

Председательствующий считает формулу отнавшей».

Страна не узнает, в чем заключалась эта формула.

Но страна знает, что авторы формулы подверглись новому насилию за последовательное, неуклонное проведение великого дела борьбы за братство народов.

Их так мало — людей, сохранивших верность своему знамени!..

Их было двенадцать человек, когда началась война. Пятерых схватили, сослали в Сибирь¹. Осталось семеро.

Один не выдержал, изменил товарищам, покинул их в тяжелую минуту, перекинулся в лагерь врагов. Его звали Маньковым². Осталось шестеро.

Начало сессии принесло печальную весть. Еще один изменил, трусливо прикрыв свою измену клеветой на товарищей — участников Циммервальдской конференции. Его имя Бурьянов³.

Осталось теперь только пятеро. А кругом их враги. Враги, пазеваясь над ними, рукоплещут отделившимся от них перебежчикам.

Маньков и Бурьянов!

Этих людей не знали и не хотели знать, пока они были верны себе и своим идеалам, верны дисциплине фракции и воле избирателей. Ценой измены купили они почет, уважение, газетную славу. Неужели же не видят они, что успех их — успех перебежчиков? Неужели не понимают они смысла того, что они говорят, что они делают?

Пуришкевич устами, привыкшими к проповеди еврейских погромов, почтительно цитирует книгу Плеханова о войне. Пуришкевич похвалывает русских рабочих, будто бы забывших «о том, к какой они партии принадлежат».

И вслед за Пуришкевичем подымается на трибуну Бурьянов. Он, как передает отчет телеграфного агентства, заявляет, что, «выступая отдельно от товарищей социал-демократической фракции, выражает взгляд огромного количества русской социал-демократии не только в России, но и за границей».

Это «огромное количество русской социал-демократии за границей» — все тот же Плеханов. Это имя на устах у всех, кто выступает против верных своему долгу социал-демократов. Это имя на устах у погромщика и у социалиста-отступника.

Где измена, там также и ложь.

Бурьянов, чтоб оправдать свое выступление «отдельно от товарищей» (в действительности, не «отдельно», а *против них*) ссылается на... Циммервальд⁴; рассказывает он Государственной думе, что «германские делегаты отклонили предложение о том, чтобы немецкие социал-демократы отказались вотировать военные кредиты в рейхстаге».

Что это? Грубое непонимание или ложь? Неужто Бурьянов не знает, что в германской социал-демократии идет борьба, что в Германии имеются свои Плехановы, Маньковы и Бурьяновы, что именно эти социал-шовинисты вотируют кредиты в рейхстаге; что против них выступило меньшинство партии с Либкнехтом, Ледебуром, Мерингом, Бернштейном и Розой Люксембург⁵ во главе; и что именно это меньшинство было представлено в Циммервальде? Неужто Бурьянов ничего не читает, кроме писем Плеханова, и черпает свою мудрость из того же источника, к которому обратился Пуришкевич в полемике против социал-демократов?

Нет! Мы уверены, что Бурьянов читает газеты. А раз так, то сказанное им о Циммервальде — ложь.

Ложь — в оправдание измены.

«Державы Согласия должны быть раздавлены!» — заявляет Бурьянов. Откуда этот лозунг: из Плеханова, из Милюкова или из Пуришкевича?

Но кончил Бурьянов. Вслед за ним подымается на трибуну Маньков. Его цель — поколебать авторитет Циммервальдской конференции. Цель благая. За нее вам скажут «спасибо», г. Маньков! Но не из уст рабочих услышите вы это «спасибо»...

«Маньков полагает, что Циммервальдский съезд является только показателем настроения, *может быть*, небольшой кучки руководителей, без полномочий рабочего класса, поэтому он безусловно не авторитетен».

Значит, Маньков не знает, насколько велика или невелика «кучка руководителей», собравшаяся в Циммервальде? Маньков не знает, что за ними 1/3 организованного пролетариата Германии, 1/5 французских рабочих, большинство социалистов нейтральных стран и три основные течения русского социализма? Он не знает, что на последних выборах в Центральный страховой совет в Петрограде рабочие выбрали *исключительно* представителей течения, примыкающего к лозунгам Циммервальдской конференции? Он не знает, что и в военно-промышленные комитеты Ваши единомышленники-«оборонцы» пробрались бочком лишь благодаря бойкоту выборов со стороны представителей другого течения?

Вы знаете это, г. Маньков!

А потому вы знали, что, выступая против Циммервальдского съезда, вы забрасывали грязью знамя, которому до сих пор верны миллионы!..

Обещанием хранить верность этому знамени Маньков проложил себе путь в Государственную думу. В тяжелую минуту он этому знамени изменил.

По его стопам пошел и Бурьянов. Что ж, российскому пролетариату не привыкать к разочарованиям, к ударам в спину от тех, кому он доверил свое дело.

Тает кучка верных своему долгу социалистов в Государственной думе. Их осталось лишь пятеро⁶. А кругом их враги. Но за этими пятью депутатами — миллионы рабочих. И знамя, под которым стоят они, ведет их к победе.

Пусть в этом сознании почерпнут они силы на своем тяжелом посту...

Забайкальское обозрение. 1916. 29 февр.

¹ «Пятерых сослали в Сибирь» — имеются в виду депутаты IV Государственной думы, социал-демократы-большевики Бадаев Алексей Егорович (1883—1951), Муранов Матвей Константинович (1873—1959), Петровский Григорий Иванович (1878—1958), Самойлов Федор Никитич (1882—1952), Шагов Николай Романович (1882—1918).

² Маньков Иван Николаевич (1881—?) — социал-демократ, по профессии бухгалтер, депутат IV Государственной думы от Иркутской губернии.

- ³ Бурьяпов Андрей Фаддеевич (1880—?) — токарь по металлу, социал-демократ, депутат IV Государственной думы от Таврической губернии.
- ⁴ Циммервальд — город в Швейцарии, где в сентябре 1915 г. состоялась международная социалистическая конференция, выступившая против войны и социал-шовинизма.
- ⁵ Либкнехт Карл, Ледебур Георг (1830—1947), Меринг Фрацц (1846—1919), Бернштейн Эдуард (1850—1932), Люксембург Роза (1871—1919) — видные деятели германской социал-демократии, депутаты рейхстага.
- ⁶ Имелись в виду члены Государственной думы социал-демократы Скобелев Матвей Иванович (1885—1938), Туляков Иван Никитич (1877—?), Хаустов Валентин Иванович (1884—?), Чхеидзе Николай Семенович (1864—1926), Чхенкели Акакий Иванович (1874—1959). В эту группу входил с совещательным голосом польский социалист Ягелло Евгений Осипович (1874—?).

В Таврическом дворце

Объединенное правительство

Десять лет писали у нас об объединении министерства*. За эти десять лет министры много раз кувырком, один за другим, летели со своих постов, и каждая смена министра объяснялась стремлением к большей однородности правительства. Курс, как подчеркивалось при каждом назначении нового министра, оставался неизменно прежний. Менялись лишь лица для того, чтобы не было ни разногласий, ни трений в составе правительства...

Казалось бы, в результате десятилетнего отбора у нас могло бы выработаться министерство твердое и однородное, как каменная глыба.

Между тем никогда деятельность правительства не представляла такой картины безнадежного разложения и хаоса, как теперь.

Мы наблюдаем здесь отсутствие какой бы то ни было программы и полное несоответствие средств и целей.

Они, по-видимому, знают, чего хотят. *Они* хотят сохранить власть в своих руках, это единственное ясное и твердое желание у *них*. Но так как страна участвует в губительной войне, то *они* должны обслуживать эту войну и принимают на себя ответственность за ее исход. Сложить с себя эту ответственность *они* могут, лишь поступившись частью своей власти. Не соглашаясь на это, *они* волей-неволей должны стремиться к победе над внешним врагом. И тут-то попадают *они* в заколдованный круг, из которого не могут выбраться.

Все для победы!

Значит, нужно привлечь народ к обороне страны... Развязать руки общественным силам... Дать почувствовать народу, что Россия — это не 130 000 помещиков и не 200 000 городских и урядников.

* Слово «министерство» в то время означало кабинет министров, правительство.

Но ведь это значило бы отдать Россию русскому народу. Нет, нет, никогда! Никогда *они* не согласятся на это.

Все для победы!

Нужны деньги, нужны миллиарды, десятки миллиардов рублей. Где взять их? Народ гол. Деревня нищает. Исчезают запасы скота. Сокращается площадь полевых посевов. Над страной встает призрак голода. Рабочие стонут от чудовищной дороговизны... С кого взять деньги для ведения войны? С богатых? Там, правда, идет пляска миллионеров, там в короткий срок создаются колоссальные состояния, там война стала источником наживы...

Но обложить богачей? Это невозможно! Это значило бы нарушить священные права капитала... На это *они* не пойдут.

Все для победы!

Значит, нужно поднять производительные силы страны. Нужно снять путы с рук российских граждан, убрать рогатки, отменить стеснения... Нет, нет! Всё — только не это.

Чтоб быть сильными на фронте, чтоб обеспечить спокойствие в тылу, они идут другими путями.

Путем устройства погромов... Путем кафафовских циркуляров об евреях... Путем военно-полевых судов для рабочих... Путем беспрерывной каторги для забастовщиков... Путем подавления всяких проявлений общественной самостоятельности...

Путь не новый для России. Этим путем шли мы долгие годы. Этот путь привел нас к Порт-Артуру, Цусиме и Мукдену! Куда теперь приведет нас этот путь?

Но на другой путь *они* не встанут. *Они* слишком дорожат своей властью. *Они* не поступятся ни крупницей ее в пользу народа. *Они* не отдадут России — народу.

Двойственность положения правительства достаточно объясняет беспомощность и хаотичность его мероприятий и очевидную несостоятельность заявлений его представителей.

Незаслуженным оскорблением было бы для Хвостова², Кафафова³ или Барка⁴ предположение, будто они серьезно верят тому, что говорят. Они слишком умны, чтобы верить всякому вздору. Хвостов знает, что нашему крестьянину не до того, чтоб есть шоколад, когда хлеба не хватает. Кафафов знает, что евреи так же неповинны в исчезновении денег, как не повинны в лунных затмениях. Барк знает, что его финансовые реформы не выведут России из тушика, а раскрашенные плакаты не обеспечат успеха займу.

Они топчутся на одном месте, потому что идти им некуда. Они занимаются пустяками, так как за дело взяться не могут. Они понимают, что ведут Россию к пропасти. Но они твердо усвоили старое правило: «Хоть день, да наш. А после нас — хоть трава не расти!» В этом разгадка странных выступлений нашего объединенного правительства в Государственной думе.

Но не только выступления министров придают думским отчетам характер безнадежного сумбура и хаоса. Так же хаотичны в нынешнюю сессию и речи депутатов.

Десять лет кричат у нас об объединении оппозиции. Роль объединителей приняли на себя кадеты. Они отвернулись от левых за то, что те раскалывают оппозицию и тем подрывают успех общенародного дела освобождения России. Они открывали объятия правым, лишь только те ворчанием или пустыми словами обнаруживали свое неудовольствие существующей властью. И они торжествовали победу, когда им удалось слепить «прогрессивный блок»⁵ из шести фракций Государственной думы.

Казалось бы, теперь, когда объединенная оппозиция противостоит объединенному министерству, можно было бы ожидать ясности и определенности в тактике думского большинства...

Между тем никогда оппозиция в Государственной думе не была так беспомощна, как теперь.

Думские отчеты представляют собой какой-то бред сумасшедшего. В выступлениях «блока» нет ни последовательности, ни связи, ни внутренней логики.

Крайне резкие речи сменяются трусливыми голосованиями. Запросы вносятся и снимаются с обсуждения. «Блок» начинает кампанию против травли инородцев и превращает заседание Думы в средство погромной агитации.

Руководство Думой оказывается не в руках вдохновителя «блока» П. Н. Миллюкова, а в руках Замысловского⁶.

Председатель обрывает представителей левой оппозиции, лишает их слова, отказывается оглашать их предложения, запрещает опубликование их речей.

На помощь ему приходит Телеграфное агентство. Оно размазывает речу погромщиков, со смехом передает такие словечки, как «жид», а из речей, которых ждет и которым верит народ, передает лишь по нескольку строк. И благодаря такой обработке Дума становится похожа на чайную «Союза русского народа»⁷.

Мы знаем это и потому не настаиваем на том, что наша Дума во всем подобна чайной «Союза русского народа». Она только *похожа* на такую чайную.

Но почему у нее нет *своего* лица? Почему так сумбурны, так беспорядочны ее прения?

Причину этого хаоса мы видим в «прогрессивном блоке».

Цепь не может быть крепче самого слабого своего звена. Лопнет слабое звено — и цепь порвалась, как бы ни были прочны остальные ее звенья.

Так же точно политический блок не может быть радикальнее и решительнее своего правого крыла. Изменит в решительную минуту правое крыло — и блока уж нет. Чтоб сохранить видимость блока, чтоб избежать открытого раскола, руководители левого крыла должны постоянно и систематически уступать правым, приспособляться к их желаниям. И на каждое резкое слово представителя левого крыла правое крыло отвечает изменой при голосовании.

Бессмысленно ковать цепь, звенья которой заведомо неодинаково прочны, ибо крепкие звенья бесполезны рядом со слабыми звеньями.

И такая же точно бессмыслица — длительный политический союз партий, различных по составу, по программе, по целям.

Кадеты, руководители «прогрессивного блока», поставили себе двойную задачу: вести конституционную борьбу с правительством, объединяя для этой борьбы силы думского большинства.

Эта задача внутренне противоречива: вступая в борьбу с правительством, кадеты тем самым разрушают единство «блока»; восстанавливая это единство, они тем самым отказываются от борьбы.

Таким образом, при сложившейся обстановке в Думе не может разыграться решительная борьба между правительством и оппозицией.

Дума будет и впредь наводнять страну лишь речами, в которых слова правды будут заглушаться припевом: жид, жида, жиду, жидом.

Забайкальское обозрение. 1916. 21 марта.

¹ Имеется в виду поражение России в русско-японской войне.

² Хвостов Алексей Николаевич (1872—1918) — министр внутренних дел России, председатель фракции правых в IV Государственной думе.

³ Кафафов Константин Дмитриевич (1863—?) — действительный статский советник, вице-директор департамента полиции, член совета МВД России.

⁴ Барк Петр Львович (1858—?) — министр финансов России.

⁵ «Прогрессивный блок» — объединение шести фракций — прогрессистов, октябристов, кадетов и др. — IV Государственной думы.

⁶ Замысловский Георгий Георгиевич (1872—?) — юрист, депутат IV Государственной думы от Виленской губернии.

⁷ «Союз русского народа» — монархическая, черносотенная организация во главе с Н. Е. Марковым, В. М. Пуришкевичем.

Приехав с немалыми трудностями из Сибири в Москву, нелегальный Фрунзе поселился у товарища по революционной работе Павла Степановича Батуркина (1889—1919), который был студентом Московского университета и проживал в доме фабриканта Чернцова как репетитор его детей. Прибежище вроде безопасное, но оставаться тут надолго, да еще под прежним именем Василенко, было невозможно. Душа и долг звали в прифронтовую полосу, ближе к солдатам-окопникам.

Помогли старые и новые друзья. Знакомые верненцы — семья Михайловых — согласились передать документы своего сына, пропавшего без вести. Так он стал Михаилом Александровичем Михайловым. С помощью Марии Викторовны Малянтович, служившей во Всероссийском земском союзе, удалось оформить направление по линии ВЭС в Минский район, куда он и прибыл в начале апреля 1916 г.

Около года оставалось до поворотного события в жизни страны — свержения царского самодержавия. Это время Фрунзе использовал весьма плодотворно: и на официальной службе продвинулся от статистика на питательном пункте Ивенец до завхозотделом Управления земсоюза при 10-й армии, и в нелегальной работе добился сплочения партийных сил, усиления большевистской агитации среди солдат.

С марта 1917 г. началась открытая активная деятельность. Как начальник народной милиции Минска Михайлов осуществлял отстранение чинов старой власти. Как большевик участвовал в формировании комитета РСДРП, Совета рабочих депутатов, организовывал крестьянство на борьбу за Советскую власть.

Обширен по географии, масштабен по сущности был круг деятельности М. В. Фрунзе в тот революционный год. Отразить это здесь удалось лишь в малой степени — перепечаткой его статей из газет, которые он тогда редактировал в Минске и Шуе.

О земельных комитетах

Согласно постановлению Временного правительства, для подготовки земельной реформы и для разработки неотложных временных мер впредь до окончательного разрешения земельного вопроса Учредительным собранием образуются Главный (в Петрограде) и местные (губернские, уездные и волостные) земельные комитеты.

Комитеты эти должны иметь огромное значение для крестьянства, ибо их задача — готовить почву, работать над тем, как и в каком виде должна перейти земля к трудовому народу, что именно можно и должно провести в интересах государства и крестьянства уже теперь, не дожидаясь Учредительного собрания.

Вот почему мы и хотим несколько подробнее поговорить с вами, товарищи крестьяне, об этих комитетах. Прежде всего вы должны знать, как их строить. На этот счет существуют известные указания Временного правительства, с которыми нам и приходится считаться. Указаниями устанавливается число членов комитетов и их состав.

Начнем сверху — с Главного земельного комитета. Согласно правилам, он состоит:

- 1) из 25 членов по назначению от Временного правительства,
- 2) по одному представителю от всех политических партий,
- 3) три от Совета рабочих и солдатских депутатов, три от Всероссийского кооперативного совета, три от Комитета 4-й Государственной думы, шесть от Всероссийского Совета крестьянских депутатов и по одному от губернских земельных комитетов.

Как видно из приведенного перечня, в Главном комитете имеется представительство как от пущих классов — помещиков и капиталистов, так и от трудовых. Между прочим, резко бросается в глаза недостаточность представительства от Всероссийского Совета крестьянских депутатов, а именно всего шесть мест. Словом, приходится признать, что с точки зрения интересов трудовых, беднейших классов с составом Главного комитета дело обстоит не совсем благополучно. Решающую роль должно сыграть представительство от губерний. Если бы все губернии послали в Главный комитет определенных и последовательных защитников своих интересов, то дело могло бы быть и не так плохо.

Обратимся же теперь к составу губернских, уездных и волостных земельных комитетов.

В состав губернского земельного комитета входят:

- 1) четыре члена, избираемых губернским исполнительным комитетом, и один — городским комитетом губернского города,
- 2) по одному от каждого уездного земельного комитета,
- 3) представители от губернского земства — числом не более трех, член окружного суда, мировой судья, представитель министерства земледелия и, наконец, сведущие лица, приглашаемые председателем комитета с правом совещательного голоса.

В уездные комитеты входят:

- 1) три члена от уездного исполнительного комитета и один от городского,
- 2) по одному от каждого волостного земельного комитета и, наконец земский агроном, земский статистик и мировой судья.

В отношении как губернских, так и уездных комитетов приходится сказать то же самое, что и про Главный комитет, а имен-

но: направление их деятельности будет зависеть от того, кого будут посылать в губернский — уездные земельные комитеты, а в уездный — волостные. Следовательно, если крестьянство хочет, чтобы все эти земельные комитеты действовали в его интересах, оно должно позаботиться о том, чтобы всюду в них проходили люди дельные, честные и стойкие борцы за крестьянское дело.

Прежде всего нужно сделать это с волостными комитетами. Их состав таков: пять членов и три кандидата. Все они должны избираться всеми гражданами волости без различия пола, религии, национальности и общественного положения на основе равного для всех голосования.

Итак, стало быть, первая задача крестьянства заключается в том, чтобы в комитет попали люди свои, которые не продадут и не изменят интересам народным. Таких людей хотя и трудно, но можно сыскать; тем более, что и работа в комитетах будет тогда интенсивной.

Что же должны делать эти земельные комитеты?

Очень большое и важное дело.

Прежде всего они должны будут заниматься собиранием всяких данных для разрешения земельного вопроса Учредительным собранием. Будут выяснять, где и сколько земли, лесов, лугов, какого они качества и т. д.

А затем, и это для крестьян сейчас самое главное, комитеты эти должны разрешать всякие недоразумения и споры, возникающие в области земельных отношений. Те постановления, которые будут выносить комитеты, явятся имеющими вполне законную силу. Как они порешат, так и будет. А решать они будут вопросы об арендных платах, о пользовании лугами, лесами и пр.

Какой же линии поведения должны держаться в них крестьянские представители? Что они должны там отстаивать? Эта линия дана в постановлениях сначала губернских крестьянских съездов, а затем и Всероссийского Совета крестьянских депутатов. В резолюции Совета, напечатанной в этом же номере нашей газеты, сказано, что все решительно земли должны отойти в ведение земельных комитетов. Комитеты будут распределять уголья под обработку, устанавливая арендные платы, определять порядок обращения их или направлять их в государственное казначейство и т. д.

То же самое относится и к лесам. Отныне никто из помещиков не должен иметь права на землю, на луга, на леса помимо земельного комитета. Комитет держит все на учете и всем ведает.

Из сказанного ясно, какое огромное значение будут иметь для крестьян земельные комитеты. Товарищи! Теперь только от вас самих, от вашей сплоченности и сознательности зависит все решение земельного дела взять в свои руки. Теперь не время спать, надо действовать. Пусть замолчат те, кто говорит: «Ну их,

замотали нас совсем с этими выборами, из-за них и работать некогда...» Невсжество и темпота наша сквозит в этих словах.

Помните, что вашего дела за вас другие делать не станут. А если и станут, то такого натворят, что и вы, и ваши дети лишь затылки будут чесать, а после самих же себя и ругать. Итак, за дело, товарищи!

Живо, дружнее! Скорее создавайте всюду земельные комитеты; следите за тем, чтобы они не на словах только существовали, а делали постоянно живое, великое дело, дело перехода всей земли в руки трудового народа.

М. Михайлов

Крестьянская газета. Минск, 1917. 10 июня.

Анархия или организация

На очереди стоит вопрос о том, как распорядиться с землей до Учредительного собрания. Как ее использовать так, чтобы на все государство, на весь народ хватило хлеба и вместе с тем чтобы крестьянство теперь же почувствовало, на деле увидело, что переход земли к трудовому народу уже предрешен и предрешен бесповоротно.

Для проведения этих задач всюду организуются земельные комитеты. Им-то и придется взять на свои плечи это чрезвычайное и тяжелое и ответственное дело.

При выполнении своей задачи им придется считаться, с одной стороны, с нетерпеливой жадной трудовой земледельческой населенной теперь же видеть землю и леса в своих крестьянских руках, теперь же использовать ее в своих интересах, и с другой стороны, падо не упускать из виду интересы всего нашего государственного целого, всей нашей необъятной матушки России.

Нелегко тот путь, по которому придется идти комитетам, но идти по нему все-таки можно и должно. И других путей нет. И чтобы идти по нему смело и решительно, чтобы, не боясь никаких упреков и обвинений со стороны крестьянских масс, комитеты могли совершить свой долг перед русским крестьянством и вообще перед всей страной, они должны сразу же определенно стать на ту точку зрения, на которой стоит сейчас все русское крестьянство и которая свое конечное завершение нашла в резолюции Всероссийского Совета крестьянских депутатов. Согласно с ней, все земли и леса волости переходят в ведение земельных комитетов. На их обязанности лежит производство учета их и определенне порядка использования.

Крестьянство должно всюду твердо усвоить следующую истину: ни земля, ни леса ни в коем случае не могут распределяться ни в собственность, ни в долговременное пользование как между отдельными лицами, так и деревнями и целыми обществами. Только всенародное Учредительное собрание вправе и сможет без насилий и потрясеній провести справедливое распределение

земель. Только оно одно может охранить и оградить интересы тех семей, кормильцы коих заняты делом защиты родной земли на фронте.

А задача населения каждой волости в лице ее земельного комитета заключается в том, чтобы теперь же, до Учредительного собрания, и принять подготовительные меры к решению вопроса и взять под свою охрану и защиту земли, леса и луга как общественное достояние.

Комитет при дружной поддержке всей волости должен следить за тем, чтобы земельные и лесные богатства никем не разхищались.

Комитет должен постоянно иметь в виду, что его первейшая задача — это то, чтобы обеспечить стране как можно больше хлеба.

Поэтому, определяя порядок использования земель и лугов, он должен стараться о том, чтобы ни один клочок земли, годный к обработке, не остался неиспользованным. Вся земля, не занятая владельцами, должна быть распределена между крестьянами под посев и без всякой арендной платы. Порядок использования пастбищ и лугов тоже целиком устанавливается земельными комитетами. Правила при этом, на наш взгляд, следует придерживаться такого: все луга, которые не будут учтены определенному сроку, устанавливаемому комитетом, поступают его распоряжение для распределения между крестьянами в порядке устанавливаемой комитетом.

Сдача земель и лугов на сторону (общественным организациям, воинским частям и пр.) производится только через земельные комитеты. Они определяют размеры платы, следуемой за угодья, в них же она вносится для дальнейшей передачи в местное казначейство. Стало быть, арендные деньги идут не на пользу помещиков или отдельных земельных собственников, а в пользу всего государства.

Того же самого порядка следует держаться в отношении лесов.

Крестьянство должно хорошенько понять, что отныне все общественное достояние и поступает под охрану самого народа. Никакие лесные сделки впредь недопустимы помимо земельных комитетов. Всякое отдельное лицо или организация, желающая заняться заготовкой лесного материала, должны обращаться за разрешением в земельный комитет (волостной, а в случае нужды — в уездный или губернский). Деньги за лес тоже поступают через комитеты в казначейство.

Земельный комитет, ограждая интересы всего государства, должен всегда стоять на высоте своей задачи и ни в коем случае не препятствовать заготовке лесных материалов для общегосударственных нужд (железным дорогам, городам, для позиций и пр.). Раз разрешение лесоохранительного комитета выдано, раз интересы данной местности не пострадают — мешать мы не имеем права. Мы должны лишь наблюдать за самим способом

вырубки, ограждая местные интересы. Нам надо понять раз и навсегда, что отныне лес общенародный, и сам народ стал на страже интересов.

Чтобы, далее, нужды местного населения удовлетворить, необходимо установить порядок пользования лесом со стороны местных жителей волости. Порядок должен быть таков. Разрешение на рубку деревьев для хозяйственных нужд выдает только земельный комитет. Он же устанавливает и сумму, которая должна быть за это уплачена. С бедных брать совсем не следует, а с тех, кто побогаче, можно и брать.

А чтобы комитет знал, сколько и какого леса нужно данному лицу, а также чтобы судить о том, следует ли с него брать плату, в каждой деревне или обществе и местечке должны быть заведены свои комитеты, от которых, как близко знающих всех своих однодеревенцев, надо брать предварительные разрешения. Тогда не будет никакого обмана ни с чьей стороны. Самовольная рубка, хотя бы крестьянами, недопустима. Грех перед всем народом будет совершать тот, кто тайком от всех будет расхищать общее добро. Сбор сучьев и валежника для топлива должен быть бесплатным.

Вот какие порядки, на наш взгляд, должны ввести всюду на местах товарищи крестьяне. При них будет и каждой деревне неплохо, и всей стране хорошо. Но чтобы так сделать, необходимо в первую голову создать сами земельные комитеты. А затем всюду устраивать крестьянские комитеты. Беда наша — в нашей темноте. Нас нарочно держали в невежестве, чтобы легче было вертеть и давить нас. В деревню нужно теперь света, как можно больше света.

Выписывайте нашу газету, читайте ее сообща, обсуждайте, что мы пишем правильно, а что нет, и таким путем мы сообща отстоим крестьянское дело. Только организация и живая работа сможет оградить нас от таких действий и поступков, которые, вреда всему государству, в конце концов повредят и тем, кто их устраивает. Мы против того, чтобы отдельные лица или деревни захватывали леса или земли и делили их между собой, против того, чтобы отдельные деревни и общества отказывались выполнять постановления своих комитетов, ими же постановленных. На то и завоевали мы право выборов, чтобы всюду проводить своих людей. Но раз они выбраны, их указаниям и советам подчиняться следует. Иначе у нас каждый молодец будет на свой образец, и все у нас врозь пойдет, наступит то, что называется анархией, т. е. полным безвластием, безначалием, когда каждый делает все, что захочет.

Но вместе с тем мы считаем долгом своей совести заявить, что мы не считаем и не будем считать анархией организованную борьбу крестьянства за улучшение своей жизни. Газеты капиталистов и помещиков кричат об анархии при малейшей попытке крестьян взять заведение земель в свои руки или требовать смещения властей, не от народа поставленных и действующих

во вред ему. Мы не считаем анархией, если земельный комитет постановит, чтобы арендных денег помещику не платить, а вносить их в казну; мы не видим анархии и в том, что распоряжение лесами перейдет в руки земельных комитетов, не видим ее и в том, что крестьянство будет мешать собственникам устраивать сделки помимо комитетов. Напротив, такую деятельность крестьянства — сознательную, спокойную, дружную, такое проявление воли народной через земельные комитеты, органы, созданные самой властью, мы считаем единственно правильными и отвечающими интересам трудовой России. Мы зовем крестьянство идти смело и твердо именно по этому пути и горячо будем приветствовать всякие успехи крестьянства в деле организованного закрепления завоеваний революции. Это не анархия, а организация; не развитие безначалия, а утверждение истинного народо-властия.

М. Михайлов

Крестьянская газета. Минск, 1917. 13 июня.

К продовольственному вопросу

Вопрос этот самый больной и жгучий для всей страны.

В городах нет хлеба, нет мяса и молока; среди детей небывалая смертность; растет озлобление рабочего и вообще всего малообеспеченного городского населения.

В деревнях и селах крестьянство мечется в поисках всяких фабрикатов — нет железа, орудий, керосина, спичек, тканей; добывать их можно только за бешеные деньги. На этой почве растет озлобление к городу, который готова винить темная масса, не отдающая отчета в происходящих событиях.

Страшная опасность грозит нашей революции, нашей свободе, всему тому, что с таким трудом завоевали рабочие и крестьяне. Темные силы повсюду поднимают голову, всюду стараются использовать продовольственную разруху в целях подрыва нового порядка вещей. Из ряда городов приходят вести, что во главе толп голодных, озлобленных людей, готовых громить склады, лавки и пр., сплошь и рядом стоят бывшие городские и жандармы.

Революция в опасности. Нужны немедленные решительные меры для ее ограждения.

Прежде всего каждый рабочий, каждый крестьянин должен понять, что совершенно справиться сейчас с дороговизной невозможно. Невозможно потому, что создана она главным образом войной. И пока длится война, пока миллионы людей оторваны от производительного, полезного труда, пока фабрики и заводы заняты не выделкой того, что требуется для народного хозяйства, а орудий смерти и разрушения, пока для погашения расходов государство выпускает миллиард за миллиардом бумажные деньги, — нечего и думать об устранении продовольственной разрухи и связанной с ней дороговизны.

По что же остается? Опустить в бессилia руки и глядеть, как будет рушиться народное дело? Нет, нет и нет. Если нельзя устранить целиком голодовки, то, во всяком случае, можно смягчить, ослабить. И не только можно, но и должно, ибо, повторяем, от этого вопроса зависит все благополучие и самая жизнь нашей родины.

Все, что есть живого, сильного в народе, должно направить свои силы на борьбу с этим грозным явлением.

Пусть каждый поймет, что он является частичкой общего, великого целого — всего народа, пусть каждый старается внести и свою лепту в общее великое дело спасения родины.

Наибольшая ответственность лежит на правительстве. Именно оно обязано использовать все свободные силы народа, организовать их и разумно направить. Оно обязано немедленно взять в свои руки не только нормирование цен и распределение продуктов по всей стране, но также вмешаться и в область самого их производства.

Вмешательство должно проявиться в следующих видах:

Во-первых, надо закрыть целый ряд предприятий, выделяющих предметы роскоши для забавы богатых людей; здания же и машины обратить на выделку того, что нужно всему народу.

Во-вторых, объявить всеобщую трудовую повинность. Никто не должен теперь шлаться без дела; всех на землю, фабрики, заводы, конторы.

В-третьих, установить наблюдение за всеми фабриками и заводами, чтобы не было никаких злоупотреблений со стороны капиталистов.

Наконец, взять в руки государства те предприятия, от которых особенно зависит благополучие страны (сахароваренные заводы, нефтяные и пр.).

Все эти меры не новые. Их давно уже выдвинула и повторила бесчисленное множество раз народная мысль на рабочих, солдатских и крестьянских съездах. Почему же до сих пор в этом направлении так мало сделано? Почему резолюции сплошь и рядом остаются благими пожеланиями, а в дело не претворяются?

Конечно, потому прежде всего, что самое дело — чрезвычайно сложное и трудное, людей же, умеющих и желающих работать, мало.

Но не действуют ли здесь и другие причины? Не тормозит ли дело решительных демократических преобразований класс капиталистов, имеющий в центральном правительстве десять своих представителей? Не отсюда ли эта робость, перешительность в проведении неотложных мероприятий?

Завоевания народа в опасности. Стране угрожает развал. Меры, самые крайние меры, необходимы теперь еще более, чем когда-либо.

Народ ждет, народ требует, чтобы правительство решилось на них. Если же оно не может, то пусть так и скажет, тогда пусть призовет новые творческие силы народа к устройству и спасению страны.

М. Михайлов

Крестьянская газета. Минск, 1917. 1 июля.

Революция и фронт

Наша революция переживает кризис. Она подвергается ударам сразу с двух сторон — извне и изнутри. Все продолжающееся наступление германских войск угрожает уже коренным русским областям, увеличивая тем самым разруху и смятение в рядах революции. С другой стороны, все нарастает натиск буржуазно-дворянской реакции.

Искусно играя на наших неудачах, первыми виновниками которых являются не кто иной, как гг. капиталисты, ибо именно под их давлением, вследствие их настояний наши армии были брошены в наступление, которого не хотела страна, буржуазная пресса ведет дружную атаку против всех завоеваний революционной России.

Сваливая, как всегда, с больной головы на здоровую, буржуазия нашла козла отпущения в большевистском направлении русской социал-демократической мысли. Ему приписываются всякие вины и гадости, кем бы они ни совершались, нет грязи, которая бы не выливалась желтой прессой на большевиков. А под видом этой якобы патриотической травли, под весь этот шум и гам и связанный с ним кризис власти, вызванный кадетами, контрреволюция делает свое дело. Свобода слова и печати урезаны, стеснена, а частью прямо уничтожена свобода собраний, введена смертная казнь.

Травля буржуазных газет все усиливается и направляется уже не только против большевиков, а вообще против социалистов и против центров объединения трудового народа — его Советов. Жертвой этой гнусной травли стал и министр земледелия с.-р. Чернов, которому пришлось покинуть свой пост.

Мы переживаем самый опасный, самый критический момент революции. Но да не дрогнет сердце революционного народа! Нам не страшны козни и происки врагов, лишь бы яд разложения не проник в наши собственные ряды. Побольше веры в народ, побольше мужества и решимости, и мы сумеем отразить натиск на революцию, откуда бы он ни исходил.

Борьбу сейчас приходится вести на два фронта. Задача революционной армии — остановить натиск германских войск. Не место теперь никаким сомнениям и колебаниям в ее рядах. Каждый солдат, идя ныне в бой, должен понять, что иначе поступить он не может, не подвергая гибели нашу и международную революцию. Мы всегда были и будем противниками захватной политики.

Мы боролись с пропагандой наступления, на которое толкала буржуазия, считая это опасным для дела и свободы, и революции. Нашему голосу не вняли те, от которых зависело решение вопроса. И вот теперь наши опасения подтвердились скорее, чем можно было бы думать. Германские армии рвут наш фронт.

Мы никогда не были пораженцами, как это пытаются представить наши враги. Ненарушимость и крепость внешнего фронта мы считали и считаем необходимым условием крепости самой революции. И ныне, когда ему угрожает страшная опасность, мы говорим, что ограждение его является делом всей революционной демократии. Спасая фронт, мы спасаем и нашу и международную революцию.

Но в полной мере считаясь с этой задачей, надо признать, что осуществление ее мыслимо лишь при определенных условиях. В корне ложен тот путь, по которому идет военное министерство и высший командный состав в деле поднятия боеспособности армии. Не суровыми наказаниями, не угрозами расстрела можно достичь этого. Это только озлобляет армию. Надо решительно изменить общее направление политики — внешней и внутренней. Решительная борьба с контрреволюцией в тылу и на фронте и борьба за мир во внешней политике. Вот прямая и неотложная задача демократии. Но проведение ее мыслимо лишь тогда, когда она возьмет в свои руки дело устройства страны.

Организованная буржуазия в лице кадетов явно не хочет работать над спасением родины и революции. Это для нас не ново. Мы всегда так думали и говорили. Но отчего же робость и смущение в рядах революционеров? Отчего признаки отчаяния среди ответственных представителей руководящих политических партий?

Отчаяние, доходящее до паники, ибо как же можно объяснить иначе попытку ухода из состава Временного правительства министров-социалистов? Разве такая слабость допустима для вождей демократии в такой тяжелый и опасный момент?

Дело революции дорого только одной демократии, одному трудовому народу. И раз ему не только не хотят помогать, а даже прямо мешают, тем смелее и решительнее должен действовать он. Дело спасения революции и родины должна взять в свои руки демократия, организовавшаяся вокруг Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. И чем скорее, тем лучше. Промедление теперь смерти подобно. Другого выхода, отвечающего народным интересам, нет. И только этим путем революция справится со всеми опасностями — внешними и внутренними.

Звезда. 1917. 30 июля.

***В Октябрьские дни**

Эти мемуарные заметки написаны для готовившегося Иваново-Вознесенским губистпартом сборника, посвященного пятой годовщине Октябрьской революции. Издание, однако, не состоя-

лось, а собранные материалы использовались в периодике. Воспоминания М. В. Фрунзе были напечатаны в губернской газете «Рабочий край» 7 ноября 1922 г. под заголовком «Октябрь в Шуе», в дальнейшем они включались в Собрание сочинений (Т. 1. М., 1929) и в сборник «Грозные годы» (Иваново, 1961). При этом были опущены страницы, посвященные пребыванию автора в Москве. Их впервые опубликовал в своей книжке о Фрунзе (М., 1928) С. А. Сиротинский как самостоятельную главу «В Октябрьские дни». Таким образом, полностью это произведение Михаила Васильевича в книжном издании появляется только теперь.

Октябрьский переворот застал меня во Владимирской губернии, в Иваново-Вознесенском районе¹. Крепко связанный с этим районом старыми традициями по работе 1905 и 1906 гг., я приехал туда еще в конце августа 1917 г. с Западного фронта, где под фамилией Михайлова работал нелегально с весны 1916 г. после моего бегства из Сибири. По соглашению с Иваново-Вознесенским комитетом нашей партии я избрал местом работы второй по значению промышленный центр района, Шуу с ее уездом,

К моменту моего приезда обстановка в Иваново-Вознесенске и во всем окружающем районе, входящем теперь в состав Иваново-Вознесенской губернии, была следующая.

В самом Иваново-Вознесенске, а также во всех промышленных центрах (Тейково, Кохма, Родники, Серeda и пр.) господство в Советах принадлежало безраздельно нашей партии, не имевшей никаких сколько-нибудь серьезных политических конкурентов. Несколько хуже дело обстояло в Шуе, где довольно сильно сказывалось влияние социалистов-революционеров, успевших прочно осесть в Совете крестьянских депутатов и имевших в своих руках его исполнительный комитет. В известной мере это же надо отнести и к городскому Совету рабочих и солдатских депутатов, где эсеровское влияние точно так же давало себя чувствовать. Это обстоятельство, между прочим, и сыграло решающую роль в окончательном выборе мною места работы.

Помимо своего промышленного значения, Шуя являлась довольно крупным военным центром, так как в ней было расквартировано два запасных пехотных полка и пешая дружина, насчитывавшие в общей сложности около 20 тыс. человек. Кроме Шуи, во всей нынешней Иваново-Вознесенской губернии гарнизон имелся еще лишь в самом Иваново-Вознесенске, где стоял один пехотный запасной полк².

Выборная кампания в земские и городские самоуправления дала нам беспорную победу почти по всей линии. В результате ее мы имели значительное большинство в городской думе Иваново-Вознесенска. Такое же большинство — во всех важнейших волостных земских единицах. Незначительное, но все же абсолютное большинство — в городской думе Шуи и такое же большинство в Шуйском уездном земском собрании.

При этих условиях партия самым легальнейшим образом к середине сентября 1917 г. утвердилась во всех местных органах власти, заполучив их в свои руки. В частности, мне самому, будучи председателем Шуйского уездного Совета, в то же самое время приходилось исправлять обязанности председателя Шуйской уездной земской управы и председателя Шуйской городской думы.

Таким образом, еще за полтора — два месяца до Октябрьского переворота во всем Иваново-Вознесенском районе фактически была установлена диктатура пролетариата. Настроение всюду и особенно среди рабочих и солдат было ярко революционное. Советы чувствовали свою силу и действовали в сознании абсолютной неизбежности окончательного перехода власти во всей Республике в руки трудящихся. Все только и жили в ожидании соответствующего лозунга из центра. Но так как время шло, а его не было, то движение и у нас, и во всей Владимирской губернии стало скоро выходить из берегов. Неизбежность скорейшего выступления особенно ярко сказалась на окружной конференции нашей партии, происходившей во Владимире в середине октября. Конференция, проводившаяся товарищем Стуковым³, единогласно высказалась за немедленное выступление и бросила низам практический лозунг отказа от повиновения правительству Керенского и захвата власти. Таким образом, еще до событий 25 октября в Петербурге мы во Владимирской губернии уже начали атаку коалиционного правительства. Доклады делегатов, вернувшихся с конференции, на местах были встречены восторженно, и немедленно началась энергичнейшая работа по организации боевых сил для окончательной схватки. В Шуе была организована сильная боевая дружина, в которую вошло до полутораста рабочих. Вместе с тем шла неустанная работа в гарнизоне, в результате которой фактическими руководителями гарнизона были полковые комитеты, которые были целиком в руках нашей партии.

Наступает 25 октября. Приходит первое известие о перевороте в Петербурге. Немедленно созывается чрезвычайное заседание Совета при огромнейшем стечении народа, на котором объявляется о перевороте и переходе власти в руки Советов. Известие было восторженно встречено широкими массами и быстро распространилось всюду. Не помню ни одного случая протеста или недовольства со стороны каких бы то ни было групп. Все противники переворота из числа интеллигенции и городского мещанства не могли бы слова сказать против при том настроении, какое имело место в народе. Разумеется, переворот произошел без пролития капли крови, без единого выстрела.

Точно так же дело обстояло и в Иваново-Вознесенске и во всех остальных пунктах района. Оставалось широко распространить известие среди крестьянства, и уездный исполнительный комитет Советов постановил созвать чрезвычайный крестьянский съезд. В гарнизоне были произведены перевыборы командного

состава. Между прочим, было устроено особое собрание всего офицерства гарнизона, на котором участвовало свыше 300 человек. На этом собрании мною именем нового рабоче-крестьянского правительства было объявлено о перевороте и предложено принять присягу Советской власти. Всем несогласным с переворотом было предложено немедленно подать в отставку, причем гарантировалась полная безопасность. Несогласных нашлось всего несколько человек.

Прошел день, другой. Из Москвы стали поступать тревожные известия. К нам попало, между прочим, несколько телеграмм за подписью командовавшего тогда войсками Московского военного округа эсера Рябцева⁴ с приказом войсковым частям двигаться на Москву для подавления «вспыхнувших там большевистских беспорядков», как гласила телеграмма. Конечно, ни одна часть во Владимирской губернии приказа не исполнила, так как не только у нас, но и во Владимире, Коврове, Муроме и других городах Владимирской губернии переворот прошел абсолютно безболезненно и новая власть была принята как нечто совершенно очевидное и неизбежное. Но эти известия заставили нас поставить вопрос о помощи нашим товарищам в Москве. В Шуе как одном из крупнейших военных центров мы немедленно же приступили, по соглашению с Иваново-Вознесенском, к формированию экспедиционного отряда из частей гарнизона и рабочих боевых дружин.

Вместе с тем, не имея никакой сколько-нибудь точной информации о положении дел в Москве, решено было побывать там и выяснить обстановку. В Москву поехал я сам. Выехал, кажется, 28 октября [уточнение: 31-го. — *Сост.*].

По дороге с любопытством присматривался к настроению едущей публики. К сожалению, поезд из Шуи до Москвы идет ночью, и поэтому трудно было вынести об этом определенное впечатление. В общем среди пассажиров преобладали буржуазные элементы и настроение среди них было подавленное. Нигде не велось громких разговоров, и большей частью слышались лишь вздохи и оханье по поводу революционных событий.

Утром приехал на Нижегородский [ныне Курский. — *Сост.*] вокзал. В помещении вокзала, на перроне — всюду масса народа, движение и оживленная работа, красные флаги; порою то здесь, то там раздаются крики «Интернационала»; охрану несут вооруженные караулы, состоящие исключительно из рабочих; из центра города доносятся звуки пулеметной и ружейной стрельбы, где-то погромыхивает артиллерия.

Я стал пробираться на Тверскую, где в бывшем генерал-губернаторском доме⁵ заседал военно-революционный комитет. Двинулся я по Садовой. На улицах оживление. Часто попадаются патрули.

Еще на вокзале у начальника караульной команды я выяснил, что сразу попасть в военно-революционный комитет мне не удастся и что нужно первоначально пойти в Городской район,

что я и сделал. Штаб Городского района помещался в здании районного комитета нашей партии, где-то на Садовой, возле Сухаревки⁶. Придя туда, я встретился со старой знакомой по революции 1905 и 1906 годов Екатериной Николаевной Варенцовой⁷, бывшей, кажется, секретарем комитета. От нее узнал все, что мне было нужно, и получил все необходимые пропуска. После этого без особых задержек я добрался до военревкома.

Перед самым зданием патрулировали части, главным образом из вооруженных рабочих, с вкрапленными в них солдатами и матросами. Тверская улица по направлению к Кремлю была пересечена окопом. Позади окопа стояла трехдюймовая пушка. На площади и у здания масса народа. Одни за другим вбегают и выбегают курьеры с донесениями. Суeta. Движение.

Наконец, добираюсь до военревкома. В этом мне оказывают содействие тов. Ногин⁸, знакомый мне по прежней работе, и А. А. Додонова⁹. В комнате ревкома застаю четыре — пять человек усталых, видимо, не спавших уже несколько ночей. Даю краткую информацию о положении дел в губернии. Указываю на то, что провинция начинает нервничать по поводу затяжки борьбы в Москве, и спрашиваю, не нужна ли помощь. Мне отвечают утвердительно и предлагают детально переговорить с революционным штабом.

Штаб помещается в одной из соседних комнат. Направляюсь туда. Меня принимает высокий полный солдат с опухшим от бессонницы лицом и сплывшим басом. Это оказывается командовавший впоследствии войсками Московского военного округа тов. Муралов¹⁰. Быстро переговорив с ним и получив указания относительно чрезвычайной необходимости немедленных подкреплений, я ухожу.

Было около 11—12 часов дня. Ближайший поезд отходил вечером. Таким образом, у меня было в распоряжении около шести-семи часов. Позабывшись прежде всего о передаче полученного приказа в Шую телеграфом, я решил побродить по городу с тем, чтобы лучше ориентироваться в происходящем.

В момент моего выхода из штаба у крыльца строилась какая-то часть, человек 80—100, почти исключительно рабочих. Отряд, видимо, собирался двинуться на боевые позиции. Пока я занимался наблюдениями над перестроениями, надо сказать делавшимися очень плохо и доказавшим, что многие держат в первый раз ружье в руках, кто-то окликает меня. Присматриваюсь и узнаю тов. Могилевского¹¹, известного мне по Западному фронту. Он предлагает присоединиться к отряду и двинуться с ним на позиции. Охотно соглашаюсь, беру у Могилевского винтовку и пристраиваюсь.

Отрядом командует какой-то солдат, маленького роста, с живым, изрытым оспой лицом. Двигаемся. С площади идем в переулок по направлению к Петровке. Идем колонной в четыре ряда. При выходе на Петровку перестраиваемся и двигаемся узкой лентой в два ряда по тротуару.

Улица совершенно пуста. Все окна домов, выходящих на нее, закрыты. Тишина, лишь изредка прерываемая грохотом где-то неподалеку раздающихся выстрелов, резким таканьем пулеметов со стороны Кремля да взвизгиванием вдоль улиц пуль. Погода пасмурная, слегка морозно. Идем не спеша, стараясь прижиматься к стенке домов. Оружие наготове. По приказанию начальника отряда зорко посматриваем на все окна, выходящие на улицу ввиду возможности открытия оттуда предательского огня.

Вдруг где-то очень близко раздается выстрел. Весь наш отряд испуганно шарахается в сторону, причем некоторые по неопытности задевают прикладами, а порой и штыками своих соседей, и до меня доносится злобная ругань. Раздается еще несколько беспорядочных выстрелов. В уверенности, что по нас открыли неожиданную стрельбу, я всматриваюсь в окна, стараясь узнать, откуда стреляют. Никтокуда никого не видно. Вдруг вблизи себя слышу шипящий от злости голос нашего начальника: «Прекратите пальбу, идиоты». Стрельба прекратилась. Оказывается, тревога поднялась из-за выстрела, нечаянно сделанного одним из наших красногвардейцев.

Двигаемся дальше. Подходим к Большому театру. Здесь расположен перевязочный отряд; со стороны «Метрополя» тащат носилки с ранеными. Начальник отряда уходит куда-то за распоряжениями, приказав нам обождать. Оглядываюсь по сторонам. Справа от Большого театра, со стороны сада, выходящего по направлению к Тверской, стоит трехдюймовка. У орудия — артиллерист, свернувшись калачиком за орудийным щитом. Все пространство непрерывно и часто обстреливается откуда-то со стороны Кремля и городской думы¹². При выходе с Большого Кузнецкого переулка на Театральный проезд — второе орудие.

Через несколько времени получается приказание двигаться вперед. Отряд разбивается на группы, так как теперь придется проходить по обстреливаемым пространствам. Двигаемся. При пересечении Петровки делаем перебежки по-одному. Кое-кто падает. Выбегают санитары, подхватывают и уносят.

Скапливаемся против здания «Метрополя». Оказывается, отряду вместе с другими группами дана задача выбить противника из «Метрополя». С кремлевских стен и здания городской думы противник развивает бешеный огонь, непрерывно стреляет пулемет и трещат орудийные выстрелы. Где-то налево слышится «ура». Я смотрю: впереди меня ряд товарищей бежит к «Метрополю», бегу и я. Врываемся в здание. Белых уже нет. Осматриваюсь кругом: везде валяется брошенное оружие, винтовки, патроны в сумках; нескольких наших ранено.

Побродив по коридору, присел на одном из окон отдохнуть. В ушах все еще раздавался треск выстрелов; закрыл глаза, и показалось, что все происходящее — не действительность, а какой-то сон. Вспоминаю о том, что мне надо ехать, и иду обратно к штабу. Между прочим, меня никто не спросил, кто я, что я

в т. п.

У штаба вижу большую группу, окруженную конвоирами. Подхожу. Оказывается, привели пленных, захваченных, насколько помню, на центральной телефонной станции. Их было 70—80 человек, большинство студенты, затем офицеры, юнкера, рабочих не видно ни одного. И как раз резкую противоположность представляет конвой — все рабочая молодежь, видимо, только что впервые взявшая в свои руки винтовки. Расспросив конвоиров относительно пленных, направляюсь к вокзалу. Вечером благополучно выезжаю обратно к себе.

К моему возвращению шуйский отряд был уже почти сформирован. Всего он состоял из 900 человек, набранных из лучшей части гарнизона, с присоединением рабочих дружин, одетых, как солдаты, в полное боевое походное снаряжение. Командиром экспедиционного отряда назначили вновь выбранного командира одного из полков, если не изменяет память, по фамилии Степного. К нему назначили военного комиссара (фамилию забыл)¹³, старом боевика, бывшего лидером местной группы левых социалистов-революционеров. Отряд производил чрезвычайно внушительное впечатление. При отправке устроили торжественные проводы с колоссальным стечением народа. Отряд двинулся на Москву через Владимир. По дороге к нему присоединилась часть из других гарнизонов Владимирской губернии — Коврова, Владимира, пов вырос до 2000 человек. В Москву он прибыл 30-го (2 ноября. — *Сост.*).

Как потом мне передавали, прибытие нашего владимирского подкрепления сыграло в ходе борьбы довольно крупную роль, правда, больше морального, чем материального, характера. Когда отряд подходил к Москве, то на Нижегородском вокзале и в прилегающих районах распространился слух, что идут с фронта войска Керенского для подавления большевистского восстания. Такое представление создалось ввиду действительно настоящего походного боевого вида нашего отряда. Тем резко проявился перелом, когда узнали, что это не войска Керенского, а, напротив, прибыли революционные войска для того, чтобы поскорее покончить с сопротивлением белых. Кажется, на другой день после их прибытия состоялась капитуляция белых.

Что касается нас, то мы в наших краях уже взялись за текущую организационную работу и, не имея указаний из центра, привались сами строить по-новому жизнь. Крестьянский съезд, состоявшийся 30 или 31 октября, выявил революционное настроение крестьянства и тем окончательно закрепил переворот. Саботаж со стороны чиновничества, столь резко проявившегося в Питере и Москве, у нас почти не наблюдалось. Правда, среди почтово-телеграфных служащих были некоторые намеки на это, но все это моментально было пресечено, и в общем весь аппарат местного управления продолжал работу без всякого перерыва. Свой Октябрь мы фактически провели уже раньше. Так прошли в Шуе великие Октябрьские дни.

Рабочий край. Иваново, 1922, 7 нояб.; Сиротинский С. М. В. Фрунзе. М., 1928. С. 82—93.

- ¹ Иваново-Вознесенский район — неофициальное название территории с промышленными, преимущественно текстильными, предприятиями, примыкавшей к городу Иваново-Вознесенску, который сам входил в состав Шуйского уезда Владимирской губернии. В 1918 г. по инициативе главным образом М. В. Фрунзе на этой территории была образована Иваново-Вознесенская губерния (ныне Ивановская область), где Михаил Васильевич был общепризнанным руководителем партийного комитета и губисполкома.
- ² В Шуе находились 89-й и 237-й полки, в Иваново-Вознесенске 109-й; один запасный пехотный полк — 66-й — был расквартирован в Кинешме, ранее входившей в Костромскую губернию.
- ³ Стуков Инокентий Николаевич (1887—1936) — член партии с 1905 г. с июня 1917 г. член Московского областного бюро ЦК РСДРП(б), в октябре — член Московского военно-революционного комитета и боевого партийного центра.
- ⁴ Рябцев Константин Иванович (1879—1919) — полковник, эсер; с июня 1917 г. начальник штаба Московского военного округа, с сентября командующий войсками МВО.
- ⁵ Ныне здание Московского городского Совета народных депутатов.
- ⁶ Современный адрес: угол Кожхозной площади и проспекта Мира.
- ⁷ Баренцова Ольга Афанасьевна (1862—1950) — член партии с 1898 г., подпольный псевдоним Екатерина Николаевна; в 1917 г. секретарь Военного бюро МК РСДРП(б), член боевой тройки Городского района Москвы.
- ⁸ Ногин Виктор Павлович (1878—1924) — член партии с 1898 г.; с сентября 1917 г. председатель Московского Совета рабочих депутатов.
- ⁹ Додонова Анна Андреевна (1888—1957) — член партии с 1911 г.; весной 1916 г. помогла М. В. Фрунзе, приехавшему в Москву из Читы, получить документы на имя М. А. Михайлова и направление на Западный фронт в комитет Земсоюза; в 1917 г. депутат Моссовета, секретарь ВРК.
- ¹⁰ Муралов Николай Иванович (1877—1937) — член партии с 1903 г.; в 1917 г. член Московского ВРК и боевого штаба, а с 14 ноября командующий войсками МВО.
- ¹¹ Могилевский Соломон Григорьевич (1885—1925) в марте 1917 г. избирался в первый состав Совета рабочих депутатов в Минске, в апреле делегат VII Всероссийской партийной конференции от большевиков Белоруссии; в 1918 г. работал с М. В. Фрунзе в Иваново-Вознесенском губисполкоме, затем служил в ВЧК — ОГПУ. Погиб в авиационной катастрофе.
- ¹² Ныне здание Центрального музея В. И. Ленина.
- ¹³ Командиром шуйского отряда был поручик Стриевский, комиссаром — левый эсер Богданов-Марьяшкин.

И им не стыдно...

Прежде мною номер органа партии социалистов-революционеров «Земля и Воля». Читаешь его и изумляешься, до чего же может доходить партийная неуступленность и ослепление. Поток лжи, сознательной лжи, выливаются этими московскими, тоже социалистами, на рабочих и солдат, умиравших на московских баррикадах. «Они не только издевались и убивали, но разрушали и жгли частные дома, общественные здания и памятники старшны, они исковеркали Кремль и грозили сравнить его с землей, они не щадили никого и ничего».

Мне пришлось лично побывать в Москве в самый разгар военных действий, пришлось принять участие в самих военных дей-

ствиях, в штурме здания, закончившихся взятием в плен более сотни юнкеров и офицеров. Пришлось наблюдать отряды солдат и красной гвардии в их тыловой жизни. И нигде, нигде я не видел тех «злодеев» и палачей, о которых повествует социал-революционная газета.

Какое же требуется нравственное падение, какая гнустность для того, чтобы облить морем лжи большое народное движение. И кому? Социалистам.

Я утверждаю, что как раз благодаря стремлению революционеров падать ценные памятники, здания и не лить напрасно кровь так долго держались гг. Рудневы¹, Рябцевы и К°. Можно было бы сразу же разгромить все позиции противников, стоило лишь пустить в ход тяжелую артиллерию.

И в этом стремлении революционный комитет зашел так далеко, что в рядах солдат и рабочих началось общее возмущение такой его тактикой. Я утверждаю, что, кроме единичных случаев, сейчас же парализовавшихся и прекращающихся окружающими, не было насилия и издевательств над противниками. Я утверждаю, что революционные войска проявляли такую человечность отношений к врагам, на какую только способна русская солдатская масса и вообще народ.

И в противность этому, зачем молчит с.-р. газета о тех жестокостях, какие творились «высокоинтеллигентными» и «культурными» эсеровско-юнкерскими войсками над попавшими к ним в плен солдатами и красногвардейцами. Почему не вспомнят они о тех, кто был расстрелян сотнями в Кремле в первый день революционной битвы. Не горит ли кровь этих безоружных детей народа на ваших руках, «товарищи социалисты»?

Вы говорите про разрушение зданий, осквернение святынь. А кто же вызвал это своим бессмысленным, безрассудным сопротивлением? Кто втащил пулеметы на храм Христа Спасителя, на кремлевские башни, здания и стены?..

Вместо того чтобы искать путей к примирению революционной демократии, вы пишите злобой и ядом против ее левого крыла, того крыла, за которым идет сейчас народная масса. Этим вы не спасаете революцию, а губите ее, не подымаете себя в глазах народа, а падаете вниз на самое дно низости и предательства. И народ этого вам не простит.

Я не принадлежу к тем, кто из-за партийной завесы не видит действительных форм жизни. Я не разделяю взглядов и решений тех своих товарищей по партии, которые, не видя возможности справиться с потоками грязи и лжи, изливаемой справа, решаются на закрытие их газет. Не надо нам этих путей, не надо... Пусть злобствуют, клеветают наши враги, но правда останется правдой.

Нам не страшна клевета, и не насильем, не стеснением свободы печатного слова преодолеем их мы. У нас мало газет, мало людей, владеющих пером, но есть десятки тысяч очевидцев — солдат, крестьян и рабочих, которые могут опровергнуть эту кле-

вету, и бесстыдная ложь клеветников-писак обратится против них самих.

А. Шуийский

Маяк. Шуя, 1917. 14 нояб. Рукопись в Шуийском мемориальном музее М. В. Фрунзе.

¹ Руднев В. В. — в 1917 г. московский городской голова.

*Обращение к избирателям

Российская социал-демократическая рабочая
партия (большевики)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

День выборов в Учредительное собрание близок. Русский народ путем свободного голосования должен выявить свою волю, должен сказать, какие порядки, законы желает он установить в нашей стране. Каждый рабочий, каждый крестьянин, каждый солдат, каждый обездоленный и угнетенный при прежних порядках должен понять, что в дни выборов решается судьба и родины и их самих. Попадут в Учредительное собрание люди, отстаивающие интересы бедноты, и законы государственные будут хорошие, а попадут другие, то и от Учредительного собрания добра для народа не будет.

Вот почему вся беднота, как городская, так и деревенская, должна пойти на выборы и отдать свой голоса за истинных защитников трудового народа.

Но как решить, кто же действительно, на деле будет защищать эти интересы? Ведь у нас много партий — есть кадеты или, как они себя называют, «партия народной свободы», есть социалисты-революционеры, социал-демократы меньшевики и, наконец, социал-демократы большевики... Как же сделать безошибочный выбор между ними и не подать своего голоса за тех, кто только красивыми словами опутывает народ, а на деле не дает ничего? Средство для этого есть, и средство хорошее.

Товарищи! Надо о партиях судить не по словам их и даже программам, а по делам. Надо смотреть, что делала и делает для народа та или иная партия, а затем уже решать вопрос и выбора между ними. Посмотрите теперь на дела указанных партий.

Вот партия «народной свободы». О ней много говорить не приходится. Всякому известно, куда тянули и тянут вожди этой партии господа Милюковы, Кишкины и другие нашу родину. Они затягивают бесконечно войну, они борются за утверждение господства капитала, они вместе с Корниловым¹ хотели два месяца тому назад задушить страну военным и осадным положением, затопить в крови рабочее и крестьянское движение, сдавить железной рукой армию. Вот та «свобода», которую несли и несет эта партия России. Решай же теперь, рабочий, солдат и крестьянин, можешь ли ты голосовать за список № 1, список этой кадетской партии.

Дальше идет партия социалистов-революционеров. На знамени ее напечатаны хорошие слова: «Земля и воля». Могучий отклик находят они в сердце каждого землероба, да и не только землероба, а многих других. И вот в первые месяцы революции народная масса пошла за этой партией. Это помогло ей приобрести руководящее большинство в думах, земствах и в Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Восемь месяцев эта партия совместно с социал-демократами меньшевиками держала в своих руках бразды правления в стране. Восемь месяцев плела она для того, чтобы выполнить обещание, данное народу. И что же сделала? Ровно ничего. Вместо земли она руками бывшего министра и председателя Всероссийского Совета крестьянских депутатов Авксентьева сажала членов крестьянских земельных комитетов в тюрьму; вместо воли они руками Керенского готовили вместе с Корниловым яму русской революции; вместо борьбы с дороговизной путем установления твердых цен на все продукты первой необходимости и введения рабочего контроля над производством они делали всякие уступки буржуазии и тем подготавливали нынешнюю голодовку. Наконец, в эти недавно минувшие грозные дни, дни кровавой борьбы на улицах Москвы и Петрограда, когда рабочие и солдаты повели решительную борьбу за программу мира, хлеба, земли и свободы, — где и с кем оказалось большинство партии социалистов-революционеров? С рабочими и солдатами, лившими свою кровь за дело народное, за торжество революции? Ничуть не бывало. Они оказались в рядах юнкеров и той части офицерства, которая подняла преступную руку на Всероссийский съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Они тоже лили кровь, но кровь народную, и не за его торжество, а за власть кулака и капитала. В Петрограде Шрейдер², Авксентьев, Керенский, а в Москве Руднев подняли против рабочих и солдат юнкеров и во главе их лили народную кровь. Вот дела руководящего большинства партии социалистов-революционеров. Народ не может и не должен забыть об этих позорных делах, и народ не даст ни одного голоса рабочих, солдат и крестьян этой партии предателей, партии прислужников капитала.

Каковы дела третьей партии — партии социал-демократов меньшевиков? Правда, партия эта в дни минувшей кровавой борьбы не пошла с оружием в руках против рабочего класса, но и не стала помогать ему. А всей своей прежней политикой она поддерживала партию социалистов-революционеров и, стало быть, в равной мере повинна за ту разруху и затяжку войны, которые мы переживаем. В дни испытаний и бурь не с трудовым народом оказались социал-демократы меньшевики, пусть же и трудовой народ не веряет им своей судьбы в дни выборов.

Остается партия социал-демократов большевиков. Судите о ней по делам ее. Теперь это легко сделать. Теперь всякий солдат, рабочий и крестьянин может по великим московским и петроградским событиям решить, предательская ли это партия, как все время кричала и кричит буржуазная пресса, или истинная за-

щитница интересов рабочего класса и деревенской бедноты. Какая партия была с рабочими и солдатами Петрограда в дни 3—5 июля? Социал-демократы большевики. Кто в Петрограде и Москве, под чьим руководством проходила борьба за Советскую власть? Социал-демократов большевиков. Кто издал, как только получили доступ к власти, декрет о заключении мира? Социал-демократы большевики. Кто издал декрет о земле, передающий все земли в ведение крестьянских земельных комитетов и без выкупа? Социал-демократы большевики. Кто отменил смертную казнь, кто вводит закон о рабочем контроле? Социал-демократы большевики. Вот дела этой партии. Судите сами, товарищи рабочие и солдаты, судите, товарищи крестьяне, какая партия ближе всех к трудовому народу, какая партия лучше всего защищает интересы городской и деревенской бедноты.

Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков) есть партия социалистическая. Это значит, что она хочет уничтожить господство капитала путем введения общественной собственности на землю, фабрики и заводы. Она партия демократическая, ибо стремится передать всю власть в государстве народу, создать демократическую республику. Она партия интернационалистская, ибо хочет мира и братства между всеми народами, хочет сделать трудящихся всех стран братьями друг друга и поэтому стремится как можно скорее положить конец преступной войне. Она партия рабочая, партия самого угнетенного и страдающего класса и поэтому хочет борьбу с голодом вести, не останавливаясь ни перед какими препятствиями со стороны имущих классов.

Хлеба, мира, земли, свободы! Вот чего мы требуем и добиваемся вместе со всем трудовым народом в ближайшую, первую очередь.

Решайте же, товарищи, решайте, граждане, кому верить судьбу народную на предстоящих выборах. Мы же призываем вас голосовать, как один человек, за список № 6, список Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков).

Да здравствует Учредительное собрание!

Да здравствует демократическая республика!

Да здравствует земля и подлинная народная воля!

Да здравствует мир и братство народов!

Да здравствует международный социализм!

Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков), как авангард и передовой боец трудящихся масс за грядущую новую, светлую, лучезарную жизнь!

*Шуйский музей М. В. Фрунзе; рукопись; ЦПА ИМЛ.
Ф. 87. Оп. 1. Д. 44. Л. 1—5; машинописная копия.*

¹ Корнилов Лавр Георгиевич (1870—1918)— генерал от инфантерии, с 19 июля по 27 августа 1917 г. главверх, поднял мятеж с целью установления военной диктатуры.

² Шрейдер Григорий Ильич — городской голова Петрограда.

ПЕРВЫЙ ГОД КРАСНОЙ ГУБЕРНИИ

После Октябрьской революции местные Советы промышленного района, группирующегося вокруг фабричных городов Иваново-Вознесенска и Кинешмы, поставили вопрос о самостоятельном административном объединении. За короткий срок (конец 1917 — начало 1918) состоялись три съезда Советов, где после обстоятельного обсуждения были определены состав и границы новой — Иваново-Вознесенской губернии, которую сами ивановцы называли Красной. Ее руководящие органы — губисполком и губком РКП(б) возглавил уважаемый и любимый трудовыми массами большевик-ленинец М. В. Фрунзе.

Что делать!

Грустно и больно сжимается сердце у многих горожан, когда они пытаются приподнять завесу с того грядущего, которое ожидает нашу страну...

Хозяйство народное разорено и надорвано, фабрики и заводы приостанавливаются, безработица принимает угрожающие размеры, на многие губернии надвигается голод...

А с другой стороны, все еще нет точно установленного правопорядка, все еще не утвердилось неизбежно господство новой Советской власти. И благодаря слабости центральной власти нарастают центробежные стремления, страна дробится на ряд отдельных государств, часто без всякой необходимости и к несомненному вреду остальных частей общегосударственного организма.

И многим кажется, что гибнут завоевания революции, гибнет и само дело великой народной России. И у многих опускаются в бессилье руки, пропадает желание работать и искать путей оздоровления жизни.

Сказанное относится к представителям трудовой демократии, ибо что касается имущих классов, то не это соображение, а ненависть и злоба ко всему новому руководит их поведением в настоящий момент.

Уместно ли малодушие и уныние у представителей демократии? Правы ли говорящие, что Россия на краю гибели?.. Да разве может погибнуть 150-миллионный народ! Народ, уже создавший богатую духовную культуру и живший многовековой исторической жизнью. Все эти слова о гибели страны и т. п. — лишь пустые фразы, лишь плод крайнего малодушия и нежелания разобраться в существе происходящего. Гибнет не Россия, а то, что при-

же представляло не Россию народную, нималось за нее, на деле же представляло не Россию народную, трудовую, а Россию кнута и пагайки.

Не правы те, кто за деревьями не видит леса, кто не замечает, как в муках и болях нарождается новая жизнь, расчищается путь к процветанию, успешною не отдельных кучек и лиц, а всей многомиллионной трудовой массы.

Пойдите на фабрики, заводы и мастерские, пойдите в деревни и села. Пойдите и посмотрите, над чем работает народная мысль, чем заняты эти серьезные, напряженные лица рабочих и крестьян, заседающих в комитетах и Советах. Там, в самых глубинах народной жизни, идет огромная, колоссальная работа, работа, результат которой скажется в ближайшем будущем расцветом всех областей народного хозяйства.

Не станем скрывать, в процессе этой работы часто делается ненужное, а подчас и вредное, нередко совершаются и жестоко-сти, но в основе этой глубокой, небывалой на земле работы — сдвиг всех общественно-экономических отношений. И из того ка-жущегося хаоса, который сейчас наша родина, родится новая Россия, Россия труда и свободы, более прекрасная и чело-вечная, чем какая-либо другая страна. И задача всех тех, кто стоит действительно на точке зрения трудящихся классов, принять участие в этой величественной работе и поскорее приблизить тор-жество этой грядущей России.

Надо работать, работать не покладая рук над ее созданием. Прежде всего надо отдать себе отчет в том, что старое рухнуло и рухнуло окончательно. Пусть не принимают некоторые господа декреты новой Советской власти за пустые звуки. Пусть не мечтают они о возврате к старому.

Эти «пустые звуки», столь режущие уши помещиков, капита-листов и многих «лжесоциалистов», являются приятной музыкой, ласкающей слух рабочих, солдат и крестьян. И дело не ограни-чивается одним их выслушиванием, а сопровождается немедлен-ным претворением их в жизнь. И даже больше того. Жизнь обог-няет и самые декреты. Они лишь оформливают то, что создается здесь, на местах. И главная заслуга их в том, что они расчищают дорогу для творчества новой жизни. В этом вся их сила и зна-чение. И этой силы поубьет буржуазия и ее приспешники своим заговором и саботажем, этим можно лишь усилить политическую и хозяйственную разруху, но никогда, никогда не остановить по-бедоносное шествие рабочей и крестьянской революции.

«В стране нет власти», — кричите вы. Да, нет власти губерна-торов (губернский комитет), нет власти исправников, но созида-ется новая власть, власть Советская. Ее ненавидят имущие клас-сы, и перенуганное мещанство мешает ей укрепиться, но это со-противление бесполезно, но жизнь не за них!

«Совет народных комиссаров уничтожил суды, стране угрожа-ет анархия и царство кулака!» — вопит буржуазия в центре... Да, старые суды уничтожены, но на месте их должны быть созданы новые, народные.

И так во всем остальном. И нам, работникам на местах, принадлежит трудная, по вместе с тем почетная задача создать все эти новые органы власти здесь, на месте.

Действительно, у нас сейчас много пустых мест, но их быть не должно, ибо потребности народные остались, а стало быть, и надо их удовлетворить. И рабочим, крестьянам и солдатам, а также всей той интеллигенции, которая хочет и может идти с нами, надо немедленно браться за эту работу у нас. Пусть все поймут ту истину, что формы жизни, учреждения и пр. создаются не декретами, не указами и законом сверху, а самодеятельностью самого населения. Законы же лишь оформляют содержание жизни, выливая их в определенные рамки и согласуя отдельные части между собой.

Как же здесь, в Шуге и в нашем уезде, наладить жизнь всех учреждений? Как сделать их близкими к населению, гибкими, простыми и более дешевыми?

В основу их деятельности должен быть положен принцип единства, согласования их деятельности. В старом государстве, государстве монархическом и отчасти буржуазном, этого единства не было. Часто одна и та же отрасль работы производилась различными ведомствами, между собой ничем не связанными, что лишь создавало волокиту и осложняло жизнь. Но в силу присущих умам консерватизма привычек многим казалось абсолютно невозможным представить возможность иного порядка вещей, иного типа учреждений. Между тем все это очень и очень даже возможно. И живая энергия нового класса, выступившего на арену истории, класса пролетариев быстро разбила этот предрассудок. Перед нами один за другим быстро валятся кумиры духовного мещанства, усталого государственного аппарата. И вот в согласии с этим принципом единства следующая схема организации местной жизни представлялась бы наиболее демократической и наиболее простой.

Все решительно учреждения уезда объединяются около Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, являющегося для них центром. При Совете создается ряд отделов: 1) местного хозяйства (земство и город); 2) административный; 3) городнический; 4) земельный; 5) военный; 6) финансовый; 7) продовольственный и пр. Каждый отдел объединяет в себе все, что только так или иначе соприкасается с его деятельностью. Во главе каждого из них стоит член исполнительного комитета, которые вместе образуют исполнительный комитет объединенного Совета. Внутренняя организация каждого отдела должна быть построена в строгом соответствии с задачами, которые он ставит.

Подобная схема устранила бы сразу ту неразбериху, которая царствует во взаимоотношениях различных учреждений между собою, и указала бы населению место, куда надлежит обращаться со своими нуждами.

Для того чтобы ускорить образование всех отделов и наладить их работу в соответствии с их задачами, надо немедленно созвать

совещание соответствующих работников и выработать конституции каждого отдела.

Этот план организационного строительства, конечно, не может остаться изолированным для каждой только местности. Он должен охватить собою прежде всего губернии, а затем уже и центр страны.

В деле создания нашего губернского центра придется идти тем же путем, что и в уезде. Здесь есть одна ненормальность, которая сильно чувствуется и тормозит работу. Дело в том, что в административном отношении мы связаны с Владимиром, а в продовольственном — с Кинешмой. Единственный выход из этого явится в немедленном осуществлении мероприятий, которые положат начало и административному объединению Шуйско-Иваново-Кинешемского района. Необходимо создать районный Совет этих уездов (включая Юрьевецкий и Нерехтский Костромской губернии) и сделать его административным центром новой губернии. Советам Шуйскому, Ивановскому и Кинешемскому следовало бы немедленно поставить такой вопрос на обсуждение и вынести соответствующее постановление.

Учредительное собрание могло бы лишь формально закрепить то, что было бы создано на месте.

Пишущий эти строки не может и не хочет вдаваться в детали набросанной организационной схемы. Это требует и большого места и большого материала. Цель статьи — показать путь, которым можно устранить тот организационный хаос, в котором путается не только обыватель, но даже и человек, стоящий близко к делу, и поставить на обсуждение и самые вопросы.

Вместе с тем имелось в виду отметить ту огромную увлекательную работу, работу чистого конкретного творчества, которая зовет нас, детей нового раскрепощенного мира, мировой демократии. Так пусть же откликнутся все те, кто действительно болеет судьбами родины, кто хочет ее возрождения на новых началах, утверждающих господство труда.

А. Шуйский

Маяк. Шуй, 1917. 2 дек.

«Прошу сделать безотлагательно»

Петроград, 20 декабря 1917 г.

Многоуважаемый Иван Гаврилович! ¹

Спешу уведомить об окончании всех мытарств по части заключения займа. Можете поздравить и себя и меня с успехом. Одновременно с сим посланием Игн. Парф. Волков ² Вам передаст и все документы, относящиеся к делу займа. Вы должны сейчас же направить кого-нибудь в Иваново-Вознесенск, в Государственный банк за получением денег и оформлением сделки. Телеграмма в Ив.-Возн. отделение банка дана сегодня же. Заем разрешили на полгода из 8 %. По истечении полугода можно будет переотсрочить.

Итак, дело все же в шляпе!

Но если бы Вы знали, каких трудов это стоило! Ведь в каждом учреждении не только приходилось отстаивать самое право на заем, но и составить бумаги и перепечатать и пр., ибо ничто еще не было налажено³. Нам с Любимовым⁴ разрешалось это делать исключительно ввиду личного доверия. Как бы то ни было, а дело в шляпе!

А вот с Шуей придется повозиться. Ужасно досадно, что запоздала; теперь будет еще труднее все отстаивать. Я жалею также о том, что мы просили чересчур мало. Иваново-Вознесенск берег 2 миллиона да еще хлопочет о всяких иных пособиях. Так, например, на развитие внешкольного и дошкольного образования просит в Министерстве народного просвещения 680 тыс. рублей; получили на продовольственные ссуды в 1 миллион и пр.

Вы, пожалуйста, не особенно обрезайте себя в плановом творчестве, особенно по части хозяйственной и образовательной. Средства достать можно.

В этих видах предлагаю Вам следующее:

1. Представить план внешкольной и дошкольной деятельности в пределах города и уезда с исчислением потребных для этого сумм. Можно просить ссуды в размере приблизительно 700 тыс. рублей. Ссуду будем просить сразу от города и от земства ввиду того, что культурно-просветительная деятельность у нас в этой области (внешкольной) объединена.

Дело надо сделать как можно скорее. План может быть дан неполным, лишь бы указать, на что именно и сколько просим денег. Приблизительную схему я дам Волкову. Прошу только обделать дело не более чем в 3 дня и сейчас же послать мне. Санкции земского собрания не нужно.

2. Выяснить, нужны ли деньги на проведение семенной операции. Если на месте не достали, то сейчас же составляйте смету и пишите заявление о ссуде на имя Комиссариата по продовольствию. Думаю, что кое-что удастся перехватить там. И это прошу сделать, если нужно, безотлагательно.

Ну, в части, касающейся земства, кажется, все. Было ли земское собрание? Каково настроение? Пишите чаще и справляйтесь обо всем, что потребуется. Учредительное собрание откроется, по-видимому, не раньше 10—12 января. Хотел было (сразу) ехать к вам, но приходится двигать вагоны с интендантской мануфактурой. Завтра делаю доклад на эту тему в Совете нар. хозяйства.

Пока всего хорошего. Привет Соф. Петр. и Ив. Алекс.⁵, а также всем служащим.

Ваш М. Ф.

Р. С. Забыл о библиотеках. Пришлите мне каталог книг, имеющихся в наших библиотеках, а затем список тех, которые уже признаны желательными к приобретению; засим дайте мне право пополнять его и пришлите аванс хотя бы в 1000 рублей.

Партизаны Ивановского обкома КПСС.

Ф. 282. Оп. 1. Д. 62. Л. 258, 259.

Рукописная копия.

¹ При первой публикации письма (Рабочий край, Иваново-Вознесенск, 30.X.1926) фамилия адресата была указана неверно — Пявтелееву. На самом деле оно адресовано заместителю Фрунзе по Шуйской уездной управе И. Г. Храмову (1865—1935).

² Волков Игнатий Парфенович (1872—1943), заместитель Фрунзе на посту председателя Шуйского Совета рабочих и солдатских депутатов; находился с ним в Петрограде и привез данное письмо в Шую.

³ Спустя пять с лишним лет Михаил Васильевич рассказывал: «Помню, что в эти дни мне пришлось зайти в Комиссарнат продовольствия к товарищу Шлихтеру. Мне припоминается огромное здание бывшего Мариинского дворца. Нигде никого нет. Везде пусто. Только изредка мелькает в углу испуганная фигура. У первого встретившегося солдата спрашиваю: «Где нарком Шлихтер и замнаркома Мануильский?» Захожу в комнату. Как сейчас припоминаю: тов. Мануильский заложив руки в карманы, как вот и я, похаживая и пошвытывая, ходит из угла в угол. Мы составили с ним необходимую мне бумажку. Но ведь нужно перепечатать и нужно приложить печать (мы тогда пользовались печатями партийными). Захожу в соседнюю комнату. Вижу: сидит машинистка и вот буквально тыкает пальцами — раз, два, три. Я говорю: „Товарищ, пожалуйста, напечатайте мне эту бумажку“. А она мне отвечает: „Товарищ, вы мне мешаете работать“. Вот каков был тогда наш советский аппарат» (из выступления 15.III 1923 в Екатеринославе, на XI губпартконференции).

Шлихтер Александр Григорьевич (1868—1940) — член партии с 1898 г., член ВЦИК, Президиума ЦИК СССР.

Мануильский Дмитрий Захарович (1863—1959) — член партии с 1903 г., академик АН УССР с 1945 г.

⁴ Любимов Исидор Евстигнеевич (1882—1937) — в то время городской голова Иваново-Вознесенска, член партии с 1902 г.

⁵ Личности не установлены.

Не стыдно ли нам

Каждый новый газетный номер приносит известия из области нашей внешней политики одно печальнее другого. Наглость германских победителей не знает границ. Заняв без труда, благодаря подло-преступному поведению Украинской рады, всю Украину, германские войска вторгаются на территорию, ничего общего с Украиной не имеющую. Ими занята уже почти половина Курской губернии, треть Воронежской, не сегодня завтра падут Симферополь и Севастополь, и та же участь ожидает Курск, Брянск, Таганрог, Ростов.

Все туже и туже затягивается петля на шее русской революции, ибо нас отрезают от угля, железа, хлеба и сахара, лишают самой возможности дышать.

На Севере шайка финских белогвардейцев под командой немецких инструкторов пытается овладеть последним окошком в Европу в лице Мурманской железной дороги. Под самым Петроградом происходит сосредоточение германского флота: Ревель является базой его, а на днях открытой силой, вопреки Брестскому трактату, захватывается Свеаборг.

Германские генералы отдают приказы расстреливать и вешать на месте бывших русских военных чинов Красной гвардии и армии. Германские администраторы обращаются с трудовым на-

селением захваченных областей как с рабами: разоряют, грабят его, хватают тысячами молодежь и отправляют в вагонах, опутанных колючей проволокой, в Германию на принудительные работы.

А мы... мы молчим* и уступаем, уступаем без конца... Где же конец этой наглости? Когда же сознание необходимости достойного отпора этим грабительским притязаниям крепко внедрится в наши умы?

Больно, до бесконечности больно следить за медленной агонией трудовых масс в захватываемых врагом областях. Стыдно, мучительно стыдно от того, что не все, что можно и должно делать, делается...

Что же делать? Отказаться от наших завоеваний, отказаться от земли, от контроля над производством, от всего того, что нашу революцию превращает в огромную историческую силу всемирного значения? Да, на этот путь толкают нас соглашатели из лагеря правых социалистов. Этим думают они купить единство внутреннего фронта для того, чтобы стать сильнее извне.

Близорукая, жалкая Польша...¹ Разве не слышатся отовсюду подземные удары приближающейся мировой революции. Разве не раскалываются все народы на два непримиримо враждебных лагеря — угнетателей и угнетаемых. Она придет, но придет не сама по себе, надо помогать ее зарождению, надо толкать ее вперед. И самым лучшим, самым могучим средством для этого будет укрепление хозяйственной и политической мощи Советской России.

Не стыдно ли нам, детям труда, творцам революции, видеть и допускать крушение нашего дела там, где опускается сапог германского фельдфебеля? Не стыдно ли нам заботиться о себе, о своем брэнном** существовании, когда на карте стоит все, что так бесконечно дорого, без чего и сама жизнь не в жизнь? Не пора ли встряхнуться и взяться за дело? Довольно болтовни, довольно разгильдяйства, усталости и лени... Если народ хочет жить, хочет улучшить свой быт, он должен заставить себя уважать. А для этого нужна вооруженная сила. Не та сила, которую представляла из себя наша Красная гвардия, часто недисциплинированная, не обладающая сознанием долга перед страной и революцией, и не те разрозненные, партизанские отряды, которые могут храбро погибать, но не спасти положение. Необходима организованная, дисциплинированная, технически хорошо обставленная сила.

И эту силу должен дать народ. Он должен дать ее, с одной стороны, в виде кадровой социалистической армии, хотя и небольшого состава, но сильной духом и дисциплиной, а с другой — в виде подготовки всенародного вооруженного ополчения. И этому делу, делу создания армии, должны отдать свои мысли,

* В прежних публикациях ошибка: «получим».

** В предыдущих публикациях ошибка: «прежнем».

силы и опыт все, кто действительно является гражданином страны, каждый, кто болсет муками революции, кому дороги успехи ее.

Рабочий край. Иваново-Вознесенск, 1918. 28 апр.

¹ Имеется в виду тогдашняя обстановка в Польше, где после Октябрьской революции и заключения Брестского мирного договора усилились выступления за выход из состава России. Происходило это в условиях немецкой оккупации, что никак не сулило независимости и потому вызвало негативное отношение автора.

* «Маяк света и знания»

В связи с угрозой захвата Риги немецкими войсками Рижский политехнический институт в 1915 г. эвакуировался в глубь России. Его ректорат и профессура находились в Москве, а имущество — в вагонах на различных железнодорожных станциях. По инициативе М. В. Фрунзе политехникум был приглашен в Иваново-Вознесенск. Ходатайство поддержали в правительственных органах. Совнарком РСФСР под председательством В. И. Ленина 10 августа 1918 г. принял декрет «Об учреждении Иваново-Вознесенского политехнического института». Занятия начались 22 октября 1918 г.

Ректору Рижского политехникума
профессору Вальдену¹

Иваново-Вознесенск, 3 мая 1918 г.

Предлагаем перевести политехникум в Иваново-Вознесенск, центр большого промышленного района. Город и район окажут широкое содействие. Помещения для размещения института имеются площадью шестнадцать тысяч квадратных аршин. Выясняем размеры возможной финансовой помощи, можем дать не менее трех миллионов рублей². Седьмого выезжает в Москву делегация³ для личных переговоров. Просим оказать содействие делу перенесения института к нам. Посланы телеграммы Комисариату просвещения и Совету Народных Комиссаров.

Председатель губсовдепа Фрунзе

*Госархив Ивановской области. Ф. 33. Оп. 1.
Д. 89. Л. 25.*

¹ Вальден Пауль (Павел Иванович) (1863—1957) — видный ученый-химик, в 1910 г. избран членом Петербургской академии наук, с 1919 г. жил в Германии.

² На нужды нового вуза Наркомпрос отпустил 7,5 млн руб. Губисполком открыл в отделении Госбанка текущий счет № 13635 для добровольных взносов, которые за три месяца составили около 600 тыс. руб.

³ В состав делегации входили М. В. Фрунзе, Н. А. Жиделев и др.

Иваново-Вознесенскому политехническому институту

Приветствуя политехникум, маяк света и знаний в пролетарском сердце Союза ССР, с первым пятилетием и желая ему служить в течение многих пятилетий рассадником красных специалистов, выражаю искреннее сожаление, что неотложные дела лишают меня возможности прибыть на юбилей.

Зампредреввоенсовета СССР М. Фрунзе

Известия Иваново-Вознесенского политехнического института. 1924. Т. VIII. С. 127.

*О ярославском мятеже

Командующему войсками Московского военного округа Н. И. Муралову

Иваново-Вознесенск, 14 июля 1918 г.

Многоуважаемый Николай Иванович!

Решился послать Вам лично гонца, дабы поставить в известность о ярославских делах¹.

Мне сейчас ясно, что и Вы и Троцкий и вообще все мы в Москве были введены в заблуждение относительно их размеров. Когда Троцкий объявил на съезде², что они почти ликвидированы, то был совершенно не прав. К величайшему сожалению, я тоже по приезде сюда был под впечатлением этой информации и не принял сразу же мер к оповещению Вас об их подлинных размерах.

С тех пор прошло уже 5 дней, а события все еще не ликвидированы. Начиная с позавчерашнего дня (12.VII) у нас в Иваново, т. е. на расстоянии 100 верст, слышна орудийная канонада.

Сейчас вернулись командированные мной туда для ознакомления с положением дел двое товарищей. Одного из них посылаю с этим письмом к Вам.

Борьба длится уже 7 дней, значительная часть зданий разрушена, город горит в нескольких местах, а белогвардейцы все еще не сломлены. Это становится уже опасным, ибо является побудительным моментом к подобным выступлениям в других местах. Недалеко от Нижнего Новгорода уже организовалась тысячная банда деревенских кулаков, выступающая с оружием в руках.

Всю эту историю надо кончить как можно скорее. По-видимому, тамошние силы с задачей справиться не могут. Главная причина — отсутствие надежного и опытного руководства. У отрядов не было даже связи, каждый действовал самостоятельно. В войсках началась деморализация, наблюдаются случаи грабежей.

Необходимо: 1) послать хороших руководителей, 2) два или три броневика, 3) человек 500 хорошего войска.

Состав окружного штаба в лице Аркадьева³, по-видимому, очень слаб. Черт их знает, зачем путались несколько дней в Иваново. Словом, имейте в виду, что без немедленной солидной помощи от Вас дело грозит затянуться. Я боюсь, что вы в Москве

склонны чересчур уже преуменьшать значение ярославских событий. Конечно, не ими решится дело, но многое все же зависит и от них. А посему прошу лично Вас отнестись ко всей этой истории как можно серьезнее. Поставьте в известность и т. Троицкого.

Хотя я пишу Вам неофициально, но, по существу, я обращаюсь от имени всего Иваново-Вознесенского губисполкома.

Всего лучшего

Ваш М. Фрунзе

ЦГАСА. Ф. 25883. Оп. 1. Д. 79. Л. 283—284.

Автограф.

¹ В Ярославле вслед за Москвой 6 июля 1918 г. начался белогвардейский мятеж. Во главе его стоял полковник А. П. Перхуров. Свирепствовал террор против советских активистов, повсюду бушевали пожары. После подхода воинских частей и рабочих отрядов город был окружен и изолирован. Разгромленные мятежники 21 июля сдались.

² Имеется в виду V Всероссийский съезд Советов, на котором были делегатами и автор, и адресат.

³ Аркадьев Василий Платонович — военком Ярославского военного округа с 25 мая по 20 августа 1918 г.

*«Расставаясь с округом...»

Приказ Ярославского окружного военного комиссариата

№ 98, г. Иваново-Вознесенск

21 января 1919 г.

Волею рабоче-крестьянского правительства мы, члены коллегии окружного комиссариата по военным делам, окружной военный комиссар Михаил Васильевич Фрунзе и военный руководитель округа Генерального штаба Федор Федорович Новицкий¹, привлекаемся к другой деятельности в связи с командированием нас на фронт на роли: т. Фрунзе — командующего 4-й армией, а т. Новицкий — начальника штаба 4-й армии.

Начав почти одновременно работу по управлению Ярославским военным округом, мы в течение минувшего полугодия переживали период лихорадочной деятельности всего окружного аппарата, призванного к сложной, тяжелой и ответственной работе по спешному созданию частей формируемой Красной Армии.

Тяжелая и трудная сама по себе работа по выполнению формирования чрезвычайно осложнялась еще тем, что одновременно с созданием новых частей внутри округа приходилось помогать боевому фронту, питая его всем необходимым как для его организационной работы по переформированию войсковых частей, так и для возможности ведения, параллельно с этим, непрерывных боевых операций.

Путем крайнего напряжения сил, при огромных недочетах в технических средствах и бедности в составе ответственных работников-специалистов Ярославский военный округ хотя и с опозданием, но частью уже выполнил, а частью оканчивает выполнение главнейших заданий, возложенных на округ высшей военной властью.

Заключив плановые формирования правильных боевых организмов, надо думать, что в ближайшем будущем на долю округа выпадет задача по исключительной работе подготовки маршевых пополнений для фронта.

Оглядываясь теперь на минувший полугодичный период напряженной деятельности, приходится сознавать, что наряду с многочисленными промахами и упущениями все же была проведена большая работа, для выполнения коей потребовалось далеко не обычное напряжение всех сил, как физических, так и моральных. Невзирая на все недочеты, все же чувствуется некоторая удовлетворенность достигнутыми результатами, особенно принимая во внимание наличие казавшихся подчас непреодолимыми встречающихся затруднений.

Заключив руководство созидательной работой, ведшейся здесь в тылу, при условиях мирной обстановки, мы, отправляясь на фронт для непосредственного использования того, что было создано, надеемся, что если частям войск, сформированным при нашем участии, придется оказаться вновь в нашем подчинении, то мы получим полное удовлетворение уже от их непосредственной боевой работы.

Расставаясь с округом, от всего сердца шлем нашим сотрудникам, сослуживцам, подчиненным и товарищам самые горячие чувства признательности за помощь в тяжелой работе, причем по долгу справедливости считаем необходимым отметить особо выдающуюся деятельность военно-окружного штаба, который под непосредственным руководством неутомимого и талантливого своего начальника т. Щелокова² нес на себе главнейшие тяготы по разработке и выполнению всех заданий, возлагавшихся на округ. Мы выражаем твердую уверенность, что сознание величия момента и чрезвычайной важности порученного нам пародом дела побудит нас не только не ослаблять нашей энергии, а, наоборот, все больше и больше развивать ее, дабы совместными усилиями со всеми частями Рабоче-Крестьянской Красной Армии в возможно более короткий срок добиться решительных победных результатов над всеми врагами народа и тем самым прочно закрепить и утвердить наше правое дело, дело раскрепощения трудящихся и утверждения социализма.

Окружной военный комиссар М. Михайлов-Фрунзе
Военный руководитель округа Ф. Новицкий

Ивановский объединенный историко-революционный музей. Подлинник.

¹ Новицкий Ф. Ф. (1870—1944) — генерал-лейтенант старой русской армии. На германском фронте командовал дивизией, в 1917 г. солдатами избран командиром 43-го армейского корпуса. Работал вместе с М. В. Фрунзе в штабе ЯрВО, на Восточном и Туркестанском фронтах. Генерал-лейтенант Красной Армии.

² Щелоков Иван Иванович (1872—1935) — полковник русской армии, после ЯрВО служил во Всероссийском главном штабе, в Военной академии РККА.

НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Боевая деятельность М. В. Фрунзе в годы гражданской войны более полно, чем другие периоды, представлена в изданной ранее литературе. И все же немалый пласт материалов остался в стороне. Часть их печатается здесь.

Бюхровка Михаила Васильевича за это время наглядно отражает его полководческое становление. Назначенный приказом РВСР № 470 от 26 декабря 1918 г. командующим 4-й армией Восточного фронта, Фрунзе в течение месяца, оставаясь еще комиссаром ЯрВО, немало сделал и на новом посту: сформировал из рабочих-текстильщиков отряд в 1250 человек, отобрал из ивановцев ряд лиц для будущей работы в войсках. Вступив в должность командарма 4-й 31 января 1919 г. в Самаре, он через неделю отправился в Уральск на передовые позиции. Ознакомившись с подчиненными ему частями 25-й и 22-й дивизий на смотре и в бою под хут. Шаповом, командарм здраво и твердо принял возможные в ту пору меры для их укрепления.

За короткий месячный срок они заметно преобразились, а сам Фрунзе получил под начало еще одну армию — Туркестанскую, став с 5 марта командующим Южной группой Восточного фронта. Прошел еще месяц, и Южная группа пополнилась двумя другими армиями — 1-й и 5-й. Вновь образованная группировка и явилась той силой, которая с честью выполнила труднейшую задачу: сдержав напор колчаковских войск, перешла в контрнаступление и успешными операциями под Бугурусламом, Белебеем, Уфой против Западной армии ген. Ханжина отбросила ее разбитые части за Уральский хребет.

В течение месяца — с 19 июля по 15 августа — Фрунзе командовал войсками Восточного фронта, а затем в связи с разделением их на два направления возглавил Туркестанский фронт. На этом посту он осуществил боевые операции в Актюбинском районе против армии ген. Белова, ликвидацию белоказачьей армии ген. Толстова и выход на Каспийское море. После переезда из Самары в Ташкент (25.I—22.II 1920) Фрунзе руководил боевыми действиями в Туркестане, завершив их 2 сентября штурмом Бухары.

Назначенный командующим вновь созданного Южного фронта, он в течение 50 дней (26.IX—15.XI) решительными действиями на Каховском плацдарме, Сиваше, Перекопе добился полного разгрома армии ген. Врангеля и освобождения Крыма.

За умелое руководство войсками и личное геройство М. В. Фрунзе награжден Почетным революционным оружием (постановление ВЦИК от 25.XI 1920), двумя орденами Красного знамени (приказ РВСР от 8.VII 1919 и постановление ВУЦИК от 15.II 1922), золотым оружием (решение Бухарского ревкома от 5.IX 1920).

«К казахскому населению Приуралья»

Братья киргизы!

К вам, к народу, для которого история была злой мачехой, вся жизнь которого была полна горя и страданий, обращаюсь я со своим словом.

Братья! На земле происходят великие события. Чаша терпения народного переполнилась, и вся беднота, все те, на шее которых ехали богатые люди, не захотели больше выносить этого гнета. Не захотели подчиняться власти богатых, а решили устроить жизнь иначе, по-новому: сделать так, чтобы и бедняк мог чувствовать себя человеком, а не скотиной.

И вот поднялась беднота сначала в нашей родине — в России, а затем и в других странах на борьбу с богачами. Поднялись и стали побеждать, ибо трудящихся неизмеримое большинство, а капиталистов — жалкая кучка. Испугались богатые за свои сокровища и, побежденные внутри страны, стали звать на помощь иностранных своих братьев — богачей Англии, Франции, Японии и т. д. Стали также обманывать темный народ, лгать ему про тех людей, про ту партию, партию большевиков-коммунистов, которая вела и ведет за собой трудовой народ к борьбе за лучшую жизнь. Стали лгать и на ту власть, которую создали трудящиеся народы России, на власть Советов. Они говорили, что Советская власть — это власть разбойников, что она губит народ, что она хочет всех убивать и проч. и проч.

Товарищи! Правду не скроешь: она рано или поздно выйдет наружу. И вот теперь уже всякому рабочему, всякому крестьянину ясно, что Советская власть есть единственный его друг и защитник. Я хочу, чтобы это стало ясно и вам, нашим братьям и друзьям, киргизской бедноте. Хочу, чтобы и вы, как один человек, поднялись на защиту Советской власти, несущей вам зарю новой жизни.

Вспомните, братья, сколько бед и страданий причинила киргизскому народу старая царская власть. Разве не сгоняла она киргиз с хороших земель, заставляя их уходить в голодные степи, уходить на голод и муки; разве заботилась она о том, чтобы киргизский народ скорее получил доступ к свету знания, стал бы улучшать свою жизнь? Разве не отдавала она весь народ во власть кучки ваших богачей старшин, которые отбирали последнее, что у вас оставалось. Помните ли вы это, киргизы?

Если помните, то должны все, как один, подняться и крикнуть: «Мы не хотим больше старого ига, не хотим господства кучки буржуев». Ибо если этого не сделаете, если не встанете бок о бок с рабочими и крестьянами России, то не видать вам никакого просвета в вашей жизни.

Что же несет вам Советская власть? Прежде всего она приносит вам братскую помощь рабочих и крестьян России. Мы, представители трудовой России, смотрим на вас как на наших друзей. Мы не допустим, чтобы вас обижали, чтобы отнимали ваши земли, обрекали на муки голода.

Мы поможем вам прогнать ваших буржуев, ваших Досмухамедовых², которые уселись на шее киргизской бедноты и думают праздновать победу.

Мы поможем вам сначала в каждой волости, а затем для уездов и для всей области создать Советы трудового киргизского населения.

Мы поможем этим Советам немедленно приняться за работу по улучшению вашего быта, по поднятию ваших знаний. Соединенными усилиями всех трудящихся народов России мы сумеем опять сделать нашу страну богатой, сумеем улучшить положение бедняков.

Но и на вас лежит обязанность помочь нам в этом тяжелом деле. Россия сейчас бедна после четырех лет войны, после того разорения, которое ей причинили всякие войсковые правительства³ и прочие буржуи, подняв мятежное движение против Советской власти.

Народ внутри России сейчас тоже очень страдает. Там мало хлеба, мяса; фабрики и заводы не работают и не изготовляют тех продуктов, которые необходимы и нам и вам. Вот мне говорили, что киргизские женщины носят теперь вместо уборов бараньи шкуры на голое. Отчего же это? Да от того, что войсковое и ваше досмухамедовское правительства отделились от России; оттого, что они отрезали ее от Ташкента и Самарканда, где растет хлопок, из которого ткется ткань, миткаль, бязь и ситец. Вот поэтому-то киргизская беднота и должна сейчас встать на защиту Советской власти, должна помочь ей прогнать войсковое правительство, помочь пробить дорогу в Туркестан, к Ташкенту и Самарканду, за хлопок и хлебом.

Поднимайтесь же, братья, поднимайтесь, друзья!

Идите скорей под наше Красное знамя всех трудящихся всего мира. Оно красно, ибо на нем горит кровь миллионов рабочих, отдавших свои силы, свое здоровье алчным богачам; оно красно, как красны первые лучи солнца, ибо вещает нам зарю новой жизни. Крепко держит его в руках Красная Армия трудовой России; победно несет вместе с ним всем народам России волю, счастье и надежды на грядущую братскую светлую жизнь. Пусть объединятся под этим знаменем киргизы, казаки и крестьяне, пусть забудут все прежние распри и обиды, пусть, как братья, возьмутся за мирный труд по восстановлению нашего

народного хозяйства, укреплению власти трудящихся, утверждению на незыблемых основах общей матери нашей — Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Поднимайтесь же, товарищи, устраивайте Советы по волостям, аулам и уездам. Сбросьте скорее ваших буржуев Досмухамедовых, возьмите власть в руки самих трудящихся. Действуйте смело и решительно не как рабы, а как вольные люди. Знайте, что помощь вам уже подошла.

Я, командующий Красной Армией на Уральском фронте, от имени своих войск протяну немедленно вам братскую руку, немедленно окажу вооруженную помощь. Выбравайте скорее уполномоченных, присылайте их сюда, в Уральск, в Областной революционный комитет, и тут им расскажут, что и как делать. Посылайте немедленно ко мне своих джигитов, защитников бедноты, я дам им оружие, составлю из них полки для защиты трудового народа.

Я член Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов, верховного органа Советской России, и от имени этого органа, от имени рабоче-крестьянского правительства всей России вам шлю сердечный братский привет.

Вперед, друзья, на борьбу за счастье, за волю, за светлую жизнь!

Да здравствует крепкий, нерушимый союз киргизской бедноты с трудовым казачеством и с рабочими и крестьянами России!

Да здравствует власть трудящихся, власть Советов!

Долой насилие и гнет капиталистов!

Да здравствует партия трудового народа — Российская Коммунистическая партия (большевиков)!

Командующий 4-й армией и
член Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета

Михайлов-Фрунзе

Яицкая правда. Уральск, 1919. 16 февр.

¹ Киргизами называли тогда казахов, проживавших на так называемой Бухарской стороне — левобережье Урала.

² Досмухамедовы — юрист Джанша и врач Халил, главари Западного отделения контрреволюционного правительства Алаш-Орды (с центром в пос. Джамбейта), имевшего собственные воинские части. В декабре 1919 г. под влиянием боевых успехов советских войск Досмухамедовы вынуждены были пойти на сотрудничество с нашим командованием. В марте 1920 г. приказом Киргизского (Казахского) краевого ревкома Алаш-Орда со всеми ее учреждениями была ликвидирована.

³ Войсковое правительство создано в Уральске 29 марта 1918 г. в результате белогвардейского переворота, упразднено 23 марта 1919 г. генералом В. С. Толстовым (1884—1956), который провозгласил себя атаманом с диктаторскими полномочиями.

О неустойчивости ближнего тыла

Председателю Реввоенсовета Республики

Л. Д. Троцкому

Копия — Председателю Совнаркома В. И. Ленину

№ 634, г. Самара

17—18 марта 1919 г.

Уважаемый товарищ!

В сознании всей серьезности военного и политического положения, создавшегося в средней и южной части Восточного фронта, я решаюсь привлечь к нему сугубое Ваше внимание. Я не стану касаться положения дел самого фронта в уверенности, что оно Вам известно хорошо. Скажу лишь, что по последним полученным мною донесениям от лиц, заслуживающих полного доверия, 5-я армия почти утратила боеспособность*. Полки ее откатываются назад при первом натиске противника и сразу очищают большие пространства. В штабе армии (5-й) высказывались опасения за возможность отхода к Самаре и Симбирску. Этим все сказано.

Перехожу к характеристике положения ближайшего тыла армии — губерний Самарской, Симбирской, Уральской и Оренбургской. Здесь полное неблагополучие, тыл шатается. 8 марта вспыхнуло крестьянское восстание в уездах Самарском, Сызранском, Сенгилеевском, Ставропольском и Мелекесском. В ночь с 10 на 11 марта была произведена попытка поднять такое же в самой Самаре. Взбунтовался 175-й полк; разбив артиллерийские склады и разобрав бывшие там берданки, он пытался поднять другие части, и в первую очередь инженерный батальон моей (4-й) армии. Призыв успеха не имел, и к 3 часам утра дело было ликвидировано. В уездах к настоящему времени восстания тоже ликвидированы. Центр восставших — Ставрополь [на Волге.— *Сост.*] — взят 13 марта, а к 16-му заняты последние очаги восстания.

Движение носило массовый и организованный характер. Целью его ставилось овладение городами Самарой, Сызранью, Ставрополем. Руководители имели связь с колчаковцами, и ими восстание несомненно приурочено к моменту решительного удара, подготовленного и нанесенного Колчаком в районе Уфа — Бирск. Восстание шло под лозунгами: «Да здравствует Советская власть на платформе Октябрьской революции! Долой коммунистов и коммуны! Долой жидов!»

В городах, волостях и селах были сформированы волостные «военно-революционные» штабы. При подавлении движения убито, пока по неполным сведениям, не менее 100 человек. Кроме того, расстреляно свыше 600 главарей и кулаков. Село Усинское, в котором восставшими сначала был истреблен целиком наш от-

* Вставка М. В. Фрунзе: Сегодня (18 марта) для детального ознакомления с состоянием 5-й армии мною командированы в ее штаб гг. Балтийский и Берзин¹.

ряд в 170 человек, сожжено совершенно. Движение выросло на почве недовольства экономическими тяготами и мероприятиями. А в силу неосознанности население было направлено и использовано должным образом.

Сейчас все успокоено, но, конечно, лишь паружно, т. е. ближайший тыл армии неустойчив, и артерии Советской республики снова угрожает смертельная опасность.

В Уральской области с военной точки зрения дела хороши, но советская работа не налаживается. Нет ни одного крупного ответственного работника, и нет никакой системы и планомерности в работе. И в Уральской и в Оренбургской губерниях политика наша является особенно ответственной, тогда как носители ее не на высоте задач. В Оренбургской губернии, например, наряду с каскадом экономических и финансовых мероприятий, вызвавших брожение даже и в среде рабочих, были допущены такие вещи, как неприятие своевременно мер к разоружению казачков, разошедшихся по станицам с оружием.

Учитывая всю серьезность и сложность обстановки, мною намечено следующее:

1. Все губернии, входящие в сферу влияния Реввоенсовета Южной группы Востфронта (армии 4-я и Туркестанская, штаб — Самара), т. е. Самарская, Уральская, Оренбургская и Тургайская, ставятся в непосредственное подчинение Ревсовету группы не только в военном, но и в общегражданском* отношении.

2. Ревкомам и исполкомам указанных областей и губерний будет предписано выполнять все распоряжения Ревсовета группы без всяких промедлений и сношений с центром.

3. Ревкомам Уральскому, Оренбургскому и Тургайскому отданы распоряжения готовить аппараты к объявлению мобилизации иногороднего населения, а также конской.

Примечание. Мобилизацию считаю крайне полезной и выгодной и с военной и с политической точки зрения, но, к сожалению, до сих пор на мои неоднократные обращения через Востфронт ответа нет.

4. В случае необходимости военные запасы Самарской губернии будут использованы уже вне всяких плановых нарядов для скорейшей организации вооруженных сил.

Для придания всем этим частью намеченным, частью выполненным мероприятиям должного авторитета необходимо предоставление центром указанных прав Реввоенсовету Южной группы. Должен отметить, что Ревсовет Южной группы (он же Ревсовет 4-й армии) Реввоенсоветом Республики не утвержден, а существует лишь на основании директивы Востфронта. Этого, на мой взгляд, недостаточно, и необходим соответствующий закрепляющий приказ Ревсовета Республики.

В отношении роли центра считаю безусловно необходимым немедленное командирование в указанные районы и в самые

* В прежних публикациях ошибочно: «вообще (в) гражданском».

армии достаточного числа опытных работников. Это относится как к общегражданским учреждениям, так и к чрезвычайкам и особотделам. Последние (чрезвычайки) непростительно проворонили подготовку восстания, ведущуюся, как это видно из сделанного мне сегодня начальником карательных отрядов доклада, планомерно и доколе открыто уже давно.

Положение дел в настоящее время я считаю особенно серьезным. Но в то же время уверен, что если центр в достаточной мере серьезно оценит его и примет соответствующие меры, то всякая опасность намни будет избегнута.

С товарищеским приветом
командарм 4 и член ВЦИК
М. Фрунзе — Михайлов

Р. С. В случае санкционирования центром существования Ревсовета Южной группы как такового я бы убедительно просил командировать в свое распоряжение кого-либо из ответственных работников. Мог бы назвать члена ЦИК Любимова², находящегося в отпуску в Москве и, насколько мне известно, ничем не занятого.

Главная опасность для армий от неустойчивости ближнего тыла заключается в составе большинства полков. Они состоят на 3/4 из уроженцев Самарской губернии; известные об этих волнениях, конечно, изойдется скверно. Было бы крайне желательно порвать с системой местных пополнений. М. Ф.

ЦГАСА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 87. Л. 87—88.
Подлинник.

¹ Балтийский (Андреев) Александр Алексеевич (1870—1939) — генштаба генерал-лейтенант русской армии; с ноября 1918 г. командарм 4, после сдачи должности М. В. Фрунзе остался при нем для поручений; Берзин Оскар Михайлович (1894—1938) — праворядчик; в Октябрьские дни 1917 г. комендант Московского Кремля, с 31 октября 1918 г. по 19 апреля 1919 г. член РВС 4-й армии. О результатах своей командировки в штаб 5-й армии они сообщили в донесении от 19 марта 1919 г. со ст. Абдулино (ЦГАСА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 193. Л. 287—290. Телеграфная левта. Опубл.: В боях рожденная. Иркутск, 1985).

² Н. Е. Любимов 4 сентября 1918 г. заменил М. В. Фрунзе на посту председателя Ивалово-Вознесенского губисполкома, с 20 октября 1919 г. по 29 ноября 1920 г. был членом РВС Туркестанского фронта, уполномоченным Чусоснабариа. В дальнейшем на советской работе, народный комиссар легкой промышленности СССР.

* О гуманном отношении к пленным

Приказ по Южной группе Восточного фронта

№ 39/1, г. Самара

1 мая 1919 г.

29 апреля с. г. в расположении Туркестанской армии имел место следующий недопустимый и печальный случай.

Взятый в плен офицер армии Колчака, могущий дать ценные сведения о противнике, после весьма поверхностного опроса был

заколот в штабе одной из стрелковых бригад. В наших руках находилось лицо, которое безусловно имело сведения самые подробные не только о расположении ближайших частей противника, но и новых формированиях в тылу, о резервах, о настроении войск и общем положении в занятых противником местностях. Детальный опрос пленного офицера не только должен был быть произведен на месте, но необходим и в штабах более крупных войсковых соединений, где имеются опытные люди, получившие специальную подготовку. Между тем в данном случае ничем не оправдываемая расправа с пленным в штабе бригады почти без опроса лишила командование армии в особо серьезный период боевой операции ценных сведений о противнике, возможно могущих повлиять на ведение операции.

Этот случай является не только нарушением неоднократных указаний Реввоенсовета Республики не чинить диких расправ на местах над пленными, но приносит неисчерпаемый вред всему делу освобождения трудовой России от белогвардейских банд, тем более что имел место в штабе бригады, где, казалось бы, должны соблюдать интересы Республики.

Многие офицеры армии Колчака, по имеющимся сведениям, насильно мобилизованные, сочувствуют Советской власти и выражают желание перейти на нашу сторону, но случаи, подобные описанному, заставляют их не только не сдаваться, но делаться непримиримыми врагами рабоче-крестьянского правительства и сопротивляться до последней возможности. Вместо желаемого разложения банд противника, спаянных исключительно строгостью наказаний и тупой дисциплиной палочного режима, появляется крайняя непримиримость, упорство и сплоченность. Гуманное отношение к пленным со стороны доблестной Красной Армии лишней раз докажет, что насилие и беззаконие не там, где под красным знаменем идет трудовой народ на смерть за идеалы социализма, а там — на той стороне, где предводители и вдохновители насилия кричат об истинной свободе народа и расстреливают наших комиссаров, командиров и красноармейцев. Милостивое отношение даже к врагам Республики лишь внесет в ряды колчаковских банд разложение и заставит офицеров, в массах своих явно сочувствующих задачам рабоче-крестьянской власти Советов, массами переходить на сторону Красной Армии.

Соблюдая интересы Республики, приказываю в армиях введенной мне группы прекратить расправы на местах с пленными офицерами и солдатами противника и строжайшую ответственность за исполнение сего приказа возлагаю на командный состав и военных комиссаров.

Приказ прочесть во всех ротах, батареях, эскадронах, сотнях и командах.

Командующий Южгруппой Фрунзе
Пом. командующего и член РВС Новицкий
Начальник штаба Лазаревич

Командующему Восточным фронтом С. С. Каменеву¹

9 июня 1919 г., ст. Чишма

Четыре полка 25-й дивизии вчера, 8 июня, переброшены на правый берег реки Белая и заняли район Новые и Старые Турбаслы и Александровка. Переправа совершилась вполне благополучно, ибо противник был введен в заблуждение нашими демонстрациями и не имел в районе переправы достаточных сил. Но уже с утра 8-го, стянув силы, он обрушился на переправившиеся в первую очередь полки 220-й и 217-й и начал теснить нас.

В ночь с 7-го на 8-е я прибыл в Красный Яр для ознакомления с обстановкой. Условия переправы в смысле перевозочных средств никуда не годны. Приготовленный паром действовать отказался, переправа совершалась лишь при посредстве двух маленьких пароходов.

Утром пришло в Красный Яр донесение комполка 220-го² о переходе противника в контрнаступление и с просьбой о поддержке. Съездив с комбригом 73-й³ на место боя, я убедился, что противник действительно серьезен и стягивает крупные силы. Нами взяты пленные 14-го, 15-го и 16-го Уфимских полков, здесь же действует только что прибывший Сибирский казачий полк, и где-то вблизи находится 8-я Камская дивизия.

С 4 часов вечера противник стал усиленно бомбардировать Красный Яр с аэропланов, стремясь разрушить наши переправы и вообще нагнать панику. Положение считаю серьезным, имея главным образом в виду слабость перевозочных средств и невозможность поэтому своевременного подвоза всего необходимого. Для ускорения пришлось направить одну бригаду 31-й дивизии с одним полком 25-й дивизии на север в район Дмитриевская, что к северу от Благовещенского, на переправу 26-й дивизии. Но и там переправа оказалась невозможной для движения обозов.

Прошу Вас приказать командарму 5-й⁴ немедленно двинуться на юг для удара во фланг противника, стремящегося опрокинуть 25-ю дивизию в реку. Согласно Вашей последней директиве 5-й армии, как видно, все-таки главные силы противника в районе Уфы, и, казалось бы, необходимо повернуть 5-ю армию для обхода и удара на них с севера.

На всем участке от Тюкунева до Красного Яра противник имеет сильную артиллерию и оказывает самое упорное сопротивление.

Прошу далее принять меры в отношении снабжения меня авиасмесью. Наши аппараты почти бездействуют, позволяя противнику безнаказанно ударять по самым чувствительным местам.

И, наконец, прошу немедленно доставить по Белой перевозочные средства, понтоны, пароходы или паромы, хотя бы из 5-й армии. Между прочим, вчера ранен с аэроплана пулей начдив Чапаев, сдавший командование комбригу 73-й, а я слегка контужен бомбой.

Командюжгруппой Фрунзе

ЦГАСА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 139. Л. 93—95. Телеграфная лента.

- 1 Каменев Сергей Сергеевич (1881—1936) — полковник старой армии; с 10 июля 1919 г. Главнокомандующий Вооруженными Силами Республики.
- 2 Командиром 220-го Иваново-Вознесенского полка был Горбачев Гавриил Афанасьевич (1890—1939).
- 3 73-й (1-й) бригадой 25-й дивизии командовал Кутяков Иван Семенович (1897—1938).
- 4 Командармом 5-й был Тухачевский Михаил Николаевич (1893—1937).

2

Иваново-Вознесенск, Губкому партии

10 июня 1919 г., ст. Чпшма

С вечера 9 июня Уфа возвращена Советской республике. Город отличит роль, сыгранную в операции 220-м Иваново-Вознесенским полком. Переправившись первым под сильным огнем противника через реку Белую, полк, преодолев ряд укрепленных позиций противника, с непрерывным боем, без достаточной поддержки артиллерии, с малым количеством патронов прошел сразу более 25 верст. Лично находясь в передовой цепи полка, я смог убедиться в беззаветном мужестве иваново-вознесенцев. Надеюсь, что поведение полка, которому после нескольких дней отдыха предстоит выполнение новой трудной задачи, встретит должную оценку от губернии и города, имя которых он носит.

Командующий Южной группой Фрунзе

Рабочий край. 1919. 13 июля.

Интервью для «Известий»

В беседе с нашим сотрудником тов. Фрунзе сказал:

— Колчак сломан и разбит на пять шестых. Некоторые резервы у него все еще имеются, и сопротивление он будет оказывать, задерживаясь на удобных рубежах. Но по существу спор с Колчаком решен. Его последнее контрнаступление под Челябинском, где он собрал свои последние силы, как известно уже из газет, окончилось для него полнейшим крахом. Разложение в частях еще более увеличилось: одна из дивизий противника взбунтовалась, арестовала начальника дивизии и доставила его нам.

Настроение населения в местах, занимаемых нашими войсками, всецело в нашу пользу. Связь с Туркестаном будет прочной, так как киргизская масса идет всецело за нами. В настоящее

время они готовятся к всекиргизскому съезду. Одним словом, налицо все данные, что при разумной политике наших органов, особенно продовольственных, Советская власть закрепится здесь прочно.

Наряду с блестящими успехами центра и левого фланга нашей восточной армии правое ее крыло у Оренбурга как будто отставало от общего темпа. Эта задержка объясняется следующим образом. Этот участок имел второстепенное значение. Все внимание и значительное количество сил было отвлечено на другие участки. Но теперь, когда на главном направлении вопрос решен в более чем благоприятном для нас смысле, приняты меры к ликвидации и этого пункта. Самое большое в месячный срок, а вернее, даже и раньше операция будет закончена.

Уже в настоящее время район между Оренбургом и рекой Уралом очищен, весь северный берег Урала занят нами, к югу наше наступление развивается вполне успешно и на днях ожидается занятие Лбищенска.

Помимо указанной выше причины нашей задержки у Оренбурга, нужно отметить также на редкость яростное сопротивление, оказываемое нам уральскими (яицкими) казаками. В громадном большинстве своем очень зажиточные, они проявляют себя необычайными жестокостями. Отступая, казаки сжигают станции, зажигают степь, портят воду и т. д.

Оренбургское казачество менее контрреволюционно. Бывали случаи, когда после более или менее значительного поражения они обращались к нам с предложением о переговорах, ища почвы для примирения.

В заключение тов. Фрунзе высказал твердое убеждение, что мы, разделавшись с Колчаком, справимся и с Деникиным.

— Несмотря на временные поражения, — говорит тов. Фрунзе, — я смотрю на будущее чрезвычайно оптимистично. Все те неблагоприятные явления, которые наблюдаются на Южном фронте, имели место в свое время и на Восточном. Но, как показал нам уже опыт, с приближением врага и население, и красноармейские части быстро отрываются. Что касается Западного фронта, то прибытие туда союзных войск совершенно немислимо, польские же, румынские и финские нам не страшны.

Известия ВЦИК. Москва, № 176, 1919, 10 авг.

***Обращение к войскам 4-й армии**

Этот документ до последнего времени публиковался как приказ по Туркфронту № 150 от 4 октября 1919 г. Однако архивным поиском установлена более ранняя дата. 10 сентября в 11 ч. 15 м. он был передан из Астрахани, где находились в те дни М. В. Фрунзе и Ш. З. Элиава, по телеграфу в г. Пугачев штабу 4-й армии (копии в Самару и Москву) как обращение к ее войскам. В приказ же по фронту текст был включен после возвращения командующего из служебной командировки.

*Мы все — братская семья

Речь в Оренбурге 20 сентября 1919 г.

Осенью 1919 г. Председатель ВЦИК М. И. Калинин находился в Поволжье с агитпоездом «Октябрьская революция». 15 сентября он приехал в Самару, встретился с командующим Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе, узнал от него о только что завершившейся в Оренбургском районе боевой операции: наши войска разгромили колчаковскую Южную армию генерала Белова, прорвались на соединение с Туркестаном. В ходе боев было взято в плен и добровольно сложили оружие до 60 тыс. солдат и офицеров противника, в том числе много казаков из бывшей армии атамана Дутова. Возникла проблема: что делать с этой массой людей?

По прибытии в Оренбург Председатель ВЦИК на состоявшемся 20 сентября митинге 5 тыс. военнопленных говорил о неотложном деле всех трудящихся — строительстве рабоче-крестьянской Советской Республики: «Работа большая, каждый честный казак может развернуться всюю. К этой работе я призываю вас, казаки». Выступивший следом М. В. Фрунзе как бы продолжил речь М. И. Калинина.

И я, представитель командования Красной Армии, приехавший в Оренбург на несколько дней, считаю своим долгом обратиться к вам с речью, казаки. Товарищи, до сих пор мы были в разных лагерях, до сих пор мы стояли по две стороны баррикады и направляли винтовки друг против друга.

Вы видите, товарищи, что мы обращаемся к вам с тем словом, которое для нас является символом братства, теснейшей связи. Мы к вам, к вчерашним своим врагам, обращаемся со словом «товарищи». Я потому называю вас товарищами, что чувствую, что в каждом из вас бьется сердце рабочего и крестьянина и что то, что вы делали, происходило вследствие вашей темноты. И я уверен, что тот, в ком бьется сердце трудового человека, должен сейчас почувствовать, где находится правда и кто отстаивает действительно кровные интересы России, нашей дорогой родины.

Ваши командиры, ваши генералы и атаманы говорили вам, что на вас идут разбойничьи банды, состоящие из наемников германского империализма, продающие за деньги свою родину. Вы уже слышали здесь авторитетное заявление главы нашей Российской Советской Республики, простого тверского мужика, который определенно сказал, что такие заявления ложны и преступны. И вы сами теперь видите, что как советское правительство, так и сама Красная Армия не является орудием в руках иностранной политики, не является и не являлась никогда оружием в руках императора Вильгельма или какого-нибудь другого тирана. Правда, Рабоче-Крестьянская Красная Армия, как вы уже сами видели, не блещет внешностью; правда, она ни-

когда не умела так сражаться, как того требовали бы правила военного искусства, но тем не менее она сражается и одерживает победу над теми армиями, во главе которых стоят люди, кипящие своими военными знаниями. И это происходит только потому, что мы знаем, что отстаиваем волю трудового народа, и, с другой стороны, мы знаем, что вы являлись слепым орудием в руках русских белогвардейцев, а больше всего в руках международного империализма.

Если вы откроете любую белогвардейскую газету, то вы увидите, что Колчак, который говорит, что он защищает единство России, что он идет за ее национальное возрождение, этот Колчак имеет помощь от всех империалистов мира. Вы в такой газете прочтете торжествующие заметки о том, что на Севере России наступают очень успешно англичане, что они взяли Архангельск и что не сегодня завтра они продвинулись ближе к центру России. Здесь же вы прочтете, что Эстляндия и Финляндия бьют большевиков, что завтра будет взят Петроград, что их войска работают очень удачно. На западе также удачно бьют большевиков и наступают польские войска. Точно так же удачно на юге наступают румынские войска; английский и французский флоты действуют очень удачно, бомбардируют черноморские города и тоже бьют большевиков. Дальше вы читаете, что Баку находится в руках англичан, большевистские корабли тоже удачно разбиваются английским флотом. На востоке японские войска тоже бьют большевиков и тоже действуют удачно.

Товарищи, сравните же все эти заявления, которые вы читали, и подумайте, где же здесь русский народ, — везде на этих многочисленных фронтах англичане, французы, японцы, поляки, эстонцы и т. д., а где же русские рабочие и крестьяне? Они здесь, внутри страны, они и есть те большевики, которых бьют все эти японцы, англичане, поляки и прочие.

И я думаю, товарищи, что каждый дурак должен понять, что там, в лагере наших врагов, как раз и не может быть национального возрождения России, что как раз с той стороны и не может быть речи о борьбе за благополучие русского народа. Потому что не из-за прекрасных же глаз все эти французы, англичане помогают Деникину и Колчаку — естественно, что они преследуют свои интересы. Этот факт должен быть достаточно ясен, что России там нет, что Россия у нас. Хотя мы и имеем в наличии представителей других национальностей, но в основе мы имеем русский трудовой народ. У нас имеются отряды китайцев, мадьяр и других народностей. Конечно, их капля в море, может быть, на тысячу человек русских придется десять мадьяр. Но и эти десять человек, что они собою представляют? Они являются теми же рабочими и крестьянами тех народностей, которые подняли восстание против своего капитала, которые взяли власть в руки, как это было в Венгрии, но которые не сумели удержаться: их задушили английские и французские капиталисты, а потом отдали на разграбление Румынии. И вот эти небольшие кучки

*Мы все — братская семья

Речь в Оренбурге 20 сентября 1919 г.

Осенью 1919 г. Председатель ВЦИК М. И. Калинин находился в Поволжье с агитповозом «Октябрьская революция». 15 сентября он приехал в Самару, встретился с командующим Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе, узнал от него о только что завершившейся в Оренбургском районе боевой операции: наши войска разгромили колчаковскую Южную армию генерала Белова, прорвались на соединение с Туркестаном. В ходе боев было взято в плен и добровольно сложили оружие до 60 тыс. солдат и офицеров противника, в том числе много казаков из бывшей армии атамана Дутова. Возникла проблема: что делать с этой массой людей?

По прибытии в Оренбург Председатель ВЦИК на состоявшемся 20 сентября митинге 5 тыс. военнопленных говорил о неотложном деле всех трудящихся — строительстве рабоче-крестьянской Советской Республики: «Работа большая, каждый честный казак может развернуться вовсю. К этой работе я призываю вас, казаки». Выступивший следом М. В. Фрунзе как бы продолжил речь М. И. Калинина.

И я, представитель командования Красной Армии, приехавший в Оренбург на несколько дней, считаю своим долгом обратиться к вам с речью, казаки. Товарищи, до сих пор мы были в разных лагерях, до сих пор мы стояли по две стороны баррикады и направляли винтовки друг против друга.

Вы видите, товарищи, что мы обращаемся к вам с тем словом, которое для нас является символом братства, теснейшей связи. Мы к вам, к вчерашним своим врагам, обращаемся со словом «товарищи». Я потому называю вас товарищами, что чувствую, что в каждом из вас бьется сердце рабочего и крестьянина и что то, что вы делали, происходило вследствие вашей темноты. И я уверен, что тот, в ком бьется сердце трудового человека, должен сейчас почувствовать, где находится правда и кто отстаивает действительно кровные интересы России, нашей дорогой родины.

Ваши командиры, ваши генералы и атаманы говорили вам, что на вас идут разбойничьи банды, состоящие из наемников германского империализма, продающие за деньги свою родину. Вы уже слышали здесь авторитетное заявление главы нашей Российской Советской Республики, простого тверского мужика, который определенно сказал, что такие заявления ложны и преступны. И вы сами теперь видите, что как советское правительство, так и сама Красная Армия не является орудием в руках иностранной политики, не является и не являлась никогда оружием в руках императора Вильгельма или какого-нибудь другого тирана. Правда, Рабоче-Крестьянская Красная Армия, как вы уже сами видели, не блещет внешностью; правда, она ни-

когда не умела так сражаться, как того требовали бы правила военного искусства, но тем не менее она сражается и одерживает победу над теми армиями, во главе которых стоят люди, кичащиеся своими военными знаниями. И это происходит только потому, что мы знаем, что отстаиваем волю трудового народа, и, с другой стороны, мы знаем, что вы являлись слепым орудием в руках русских белогвардейцев, а больше всего в руках международного империализма.

Если вы откроете любую белогвардейскую газету, то вы увидите, что Колчак, который говорит, что он защищает единство России, что он идет за ее национальное возрождение, этот Колчак имеет помощь от всех империалистов мира. Вы в такой газете прочтете торжествующие заметки о том, что на Севере России наступают очень успешно англичане, что они взяли Архангельск и что не сегодня завтра они продвинулись ближе к центру России. Здесь же вы прочтете, что Эстляндия и Финляндия бьют большевиков, что завтра будет взят Петроград, что их войска работают очень удачно. На западе также удачно бьют большевиков и наступают польские войска. Точно так же удачно на юге наступают румынские войска; английский и французский флоты действуют очень удачно, бомбардируют черноморские города и тоже бьют большевиков. Дальше вы читаете, что Баку находится в руках англичан, большевистские корабли тоже удачно разбиваются английским флотом. На востоке японские войска тоже бьют большевиков и тоже действуют удачно.

Товарищи, сравните же все эти заявления, которые вы читали, и подумайте, где же здесь русский народ,— везде на этих многочисленных фронтах англичане, французы, японцы, поляки, эстонцы и т. д., а где же русские рабочие и крестьяне? Они здесь, внутри страны, они и есть те большевики, которых бьют все эти японцы, англичане, поляки и прочие.

И я думаю, товарищи, что каждый дурак должен понять, что там, в лагере наших врагов, как раз и не может быть национального возрождения России, что как раз с той стороны и не может быть речи о борьбе за благополучие русского народа. Потому что не из-за прекрасных же глаз все эти французы, англичане помогают Деникину и Колчаку — естественно, что они преследуют свои интересы. Этот факт должен быть достаточно ясен, что России там нет, что Россия у нас. Хотя мы и имеем в наличии представителей других национальностей, но в основе мы имеем русский трудовой народ. У нас имеются отряды китайцев, мадьяр и других народностей. Конечно, их капля в море, может быть, на тысячу человек русских придется десять мадьяр. Но и эти десять человек, что они собою представляют? Они являются теми же рабочими и крестьянами тех народностей, которые подняли восстание против своего капитала, которые взяли власть в руки, как это было в Венгрии, но которые не сумели удержаться: их задушили английские и французские капиталисты, а потом отдали на разграбление Румынии. И вот эти небольшие кучки

народностей, которые поняли, что все народы друг друга братья, которые откликнулись на призыв, что пора кончить народам между собой войну, что пора обратить оружие всех трудящихся против того, кто посылает на бойню. Мы, русские, первые сбросили иго тирании и гнета капитала. Другие народы опоздали, они идут позади нас.

Мадьяры, они тоже сбросили гнет капитала, двинулись к нам, но их раздавили и не только раздавили, но ограбили. И то, что сделалось с Венгрией, пусть будет примером для всех трудящихся других стран. Румыны, эти «освободители» венгерского народа, забрались в Венгрию, разрушали и брали все, что только могли. Они разрушали даже крестьянские хозяйства, уложили машины — вот что делали они, эти «освободители». И такая же судьба уготована ими и России, если бы вы с вашими друзьями сумели раздавить нашу Республику. Англичане действуют на севере действительно очень хорошо, они там занялись хищением и отправкой к себе наших лесных богатств, они в Баку выкачивают наши богатства — нефть, увозят ее к себе и там, продавая, набивают свои сундуки. А японцы в Сибирии торгуют нашими рудниками и вывозят все, что только могут. Все эти Колчаки, Деникины есть не что иное, как наемники этих капиталистов, как средство для угнетения нашего народа. А интересов нашего русского народа, конечно, у них нет. У них есть только интересы своего капитала, для них будет все равно, если наш народ будет нищ и убог. Но русский трудовой народ решил сам устроить порядок в своей стране, он не продает Россию оптом и в розницу.

Так, товарищи, обстоит дело. И не нужно быть особенно грамотным и умным, чтобы понять, что все дело заключается в борьбе труда с капиталом, в борьбе белой кости с черной. И та сторона, с которой вы боролись против нас, она лишь хочет набивать свои карманы. Это белокостники, которые хотят жить потом и кровью русского народа. А на нашей стороне черная кость, которая веками насильно держалась в темноте. Теперь эта черная кость заявила, что мы тоже люди, тоже хотим себе создать такие условия жизни, при которых мы были бы не рабами и холопами, а настоящими гражданами. Наша победа отнюдь не будет означать победу какой-либо отдельной группы. Нет, мы говорим, что все должно превратиться в единое царство трудящихся. Мы не хотим, чтобы оставалось разделение на черную и белую кость. У них идея старая — поставить белую кость над черной. Вот в этом все дело и из-за этого наша страна и поливается кровью, из-за этого мы и стоим друг против друга с оружием.

И ваше дело теперь, товарищи, решить, с кем вам быть, с белой ли костью, с тем, кто держал вас в угнетении, или же идти с черной костью, которая даст господство труда, при котором не будет угнетения не только целого класса, но даже и отдельных личностей.

И это царство труда есть здесь у нас, в Российской Советской Республике. То, что царствует черная кость, я думаю, вы видели сейчас. Перед вами выступал глава нашего правительства, председатель самого верховного органа Республики — простой крестьянин. И теперь вы подумайте, когда вы видели, чтобы пришел представитель высшей власти и сидел среди тех, кто называется подданными? Бывало ли так раньше? Ничего подобного. Правда, писалось, что его величество показало перед народом, но как это было — кругом этого величества стояли жандармы и полицейские, и к нему протискались специально выбранные пузатые господа с медалями и орденами. А допускали ли вас, было ли так, чтобы верховный представитель власти говорил с целой толпой? Этого не бывало нигде, и только в России имеет место подобный факт. И такой факт должен быть для вас нагляднее всяких речей и листовок, ибо в этом факте ясно выражено, что российская Советская власть есть действительно власть трудящихся.

Вам, наверное, часто говорили, что раньше в России было самодержавие, а теперь комиссародержавие. Да, у нас комиссарами называются люди, которые ставятся Советской властью, чтобы наблюдать за порядками, и товарищ Калинин объяснил, что у нас бывают и плохие комиссары, но в этом нет ничего удивительного. Разве те мужики и рабочие, которые сейчас стали у власти, разве они учились раньше, много ли им давалось в смысле поднятия их культурного уровня? Ничего подобного не было. Темный народ, кроме кнута и нагайки, ничего не видал. И понятно, когда русский мужик и рабочий взяли в свои руки бразды правления, они не могут выдвинуть сразу достаточно людей, которые бы действовали безошибочно. Ошибки везде есть, и не в этом дело. Суть дела, товарищи, в том, как поступает с этими комиссарами Советская власть. Я вам скажу, что Советская власть с такими дурными комиссарами расправляется очень просто. Мы в несколько минут их расстреливаем, не давая никакой поправки тем, кто действует во вред трудящимся. И всякий крестьянин и рабочий всегда имеет право, имеет свободный доступ довести до сведения высших органов центральной власти о подобных поступках комиссаров. У нас, в Москве, вывешены специальные ящики, куда каждый может опустить свою жалобу. И у товарища Калинина в поезде тоже есть такой ящик, куда каждый может опустить жалобы, и каждый может даже с ним поговорить. Я сам видел, как его осаждали с прошениями и просьбами. Ничего подобного прежде не бывало, и подобное мыслимо только у нас. Стало быть, вы видите, товарищи, что болтовня о комиссародержавии является злостным искажением. Она является стремлением ошельмовать Советскую власть.

Мы не размазня вроде Керенского. Мы ведем смертельный бой. Мы знаем, если победят нас, то сотни тысяч, миллионы самых лучших, стойких и энергичных в нашей стране будут истреблены, мы знаем, что с нами не будут разговаривать, нас будут

только вешать, и вся наша родина zalьется кровью. Наша страна будет порабощена иностранным капиталом. А что касается фабрик и заводов, так они уже давно проданы. И вот потому-то, что мы знаем, как мучается наш народ сейчас и что может случиться, если победим не мы, вот поэтому-то мы крепко держим винтовку в своих руках и боремся, стойко боремся против наших врагов.

А врагов у нас много. Нашим врагом является весь мир, весь мир, который находится в руках у капиталистов, потому что сейчас еще во всем мире Ллойд Джордж и Клемансо руководят народами, потому что трудящиеся массы там еще не взяли власти в свои руки. И мы сейчас отбиваемся от целого мира — с севера, с востока, с юга, с запада — всюду двигаются целые армии иностранного капитала, двигаются подкупленные русские разбойники, и мы, отрезанные от целого мира, не имея продовольствия, не имея вооружения, не имея почти ничего, мы два года стоим крепкой стеной. Бывали моменты, когда белая гвардия подступала близко, бывали моменты, когда в наших руках оставалось около 10 центральных губерний, и наше население, наша трудовая Россия, как только замечала приближение опасности, она вновь и вновь подходила в себе нечеловеческую энергию, и наши войска опять поднимались и двигались в разные стороны, отгоняя противника. Нам было трудно, нам помогало только сознание, что мы отстаиваем самое дорогое для нас — интересы трудового народа.

И вот теперь мы находимся на рубеже. Мы находимся на переломе. На Востоке наша задача почти что выполнена. Колчак взял на помощь уже последние резервы, но и это не помогло. Наши войска по-прежнему продолжают продвигаться вперед. И я должен вам сказать, что многомиллионный народ можно победить, но задавить его нельзя. Он прольет много крови, но он выйдет победителем, потому что по всему миру поднимается пожар восстаний, пожар, который зажгла революционная трудовая Россия. И народ выйдет победителем, потому что он борется за святые интересы всего мира. К нашей, к нищей, измученной стране обращены взоры порабощенных всего мира.

Вот, товарищи, только несколько дней прошло с тех пор, как мы восстановили связь с Туркестаном, и мы уже имеем у себя здесь представителей порабощенной Индии, они явились к нам и просят братской помощи, они говорят, что они только и мечтают о том, чтобы сбросить ивет английского капитализма, что они готовы вместе с русским народом делить все тяготы. У нас нет врагов там, где трудятся, но для нас враги все те, которые живут чужим лотом и кровью.

И из-за того, товарищи, что мы установили связь с Индией, к нам теперь особенно враждебно относится Англия. Мне из перехваченных документов было точно известно, что английское правительство требовало от Колчака и Деникина, чтобы они бросили как можно больше войск на этот фронт. Это требование

со стороны английского правительства было ультимативным. Но бросать войска на этот фронт было трудно, когда Оренбург был в наших руках, когда нельзя было получать продовольствия, и, несмотря на все это, вас, казаков, дураков, бросали в эти голодные степи, чтобы вашим потом, вашей кровью защищать, прикрывать английскую Индию. Теперь вы знаете, что путь в Ташкент уже открыт, и, может быть, то, что не удалось Петру Великому и другим императорам России — их мечта о приближении к Индии, может быть, это удастся нам — измученной трудовой России. Мы взорвем английский капитал в Индии, потому что могущество и влияние наших священных идей братства трудящихся всего мира — велико. И англичане знают это. Они предпринимают все усилия, чтобы не допустить соединения России с Индией, а так как своих войск она послать не имеет возможности (английские рабочие и крестьяне не идут воевать против Российской Республики), то она формирует вас и посылает против наших же братьев русских.

Вот чем объясняется, товарищи, что большая армия Туркестанского фронта оказалась в таком положении, что вы вынуждены были сдать. Это вышло к счастью как для вас, так и для России, у которой разорвалось кольцо в одном месте. Это даст возможность прорвать кольцо в остальных местах. Это положение благоприятное, потому что оно даст возможность скорее окончить гражданскую войну.

И я хочу надеяться и верить, что мы будем иметь среди вас друзей и сторонников рабоче-крестьянской Советской Республики. Я хочу думать, что каждый из вас почувствует и вспомнит, что он тоже мужик — землероб и рабочий, почувствует, что его дело отстаивать черную кость, а не белую. Я надеюсь, что Оренбургская область со своим населением станет отныне оплотом, прочным тылом нашей Республики. Она станет нашим оплотом в смысле продовольствия для Туркестана, чтобы мы могли скорее сломить английское могущество.

Я жду, что вы сделаете все возможное для нашей Красной Армии и тыла. Только таким путем вы сможете изгладить ту вину, которую вы имеете перед русским народом, вы, бывшие до сей поры жалким орудием в руках русского и английского капитализма.

Я надеюсь также, что многие из вас, вернувшись на свои места, никогда не допустят, чтобы змеиное шипение раздавалось среди вашего населения. Я, как представитель военного командования, заявляю, что мы абсолютно не имеем и не имеем целью уничтожение казачества, как об этом шипят наши враги. Мы считаем всех трудящихся нашими братьями, но военное командование все же не может сделать сразу того, о чем сказал товарищ Калинин, заявивший, что готов простить и отпустить вас всех в станицы как наших заблудших братьев. Военное командование, которое держит оружие в руках, которое исполняет предначертания Советской власти, военное командование, кото-

рому дорога жизнь каждого красноармейца, заявляет: мы будем неуклонно исполнять все предначертания Советской власти, будем делать все, чтобы не допустить никакого издевательства. Но к словам товарища Калинина я добавляю, что при первой попытке вонзить в нашу спину нож никаких разговоров не будет. Мы люди дела, мы иначе действовать не можем. Чем больше будет расхлябанности, чем больше будет распушенности, тем больше будет пролито крови родного нам народа. И я заявляю, что все те, кто будет лоялен, кто пойдет рука об руку с рабоче-крестьянской властью, кто будет прекращать зменное шипение, тот будет верным другом нашим, мы возьмем его под свою защиту. Но все те, кто попробует после прощения, объявленного высшим представителем власти трудового народа, действовать эгоистично, забывая интересы трудового народа, с тем разговоры будут кратки — им не место в наших рядах.

И так как опыт показал, что старпки особенно не могут усвоить идеи нашей власти, я заявляю: всех тех, что старше 40 лет, мы в станицы не отпустим.

После мы, конечно, их отпустим, но мы скажем им: вы, се-добородые мужички, где вы были, когда русский народ боролся, изнемогал, где вы были, на чьей стороне вы стояли?.. Мы нищие, мы нагле, но мы знаем, что будет момент, когда трудовая Россия отбросит в сторону свое оружие и возьмется за мирный труд, и, когда мы будем трудиться, когда мы будем воздвигать свободную Российскую Социалистическую Республику, мы спросим: а что делали вы? Мы, безусловно, их отпустим, потому что мы не какие-то злодеи, которые всех вешают, как говорят про нас. Нет, мы проливаем кровь только тогда, когда на это есть крайняя необходимость. Но мы не можем относиться с полным доверием, не можем считать братьями тех, кто не прекращает своих козней. Вот почему мы не можем и не отпустим стариков по домам. Мы сможем отпустить только тех, кто сознает свою ошибку и честно и прямо скажет: «Да, я ошибался, да, Советская власть не будет отнимать у нас землю. Я буду защитником только Советской власти». И тогда он будет нашим братом, и Советская власть простит и отпустит его. Но в искренности этого надо убедиться. Мы сможем отпустить только тех, за которых поручатся наши красные казаки, те красные казаки, которые в самую тяжелую минуту были с нами, которые не оставили рабочих и крестьян и вместе защищали права трудового народа. Если они нам удостоверят этих казаков, то мы их отпустим. А других мы должны будем пока задержать. Серединный возраст до 40 лет, который был фронтовым казачеством, который сражался в империалистической войне и который примкнул к делу народа, мы считаем введенным в заблуждение. Мы считаем, что у них должно забиться сердце трудящегося, и мы снимаем с них позор их ошибки. Мы разрешаем им вернуться в станицы и собирать хлеб. И, наконец, молодежь — возраст, который понимает, что происходит кругом, возраст,

который силой заставили бороться против нас, эту часть казачества мы называем нашими товарищами и считаем возможным пустить их в ряды нашей красной кавалерии.

Вот тот ответ, который дает вам командующий. Все это вы можете передать всем остальным вашим товарищам. Мы делаем последнюю попытку найти пути примирения с трудовым казачеством, найти такие отношения, при которых мы не будем избивать друг друга, а направим все наши силы и оружие против нашего общего врага — капитализма.

Я думаю, товарищи, что этот мир не будет истолкован вкривь и вкось, я надеюсь, что все, что здесь говорится, без искажений будет передано и другим товарищам.

Что касается управления, то мы не можем ввести сейчас у вас полностью Конституцию Советской республики. Центральная власть хотела бы это сделать сразу, но мы, военное командование, отвечающее за жизнь каждого отдельного красноармейца, мы говорим: погодите, надо убедиться в том, что казачество искренне. Мы говорим, что казачеству нельзя сразу дать избирательного права, что с этим надо погодить, потому что у нас военное положение. Мы говорим: раз военное положение, то власть находится исключительно в наших руках. А раз так, то мы создадим временные революционные комитеты, в которых будут сидеть казаки-оренбуржцы, которых мы знаем и которым мы верим. И как только наши ревкомы скажут, что все обстоит благополучно, что казачество не устраивает восстаний, тогда мы донесем товарищам Ленину и Калининну, что оренбургское казачество является защитником прав трудового народа, и мы находим возможность ввести у них в действие Советскую Конституцию, то есть ввести избирательное право. Вот то, что я хотел сказать, и я думаю, что всякий разумный, рассуждающий человек должен сказать, что иного поведения у нас и не может быть. Задних мыслей у нас нет.

Жестокости, о которых все время кричали ваши газеты, уверяя, что большевики — разбойники, что они истребляют поголовно всех представителей знания и культуры, в действительности имеют место не у нас.

Я скажу: конечно, да, мы жестоко расправляемся с врагами, но, товарищи, в общем народ добр и милостив. Посмотрите на русский рабочий класс и крестьянство, когда они одержали верх над царским правительством, — разве они истребили врагов? Они даже не перебили царских министров, они никого не тронули — это проявление доброты народа... А подумайте, что бы сделали наши враги, если бы они победили.

Вспомните революцию 1905—6 годов, когда русский народ пытался бороться за землю и волю — когда нас победили. Тогда тюрьмы наполнились десятками, сотнями тысяч наших борцов. И я сам, я, красный командующий фронтом, носил на ногах кандалы. Тогда мы делали первую попытку сбросить ненавистный гнет, и с нами расправились беспощадно. Меня два раза

приговаривали к смертной казни, и я спасался только случайностями. А много-много наших товарищей, им же несть числа, погибли за освобождение трудового народа.

Дальше, товарищи, после Октябрьской революции, когда кончилась первая схватка, всем было объявлено прощение, и эти самые генералы Красновы и Деникины были отпущены рабочими и крестьянами. Мы взяли с этих генералов честное генеральское слово, что они не будут с нами бороться, и мы тогда отпустили того же генерала Краснова на Дон. И что он сделал со своим генеральским словом? Он пошел и организовал восстание и стал избивать восставших рабочих и крестьян. А когда везде стали подниматься бунты, когда они, эти генералы и английские шпионы и прочие стали взрывать мосты, железные дороги и водопроводы и другие необходимые для населения постройки, — что нам тогда было делать? Нам нужно было или сдаваться на милость, или железной рукой сжать оружие и ответить на удар двумя ударами, за гибель брата-красноармейца — гибелью врага. Только тогда мы стали расправляться с предательской буржуазией, тогда у нас стала действовать ВЧК, которая была органом Советской власти, непосредственно боровшимся с врагами трудового народа. И вот, когда мы решили бороться с этими врагами, про нас стали кричать, что мы жестоки, что мы разбойники. А я напомним, как в Тюмени белогвардейцы заставили вырыть кости товарищей из братской могилы, привели наших живых товарищей к другой могиле и заставили бросить эти кости в свежую могилу, а потом сталкивали туда же живых и закапывали. Это, товарищи, факт. Но рабочий класс, крестьянство такого зверства себе не позволят, на такое зверство способны только так пазываемые «культурные» слои. Народ груб, но в нем горит душа, у него есть искра совести, которая не позволяет ему издеваться над врагом. Значит, и в этом отношении обвинение врагов направлено не по тому адресу. Мы же говорим, что надо, чтобы фабрики и заводы и имущества стали достоянием всего народа, чтобы сила капитала была уничтожена, и тогда будет братство и мир, тогда будет союз человечества на пользу всех и каждого в отдельности.

Вы видите, что мы не разбойники, не бандиты, вы видите, что мы хотим сделать так, чтобы хорошо было каждому человеку. И теперь вы должны сказать, будете ли вы с нами, с Рабоче-Крестьянской Армией, или же пойдете за Колчаком, Дутовым, Деникиным и прочими действительными разбойниками, защищающими права капиталистов.

Думайте, товарищи, скорее и решайте скорее. Чем скорее вы решите, тем скорее мы победим и вернемся к мирному труду. И я зову вас на этот трудный совместный тернистый путь, потому что только этот путь приведет нас к свободной трудовой жизни. Знайте и верьте, товарищи, что, идя этим путем, мы победим наших врагов и построим сначала Российскую, а потом мировую социалистическую республику.

Товарищи, Красной Армии, защитнице прав трудового народа, ура!

В честь победы трудового народа, в честь укрепления трудящихся, в честь создания единой братской семьи рабочего, крестьянина и трудового казака — ура!

В честь победы, победы трудящихся как в России, так и во всем земном шаре, за их братский союз — ура! (*Громкое продолжительное ура*).

Начало конца, Самара, 1919. С. 10—19.

Слово к казакам-оренбуржцам

(По поводу одного из приказов генерала Акулинина)

«В то время как добровольческая армия генерала Деникина, поддержанная доблестными английскими друзьями деньгами и снаряжением, громит советские войска и, забрав Чернигов, Орел, Воронеж, подошла к Москве; в то время как лихая конница генерала Мамонтова, забравшись в тыл красных, громит города, железные дороги и уничтожает инженерные и интендантские склады; в то время как доблестные войска генерала Юденича совместно с английским флотом взяли Гатчину и не сегодня — завтра возьмут Петроград... — в это самое время оренбургские казаки, забыв долг и присягу, с предательским кличем: «Долой войну» бросаются в объятия красных, думая спасти свою шкуру. Ошибутся предатели, не пройдет и месяца, как советская власть будет низвергнута...»

Такими словами начинается обращение — приказ по 1-му Оренбургскому казачьему корпусу генерала царской службы Акулинина¹, изданный 1 октября текущего года.

Ныне месячный срок, назначенный генералом, истек. Взглянем же, насколько действительность отвечает генеральским предсказаниям.

Рухнула ли Советская власть? Нет, она существует на зло всем врагам трудового народа, и ее существование прочнее, чем когда-либо. Что это так, достаточно вдуматься в следующие слова заклятого врага трудовой России, английского первого министра Ллойд Джорджа, на днях сказанные им в английском парламенте: «По-видимому, надеждам на военный разгром большевиков не суждено сбыться. Наши русские друзья за последнее время потерпели ряд чувствительных неудач...»

Кто же такие русские друзья господина Ллойд Джорджа? Это Денкин, Юденич, Колчак, продавшие английскому капиталу достояние русского народа — русскую руду, лес, нефть и хлеб и за это удостоенные звания «друзей».

Что же случилось с друзьями Ллойд Джорджа, что заставило потерять веру в военный разгром большевиков?

Ответ на это дает картина военного положения на фронтах Советской Республики.

Добровольческая армия генерала Деникина, несмотря на помощь английских разбойников, разбита в ряде боев и отходит по всему фронту: Орел, Воронеж и Черныгов взяты обратно советскими войсками, неудержимо стремящимися дальше на юг. Конница мародера и разрушителя городов Мамонтова разгромлена под Ворожежем славным казачьим корпусом тов. Буденного и прекратила не только дальнейшее разрушение народных богатств, но и свое существование как боевой единицы. Юденич, уже мечтавший накинуть петлю на шею петроградским рабочим, разбит и прогнан к границам Эстляндии. Его эстонские, латышские и литовские дружки, испугавшись успехов Красной Армии, изменили ему и ищут ныне мира с Советской Россией. Армия Колчака, разбитая на путях к Петропавловску и Ишиму, ныне окончательно разгромлена под стенами Омска и десятками тысяч сдается в плен; 14 ноября взят Омск, а жалкий кандидат на царский трон сухопутный адмирал Колчак позорно бежал под защитой своих японских «друзей».

Таковы факты последних дней. О чем же они говорят? О том, что двое из трех главнейших врагов трудовой России, Колчак и Юденич, уже сведены со сцены; что последнему защитнику богачей и помещиков генералу Деникину тоже придет такой же конец; и о том, наконец, что Советская власть, являющаяся властью трудящихся, несокрушима и под сенью ее вслед за оренбуржцами и сибиряками скоро соберется все трудовое казачество, а с ними и вся Россия. И тогда... тогда наступит грозный и страшный момент для всех предателей интересов русского народа, для всех английских и американских «друзей», торгующих честью и достоинством России.

«Всем тем, кто ушел к красным, нет никакого оправдания и извинения, и в будущем им не будет ни прощения, ни пощады...» Так грозит в своем приказе генерал Акулинин.

Обратите внимание на эти слова, оренбуржцы, запомните их и, затравив царскую лису в ее последнем убежище, покажите — кто у кого будет просить пощады и милости.

«Неужели, — продолжает генерал, — падая к ногам хамов-большевиков, казаки не понимали, что этим отдают на поругание своих матерей, жен, дочерей и сестер. Вопли насилуемых, стоны расстреливаемых, охваченные огнем станцы скоро покажут им, что они помогли делу палатей, висельников, грабителей, разоряющих страну для удовлетворения своей алчности».

Судите сами, товарищи казаки. Вы уже два месяца живете с нами и могли убедиться в «справедливости» этих слов и пророчеств. Нет, не предательница и не лиходейка своей Родины Советская власть. Она работает, насколько может, для блага трудящихся, и не ее вина, если усилия русских и зарубежных хищников до сих пор не дают нам возможности к мирному труду, к делу строительства свободной, счастливой, мощной Родины.

А то, что дворянские-генеральские уста называют Советскую власть властью «хамов», это действительно верно. Да, у власти в России ныне стоят те, кого баре презрительно называли «хаммами», те, кто работал в поте лица на пашнях, на фабрике и заводе, те, у кого не выхоленные белые ручки, а покрытые мозолями руки рабочего и крестьянина. И, конечно, место трудового казака не в рядах белоручек, а с теми, кто стремится к утверждению господства трудящихся.

Генерал дальше пишет: «Неужели они (казаки) не понимали, что, разрушая фронт Южной армии, они дают выход туркестанским большевикам, закупоренным со всех сторон. Неужели не знали, что, допуская соединение Туркестана с Россией, они дают возможность вывоза оттуда хлопка, необходимого для выработки ткани. Неужели не знали, что, разрушив фронт, они дадут возможность большевикам отправлять в Москву и Петроград хлеб, где теперь рабочие пухнут с голоду».

Генерал раскрыл окончательно свои карты. Понятно ли теперь вам, товарищи казаки, почему царит голод в России? Понятно ли, почему у вас нет ткани для одежды, орудий для работы и нефти, керосина для отопления и освещения? Шайка царских генералов, горящая ненавистью к рабоче-крестьянской власти, к власти «хамской», задалась целью уморить голодом Россию: авось-де тогда одумается мужик и посадит барина на его наспуженное место. Да, надо думать, оренбуржцы действительно поняли, где их место, и помогли России проложить дорогу к хлопку. Надо надеяться, что скоро это поймут и остальные казачьи войска, и тогда у нас будет нефть, железо и уголь, а с ними заработает наша промышленность, с ними явится возможность залечить все раны и зажить новую, счастливую жизнь.

В заключение генерал призывает бороться до «последнего испарения Советской России, до полного уничтожения ее Красной Армии, до полного торжества правды над неправдой, добра над злом и света над тьмой». Надо признать, что над испарением Советской России, над уничтожением ее Красной Армии господа Акулинины, Дутовы, Колчаки и Деникины... трудились и трудятся весьма усердно; но испаряется пока что не Советская Россия, а ее враги. Где ныне бродит бывший владыка Оренбургского края генерал Дутов? Где Колчак и Юденич? Где, наконец, и сам генерал Акулинин?

Генералы зовут бороться за правду, свет и добро. Слова хорошие, но надо сказать — за какую правду, за какие свет и добро. За дворянские или мужицкие? За рабочие или купеческие? В этом вся суть. Красная Армия тоже борется за победу правды и справедливости, но ее правда есть правда рабочая, правда крестьянская, справедливость есть справедливость трудящихся. О какой правде радеют царские генералы, дворяне и банкиры, догадайтесь сами, казаки.

Узкие властолюбцы и себялюбцы, люди, оторвавшиеся от своего родного народа, предатели его интересов, предатели своей страны, люди, не могущие свыкнуться с мыслью, что русский народ в холопское ярмо загнать больше нельзя, продолжают еще мешать России строить новую жизнь. Но спор их с народом, спор труда с капиталом, историей взвешен и разрешен... Победит труд и победит навсегда.

Илецкая защита.

15-го ноября 1919 г.

ЦГАСА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 30. Л. 164—165. Машинопись.

*К населению Семиреченской области

Товарищи рабочие, крестьяне и граждане!

К вам всем, без различия языка, религии и национальности, обращаются высшие органы Советской власти в Туркестане с настоящим призывом.

Человеконенавистничество, злобу и вражду посеял и воспитал в людях капиталистический строй. Он разделил людей на классы, сделав одних хозяевами всех богатств, владыками жизни и свободы и отдав других в рабство и кабалу. Он разделил их на народы господствующие, эксплуатирующие и на народы эксплуатируемые, народы-рабы. Он убивал в людях все лучшее, человеческое и пробуждал дурное, звериное. В отдельных государствах, построенных на принципах полного самовластия правителей, эти отвратительные черты капитализма еще более углублялись полным произволом власти.

Одним из таких государств была старая самодержавная Россия. Своей узконационалистической политикой царский режим разбил народы России на враждебные группы и взрастил в них семена вражды и недоверия к господствующей русской народности. Он привил этой последней взгляд на другие как на низшие, не достойные стоять с ней рядом. Особенно отвратительные формы приняла эта политика здесь, в Туркестане. Совершенно не считаясь с интересами местного коренного населения, царское правительство лишило его земли, нрав и самой возможности существования. С другой стороны, потворствуя низменным своекорыстным интересам пришлого европейского населения, оно отравило совесть и душу его, привив взгляд на коренных жителей как на низшую расу, приравнивавшуюся к животным.

Российская Советская власть — власть трудящихся — объявила всей этой политике и всем выросшим на почве ее последствиям беспощадную борьбу. Для нее нет наций господствующих и подчиненных, нет народностей, интересы которых она защищала бы предпочтительнее перед другими. Она ставит своей задачей разбить классовые перегородки, соединить всех трудящихся в один единый стан, противопоставляя его стану богатых; уничтожить всякое национальное неравенство, всякую нацио-

пальную рознь и создать таким образом истинно человеческое общество, чуждое звериных чувств и вражды.

Со всей решительностью и неуклонностью идет Советская власть этим путем в России. Тем же путем пойдет она и в Туркестане.

Для Советской власти в Туркестане нет и не будет русского, киргиза, дунганина, таранчинца, узбека и туркмена. Для нее есть и будут, с одной стороны, трудящиеся всех этих национальностей, те, кто потом и кровью своей создает богатства народные; с другой стороны — все те, без различия наций, кто сидит на шее трудового народа, кто грабит и свой грабеж укрепляет и оправдывает раздуванием националистических чувств. Первым — вся помощь и опора Советской власти, вторым — беспощадная борьба.

Советская власть не скрывает от себя всей трудности предстоящей задачи, но, опираясь на чувство братской солидарности трудящихся, на силу и величие преследуемых целей, она не сомневается в конечном успехе идеалов братства и справедливости.

Особенно тяжела эта задача в разоренном и залитом кровью Семиречье. Подавленная с беспощадной жестокостью попытка протеста несчастного киргизского народа, вылившаяся в 1916 году в открытое возмущение, вырыла, породила в сердце его глубокую злобу и вражду к пришлому русскому населению. Это же последнее, развращенное полной безнаказанностью за свои проступки, напротив, поощрявшиеся прежней царской властью, до сих пор своим поведением продолжает углублять пропасть, вырытую между братскими народами.

Кому выгодно разжигание национальной вражды? Только богачам, кулакам-людоедам, а отнюдь не трудящейся массе.

И вот, желая сбить ее с толку, провокаторы усиленно распространяют всякие злостные слухи. То ими говорится, что отныне вся власть будет передана киргизскому населению, а русских будут изгонять из Туркестана, отбирая земли и имущество, то пускается слух, что киргизы готовят восстание и резню, и пр. и пр. И темное, одураченное крестьянство верит провокации, озлобляется само и озлобляет киргизское население.

Этому раз навсегда должен быть положен конец. Исходя из сознания необходимости скорейшего создания в Семиречье условий, способствующих переходу к мирному, творческому труду, Революционный военный совет Туркестанского фронта обращается ко всем народам Семиречья с горячим призывом кончить всякие национальные счеты и распри*.

*Фрунзе М. В. Собр. соч. М., 1929. Т. 1.
С. 116—119.*

* Далее приводится совместное постановление о мерах по восстановлению нормальных взаимоотношений, которое подписали председатель комиссии ВЦИК по делам Туркестана Ш. Эллава, командующий Туркестанским фронтом М. Фрунзе, член Реввоенсовета В. Куйбышев, председатель ТурЦИК Т. Рыскулов.

• О положении в Туркестане

Москва, Председателю Совнаркома
В. И. Ленину

Дорогой Владимир Ильич!

Обращаюсь к Вам с настоящим письмом, исполняя Ваше желание быть в курсе непосредственной фронтовой жизни. Вместе с тем надеюсь, что это позволит при Вашей помощи добиться удовлетворения некоторых наших нужд, имеющих чрезвычайное значение для правильного хода работ здесь, в Туркестане.

В отношении военного положения на фронтах Туркестана много говорить не приходится. Последняя записка в теле фронта — Северно-Семиреченский район — ныне благополучно вынута, и фактически военные операции в более или менее крупном масштабе закончились. Остается еще несколько не ликвидированных басмаческих шаек в Фергане и в Ура-Тюбнском уезде (в горах) Самаркандской области, на границах с Бухарой. Но эти шайки и по существу своих задач и по методам борьбы являются чисто разбойничьими организациями без всяких примесей общественно-политического момента. В этой последней плоскости басмачество в военном смысле раздавлено уже более месяца тому назад, а в политическом уничтожено за этот последний месяц сдачей нам всех видных басмаческих вождей. В районе Каспийского моря продолжаем политическими приемами воздействовать на денкинский флот, что 5—6 дней тому назад уже дало результаты в виде перехода на нашу сторону двух военных судов противника¹. Наши войска ныне по всей линии фронта стоят вилотную у границ Республики.

Переходя к ближайшим военным перспективам, приходится считать: 1) с наличием в Хорасане (главным образом в районах Мешхеда и Кагана) крупных англо-индийских сил, насчитывающих не менее 20 тыс. собственно англо-индийских войск, и затем примерно 10—15 тыс. формирований из туземного населения и 2) с продолжающимися усиленным темпом военными приготовлениями Афганистана и Бухары.

Англичане в Северной Персии развивают лихорадочную деятельность, проводят шоссейные дороги, строят железную дорогу на Селетан, имея целью вывести ее на Мешхед, возводят укрепления и пр. Их войска снабжены богато техникой. Есть много броневиков, авиаотрядов и пр. Но при всей серьезности военной мощи, представляемой ими, я лично думаю, что по крайней мере для ближайшего будущего военная опасность оттуда нам вряд ли угрожает. Это убеждение базируется, с одной стороны, на чисто военных соображениях, долженствующих удерживать англичан от подобных шагов (удаленность своих баз, крайняя затруднительность снабжения, отсутствие благоприятных условий для полного использования их технических преимуществ — плохие дороги), а с другой — на определенно враждебном отноше-

нии к англичанам огромного большинства местного населения как в Персии, так и у нас в Закаспии.

Мне думается, что вся их лихорадочная работа по военному укреплению в Северной Персии вызвана отчаянной боязнью нашего вторжения и носит по существу оборонительный характер. Вот, например, факт, иллюстрирующий это. Во время пребывания нашего с Элиавой в Полторацке (Ашхабаде) один наш грузовик с двумя седоками подъехал к нашему пограничному посту Гаудан на шоссе из Ашхабада в Мешхед. Появление грузовика вызвало отчаянную панику в английских войсках, расположенных у самой границы. Нужно было наблюдать всю эту картину, чтобы понять ту степень нервозности, которой проникнуты их войска в Северной Персии. Среди же персидско-туркменского населения в связи с нашим приездом распространились слухи, что приехал генерал Куропаткин² и всем англичанам скоро будет конец.

Что касается Бухары и Афганистана, то я считаю наше военное положение с этой стороны гораздо более угрожающим и требующим самой серьезной бдительности. Оба эти государства безусловно лихорадочно вооружаются...

10 дней тому назад, возвращаясь из Закаспия, мы с Элиавой были у бухарского эмира³. Это человек с европейским образованием (окончил наш бывший Пажеский корпус), политически — верный друг российской монархии, по характеру — слабый и безвольный человек, находящийся целиком под влиянием всемогущей в Бухаре улемы⁴. Мы упорно и настойчиво твердили ему о том, что Советская Россия в величайшей степени заинтересована в территориальной неприкосновенности Бухары и в сохранении в ней существующего режима; для укрепления же дальнейшей связи советовали самому хотя в какой-нибудь степени, сверху, пойти по пути европеизации. В ответ удалось лишь получить уклончивое: «Помаленьку, потихоньку будем, но вот парод...». И затем сейчас же просил убрать из Кагана «клопов» (это младобухарцы, приютившиеся под покровом нашего резидентства в Н[овой] Бухаре).

Что касается Афганистана, то он довольно беззастенчиво проявляет свои агрессивные намерения в отношении нас. Весь Туркестан и особенно Закаспий буквально кишит афганскими шпионами. Видимо, мало умудренные в своем ремесле, а затем просто поощряемые полнейшей безнаказанностью, они буквально лезут на глаза.

Мы в Закаспии не могли нигде ступить шагу, не имея за спиной или рядом двух-трех субъектов из числа наших афганских «друзей». Каждый проходящий из центра поезд, каждая лошадь, каждый человек немедленно берется на учет и сообщается куда следует. Нахальство этих господ дошло до того, что в самой Кушке засело целое шпионское гнездо под видом комиссии по разрешению приграничных споров. Теперь нами принимаются меры для прекращения всех этих безобразий, создавшихся

на почве отсутствия и разложения власти в прежние времена, а позднее культивировавшихся тем политическим курсом, проводником которого был Бройдо⁵.

Между прочим, в отношении Бройдо Цека партии была допущена, на мой взгляд, большая ошибка присылкой его сюда. Во всех областях деятельности я его считаю злым гением Турккомиссии⁶; в сфере же личной — это просто авантюрист.

Переходя теперь к нашим реальным военным ресурсам, я должен констатировать крайне печальную картину. Нет людей, нет обмундирования. Все огромное протяжение границы от Памира до Каспия охраняется ныне не более как двумя с половиной тысячами пехоты и тысячей кавалеристов. Эти силы должны еще более уменьшиться вследствие продолжающегося изъятия из армии специалистов и вывода в ближайшем будущем интернационалистов. Сейчас мы держимся буквально только обаянием наших побед и нашего имени. Правда, политическое положение наше в Закаспии ныне вполне благоприятно, ибо туркменская масса определенно сдвинулась в нашу сторону. В этом отношении большую роль сыграл проведенный нами с Элиавой съезд депутатов туркменских племен⁷.

Но пребывать больше в состоянии военной импотенции здесь, безусловно, невозможно. Необходимо срочное подкрепление живой силой путем посылки пополнений из молодых возрастов и затем обмундированием, особенно шинелями и обувью. Производство последней могло быть налажено здесь, но этому мешает полное отсутствие подошвенной кожи. Без наличия обмундирования и снаряжения, как показал опыт, нечего и приступать к делу служения в Красной Армии местного коренного населения. Между тем в этом отношении кое-что и очень значительное могло бы быть сделано...

Что касается нашей китайской границы, то для ближайшего будущего особой опасности оттуда не грозит; нам надо лишь добиться разоружения укрывшихся на территории Китая остатков белогвардейских войск во главе с Анненковым и Дутовым⁸. В этом смысле мы и ведем сейчас переговоры с кульджинским даогаем (местный правитель г. Кульджи. — *Сост.*), настаивая на предоставлении нашим войскам права провести разоружение, раз это бессильно сделать китайское правительство. Принципиальное согласие даога на совместные действия было получено.

В отношении военного строительства в самом Туркестане все время приходится выдерживать напор националистической струи, возглавляемой и вдохновляемой группой турецких офицеров⁹ и стремящейся построить чисто мусульманскую Красную Армию. До сих пор удавалось, не создавая особой натянутости, проводить коммунистическую линию в этом вопросе¹⁰. Думаю, что это удастся и впредь.

Особое оживление и страстность вопрос получил после известной резолюции краевой коммунистической конференции о Тюркской республике и Тюркской коммунистической партии.

Я, к сожалению, не поспея в Ташкент к конференции и не знаю точно условий ее работы. Но все последующее убедило меня в том, что постановка и разрешение вопроса в такой форме было результатом нашей собственной непредусмотрительности и недостаточно ясной и твердой принципиальной линии по указанным вопросам.

Сейчас я подошел к вопросам нашей внутренней политики в Туркестане и местным политическим группировкам. Это самая большая и мучительная сторона всей местной жизни.

Основных группировок, выросших на почве самого Туркестана, как Вы знаете, две: одна, представляющая местный «пролетариат» и сильно окрашенная цветом так называемого «колонизаторства»; другая — представляемая кучкой мелкобуржуазной интеллигенции, выдающей себя за выразителей мнения всей многонациональной массы туркестанского мусульманства. Всё и вся здесь вращалось вокруг борьбы этих группировок. «Колонизаторы» (буду называть их этим именем, хотя от него они всячески открещиваются), состоя в значительной части из железнодорожников, считают себя носителями пролетарской диктатуры в крае и претендуют на руководящую государственную роль. Недовольные отстранением их от кормила правления, главари этой группы отчаянно будируют, интригуют, распространяются на тему о необходимости пожертвовать еще «сотнями дорогих пролетарских голов» и проделать «последний Октябрь». В общем и целом это совершенно беспардонная публика, лежащая тяжелыми гирями на деле местного советского и партийного строительства. По существу они вовсе не представляют всего железнодорожного пролетариата, но вследствие слабости общепартийной работы и приемами крайней демагогии им до сих пор удавалось вести за собой значительную часть рабочих.

По моему мнению, это было облегчено несколько неправильным тактическим курсом, который был взят в отношении всего русского населения на первых порах Турккомиссий, вернее некоторыми ее отдельными членами. Это проявилось в сплошном охаивании всего европейского населения, и в том числе и рабочих, что сильно подливало масла в огонь и создавало почву для демагогии. Ныне мы ведем упорную идейную борьбу с этим течением и падеемся, что победа останется за нами.

Что касается мусульманских кругов, то при всей своей, порой доходящей до чрезвычайности националистической агрессивности, это по существу очень слабая и фактически чувствующая свою слабость группировка. О коммунизме ее говорить, конечно, приходится с чрезвычайной катяжкой; за вычетом нескольких человек, политически ничего собой не представляющих, она состоит из определенно некоммунистических элементов, лишь в силу объективных условий вынужденных поднимать коммунистическое знамя. По своим наблюдениям, их политический вес чрезвычайно велик; массы за ними лет. Это они чувствуют, а потому при спокойной и твердой принципиальной линии, проводимой

центром, они быстро сдают свои позиции и равняются по центру. Насколько это искренно, вопрос другой.

Крупнейшим представителем этих мусульманских коммунистов из киргиз является Рыскулов¹¹, а из узбеков председатель крайкома Турсунходжаев¹². Первый наиболее выделяется, так как помимо ума обладает большой энергией и педюжинным характером.

Основным вопросом текущей внутренней политики является вопрос о взаимодействиях между руководящими местными органами, и главным образом между Турккомиссией и ТуркЦИКом. В связи с этим все время всплывает вопрос и о дальнейшем существовании Турккомиссии. По этим вопросам, а также и вообще по вопросу о задачах и методах советского и партийного строительства здесь полного единства взглядов нет и в самой комиссии. Разногласия порой принимали острый принципиальный характер и не устранены окончательно и теперь. В чем их сущность, Вы подробно узнаете от Элнавы, который собирается в недалеком будущем ехать в Москву с докладом. Основное расхождение у меня с ним было по вопросу о Тюркской республике и Тюркской коммунистической партии. Расходимся и во взглядах на роль Турккомиссии в будущем.

Я стою и стою за овладение нами местными органами власти, не останавливаясь перед вхождением в них, наоборот, ставя это своей определенной политической задачей; Элнава же держится точки зрения стояния над ними в качестве «дубинки». Как показывает опыт, «дубинка» своего назначения не оправдывает. Во всяком случае, по этому вопросу крайне желательно указание Цека.

Оставляя в стороне некоторые разногласия с комиссией, дело с ней обстоит скверно и по личным моментам. Элнава определенно заявляет, что он в силу состояния здоровья не будет летом работать в Туркестане. Рудзутак стремится в Москву, заявляя, что его требует центр. Голощекин норовит туда же, оскорбляясь тем, что Туркестан не оценивает его талантов. Я прошу Вас, Владимир Ильич, уделить должное внимание и этой стороне дела.

Мое личное мнение следующее: можно пойти навстречу домогательствам Элнавы, ибо он действительно нездоров и, кроме того, психологически не может чувствовать себя хорошо. Что же касается Рудзутака, то его отъезд будет величайшим ущербом для дела. На мой взгляд, он мог бы сделать гораздо больше, чем сделано, если бы не смотрел на туркестанские дела с точки зрения своего близкого отъезда в Москву. Ему бы надо было твердо указать, что мысли об этом по крайней мере на ближайший год ему надо бросить.

В общем и целом на работу здесь нельзя смотреть пессимистически. Надо только и центру уделить Туркестану больше внимания, чем было доселе. Необходимо направить сюда больше реальных хозяйственных благ, и тогда успех будет обеспечен. Особенно важна помощь машинами, металлами, инструментом,

лесом и мануфактурой. Следует поставить на очередь вопрос о переброске сюда двух-трех текстильных предприятий, что в значительной степени облегчило бы здесь мануфактурный голод.

Работников я не прошу, зная, что их мало и в России; хотя отсюда все стараются удрать. Это объясняется главным образом той невероятной тяжелой атмосферой жизни, интриг и пр., среди которой приходится действовать. В частности, и я, Владимир Ильич, был бы рад, если бы меня направили куда-нибудь в другое место. Я как-то раздвоился — не то быть военным, не то переходить и вплотную браться за партийную или хозяйственную работу. Впрочем, я ни на что не претендую и буду там, где укажут.

Письмо кончаю, ибо сейчас прибывает курьер, посылаемый мною для сопровождения Балкашиной¹³. Желаю Вам всего наилучшего.

Ваш М. Фрунзе

Ташкент, 14.IV 1920

ЦПА ИМЛ. Ф. 461. Д. 31925. Автограф; Исторический архив. 1958. № 3.

¹ Два военных судна противника — вспомогательный крейсер «Австралия» (построен в 1899 г. в Англии как пассажирский пароход; водоизмещение 1275 брутто-тонн, машина 1000 л.с., вооружение 3 орудия 102 мм, 3 пулемета; команда 64 человека) и посыльный катер «Часовой». Под влиянием принятого по радио воззвания командующего советской флотилией Ф. Ф. Раскольниково экипаж крейсера организовался вокруг матроса Бориса Самородова и восстал. Высадив на шлюпку и отгнав свой комсостав, воставшие при содействии товарищей с «Часового» привели оба судна в порт Красноводска 4 апреля 1920 г. В тот же день командование Туркфронта доложило об этом В. И. Ленину (ЦГАОР. Ф. 130. Оп. 4. Д. 450. Л. 67). Спустя две недели крейсер получил название «Бела Кун» и вскоре принял участие в боевых операциях. В июне 1920 г. корабль был разоружен. Позднее под названием «Восмор» он входил в состав пароходства «Касптанкер», а в период последней войны на нем осуществлялись военные и хозяйственные перевозки.

² Куропаткин Алексей Николаевич (1848—1925), генерал от пехоты. В 1916—1917 гг. был генерал-губернатором в Туркестане, подавляя среднеазиатское восстание.

³ Бухарский эмир Алимхан (1880—1946) после ликвидации его власти в начале сентября 1920 г. бежал с кучкой охранников в Афганистан.

⁴ Улема — сословие высших духовных наставников у мусульман.

⁵ Бройдо Григорий Иосифович (1885—1956), член КПСС с 1918 г., ранее меньшевик. Командированный Центром на фронт, в аппарате Турккомиссии ведал вопросами внешних сношений, был ее уполномоченным в Хиве. Позднее в Москве работал в Наркомате по национальным делам, Наркомпресе, Партиздате и др. Был членом ЦИК СССР.

⁶ Турккомиссия — образованная постановлением ВЦИК и Совнаркома РСФСР от 8.X 1919 Комиссия по делам Туркестана, которая уполномочивалась представлять центральные органы власти и действовать от их имени. По партийной линии ей передал свои полномочия ЦК РКП(б). В состав комиссии входили: председатель Шалва Зурабович Элиава (1883—1937), зампред Валериан Владимирович Куйбышев (1885—1935), члены — Глеб Иванович Бокий (1879—1937), Филипп Исаевич (Исай Исаакович) Голощекин (1876—1941), Ян Эрнстович Рудзутак (1887—1938), М. В. Фрунзе.

- ⁷ Первый съезд представителей туркменского народа состоялся 18—20 марта 1920 г. в Полторацке (Ашхабаде). М. В. Фрунзе выступил на нем с приветственной речью (Набат революции. 1920. 22 марта). В беседе с военным корреспондентом РОСТА он сообщил: «По своему составу съезд не был коммунистическим. Едва ли я ошибусь, если скажу, что из общего числа делегатов примерно 200 человек с решающим голосом коммунистов было 8—10 человек. Более того, съезд не был даже чисто трудовым, ибо представительство было организовано без избирательных ограничений. И при всем том я с полным убеждением могу сказать, что основное настроение съезда было определено советским и более того — коммунистическим» (Известия. Ташкент. 1920. 11 апр.).
- ⁸ Авиенков Борис Владимирович (1889—1929) — командующий Отдельной Семипалатинской армией белых; после разгрома в III—IV.1920 с остатками приверженцев перешел в Китай; Дутов Александр Ильич (1879—1921) — командующий Оренбургской армией белых; потерпев поражение осенью 1919 г. на Актюбинском фронте, бежал в Семиречье, а оттуда в китайскую провинцию Синьцзян.
- ⁹ Турецкие офицеры — попавшие в русский плен в ходе первой мировой войны и размещенные в Туркестане.
- ¹⁰ Позция М. В. Фрунзе состояла в том, что местные формирования должны строиться не по вероисповедному, а по национальному принципу и входить в общевоинские соединения.
- ¹¹ Рыскулов Турар (1894—1938) — председатель ЦИК Туркестанской республики.
- ¹² Турсуноджаев Сдулла (1891—1940) — председатель краевого комитета РКП(б).
- ¹³ Балкашлина Аня Федоровна — заведующая опытной школой в Москве; находилась в Туркестане в командировке.

* Письмо Иванцовским товарищам

23 сентября 1920 г., Москва

Дорогие товарищи! Вам, конечно, известно, что борьба с бароном Врангелем в настоящий момент является одной из наиболее важных и непростых задач республики, она является задачей наиболее срочной. Необходимость быстрого, решительного и окончательного разгрома Врангеля настоятельно диктуется как условиями внутреннего, так и международного положения Советской республики.

Назначая меня командующим Южным фронтом, ЦК партии таким образом возлагает выполнение этой задачи на меня. Принимая во внимание условия и положение, которые имеются в настоящий момент на юге, и считаясь с необходимостью быстрого приведения в боевую готовность частей Южного фронта и создания, по существу на пустом месте, фронтового аппарата управления, я обращаюсь к вам, товарищи, с призывом прийти мне на помощь в выполнении этих задач присылкой работников-коммунистов.

Я хорошо знаю, что Иваново-Вознесенск и Красная губерния дали очень много коммунистов на многочисленные боевые фронты республики, я понимаю всю трудность работы оставшихся товарищей, но тем не менее уверен, что Иваново-Вознесенская организация РКП(б) и организации губерний найдут в себе силы для того, чтобы еще и еще раз прийти на помощь фронту. Если

нельзя будет выделить ответственных работников, пусть будут даны рядовые рабочие-коммунисты.

Я командирую в Иваново-Вознесенск гг. Калашникова, Наумова и Корнилова, которым и поручаю обратиться к вам по этому вопросу.

С коммунистическим приветом
командюж М. Фрунзе

Архив Ивановского ОК КПСС.

Ф. 2. Оп. 2. Д. 103. Л. 53. Подлинник.

*** Армия и народ вместе победают**

Из речи на заседании Харьковского Совета
2 ноября 1920 года

Дорогие товарищи, я обращаюсь к вам, депутатам вновь избранного Харьковского Совета рабочих и красноармейских депутатов, с приветствием от имени Революционного военного совета и от всех армий Южного фронта.

В своей вступительной речи ваш председатель отметил, что ваша работа начинается при невероятно тяжелых условиях. Мне достаточно обратить ваше внимание на этот зал, в котором мы заседаем, на его температуру и его освещение, чтобы вы сразу убедились в том, как тяжела эта обстановка. С другой стороны, зная условия голода и холода, в которых протекает наша работа, мы не можем забыть того факта, что сердца рабочего класса и крестьян горят революционным огнем...

Вы должны своей энергией в революционной работе показать пролетариату других городов, что со своей задачей, как бы тяжка она ни была, вы несомненно справитесь. Мы со своей стороны, представители рабоче-крестьянской армии, в той мере, в какой будет позволять обстановка военная, будем оказывать вам помощь в борьбе с лишениями. Я надеюсь, Красная Армия создаст в недалеком будущем, наконец, возможность для самого глубокого и мирного хозяйственного строительства. Всего десять дней тому назад с этой самой эстрады на Украинской конференции незаможных крестьян я выразил уверенность, что в ближайшее время Красная Армия Южного фронта сумеет нанести Врангелю достаточно сильный удар.

...Я рад вам сообщить, что с 25-го числа (октября) вся армия перешла в общее наступление на всех участках фронта. За эти семь дней мы уже прошли огромные пространства и в данный момент мы сжали все силы противника, которые стараются прорваться к узкому Сивашскому перешейку. Сейчас еще не закончились бои, бои кровопролитные, но нет сомнения, что исход их совершенно определен, и я не ошибусь, если скажу, что хорошо будет для Врангеля, если четвертая часть его войск, которые действовали на севере от Крымского перешейка, сумеет от нас ускользнуть. В настоящее время нами уже захвачены около

12 тысяч пленных, больше 40 орудий, пять бронепоездов, больше двух миллионов пудов хлеба, огромное количество всякого снаряжения... Сейчас невозможно дать вам точную и определенную картину того, что сделали армии Южного фронта за эти семь дней. Но те данные, которыми я располагаю, говорят о том, что действительно Врангелю нанесен такой удар, от которого, я уверен, он не сумеет оправиться. Я в кратких словах сейчас опишу вам, как проходил процесс борьбы и в какой стадии он находится в настоящий момент.

25-го числа, согласно заранее определенному плану, началось наступление наших войск на восточном участке, с 26-го числа мы начали переправу в районе Никополя, а 28-го числа начали наступление еще южнее Бериславского района. Этим наступлением, планомерным его проведением мы ввели в заблуждение противника. Он не мог определить, откуда направляется против него главный удар. По всем данным, которые у меня сейчас имеются, и главным образом на основании захваченного нами приказа самого Врангеля видно, что главный удар ожидался им с севера, со стороны Никопольского направления. Это объясняется тем, что две недели назад бароном Врангелем была сделана решительная попытка сокрушить те силы, которые готовились нами против него на правом берегу Днепра. 8 октября он переправился в районах Александровска и Никополя и дальше между Никополем и Бериславом на правый берег, переправил туда свою лучшую пехотную часть знаменитой корниловской и марковской дивизий, направил лучшую конницу в числе трех дивизий, пытаясь разгромить войска, что здесь собирались нами. В результате семидневных упорных боев силы противника были нами разбиты и, потеряв свыше 20 орудий, около трех тысяч пленными, радиостанцию и тысячу снарядов, вынуждены были бежать на левый берег Днепра. Барон Врангель увидел на деле, что здесь собирается крупная сила, и решил, очевидно, что отсюда будет наноситься и главный удар.

Мы со своей стороны учитывали эту возможность, но главный удар не отсюда нами был нанесен, а южнее, с так называемого Каховского плацдарма против Берислава, куда собрали нашу лучшую конницу и лучшую пехоту. И в тот момент, когда мы наступали с востока и севера, приковали к себе главные силы Врангеля, мы с утра, на рассвете 28-го бросили нашу пехоту, благодаря которой 30-го числа уже захватили Перекоп и Сальково. Таким образом, отрезали совершенно и закупили все те силы, которые находились к северу от крымских перешейков. Противник заметался, как раненый зверь, собрался в одно место, в один кулак и бросился пробивать себе дорогу к перешейкам, ударил на Перекоп, но был здесь нами разбит и отброшен, и ринулся всей своей массой пехоты и конницы к Каховскому [Перекопскому? — *Сост.*] перешейку. Здесь под его давлением наша конница не могла устоять в перешейках и отошла к главным силам, но охватила его с востока, севера и запада не пере-

довыми частями кавалерии, а нашими главными силами и нанесла ему страшный, смертельный удар. Таким образом, в результате этой невероятнейшей по своей ожесточенности борьбы, я убежден, будет конец Врангеля и конец всей южнорусской контрреволюции.

Перед нами вслед за разгромом главных сил Врангеля стоит сейчас трудная задача — ворваться в самый Крымский полуостров. Задача очень сложная и тяжелая, ибо там французскими инженерами настроены величайшие сооружения, там сосредоточены присланные той же самой Францией мощная военная техника, прекрасная артиллерия и т. д. Но практика нам уже показала, что поскольку за всей этой техникой не стоит одухотворенная рука живого человека, тогда и от нее ничего не останется. Мы уже имели примеры попыток этой самой техникой и этими самыми танками сбросить нас с Каховского плацдарма, но эти попытки кончились прахом.

Я думаю, что не ошибусь, если здесь перед вами, представителями харьковского пролетариата, выражу надежду, и больше того, выражу уверенность в том, что мы в неотдаленный срок, а может быть, в очень короткий срок сумеем преодолеть эти последние чудеса французской техники — ворваться в Крымский полуостров и разорить последнее гнездо российской контрреволюции.

В этот момент, товарищи, от вас, работников тыла, должна быть направлена туда, в сторону фронта, величайшая заботливость, величайшее внимание. Пусть красные наши бойцы, которые сейчас совершают чудеса храбрости и героизма... пусть они почувствуют, что рабоче-крестьянская Украина и Россия стоят мощной стеной позади их, пусть услышат от вас слова приветствия и ободрения, пусть увидят вещественные доказательства вашей преданности.

Товарищи, как командующий войсками фронта позволю надеяться, что и в отношении заботливого и внимательного попечения о нуждах больного и раненого красноармейца новый Харьковский Совет сделает все, что он сможет, и своим делом покажет пример всей остальной Украинской Советской Республике.

*Госархив Харьковской обл. Ф. р.-408. Оп. 22.
Д. 8. Л. 8—11. Неправленая стенограмма.*

На Врангеля *

Настоящий наш труд имеет целью дать возможно полный и точный военно-политический очерк заключительного периода нашей прошлой революционно-гражданской войны — борьбы с Врангелем. Это было в тот памятный «1920», когда наш рабочий

* Статья представляет собой набросок предисловия к незакопченному труду М. В. Фрунзе под названием «На Врангеля». Набросок подготовлен к печати В. К. Триандафилловым в 1926 г.

12 тысяч пленных, больше 40 орудий, пять бронепоездов, больше двух миллионов пудов хлеба, огромное количество всякого снаряжения... Сейчас невозможно дать вам точную и определенную картину того, что сделали армии Южного фронта за эти семь дней. Но те данные, которыми я располагаю, говорят о том, что действительно Врангелю нанесен такой удар, от которого, я уверен, он не сумеет оправиться. Я в кратких словах сейчас опишу вам, как проходил процесс борьбы и в какой стадии он находится в настоящий момент.

25-го числа, согласно заранее определенному плану, началось наступление наших войск на восточном участке, с 26-го числа мы начали переправу в районе Никополя, а 28-го числа начали наступление еще южнее Бериславского района. Этим наступлением, планомерным его проведением мы ввели в заблуждение противника. Он не мог определить, откуда направляется против него главный удар. По всем данным, которые у меня сейчас имеются, и главным образом на основании захваченного нами приказа самого Врангеля видно, что главный удар ожидался им с севера, со стороны Никопольского направления. Это объясняется тем, что две недели назад бароном Врангелем была сделана решительная попытка сокрушить те силы, которые готовились нами против него на правом берегу Днепра. 8 октября он переправился в районах Александровска и Никополя и дальше между Никополем и Бериславом на правый берег, переправил туда свою лучшую пехотную часть знаменитой корниловской и марковской дивизий, направил лучшую конницу в числе трех дивизий, пытаясь разгромить войска, что здесь собирались нами. В результате семидневных упорных боев силы противника были нами разбиты и, потеряв свыше 20 орудий, около трех тысяч пленных, радиостанцию и тысячу снарядов, вынуждены были бежать на левый берег Днепра. Барон Врангель увидел на деле, что здесь собирается крупная сила, и решил, очевидно, что отсюда будет наноситься и главный удар.

Мы со своей стороны учитывали эту возможность, но главный удар не отсюда нами был нанесен, а южнее, с так называемого Каховского плацдарма против Берислава, куда собрали нашу лучшую конницу и лучшую пехоту. И в тот момент, когда мы наступали с востока и севера, приковали к себе главные силы Врангеля, мы с утра, на рассвете 28-го бросили нашу пехоту, благодаря которой 30-го числа уже захватили Перекоп и Сальково. Таким образом, отрезали совершенно и закупорили все те силы, которые находились к северу от крымских перешейков. Противник заметался, как раненый зверь, собрался в одно место, в один кулак и бросился пробивать себе дорогу к перешейкам, ударил на Перекоп, но был здесь нами разбит и отброшен, и ринулся всей своей массой пехоты и конницы к Каховскому [Перекопскому? — *Сост.*] перешейку. Здесь под его давлением наша конница не могла устоять в перешейках и отошла к главным силам, но охватила его с востока, севера и запада не пере-

довыми частями кавалерии, а нашими главными силами и нанесла ему страшный, смертельный удар. Таким образом, в результате этой невероятнейшей по своей ожесточенности борьбы, я убежден, будет конец Врангеля и конец всей южнорусской контрреволюции.

Перед нами вслед за разгромом главных сил Врангеля ставится сейчас трудная задача — ворваться в самый Крымский полуостров. Задача очень сложная и тяжелая, ибо там французскими инженерами настроены величайшие сооружения, там сосредоточены присланные той же самой Францией мощная военная техника, прекрасная артиллерия и т. д. Но практика нам уже показала, что поскольку за всей этой техникой не стоит одухотворяющая рука живого человека, тогда и от нее ничего не останется. Мы уже имели примеры попыток этой самой техникой и этими самыми танками сбросить нас с Каховского плацдарма, но эти попытки кончились прахом.

Я думаю, что не ошибусь, если здесь перед вами, представителями харьковского пролетариата, выражу надежду, и больше того, выражу уверенность в том, что мы в неотдаленный срок, а может быть, в очень короткий срок сумеем преодолеть эти последние чудеса французской техники — ворваться в Крымский полуостров и разорить последнее гнездо российской контрреволюции.

В этот момент, товарищи, от вас, работников тыла, должна быть направлена туда, в сторону фронта, величайшая заботливость, величайшее внимание. Пусть красные наши бойцы, которые сейчас совершают чудеса храбрости и героизма... пусть они почувствуют, что рабоче-крестьянская Украина и Россия стоят мощной стеной позади их, пусть услышат от вас слова приветствия и ободрения, пусть увидят вещественные доказательства вашей преданности.

Товарищи, как командующий войсками фронта позволю надеяться, что и в отношении заботливого и внимательного попечения о нуждах больного и раненого красноармейца новый Харьковский Совет сделает все, что он сможет, и своим делом покажет пример всей остальной Украинской Советской Республике.

*Госархив Харьковской обл. Ф. р.-408. Оп. 22.
Д. 8. Л. 8—11. Неправленая стенограмма.*

На Врангеля *

Настоящий наш труд имеет целью дать возможно полный и точный военно-политический очерк заключительного периода нашей прошлой революционно-гражданской войны — борьбы с Врангелем. Это было в тот памятный «1920», когда наш рабочий

* Статья представляет собой набросок предисловия к незакопченному труду М. В. Фрунзе под названием «На Врангеля». Набросок подготовлен к печати В. К. Тряндафиловым в 1926 г.

и крестьянцы, только что разгромивший денкипские полчища и собравшийся переходить к мирному труду, должен был снова с впитовкой в руках спешить на защиту западной и южной границы своей Красной Республики. Вместо разгромленного денкинского фронта выросли две новых враждебных нам группировки. Почти сразу же и одновременно создались два новых фронта — польский и врангелевский.

Неравной и крайне тяжелой была для нас эта борьба. Наши армии, обескровленные предыдущей непрерывной двухлетней борьбой, разбросанные по всему огромному театру денкинских операций — от Киева до Новороссійска, — должны были спешно собираться, реорганизовываться и отбиваться на два фронта от развернувшегося и уже наседающего врага. Страна, разоренная непрерывной — империалистической и гражданской — войной, должна была при полнейшей экономической разрухе, при парализованном транспорте и почти при отсутствии военно-технических производств начинать новую упорную борьбу с сильным, организованным врагом, базирующимся на «заграничное» снабжение. Этим врагом были панская Польша и Врангель.

«Победитель никогда не бывает так слаб, как в минуты победы», — гласит один старый афоризм, и в этих словах жестокая правда. Наша армия, добившаяся победы над Деникиным ценою больших жертв и материального истощения, была очень и очень слаба к моменту нового выступления врагов. Конечно, недавняя победа вызвала в армии большой моральный подъем, дала в наши руки значительное количество ценных военных трофеев, использованных для усиления боевых средств наших войск, наконец, победа открывала широкие перспективы нашего экономического и политического роста в будущем... Но для новой борьбы этого было еще недостаточно. Надо было укомплектовать и бойцами, и комсоставом наши сильно поредевшие дивизии, пополнить материальную часть, провести ряд реорганизаций, поставить и обеспечить бесперебойное снабжение войск, наладить новые базы и коммуникации, наконец, обеспечить возможность массовых войсковых перебросок... Все это требовало готовых огромных материальных средств, все это требовало времени. Мы же, по существу, не располагали ни тем, ни другим.

Поляки на этом и построили свои расчеты. Они решили в борьбе с нами применить метод «на истощение». Вот почему, пока мы боролись с Деникиным, польские напы не начинали открытой войны, по хищнически захватывали участки нашей пограничной территории, которые мы не могли защищать при слабости наших войсковых сил на западной границе. Но лишь только окончилась наша борьба с Деникиным — фактически в марте 1920 года, занятием нами Новороссійска, — как белополяки совместно с петлюровцами в апреле уже перешли в открытое наступление на Советскую Украину. Выступление это для нас, конечно, не было неожиданным, угроза войны все время существовала. Причпы этой войны были слишком глубоки, чтобы

могли быть изжиты временем; они обуславливались самим фактом существования нашей Советской Республики и, наоборот, с каждым днем разрастались и углублялись. Но мы не хотели этой войны, мы делали все, чтобы ее избежать. Мы шли на все уступки, сколько то позволяли жизненные интересы нашей страны. Мы шли даже на добровольное разоружение, реорганизовывая часть наших боевых сил в трудовые армии... Но это, конечно, не могло изменить отношений между трудовой республикой и хищнической панской державой. Все это истолковывалось врагом как признак нашей слабости, все это только подталкивало хищника на предательское нападение. Так началась упорная польская война, втянувшая в себя почти все наши силы и средства. Только 12 октября 1920 года было заключено «перемирие», и мы получили возможность использовать часть сил нашего польского фронта для решительной борьбы с белым Крымом, который к этому времени разросся уже в серьезную угрозу нашей мирной трудовой жизни.

Этот фронт для нас тоже не был неожиданным. В этом и был известный трагизм положения, что мы, вполне сознавая опасность, не могли по ряду объективных и субъективных причин сразу же уничтожить в корне нарождающегося врага. Все уцелевшие от истребления и спасшиеся на окраине остатки денкинских войск, воспользовавшись захваченным флотом, стянулись в Крым как последний редут контрреволюции. Здесь, пользуясь ослаблением нашего преследования и укрывшись за естественными преградами Сиваша, они оправились от прежнего поражения, снова организовались, снабдились за счет военных министерств «союзников» и стали выжидать благоприятного времени для новой авантюры.

Пятого апреля 1920 года в верховодство новоявленными «вооруженными силами Юга России» вступил барон Врангель, который и решил «на Петрово счастье» повторить попытку неудачника Деникина. К этому времени белый Крым, почувствовав себя достаточно окрепшим, уже переходит от обороны к наступлению. Первые успехи против наших войск, представлявших собою по существу слабое «оцепление», подали белокрымцам надежду на возможность серьезной борьбы и побед над Советской Республикой. Врангель решил использовать наши затруднения и действовать «быстро и шумно». Ему удалось вырваться из Крымского логовища в Северную Таврию и раскинуть хищные щупальцы на север и восток. Так создавался врангелевский фронт, предательски вклинившийся в Донецкий бассейн — более чем когда-либо для нас насущно необходимый угольный и металлургический район. Вместе с тем этот новый фронт грозил нам новыми политическими осложнениями на Дону и Кубани, едва остывших от недавней борьбы.

С весны до осени 1920 года борьба с Врангелем протекала для нас неудачно. Противник, действуя по внутренним операциям линиям, стремительными ударами в меняющихся па-

правлениях опрокидывал противостоящие ему части Юго-Западного фронта и захватывал все новые и новые участки Левобережья. К концу сентября 1920 года врагелевцы уже занимали Александровск (Запорожье), Славгород, Волноваху и Мариуполь и продолжали теснить нашу 13-ю армию на восток. Врангелевский фронт все это время входил простым боевым участком в состав нашего Юго-Западного фронта, действовавшего против поляков, и, естественно, оставался на положении второстепенного. Это создавало для Врангеля крайне благоприятную обстановку; он пользовался скованностью своего противника и в моменты особого напряжения борьбы на польском фронте получал полную свободу своей предприимчивости. Но если мы позволяли себе (и обязаны были это делать) роскошь игнорировать до поры до времени Врангеля, то теперь, когда он выдвинулся дальше, когда получил более широкую базу и более широкие возможности, мы должны сказать: стоп, дальше врангелевский фронт развиваться не может.

Вот почему 21 сентября 1920 года врангелевский участок был выделен в отдельный и самостоятельный фронт. На этот Южный фронт и была возложена «окончательная ликвидация Врангеля в возможно короткий срок». Приняв войска в момент крайнего напряжения боевых операций и в момент наибольших успехов противника, командование нового Южного фронта должно было, прежде всего, сдерживать напор противника, восстановить положение, спешно организовать свои силы, подготовиться к решающей операции и только после этого нанести врагу последний удар. 28 октября армии Южного фронта перешли в общее наступление. После ряда начальных боев на всем 300-верстном фронте 9 и 11 ноября противнику на Перекопе и в Чонгаре был дан последний и решительный бой. К 15 ноября 1920 года вся территория Крыма была очищена от врага. Эти 50 дней Южного фронта и составляют заключительный период борьбы с Врангелем, а вместе с тем и окончательную ликвидацию всей прежней организованной белогвардейщины на территории Советской Украины.

В этом году исполнилось 5 лет со дня окончания Крымской кампании. Борьба с Врангелем — это, быть может, очень короткий период в истории нашего Советского Союза, но это ряд страниц в истории нашей Красной Армии. Наша армия организовывалась, обучалась и воспитывалась в непрерывных боях. Мы учились на одной операции, чтобы затем лучше вести другую, третью... Каждая последующая операция для нас являлась проверкой наших достижений в ратном деле и вместе с тем давала нам новые указания на будущее. Перерывов не было, мы шли от одного боя к другому, с одного фронта на другой. Мы должны были уметь воевать со всяким врагом и при всяких условиях. Дивизии, дравшиеся в степях и на равнинах, должны были прямо из боя спешить в другой бой, на другой фронт — в горы, леса, и обратно. Наша пехота должна была уметь драться и про-

тив конницы, и против броневиков, должна была уметь и паступать по чистому полю и уметь форсировать реки, штурмовать укрепления. И мы учились и сдавали кровавые экзамены.

1920 год — это итог всей нашей предыдущей боевой работы, это окончательная проверка всех наших достижений за весь прошлый период. Правда, к этому времени мы не имели еще вполне законченной и установившейся военной организации, но мы имели уже свои регулярные «перволинейные» дивизии, прошедшие через ряд последовательных реформирований, прошедшие боевой курс на колчаковских и денкинских фронтах, — дивизии, отражавшие в себе все наше творчество и представлявшие мощный костяк нашей нынешней армии.

И не случайностям, но именно этому творчеству мы были обязаны нашими военными победами. Сами наши враги признают это...

И поскольку мы учились, учимся и будем все время учиться, мы должны самым тщательным образом изучить наши прошлые операции. Изучать не поверхностно, для простого критического разбора, но исследовать всесторонне — для выявления всех положительных и отрицательных данных для соответствующих выводов, для использования прошлого опыта и устранения повторения ошибок в будущем. Вполне понятно, что простое историческое описание военных событий — это, по существу, лишь сырой материал. Только изучая детально всю обстановку борьбы, выясняя условия, в которых зарождалась, развивалась и проходила каждая операция, выявляя влияние всех самых разнообразных, иногда совершенно скрытых факторов, мы сможем верно судить о событиях, делать оценки и выводы, и главное — выводы. Все наши военно-исторические труды и должны преследовать определенную цель — использование прошлого опыта. Это необходимо. Без этого все наше последующее строительство рискует или вылиться в нежизненные, искусственные формы, или все время оставаться на прежнем уровне.

Конечно, все эти данные прошлого опыта отнюдь не являются неизменными отправными. Но непрерывно развивая и совершенствуя нашу военную организацию на основе всех новейших достижений науки и техники, мы не должны, однако, забывать сверять все новые данные с опытом прошлого. Это даст нам возможность, с одной стороны, определять степень и ход нашего военного развития, с другой стороны, с достаточной приближенностью выяснить влияние тех или иных достижений на характер и формы будущей вооруженной борьбы. Мы внимательно изучаем и разбираем примеры империалистической войны 1914—17 гг. Это необходимо, ибо здесь данные опыта. Но, естественно, это изучение, по существу, дает нам лишь общую ориентировку, лишь общие предпосылки к плану нашего военного строительства. Разве меньшее значение имеют данные нашего собственно последнего опыта, данные нашей борьбы в условиях нашей действительности? Разве здесь меньше ориентировочных данных?

Разве возможность повторения этой борьбы меньше возможности новых мировых войн? Вот почему изучение борьбы с Врагелем — в одинаковой степени и польской войны — представляет для нас вполне реальное значение. Обе эти войны самые последние ближайшие к нам войны; здесь, так сказать, все последние общие данные боевого опыта, здесь ряд практических указаний для последующего строительства армии. Эти войны были борьбой уже организованных армий с использованием методов и средств большой войны. Наконец, эти войны, являвшиеся борьбой на внешних рубежах нашей Республики, сохраняют значение непосредственного ближайшего примера, поскольку еще не изжита возможность повторения подобных же столкновений в будущем. Теперь, когда мы имеем ряд подробных описаний боев и целых операций этих двух войн, — описаний, составленных представителями и той и другой стороны, мы можем, а вернее, должны иметь полный и точный отчет об этих прошлых событиях.

Всенный вестник. 1926. № 40.

Поездка в Ангору

После разгрома Врангеля и ликвидации Южного фронта М. В. Фрунзе с 3 декабря 1920 г. был назначен командующим вооруженными силами Украины и Крыма (входил тогда в состав РСФСР). Одновременно его избрали в руководящие органы республики — членом Политбюро ЦК КП(б)У, ВУЦИК.

В то время в соседней Турции происходила национально-освободительная революция. Последний султан Магомет VI пребывал в Стамбуле (Константинополь) фактически уже не у дел, а созданное в Ангоре (Анкара) революционное правительство Мустафы Кемаля, контролируя значительную часть анатолийской (азиатской) территории страны, стремилось даже в военной обстановке налаживать хозяйственную, культурную жизнь.

Советские республики поддерживали новую Турцию. 28 марта 1921 г. с нею заключила дружественный договор Российская Федерация, в июне — Азербайджан, 13 октября — все Закавказье. Для установления добрососедских отношений между Украинской Советской республикой и Турецкой республикой было назначено чрезвычайное посольство во главе с М. В. Фрунзе. Специальным поездом оно выехало из Харькова 5 ноября 1921 г., через Ростов, Баку, Тифлис прибыло в Батум, чтобы далее следовать по Черному морю. В состав миссии входили: дипломатический советник, член коллегии Наркоминдел УССР Ждан-Пушкин, военный советник Александр Карлович Андерс (1880—1938), врач К. В. Фрунзе, начальник охраны Владимир Михайлович Мухин (1897—1957), сотрудники Виктор Осипович Броун (1891—1955), Лука Семенович Колядко (1887—1966), Владимир Леопольдович Розовский (1898—1961), красноармейцы. В связи с трудностями морского маршрута М. В. Фрунзе еще в Батуме сократил состав миссии на треть, а по прибытии в Трапезунд оставил там еще часть сотрудников. Сам Михаил Васильевич в морской путь отправился под вымышленным именем на итальянском пароходе «Саннаго», а основной состав посольства — на советском «Георгин», где находился и его груз: документы, литература, личные вещи, а также миллион золотых рублей царской чекапки, первый взнос в счет финансовой помощи правительству Кемаля.

Об этой поездке в Турцию и рассказывается в путевых заметках, публикуемых ниже в сокращенном виде. С полным текстом можно ознакомиться в 4-м томе Собрания сочинений (М., 1929). Для нашего издания текст заново сверен с рукописью, хранящейся в ЦГАСА (Ф. 32392, Оп. 1, Д. 151).

26 ноября наша украинская миссия прибыла на территорию Турции. Приехали мы в г. Трапезунд, сделав рейс из Батума на итальянском пароходе «Саннаго». Весь переезд занял одну ночь. Пароход большой, когда-то принадлежавший «Австрийскому Ллоиду», а ныне со всем остальным коммерческо-пассажирским флотом Австрии перешедший в руки итальянцев. Отношение к нам и команды, и всего командного состава чрезвычайно вежливое. В одной из кают, где помещаются матросы, висит портрет тов. Ленина. Это говорит кое-что, но не так уж много, ибо тут же по соседству мирно уживаются портреты каких-то высокооставленных особ, видимо членов итальянского королевского семейства.

В Трапезунд приехали утром. Погода пасмурная; на море легкая зябь. После санитарного осмотра спустились в лодки, которые подало комендантское управление портом. Через 15 минут подъехали к пристани, где были встречены комендантом порта и городским полицмейстером. Выслушав приветствие от имени трапезундского вали (генерал-губернатора) и ответив тем же, мы отправились в приготовленных заранее экипажах в отведенное для нас в одном из отелей помещение.

В Трапезунде, к большому огорчению, пришлось прожить целых четыре дня. На море все время было бурно, и прекратилось сообщение со всеми портами турецкого побережья.

В городе много воды, довольно много зелени; из декоративных пород преобладают кипарисы, то здесь, то там вытягивающиеся к небу своими стройными конусообразными верхушками. Общий колорит города чисто восточный. Улицы узкие, кривые; дома небольшие; почти все имеют вид вытянутых параллелепипедов с квадратным основанием. Масса мечетей с высокими, стройными, конической формы минаретами. По улицам большое оживление; всюду виднеются вереницы маленьких, донельзя перегруженных и почти не видных под кладью осликов, изредка попадаются караваны верблюдов, проезжает масса телег, запряженных или лошадьми, или буйволами. Отовсюду несутся разнообразные крики; то громко кричат, назойливо предлагая свои услуги, то слышны голоса продавцов разной снеди и т. д. Особенно сильное движение в центре города, в районе базара. Тут везде настоящая давка. Товару в лавках порядочно, но цены чрезвычайно высокие. В Батуме все значительно дешевле. Большинство товаров дешевле даже у нас в Харькове. Вообще оказывается, что жизнь у нас сравнительно с Турцией значительно дешевле. Дороговизна особенно увеличилась последнее время в связи с введением правительством добавочного процентного налога на все предметы ввоза и вывоза.

Европейцев на улицах почти не встречается. Есть несколько семейств русских беженцев из белого лагеря. Один из таких бе-

женцев — ген. Термен¹, потомок обрусевшей гугенотской семьи, явился к нам в миссию. Из беседы с ним выяснилось, что он, подобно очень многим нынешним беженцам Турции, совершенно аподитичен. Когда-то был председателем союза русских граждан в Батуме во время английской оккупации, где имел постоянное жительство. Эмигрировал при грузинском меньшевистском правительстве. Занимается сейчас в Трапезунде учительством. Есть стремление вернуться в Россию, но побаивается. Среди беженцев циркулируют самые ужасающие слухи о «чека» и ее расправах над беженцами. Все русские беженцы занимаются либо учительством, либо каким-либо мелким предпринимательством — фотография, столовые и пр.

Кроме русских, есть беженцы-мусульмане из числа членов и сторонников бывшего мусульманского правительства в Азербайджане и горского правительства Саид-Шамиля² (внука знаменитого имама Шамиля) в Дагестане. И те и другие влечат жалкое существование, обивая пороги турецких правительственных и общественных учреждений и выпрашивая пособия на существование... Сам Саид-Шамиль, не добившись толку у турок, отправился несколько месяцев тому назад в Париж, где и ведет усиленную агитацию в пользу активного вмешательства Франции в кавказские дела, соблазняя последнюю всякими блестящими перспективами. По словам близко знающих его лиц, это тип посредственного авантюриста, жалкое наследие своего знаменитого предка, имя которого эксплуатируется им как единственный политический капитал, служащий средством приобретения некоторого значения. Среди горского населения никакого влияния сейчас эта фигура не имеет.

За время четырехдневного пребывания в Трапезунде успели познакомиться со всеми здешними начальствующими лицами, а также представителями общественных организаций. Вали Трапезунда — тип старого крупного чиновника султанских времен. За время своего сорокалетнего служения перебыл почти во всех областях прежней Османской империи, занимая самые ответственные посты; после оккупации Константинополя англичанами вскоре был ими арестован... и просидел восемь месяцев в тюрьме.

Вторым по значению после вали лицом в городе является начальник 13-й дивизии полковник Сабит Самп-бей. Познакомился с ним несколько позже, так как он был в отлучке, занятый ловлей шайки некоего Курбана, наводившего трепет на все власти прилегающего к Трапезунду района.

Самп-бей оказался чрезвычайно интеллигентным и образованным человеком, свободно говорит по-французски и по-немецки; следит внимательно за политической жизнью не только своей родины, но и других государств; в частности, довольно хорошо разбирается в вопросах социального характера, знаком с коммунистической программой и имеет относительно правильное представление о наших делах. Говорит, что в армии, как и подав-

ляющем большинстве остальной части населения, идея дружбы и союза Турции с Советской Федерацией пустила глубокие корни.

Затем пришлось познакомиться с местным комитетом организации «Мудафа и Хукук» («Защита прав»). Это нечто вроде партийной организации, создавшейся на почве программы национального освобождения Турции и охватившей сейчас своими разветвлениями все более или менее значительные города и местечки Анатолии.

Местным комитетом «Мудафа и Хукук» был дан в честь приезда миссии парадный обед. Присутствовали все местные власти, члены комитета и представители гражданского самоуправления. До и после обеда велись беседы информационного характера. Интересовались положением дел в России и других советских странах.

29 ноября вечером, в 9 часов, выехали из Трапезунда. Проводили нас очень тепло. На пристани был выстроен почетный караул с оркестром музыки. Поехали на нашем пароходе «Георгий» — «дредноуте» Черноморского флота, вместимостью в 700 тонн. В случае непогоды путешествие на нем было бы связано с большими неудобствами, но на наше счастье погода установилась чудесная, и ехать было одно удовольствие. Весь переезд от Трапезунда до Самсуна занял 25 часов при 7—8-узловом ходе. Ехали без всяких приключений, если не считать маленькой ночной тревоги. Около 4—5 часов ночи нам попалось навстречу какое-то военное судно. Первая мысль, пришедшая в голову, была та, что это греческое судно. Моментально сопровождавший нас от Трапезунда турецкий юзбаши (капитан) Гасан-бей облачился в одеяние русского матроса, и вообще были приняты другие меры предосторожности. Неизвестное судно осветило нас несколько раз прожекторами и дало сигнал остановиться. Мы, не обращая никакого внимания, продолжали свой путь. Осветив нас еще несколько раз, «противник» исчез в ночной мгле. Капитан «Георгия» по этому случаю заявил, что противник обратился в бегство, устранившись вида «Георгия», который ночью мог со своими трубами и мачтами и общим полувоенным характером судна произвести не соответствующее его особе впечатление. Надо заметить, что мы тоже имели солидное вооружение: три пулемета и орудие в 37'' калибром с запасом в целых тринадцать снарядов...

Остальную часть пути проехали, не встретив ни одного суденышка. Шли все время в недалеком расстоянии от берега. Все южночерноморское побережье сплошь гористое. Цепь гор тянется непрерывно до самого Босфора, постепенно понижаясь в направлении с востока на запад. Горы большей частью подходят вплотную к самому берегу, не оставляя никакого низменного пространства. Только местами они отступают немного, и обычно в таких местах раскинуты или городки, или селения. Горы безлесные, изредка лишь виднеются заросли кустарника.

Вершины покрыты снегом. На море ни малейшей зыби, впечатление такое, как будто едешь где-нибудь по Волге. Около парохода все время резвятся стаи дельфинов и чаек.

В 10 часов вечера подъехали к Самсуну. Город был виден уже издали и со своими освещенными домами представлял в ночной темноте удивительно красивую картину. Он раскинулся амфитеатром около вдающейся в виде овала в берег гавани. На рейде стояло несколько пароходов и шхун. В числе их — одно военное. Как оказалось, это был американский конгитиносец в 1800 тонн водоизмещения, несущий здесь службу в качестве стационара. Встреченное нами ночью судно было тоже «американец», вышедший из Самсуна в Трапезунд. Стали на якорь и, спустив лодку, отправили в ней Гассап-бея на разведку. Через час он вернулся уже на турецкой лодке в сопровождении местных властей. Через полчаса мы были уже в городе и остановились в гостинице, содержимой греком, русскоподданным. Теперь мы у дверей уже самой доподлинной Турции.

2. Самсун

31/XI — 1/XII 1921 г.

Весь день 31 ноября провели в Самсуне, посвятив его ознакомлению с городом, знакомству с властью и т. п.

Самсун — главный город синджака (губернии) Джаник. Здесь резиденция мутесарифа и местопребывание консулов, консульских агентов почти всех государств Европы. В настоящее время из них имеются лишь итальянский и американский; намечено открытие русского консульства, что ожидается в ближайшем будущем.

Город сравнительно с Трапезундом может похвалиться своим благоустройством: в нем довольно широкие и правильно распланированные улицы (кроме старой турецкой части), много двухэтажных и даже трехэтажных домов чисто европейского типа, сравнительная чистота на улицах и пр.

Когда-то Самсун был приморской крепостью, но теперь в нем нет никаких современного типа укреплений. От старых времен еще сохранились три старинные крепостные постройки — две в северной части бухты и одна в южной; в настоящее время они заброшены и представляют из себя развалины. За городом, на высотах, имеются казармы на 600 человек.

Население города смешанное — турки, греки и немного армян. До самого последнего времени, до вспышки греческого восстания в Самсунском районе, тех и других было приблизительно поровну. Теперь же взрослых мужчин-греков абсолютно нет; их так же, как и в Трапезунде, мобилизовали и отправили на работы в глубь страны; общее соотношение тоже резко изменилось в пользу турок: на 27 000 населения Самсуна сейчас турки составляют не менее 18—20 тысяч. Население ближайшего к городу района тоже имеет или, лучше сказать, имело смешанный

характер: турки, греки, черкесы, курды. Преобладали греки, но с минувшего года, после восстания, греческое население в деревнях, можно сказать, не существует. Сам по себе весь прилегающий к городу, когда-то богатейший район в настоящее время представляет почти полную пустыню. Начиная от самого города, по всем главным дорогам, отходящим от Самсуна на Бафру, Амассию и Чаршамбу, на расстоянии 25—30 верст от города, не уцелело ни одной греческой деревни, а также немного осталось и мусульманских. Борьба между греками-повстанцами и турками приняла, как здесь обыкновенно бывает, форму поголовного взаимоистребления и превратила в развалины цветущий край.

Отношения с местной турецкой администрацией у нас установились самые лучшие. Сначала, как и в Трапезунде, нам был оказан официальный — вежливый прием и только; но после дальнейшего знакомства и ряда бесед отношения резко изменились к лучшему.

Мутесариф Ферик-бей — довольно интеллигентный человек, сдержанный, спокойный, очень толковый — сравнительно хорошо ориентируется в обстановке у нас, очень заинтересовался последними мероприятиями Советской власти в области экономической политики; жалеет, что благодаря набегам греческого флота на анатолийские берега их торговые отношения с Украиной и Россией были до сих пор ничтожными.

Вместе с мутесарифом посетил городского голову, где собрались члены городского самоуправления, суда, муфтий и некоторые другие лица. Разговор затянулся на несколько часов; беседа вращалась главным образом вокруг вопросов, связанных с взаимоотношением между республиками, и вопросов взаимного информирования. Многие из того, что сообщалось мной, для слушателей, по-видимому, было полным откровением и выслушивалось ими с напряженным вниманием. Между прочим, затрагивали вопросы о предметах товарообмена, могущих интересовать ту или иную сторону. От нас хотели бы иметь керосин, железо, цемент, ткани, посуду; могут предложить в обмен хлеб, шерсть, кожи, сухие фрукты, табак.

В тот же день нанес визит начальнику 10-й стрелковой дивизии, штаб которого стоит в Самсуне.

Начдив — человек совершенно иного склада, чем трапезундский Сабит Сами-бей. Это тип строевика-офицера, старого служаки, знающего и интересующегося только своим прямым делом, а об остальном заботящийся постольку, поскольку это его непосредственно касается. Очень прямой, вопросы ставит и отвечает без всяких уверток. После часовой беседы расстались полными друзьями. Предлагал посмотреть казармы и части, но так как было уже поздно, то условились сделать это при моем возвращении обратно.

Вечером принял у себя в номере возвращающегося из Ангоры в Константинополь корреспондента турецко-константинопольской

газеты «Вахит». Получив от меня информацию о целях нашей миссии и пр., корреспондент стал, в свою очередь, рассказывать о жизни в Ангоре и Константинополе. Коснулись вопроса о причинах недоброжелательного отношения к России и тоне некоторых стамбульских национальных газет, проявившегося в ряде статей, напечатанных в последнее время. Ответил, что в константинопольских турецких кругах, сочувствующих национально-освободительному движению, последнее время создается такое впечатление, что Россия хочет свою дружбу с Турцией порвать, но что теперь он лично видит, что все это ложь, и по приезде в Стамбул он немедленно даст соответствующую информацию.

Врангелевцы, по его словам, переведены в Болгарию и Сербию еще не все; в Галлиполи по-прежнему стоят части кутеповского корпуса. Настроение белых в огромном большинстве отнюдь не активное: почти все мечтают о возврате на родину; только усилиями хорошо организованной руководящей кучки генералов и старых офицеров удалось до сих пор переламывать это настроение. Материальное положение всех беженцев ужасное; живут главным образом мелкой спекуляцией, торговлей, иногда физическим трудом и пр. Открыто много кафешантанов, где идет торговля живым товаром; такой кафешантан содержит, например, бывший сподвижник Врангеля, известный на Кубани организатор последнего кубанского выступления — генерал Фостиков³. Какую роль играют в Константинополе русские женщины, можно хорошо видеть из того, что единственные русские слова, знанием которых щегольнул передо мной мой собеседник, были следующие: «ах, как вы гирециозны» и еще: «вы мина очень нравитесь».

Отношение всех без исключения к бывшим союзникам — самое враждебное. Ненавидят их они за то высокомерное третиrowание и пренебрежительное отношение, с которым приходится на каждом шагу сталкиваться. Мне невольно вспомнилась фраза, сказанная в разговоре со мной перед отъездом из Харькова генералом Слащевым⁴. «Если вы хотите найти людей, ненавидящих англичан и французов, то ищите их не здесь, а там, по ту сторону границы». Он несомненно прав...

Есть бывшие белые и здесь, в Самсуне. Обеденный зал нашей гостиницы все время полон ими. Они страшно интересуются нашей миссией и пытаются получить сведения о России. Большинство — черкесы, осетины и бывшие горцы-офицеры с Северного Кавказа; но есть и русские. Отношение к нам не враждебное, но и не дружеское, а так — напряженно-любопытное. Их страшно поразила дисциплинированность наших красноармейцев. Заметив, что те при встрече со старшими отдают честь, белые спросили: «Разве у вас, в Красной армии, отдача чести введена по-старому?» Те ответили: «Это не обязательно, но мы это считаем долгом вежливости». «Ну и большевики, вот так черти!» — не то с сочувствием, не то с огорчением признался какой-то усатый старый офицер и только головой покрутил.

Живут материально плохо; открыли на кооперативных началах рестораны; некоторые занимаются учительством. Оказалось, что им ничего не было известно об объявлении ВЦИКом амнистии бывшим белым. Я немедленно принял меры для опубликования постановления в местной прессе.

3. От Самсуна до Кескина

2/XII—11/XII 1921 г.

Из Самсуна выехали 2 декабря в 10 часов утра. С погодой нам не повезло; с раннего утра пошел частый, мелкий дождь, и дорога предстояла не из приятных. Собирались выехать раньше, но пришлось задержаться, так как не удалось своевременно собрать всех подводчиков. Двинулись мы в своеобразных экипажах с крытым верхом, называемых по-турецки «ляли» [яйлы]; это род короткого фургона на рессорах; сиденья нет, и приходится либо лежать, либо быть в полулежачем положении.

В каждом экипаже сели по двое. В экипаж запряжено по паре лошадей. Лошади и экипажи должны везти нас бессленно до самой Ангоры. Плата за один один экипаж — 100 лир.

За час до отъезда приезжает мутесариф Ферик-бей. Беседуем в гостиной отеля, пока заканчиваются сборы. Наконец, приходит прикомандированный для сопровождения нас турецкий офицер Гассан-бей и объясняет, что все готово. Прощаемся с мутесарифом, другими провожающими и, сопутствуемые их благими пожеланиями, трогаемся в путь.

Дорога от самого города идет непрерывно в гору. Грязно, неудобно. Путь шоссирован, но шоссе так изрыто ухабами и выбоинами, что вас ежеминутно, как мячик, бросает из одной стороны в другую. Дождь становится все сильнее и сильнее; боковой полог кибитки открывать нельзя и приходится ограничиваться наблюдением того, что видишь через голову возницы. Впрочем, и видно очень немного, так как густая пелена дождя скрывает предметы уже на расстоянии 40—50 шагов.

Шоссе, поднявшись из Самсуна на горное плато, следует дальше среди холмов, частью безлесных, частью покрытых мелким кустарником, преимущественно низкорослым дубняком. Слева видна внизу, в тумане, голубая долина Мерд-Ирмак.

Приблизительно верстах в 20 от Самсуна начинается подъем на перевал Кандилек-Богаз высотой в 2700 футов; в некоторых местах, помимо невысокого дубняка, виднеется группа сосен.

Когда мы поднялись на перевал, было уже около 4 часов. Начинало темнеть, хотя к этому времени дождь уже перестал. Было ясно, что в этот день до намеченного для ночевки места, селения Кавак, мы не доберемся. От Самсуна до Кавака 45 верст, а мы сделали не больше 25 и сделали с величайшим трудом. В темноте ехать нельзя, несмотря на наличие данного нам конвоя из двенадцати конных жандармов, так как мы могли

легко стать объектом нападения какой-нибудь из пошаливающих по ночам на дороге греческих банд.

Дорога с перевала спускается вниз к реке Мерд-Ирмак (Караташ-су), которую и пересекаем по каменному мосту. Возле реки раскинута небольшая группа домов, это деревня Чакалла, где есть постоянные дворы. Здесь мы и останавливаемся на ночлег.

Останавливаемся в двух постоянных дворах, расположенных друг против друга. Постояльные дворы точь-в-точь типа, который является распространенным у нас в Туркестане: поместительный двор с крытыми навесами и стойлами для лошадей и передний фасад в два этажа, где устроены так называемые «номера» для путешествующих. Нижний этаж каменный, верхний — деревянный; крыша как у этого караван-сарая, так и у остальных домов деревянная, покрыта красной черепицей.

Зашел в отведенный мне «номер»: у наружной стены — нары, покрытые грязным войлоком, на полу — циновка из тростника; два окна с разбитыми стеклами — и все... Холодно и сыро значительно больше, чем на улице.

Через 10—15 минут принесли мангал, и на душе стало веселее. Мангал — это просто круглая жаровня с раскаленным углем; мангал является почти единственным способом хотя бы некоторого поднятия температуры в домах; в городах наряду с ним фигурирует железная печь, но в деревнях она является редкостью. В большинстве же деревенских домов не пользуются и мангалом, ограничиваясь одним очагом. Печей и каминов русского или европейского типа нет во всей Турции ни в городах, ни в деревнях.

Вышел посмотреть деревушку. В ней всего-навсего 37 дворов, есть несколько лавок, где, несмотря на наступление темноты, торговля в полном разгаре. Продается прекрасно выпеченный хлеб, баранье мясо, сухие фрукты, жареный горох, рис и разная мелочь. Око хлеба (около 3 фунтов) стоит 15 пиастров, мясо — 50 пиастров. Дома в деревне двухэтажные, дворов при них нет, в нижнем каменном этаже устроены стойла для скота. На дворе одного из постоянных дворов вижу многочисленную компанию ишаков (ослов) — это расположился на ночлег караван вьючных ишаков. Ослики почти все очень небольшого роста, но живые и проворные; поднимают они вьюк от 4 до 5 пудов весом. В общей совокупности местных перевозочных средств ишаки играют даже и при шоссе далеко не последнюю роль. Помимо нескольких караванов ослов за минувший день пришлось встретить один или два каравана верблюдов; на верблюдов навьючивают до 18 и 20 пудов; употребляют под вьюки также и лошадей и быков; на первых навьючивают около 8 пудов, а на последних до 6—7 пудов.

Обращает на себя внимание наличие среди погонщиков при ослах большого числа мальчиков и женщин. Объясняется это почти полным отсутствием в деревнях взрослого мужского на-

селения, мобилизованного на войну. Женщины одеты плохо, все носят широкие шаровары, в которые заправляется кофта; сверху имеется еще покрывало, которым при встрече с чужими мужчинами они прикрывают нижнюю половину лица; шаровары и покрывало обычно светло-серого с полосами цвета; кофты чаще бывают красные или коричневые. На ногах наверху разное тряпье, а вместо обуви служат кожаные, а иногда матерчатые туфли, вроде сибирских чунок.

Вернулся к себе, поужинал жареной бараниной, напился очень скверного чаю и улегся спать. Между прочим, турки совсем не умеют готовить чай; у них не в употреблении особые чайники; просто берут чай, заваривают его в какой-нибудь посудине и затем кипятят, как какой-нибудь суп; в результате получается что-то черное, горькое и ничего не имеющее общего с настоящим нашим чаем.

Ночь была не из особо веселых, так как мой «помер», кроме меня с моим спутником красноармейцем, был заселен изрядным количеством других живых существ, всюду сопутствующих несчастному человечеству. Впрочем, мы к этому соседству отнеслись довольно стоически, заранее зная о его неизбежности.

Выступили на утро около 8 часов. Я в это время свел знакомство с сопровождающими нас аскерами и устроил выгодную для себя комбинацию; сел верхом на лошадь одного из аскеров, а его посадил на свое место в язли. Ехать верхом было и гораздо приятнее и, что самое важное, гораздо удобнее в смысле всяких наблюдений над местной жизнью.

От Чикалла шоссе крутыми зигзагами поднимается на вершину хребта Хаджилер высотой в 270 футов.

Утро серое, туманное, но дождя нет. Дорога по-прежнему плоха, шоссе все в ухабах и покрыто толстым слоем густой липкой грязи. Подъем местами очень крут, и лошади с трудом тянут повозку в гору.

Странная манера ездить у наших арабаджи. С места почти всегда берут сильной рысью или даже вскачь, не считаясь с тем, идет ли дорога по ровному месту или в гору; проскакав так с версту, а в случае ровной местности и больше, делают коротенькую передышку и затем уже идут переменным аллюром, сообразуясь с характером дороги. Лошади поражают своей выносливостью. Обычно перегон в 50—60, а иногда 70 верст делается безостановочно. Таким образом лошади в течение 10—13 часов находятся в непрерывной работе, не считая небольших передышек в пути. Кормят их ячменем и битой пшеничной или ячменной соломой, называемой «саман».

Обогнув довольно высокую гору, дорога вступает в ущелье, по которому бежит небольшой ручей. Гора с той и другой стороны ущелья покрыта кустарником, который местами представляет почти непроходимую чащу. Такие места зовут здесь «урман». Преобладающей породой является тот же низкорослый дуб; местами видны небольшие рощицы сосен.

У подножия последнего и главного подъема на перевале с верховыми аскерами сворачиваю на боковую тропу, срезающую ряд зигзагов. У самого поворота натываемся на труп. Убитый — мужчина; одет в обычный костюм турецкого крестьянина — синие шаровары и куртка, на ногах — опорки; все — нищенского вида; у него разбит череп и видна пулевая рана в плече. Видно, что убит совсем недавно, за какие-нибудь полчаса или час до нашего проезда. Мои аскеры совещаются, и затем один из них слезает с лошади и, подойдя к убитому, расстегивает шаровары и начинает в них что-то шарить. Я наблюдаю и думаю: «Неужели же прельстились чем-нибудь из лохмотьев убитого?» Вдруг слышу, он произносит: «Рум...» — и с удовлетворенным видом садится на лошадь. Дело разъясняется: мои конвоиры хотели определить национальность убитого и сделали это по известному признаку, отличающему правоверных мусульман от христиан. Рум — это значит грек. Так турки и вообще жители Анатолии называют анатолийских греков в противоположность грекам собственной Греции, известным у турок под именем «юнан».

Трогаемся дальше. Место, видимо, неблагоприятное, так как начальник конвоя, пожилой усатый аскер с серьезным и строгим лицом, приказал всем конвоирам держать оружие наготове, а сам, положив винтовку поперек седла, поехал впереди, зорко осматриваясь по сторонам. Недалеко от вершины перевала стоит турецкая застава из двенадцати жандармов. Помещается она в маленькой полуразрушенной избушке. Такие заставы носят название «каракол» и расположены приблизительно в 10—12 верстах друг от друга. На караколе узнали, что на рассвете было столкновение с небольшой бандой греков, вышедшей на дорогу в поисках добычи. Виденный нами труп был брошен шайкой при ее отступлении.

Поднялись на самый перевал. Температура резко изменилась. В то время как внизу не меньше 8—10° тепла, здесь уже легкий морозец. Местами лежит снег; более же высокие вершины соседних гор сплошь покрыты снежным покровом. На вершине перевала почти в самом снегу сорвал бледножелтый цветок, известный у турок под названием «койунгезю» («бараний глаз»); по своей форме цветок действительно очень напоминает своего тезку.

Дорога от перевала Хаджилер идет вниз, спускаясь вплоть до селения Кавак, расположенного у его самой подошвы. В Каваке нам была приготовлена встреча. Нас здесь ожидали еще накануне. Встретили мюдир, члены волостного совета, воинский начальник и начальник жандармского отряда, стоящего здесь на охране. Пригласили в здание волостного управления, где для нас был приготовлен чай и завтрак. Видимо, местное начальство получило сверху строгое указание встретить нас как можно лучше, так как хлопотали и суетились все отчаянно.

В то же время чувствовалось, что им самим совершенно неизвестно, за какие такие заслуги выпадает на нашу долю этот почет. Во время чая и завтрака разговорились, познакомились друг с другом, рассказали о задачах нашей миссии и т.д. В результате двухчасовой беседы, вызвавшей у всех самый напряженный интерес и внимание, расстался уже настоящими друзьями. Пока мы пили чай, к зданию волости успела собраться большая толпа народу — солдат, крестьян, женщин. Обратился к ним с небольшой приветственной речью, встреченной чрезвычайно тепло.

Выехал из села, провожаемый приветствиями собравшихся поселян. Чувствовалось, что их отношение к нам определенно искреннее и дружелюбное.

Когда мы выехали из села, я спрашиваю у провожатых конвоиров: «Почему вы и вообще народ так хорошо относитесь к нам, русским и иностранцам?» Мне ответил один из них, Хамид, по национальности черкес из племени шансугов, очень разговорчивый и услужливый и довольно развитый аскер. «А как же, — сказал он, — иначе? Ведь теперь русские — наши друзья. Без вас мы бы давно уже пропали».

Объясняю про нашу революцию, Советскую власть и пр. Весь мой конвой слушает с жадностью и напряженным вниманием. Разговор идет через нашего переводчика, а частью непосредственно, причем я пользуюсь своим некоторым знанием киргизского языка, являющегося очень близким турецкому. Разговариваем дальше о жите-бытье в Турции. Расспрашиваю про жизнь солдат, крестьян, об их отношении к войне и пр. Все заявляют наперебой, что народ очень устал, воевать нечем, скота почти не осталось, работать некому. Один из аскеров, курд Халан, заявил, показывая на пальцах: «Солдаты еще 3—4 месяца повоюют и потом все уйдут». Двое ему возражают, говоря, что хоть и тяжело, а драться надо, так как иначе все равно конец. Между прочим, почти весь мой конвой по национальности состоял не из чистых турок, а из черкесов и отчасти из курдов. Это обстоятельство несомненно сказывается и на их отношении к войне, к правительству и пр. Как общее правило, черкесы не проявляют особой ретивости в отношении к ведущейся борьбе; они предпочитают служить в тыловых частях, а при посылке на фронт обыкновенно дезертируют. То же относится и к курдам. При всем том отношение к правительству и особенно к Кемалю⁵ хорошее.

От селения Кавак шоссе следует сначала по плодородной долине, затем отходит в сторону и пересекает горный хребет Кара-даг. Это довольно высокая горная цепь, вершины которой уже всюду увенчаны белоснежным покровом. Горы лесистые, но лес, как и в прочих местах, оставшихся сзади, невысокий, хотя чрезвычайно густой. В глубине ущелья, возле каменного моста, перекинутого через небольшой, но бурный горный ручеек, попадаем на ряд полуразрушенных, брошенных обитателями

построек. Это остатки больших каравап-сараев (ханы), уничтоженных налетами греческих банд.

Когда мы поравнялись с этим местом, Хамид, оживленно жестикулируя, принялся рассказывать, как орудовали и орудут здесь шайки греческих повстанцев. Укрываясь в глухих, недоступных горных тущобах, где живут в пещерах и землянках, эти банды преимущественно по ночам выходят «на работу», нападая на турецкие деревушки и проезжающих по дороге. Так как всё почти мужское мусульманское население ушло в войска, то эти нападения обычно кончались успешно, и в результате большинство турецких сел и деревень района оказались сожженными и разрушенными, а жители перебитыми. Правительство спарядило летом 1921 г. ряд карательных экспедиций, в свою очередь жестоко разделавшихся с населением всех греческих деревень района.

Разговаривая, мы поравнялись с каким-то селом, разбросанным на большом пространстве влево от долины.

«Бурада, бурада рум-кейю» (Вот, вот греческое село), — показал мне один из аскеров.

Я остановился, снял бинокль и внимательно огляделся. Село огромное, свыше трехсот домов; дома двухэтажные с каменным низом, крытые красной черепицей; оград нет; кругом могильная тишина, нет ни людей, ни животных, ни птиц. Сказал аскерам, что хочу посмотреть селение поближе. Свернули с дороги, переехали через ручей и поднялись на возвышенность, по склонам которой было раскинуто село. Перед глазами раскинулась картина ужасающего разрушения: двери, окна выбиты; около домов обломки разных предметов домашнего обихода, сельскохозяйственных орудий, скелеты животных и людей. Слез с лошади, заглянул внутрь одного дома: та же картина разрушения, запустения и те же остовы трупов, покрытых глеющими лохмотьями.

Едем дальше. Солнце уже склоняется к закату, и ввиду па-чипадает смеркаться. Погода к вечеру разгулялась, тучи рассеялись, воздух крепок и свеж, кругом картина дивно красивой природы, а здесь — смерть, разложение и сплошной дикий ужас. На душе становится тяжело, хочется поскорее выбраться из этой огромной, страшной своей тишиной и безмолвием могилы, и мы пускаем лошадей карьером.

Вот и вершина перевала. Здесь совсем свежо, дует не сильный, но холодный ветерок. Задерживаюсь на несколько минут, чтобы полюбоваться окружающей картиной.

А полюбоваться есть чем. Вправо и влево высятся белые вершины, уходящие зубчатой цепью в дальние дали; ниже полосы сплошных зарослей, там и сям разделяемые большими и малыми полянами. И вправо и влево виднеется ряд деревень, то разбросанных в горных ущельях, то избегающих вверх под самые вершины. Но, увы... Большинство из них, очевидно, представляют такую же картину, как только что виденное нами греческое село Карадак-Кей. По крайней мере, нигде не замет-

по никаких признаков жизни: не вьется над черепичными крышами дым, нет поблизости ни людей, ни животных, ни птиц и не видно, чтобы рука человека поработала над пашнями, прилегающими вплотную к домам. Только в одной деревне, расположенной очень близко к караколу, видны признаки жизни. Мои спутники объясняют, что туда недавно вселили турецких беженцев из Западной Анатолии, занятой греческими войсками.

Пока мы стоим на вершине перевала, весь наш обоз успевает тоже подняться наверх и ввиду приближения сумерек спешит поскорее добраться до места ночлега — Кавзе.

К Кавзе подъезжаем в сумерках. Верстах в трех от города нас встречают почетный караул из конных жандармов и все местные власти: каймакам, пачальник гарнизона, кади, городской голова и ряд других должностных лиц. Среди встречающих — военный врач, довольно хорошо говорящий по-русски. Оказалось, что он был у нас в плену во время империалистической войны, а затем попал в Баку во время оккупации его турками. Здесь он женился на русской, которая и теперь живет с ним в Кавзе.

Помещение для ночлега отвели нам в бане, являющейся вместе с тем и гостиницей. Баня устроена прямо над горячими ключами, бьющими из земли. Разойдясь по номерам, быстро приводим себя в порядок и являемся на обед, устроенный в нашу честь местным городским самоуправлением тут же в здании гостиницы.

Обед проходит оживленно. Усвоенный с самого начала тон простоты и откровенности уничтожил следы официальной напыщенности и формализма.

Интересуются, понятно, больше всего вопросами о нашем отношении к Турции; о задачах нашей миссии и т. п. проявили некоторую осведомленность. Информация черпалась ими почти исключительно из источников нам враждебных (беженцы русские, горцы и др.) и поэтому носила характер нагромождения всякой самой невероятной чепухи. Очень интересуются бытовыми вопросами — положением женщин, браком, домашней жизнью и пр. Внимательно присматриваются ко всем членам миссии, особенно к красноармейцам, к нашим внутренним отношениям. Между прочим, за обедом, как обычно, присутствует весь состав миссии, включая и красноармейцев. Такие отношения их несколько сначала, видимо, удивили, но затем, видя, что служебная дисциплина от этого ничуть не страдает и всякое распоряжение старших моментально исполняется, нашли, что это хорошо.

Врач Фикри-бей заявил, что у них в армии теперь тоже сравнительно с прежними временами произошел большой переворот. Отношение офицерского корпуса к солдатам гораздо проще, так же, как и между отдельными ступенями внутри самой офицерской среды. Рассказали о посещении Кавзы Мустафой

В одном из расширений этого ущелья попадаем в развалины какой-то большой деревни с остатками хороших домов не турецкого типа. История обычная. Здесь жили греки, поплатившиеся за участие в восстании. Вместо большого и, видимо, богатого селения с культурами садов и виноградников остались лишь груды развалин да следы вытопанных и выжженных насаждений.

Дорога отсюда круто поворачивает влево, следуя течению речки Чорак-Козю, текущей здесь по глубокому и узкому, чрезвычайно живописному ущелью. В целях сокращения дороги мы, верховые, двинулись напрямик горными тропами, что давало выигрыш в несколько верст. По пути ничего особенно интересного. Горы пустынные и безжизненные; нет ни кустарников, ни даже годной для пастбища травы; на протяжении 10—15 верст не встретили ни одной живой души.

Перевалив через эту горную цепь, мы вступили в область довольно обширного горного плато, пересеченного небольшими возвышенностями. В центре плато — неширокая болотистая долина, мы ехали самым краем ее и, несмотря на хорошую, сухую погоду, часто попадали на крайне топкие места.

Влево от нашей дороги осталось большое село. Когда мы проезжали мимо него приблизительно на двухверстном расстоянии, оттуда вдруг раздался выстрел, и вслед за тем выскочило около 15 всадников, поскакавших в противоположную от нас сторону. Мои конвойные жандармы моментально встрепнулись, выхватили винтовки и быстро прискакали ко мне (я ехал несколько впереди всей нашей группы). Спрашиваю жандармского офицера, в чем дело. Говорит, что не знает сам; быть может, бандиты, а возможно, что и жандармский отряд. Между прочим, район этот до сих пор неблагополучен по бандитизму, и старичок майор настоял на том, чтобы я взял с собой добавочных конвоиров во главе с офицером. Банды здесь не греческие, а преимущественно из дезертиров — турок и черкесов, особенно последних.

Дорога плоскогорьем идет примерно на протяжении 25—30 верст. К 4 часам вечера переваливаем небольшой гребень, служащий его северной гранью, и спускаемся вниз в широкую долину маленькой речки, на возвышенном берегу которой раскинулось большое село Бегюк-Яглы, цель нашего сегодняшнего путешествия. Вся долина хорошо возделана; виднеется много виноградников; есть и фруктовые сады, но мало. В деревню въезжаем при самом закате солнца. Большинство дворов уже на запоре; понятно, что это не столько от времени, сколько от испуга при нашем появлении. Но так как на дворе еще светло, то недоразумение быстро рассеивается, и все мы размещаемся по квартирам.

Утром 7 января встали все рано и, что самое главное, успели довольно быстро снарядиться в дальний путь. Следующая ночевка предстоит в Сунгурлу, резиденции каймакама. От Яглы

Кемаль-пашой, который провел здесь для лечения около двух недель. Жил он, по словам наших хозяев, очень скромно, за-просто посещал горожан, обходился просто с солдатами и вообще простым народом и приобрел этим большую популярность. В народе он известен просто под именем «паша».

Любопытно отношение к султану. Персонально не питают к нему ни вражды, ни ненависти, по считаются с ним столько же, сколько с прошлогодним снегом. Это относится не только к личности настоящего султана Магомета VI⁶, но и вообще к идее султана как таковой. Страна последние три года привыкла обходиться без султана и видеть, что от этого мир в своих основаниях не потрясся. Чувствуется определенно, что идея султанского абсолютизма среди анатолийского населения если не убита, то, во всяком случае, значительно подорвана.

Беседа затягивается до поздней ночи. Чувствуем себя обо-одно хорошо и остаемся в полном смысле слова друзьями.

Несмотря на позднее время, решаю побывать в здешней ба-не, пользующейся большой известностью во всей Анатолии. Ба-ня, как я уже сказал, устроена при горячих ключах. Ключ, собственно, один, по очень большой мощности. Он выбрасывает в сутки до 20 тысяч ведер воды. При выходе ключа из земли устроен большой крытый бассейн, из которого вода по ряду труб проведена в баню (числом три) и в некоторые другие учреждения. Температура воды в основном бассейне около 50—55°; при самом же выходе из земли около 65°. В общем бассей-не при бане она равна 30—37°, а в померных ваннах все еще выше 40°, так что воду в ванной приходится разбавлять холод-ной водой, иначе невозможно купаться.

Источник, по словам доктора Фикри-бея, углекислый с при-месью магнезии и железа. Точный анализ, по-видимому, никем не производился. По крайней мере, ни ему, ни вообще кому-либо другому в Кавзе неизвестен. Вода приятна на вкус и в ох-лажденном виде всеми употребляется в качестве питьевой. Врачами прописывается при желудочных и кишечных забо-леваниях. Как лечебные заведения, кавзинские бани всегда привлекали порядочное количество больных, особенно ката-ральных.

Баня оказалась не только без особых, а прямо-таки без вся-ких элементарных удобств. Отопления, понятно, нет; да в этом и не было бы, при наличии горячего источника, никакой пужды, если бы проводка труб была иной. При настоящем же положении вы из номера с температурой около 40° попадаете в раздеваль-ное отделение, где температура не выше 5—6°. Полы всюду камешные, что еще более усиливает разницу температуры.

Разговорился с банщиками. Их работа очень тяжела; рабо-чий день — 12 часов; платы от хозяина не получают, а живут за счет чаевых от посетителей за банное белье. Между прочим, белье расходуется в бане безмерное количество; идут в ход не простыни, а разной величины и формы полотенца кустарной

турецкой работы. На одного человека (сообразуясь с «саном») расходуется от 6 до 12 штук.

Переночевали отлично. Прекрасно выпались и отдохнули. Выехали в 10 часов утра. Провожать явились все начальство и много любопытствующих. Отношение к нам самое радушное, и мы чувствуем себя как среди своих. Особенно хлопотал и заботился о наших удобствах доктор Фикри-бей.

Дорога из Кавзы делает изгиб и затем идет высоким берегом реки Теркасан-су (древнее название Шейтан-Дереся). Для сокращения я, как обычно, с конвойными аскерами взял напрямком. Ехали по ущелью вдоль самой воды, причем не менее пятнадцати раз пришлось переправляться через реку вброд. Течение бурное, воды довольно много, но броды неглубокие, не выше чем по брюхо коню.

Проехали ряд маленьких поселков, скорее просто отдельных хуторков. Земли удобной мало; сеют пшеницу, ячмень, горох и фасоль. При некоторых домах есть садики, где растет айва, вишня, грецкие орехи, груши, сливы; винограду нет, так как для него здесь чересчур высоко. Видел небольшие пасеки; кавзинский район, между прочим, славится своим медом.

Верстах в семи от Кавзы шоссе тоже спускается к реке и идет по самому краю высокого берега. Ущелье в этом месте суживается, и вся местность становится удивительно живописной. Внизу ревет и пенится река, успевшая уже значительно вырасти благодаря ряду притоков, а по обеим сторонам высятся скалистые громады гор с вершинами, покрытыми снегом. День с самого утра стоит чудесный, небо без единого облачка; с утра несколько свежо, но с каждой следующей верстой, увозящей нас все дальше и дальше от Кавзинского плато, делается теплее и теплее. В 2 часа дня уже положительно жарко. В это время мы, оставив влево реку Теркасан-су, бегущую дальше к городу Амассиц, к реке Ишил-Ирмак, притоком которого она является, спускаемся в большую долину. Центр этой долины представляет плоскую возвышенность, на которой и расположен город Мерзифон, цель нашего сегодняшнего путешествия.

Движение по дороге в этот день гораздо оживленнее, чем накануне. То и дело попадаются караваны осликов, иногда верблюдов, еще реже лошадей; часты обозы из нескольких десятков особых двухколесных телег, запряженных буйволами. Повозки эти, по-местному каны, самого примитивного устройства, на деревянных осях, со сплошными, без спиц, колесами и чрезвычайно малой емкости. Кладут на них обычно 5—7 пудов, редко больше. О близости такого обоза вы узнаете еще издали — по отчаянному, разноголосому скрипу, издаваемому канями. К Самсуну везут ячмень, муку, шерсть, кожи, яйца; обратно — керосин, табак, спички, реже мануфактуру и другие галантерейные товары.

Чем ближе к Мерзифону, тем местность становится культурнее и богаче. Всюду хлебные поля; правда, большинство из

них в забросе. Во многих местах пахут. Разговаривал с рядом крестьян; познакомился с орудиями труда. Все примитивно до крайности.

Пахут при помощи сохи, запряженной чаще всего парой коров, реже буйволов. Соха, называемая здесь «сабан», часто не имеет даже железного наконечника и представляет простой заостренный кусок твердого дерева (кщыл). Вспашкой поднимается только разрыхленный верхний слой земли. Борола нашего типа не употребляется вовсе; вместо нее для большего разрыхления почвы пользуются особым орудием, называемым «талпан» и представляющим два деревянных бруса, соединенных в виде буквы «Г». Почва — красный суглинок, часто с примесью камней. Несмотря на примитивность обработки, урожаи хорошие — сам-10, 12, 15 и даже выше. Наших красноармейцев особенно удивляет то, что турки сеют и собирают хороший урожай с такой земли, которую они, прикидывая на свой российский и украинский масштаб, считают бросовой.

Заехал в несколько деревень. Одна из них оказалась курдской. Во всех убогие до нельзя постройки, отсутствие мужчин и большая бедность. Хлеб, впрочем, имеется везде, хотя и в небольшом количестве. Тип построек напоминает несколько киргизские зимовки в нашем Туркестане. Только вместо открытых загонов для скота, характерных для Туркестана, в большинстве домов имеются специальные закрытые стойла, составляющие переднюю часть всего крестьянского дома. Таким образом, прежде чем попасть в дом, вы проходите сначала стойло. Понятно, что нельзя воздухом в домах благодаря такому соседству похвалиться.

Крестьянские дома в этом районе одноэтажные, построены из камня с глиняной прокладкой; многие полуврыты в землю. Почти в каждом доме две половины — мужская и женская. Обстановки никакой; вдоль стен имеются глиняные нары, а на них циновки, войлок и паласы (круглые, довольно твердые подушки). В одной из стен устроен очаг; утвари почти никакой.

На земельную тесноту крестьяне не жалуются. Земли довольно; и с той, что есть, не могут справиться.

Заметна большая апатия; сказывается влияние непрерывных войн, окончательно придавивших к земле крестьянина и убивших веру в возможность спокойного, мирного труда. В деревнях немало нищих; в такое положение попадают почти все семьи, у которых работники погибли на войне, а таких очень много. Женский труд занял всюду первое место.

Женщины в деревнях держатся довольно свободно. От своих односельчан не закрываются вовсе, а от чужих прикрывают покрывалом нижнюю часть лица и то лишь первое время, для приличия. Одеты все очень бедно.

Около 4 часов дня подъезжаем к Мерзифону. Окрестности города положительно утопают в горах. Впечатление такое, как

будто бы находишься в самом разгаре весны. На полях там и сям группы пахарей. Воздух удивительно мягок и тепел. На лужайках, вдоль ручьев и речек — ковры изумрудной, свежей зелени; многие деревья сохраняют еще лиственный убор; на других же — набухшие, готовые распуститься почки. Всюду много виноградников, фруктовых садов и огородов. Кроме винограда разных сортов, видны огромные ореховые деревья, айва, слива, черешня, лавровишня, тут, джигда и пр.

В 4 верстах от города нас уже ожидала встреча. Так же, как и в Кавзе, встречать выехало все местное начальство... После взаимных приветствий сел в экипаж каймакама и поехал в город. Каймакам Ахмед-бей — интеллигентного вида и довольно развитой, понимает по-французски. С первого взгляда видно, что пользуется большим авторитетом и уважением со стороны подчиненных и окружающих его лиц. В отношении к ним прост, но без всякой фамильярности.

Приехали мы с каймакамом прямо к зданию канака (уездного управления). Здесь нас ожидала еще порядочная толпа разных чиновников и представителей местных общественных организаций.

Провели в оживленной беседе около часа и затем распростились, чтобы одеться к приготовленному в нашу честь обеду. Остановились мы в гостинице, тут же возле канака. Гостиница двухэтажная; верхний этаж занят под номера для приезжающих, а внизу большая кофейная. В кофейной масса народу, сборище объясняется особенным интересом, возбужденным нашим приездом. Некоторые из наших товарищей уже сидят среди публики и завязали знакомство. Турки народ степенный. Солидно спокойны и вежливы; в разговорах не навязчивы, хотя видно, что страшно интересуются всем, что связано с нами и нашим приездом. Кафе в Турции всё; оно заменяет клуб, читальню, библиотеку, театр, дает необходимое общество, является местом всяких сделок и пр. И все кафе во всякое время дня до поздней ночи полны посетителями. Кухни при кафе нет, и чтобы поесть, надо идти в специальные закусочные, которых тоже немало по всем торговым улицам.

За обедом, который был дан в том же здании канака, познакомился с неким Шефкет-пашой, старым турецким генералом, приехавшим по делам своей службы из Константинополя в Анатолию.

Для человека, мало знакомого с положением дел в современной Турции, но знающего о наличии там двух друг другу враждебных правительств — стамбульского (с султаном во главе) и аягорского, может показаться странной такая поездка «по делам службы» константинопольского чиновника в Анатолию. Неможно странным это первоначально казалось и мне. На самом же деле для турка все это в порядке вещей и никаких сомнений и вопросов ни в ком не возбуждает. Дело в том, что фактически султанское правительство — это миф, никакой властью даже

в Стамбуле оно не обладает; и его собственные чиновники в огромном большинстве слушаются не его, а Ангоры. Даже в самом составе правительства есть лица, определенно ориентирующиеся на Ангору. Таким образом делается понятным тот факт, что мой новый знакомый Шефкет-паша, начальник генерал-квартирмейстерского отдела турецкого главного штаба в Стамбуле, приезжает в Анатолию, подвластную правительству Великого национального собрания Турции, инспектирует подведомственные данному отделу учреждения, руководит их работой и пр. Причем все это, разумеется, делается уже от имени ангорского центра.

4. От Кескина до Ангоры

11/XII—13/XII 1921 г.

Около 6 часов вечера 11 декабря приезжаем в Кескин. Я с двумя сопровождающими меня аскерами несколько отстал от каравана и въехал в город получасом позже. Было еще светло.

В городе много зелени. Почти при каждом доме есть садик. Особенно много их у окраин. Растительность и фруктовые насаждения те же, что и в соседних районах: пирамидальный тополь, тут, джигда (лох), ива, айва, черешня, груша, яблоня, виноград.

Подъезжаю к канаку, отведенному нам для ночлега. У подъезда встречает каймакам. Это довольно молодой человек, высокого роста, с симпатичным лицом. Говорит немного по-французски и по-немецки. В канаке, как водится, страшно холодно и неуютно; обстановки никакой. Только в отведенную мне комнату успели притащить несколько ковров и подушек. Внесли горящие мангалы, и стало потеплее. Каймакам все время извиняется, что вследствие позднего получения известия о нашем приезде не успел встретить нас должным образом.

Через полчаса приходят новые лица — местный гражданский судья, муфтий и несколько офицеров. В числе их один инженер в чине подполковника, начальник Каскинского гильзо-снаряжательного завода. Завязывается оживленная беседа, которая продолжается и за ужином. Вначале несколько натянутое и официальное настроение быстро переходит в откровенное и чисто дружеское. Интересуются положением дел в России, на Украине, слышали про голод. Охотно отвечают на вопросы с нашей стороны. Особенно приветлив начальник завода. Он говорит, что происходит из семьи, имевшей уже давно связи с Россией, и что его отец даже жил некоторое время в Петрограде. Муфтий интересовался положением церкви и вообще религиозным вопросом в России. Выслушав мой ответ, остался вполне удовлетворенным.

Гости ушли поздно, около 10 часов. На дворе бушует ветер, идет сильный дождь; в комнате, несмотря на два мангала, отчаянно холодно, ибо дует всюду — сквозь щели в стенах, разбитые, слабо заклеенные бумагой оконные стекла и пр.

В 10 часов утра 12 декабря выехали из Кескина. Погода скверная. Дождь, шедший всю ночь, к утру перешел в снег, покрыл белым покровом не только уже вершины горных цепей, но и весь окружающий ландшафт. Только дорога резко выделялась своей извилистой темной лентой. Наша следующая остановка Яхши-хан, до которой считается от Кескина около 5 часов езды. От Яхши-хана начинается узкоколейная железная дорога, идущая вплоть до Ангоры.

Проглянуло солнце, и через каких-нибудь 30—40 минут под его довольно-таки жаркими лучами снежный покров всюду исчез. Лишь на северных склонах возвышенностей да в глубоких оврагах и ущельях, куда не проникают лучи, сохранилась снежная пелена. Я думал, что благодаря дождю и снегу предстоящий переход будет особенно тяжел. К счастью, эти опасения не оправдались. За исключением некоторых отдельных участков, грунт был всюду твердым, и, несмотря на отсутствие шоссе, ехать было сравнительно хорошо.

Дорога, начиная почти от самого Кескина и вплоть до Яхши-хана, идет под уклон. Верстах в двух-трех от Кескина она выходит в глубокую и узкую долину, по которой струит свои воды Кизил-Ирмак (Красная река). Кизил-Ирмак — Галис древних греков — является самой большой и многоводной рекой всей Малой Азии. Пробивая себе русло среди горных цепей, река редко получает возможность раздвинуться вширь и поэтому отличается сравнительно малой, при обилии несомой воды, шириной — около 30—35 сажен.

Кизил-Ирмак очень близко напоминает наши туркестанские реки Чу, Мургаб, Сыр-Дарью и Аму. Берега реки почти все время безлесны. Лишь иногда в низинах попадаются небольшие заросли ивняка и гребенщика, смешанные с камышом. Самая дорога довольно живописна, особенно в некоторых местах, где, лепясь по склонам гор, вплотную подходящих к реке, она почти нависает над самой водой. Места эти мне удивительно напоминали Боамское ущелье в Семиреченской области, по которому прорывается река Чу.

В 5 верстах от Яхши-хана нас встретил почетный конвой: несколько человек конных аскеров под командой офицера и какого-то гражданского чиновника. Дождь вновь полил как из ведра. Не вылезая из кибиток, обменялись приветствиями с конвоем и покатали дальше к Яхши-хану.

У самой реки на высотах правого берега раскинулось несколько домиков, составляющих станционный поселок. Вблизи станции через Кизил-Ирмак выстроен большой, на прочных бетонированных быках железный мост. В полуверсте от станции — порядочная деревня тоже по названию Яхши-хан.

Дождь перестал. У самой станции встречает местное начальство во главе с военным комендантом станции, старичком майором. Тут же выстроен почетный караул из пехотных солдат, стоящих на охране станции и моста. Одеты довольно плохо; лица

вялы и апатичны. Я обращаюсь к ним с приветствием по-турецки, что, по-видимому, было совершенно неожиданно и всех заставило встрепенуться. После краткого приветствия и ответа коменданта караул стройно прошел церемониальным маршем. Живут солдаты частью в палатках, частью в наскоро и кое-как оборудованных землянках.

Вхожу в станционное помещение. Тесно и грязно.

Выясняется, что выехать в Ангору удастся не раньше утра следующего дня, так как оттуда еще не успела прибыть высланная для встречи нас делегация от ангорского наркоминдела. Выехала она из Ангоры еще накануне, но по дороге с поездом что-то стряслось, и она застряла в пути.

Утром встаем очень рано. День хороший, безоблачный. С утра несколько подморозило; вероятно, было около 1—2° мороза. Явился представляться глава делегации, высланной из Ангоры. Это молодой человек 28 лет, хорошо говорит по-французски, бывал за границей. Состоит начальником личной канцелярии наркоминдела. Зовут Хасан-бей. Вместе с ним прибыл представитель от управления военных сообщений и еще какой-то чиновник.

Обменявшись приветствиями и выкурив по неизбежной папироске, начинаем собираться в дорогу. Поезд для нас уже готов и подан к станции. Он состоит из трех маленьких вагончиков трамвайного типа; паровоз крошечный, без тендера. Поезд разукрашен турецкими национальными флагами. К ним присоединился и наш украинский флаг.

Трогаемся в 8 часов... Не прошло 15 минут, как наш вагон стало мотать из стороны в сторону, а все, что находилось в нем, включая и нас, полетело в разные концы. К счастью, паровоз останавливается, и мы благополучно выбираемся из вагона. Оказывается, соскочили с рельс. Положительно нам повезло. Мы задержались как раз на самом крутом и опасном месте, на крутом обрыве, под которым внизу глубоко редела и пенчилась река. Наши сопровождающие сконфузились и, видимо, растерялись. Мы их утешили как могли, и все дружно взялись за постановку состава на рельсы. Так как вагончики были небольшие, то это удалось без особых хлопот. Катим дальше, но со скоростью только 4—5 верст в час. Дорога идет берегом Кизил-Ирмака по гористой, круто обрывающейся к реке местности.

Виды по сторонам дикие, урюмые, но чрезвычайно живописные. По дороге много туннелей — до шестнадцати. Большинство из них небольшие, но некоторые очень порядочных размеров; так, один имеет 421 сажень. Железнодорожная насыпь и туннели отделаны основательно и с таким расчетом, чтобы их можно было использовать и для нормальной колеи. Наши спутники с гордостью заявляли, что большой туннель так же, как и весь путь, строился исключительно турецкими инженерами.

Несмотря на принятые меры предосторожности, скоро еще раз сходим с рельс. Все и на этот раз обошлось благополучно, и ни один вагон не слетел под откос.

В расстоянии примерно 30 верст от Яхши-хана пересекаем реку Кизил-Ирмак. Переезжаем ее по временному деревянному мосту. Основной, железнодорожный, еще не готов.

Вторую половину пути едем значительно быстрее; временами развиваем скорость до 18 и даже 20 верст в час. Здесь нет таких крутых поворотов и извилин, как вначале, да и самый путь, видимо, в большом порядке.

Верстах в 10 от Ангоры попадаем в долину небольшой, но быстрой и шумной горной речки; это одна из двух рек, протекающих возле Ангоры. Долина, сначала очень узкая, постепенно расширяется. Вся она прекрасно обработана и покрыта пашнями, огородами и садами. Деревья не разнообразны; видны ива, тут, тополь; из фруктовых — яблони, айва, слива. Часто попадаются виноградники.

Наконец подъезжаем к самому городу. Он раскрывается как-то совершенно неожиданно и уже на самом близком расстоянии, не более одной версты. Вид города чудеснейший. Он расположен по склонам конусообразной горы, облепляя их со всех сторон, кроме северо-восточной, где гора обрывается круто к берегу той самой речки, вдоль которой мы ехали. Вершина горы увенчана остатком древнеримской крепости, зубчатые стены и башни которой еще поныне горделиво высятся над окрестным районом. Было 4 часа; солнце склонялось к закату. Низины уже были в тени, но зато тем красивее и ярче играли переливы света на крепостных стенах, белых минаретах и белых домиках города. Картина действительно была восхитительна.

Ровно в 4 часа подкатываем к ангорскому вокзалу, расположенному приблизительно на расстоянии версты от города.

Выходим из вагона и здороваемся с прибывшими для встречи заместителем народного комиссара иностранных дел Хикметбеем и ангорским вали. Затем идем к войскам. Обойдя фронт, обращаюсь к войскам и народу с приветственной речью. Как только я начал говорить, вся масса с разных сторон бросилась ко мне, и произошла порядочная давка. Видимо, такого рода выступления здесь не часты. Моя речь встречается очень тепло. И аскеры и публика нас радостно приветствуют, и мы среди аплодисментов и приветственных возгласов идем к выходу из вокзала, где для нас поданы экипажи.

Подъезжаем к будущему зданию нашего посольства. Это длинное двухэтажное строение, довольно обветшалое на вид. Расположено оно на самой окраине города и с трех сторон примыкает к турецким кладбищам. Вхожу внутрь дома — большой, холодный, совершенно без признаков мебели и жилья сарай. В одной лишь комнате поставлена железная печка, настланы на полу половники и поставлен колченогий стол с парой стульев. В эту комнату приходят вместе со мной сопровождавший меня вали и чиновник из наркоминдела. Они начинают извиняться за необорудованное помещение, ссылаясь на то, что в городе вообще у них трудно достать что бы то ни было. Я успокаиваю их и в

заклучение прошу позволения остаться одним, чтобы привести себя в порядок. Наша публика бродит по комнатам и старается как-нибудь разместиться. Все несколько поражены и удивлены, что нам здесь приготовили такие «пышные» хоромы; дело в том, что в провинциальных городах отводимые помещения были гораздо лучше.

Ну, ничего. Как-никак, а мы в Ангоре. Теперь начинается наша настоящая работа.

5. От Ангоры до Сунгурлу

5/1—8/1 1922 г.

5 января нового 1922 года, т. е. ровно через два месяца после нашего отъезда из Харькова, наша миссия тронулась в обратный путь.

Отъезд был назначен на 8 часов утра. К назначенному времени действительно все было готово, яэли поданы и караван сформирован. За полчаса до отъезда в здание посольства явились почти все высшие чиновники комиссариата иностранных дел во главе с наркомом Юсуфом Кемаль-беем⁷. Это было заключительным аккордом того исключительного внимания и уважения, с которым относились к украинской миссии в Ангоре. Обменявшись с провожающими последними добрыми пожеланиями и напутствиями и задержавшись еще на несколько минут из-за строивших наш отъезд фотографов, мы наконец двинулись в путь-дороженьку. Направление мы взяли прежнее, т. е. на Самсун, но маршрут предстоял несколько другой. Вместо того чтобы ехать, как это мы делали в прошлый раз, через Юзгад, мы двинулись теперь на Сунгурлу, что должно было значительно сократить дорогу.

Караван тронулся бойко. Погода пока что нам благоприятствовала. Уже третий день в Ангоре стояли ясные дни с сильным южным ветром, сухим, теплым, который моментально сметал не только с долин, но и с соседних гор только что выпавший перед тем снег. Дорога, представлявшая за два дня непроходимые болота, почти совершенно высохла, и ехать было сравнительно недурно.

Я и еще несколько товарищей поехали верхом. Решили так ехать, во-первых, потому, что считали этот способ передвижения по турецким дорогам гораздо более удобным, чем яэли, несмотря на большое расстояние (400 верст), а во-вторых, что самое важное, при поездке верхом мало связывается свобода движения и открывается гораздо более широкое поле для наблюдений.

Обогнав караван, мы в сопровождении шести конных аскеров, данных в качестве охраны, быстро двинулись вперед. Верст пять от города вместе с нами ехал выехавший проводить нас азербайджанский посол тов. Абилев⁸, удивительно симпатичный человек и прекрасный товарищ, оказавший украинской миссии массу всяких услуг за время нашей ангорской жизни.

Весь первый переход, почти до самого места ночевки, дорога шла параллельно уже знакомой нам по предшествующему путешествию узкоколейке Ангораа — Яхши-хан. Характер местности гористый; горы безлесные, только местами, в ущельях, имеются редкие поросли жиденького или корявого кустарника, главным образом карликового дуба. Местность, кроме ближайшего к Ангоре района, малопродуктивна; население очень редкое; деревень, начиная верст пять от Ангоры, ни по дороге, ни вблизи ее нет. Только к самому концу перехода мы проехали селение Эски-Юзгад. Обогнав караван часа на два, мы сделали остановку в этом селении. Остановились в кофейной, куда немедленно явилось все местное начальство... Дождавшись обоза, мы оставили Эски-Юзгад, провожаемые пожеланиями наших новых знакомых.

К вечеру, часов в 7, уже в темноте доехали наконец до места ночлега — деревни Кылыгыяр. Последняя часть перехода была особенно трудна. Ветер, дувший все время почти в лицо, значительно усилился к вечеру и на перевалах имел характер настоящей бури. Лошади продвигались с трудом. Не раз под сильным порывом ветра угрожала опасность сорваться вместе с лошадьми в какую-нибудь пропасть.

В Кылыгыаре, как водится, на улицах уже не было ни души. Неизвестно, к кому обращаться для размещения на постой. Несмотря на все старания наших конвоиров, долго не удавалось найти ни мухтара (старосты), ни кого-либо другого из местного «начальства»; наконец, при помощи извлеченного откуда-то старикашки стали размещаться по дворам.

Почти над всеми домами вился дымок, что указывало на то, что они обитаемы и что там не спят, и тем не менее, несмотря на отчаянные крики, оттуда ни звука, ни духа. Обозленные, продрогшие от холода аскеры с руганью начинают ломать в некоторых местах ворота. В конце концов при помощи все того же старичка, оказавшегося заместителем мухтара, и еще двух добытых с трудом «живых» людей и лошади размещаются по дворам.

Как оказалось после, в турецких деревнях всюду наблюдается такая картина. Объясняется это тем, что, во-первых, во многих домах нет мужчин, остались только женщины, а во-вторых, тем, что от всякого проезжего, имеющего оружие, будь это бандит или свой аскер, ничего доброго крестьяне не ждут, а посему с заходом солнца запираются и не подают признаков жизни. Познакомившись с нами и убедившись, что мы приехали с самыми мирными намерениями и что, пожалуй, даже от нас можно будет кое-чем поживиться, хозяева зашевелились и принялись помогать, чем могли.

Меня привлек к себе на квартиру уже знакомый нам старикашка. По каменной леснице взобрались на второй этаж. В нем три комнаты с маленькой передней. В одной, где поместили меня и трех моих спутников, имелись полы и деревянные нары; в

остальных и полы и нары глиняные. Скоро перезнакомились со всем домом. Кроме нашего хозяина-старика, в доме еще один мужчина — его 18-летний сын. Женского персонала довольно много: две жены хозяина, из которых одна совсем молоденькая, жена сына, какая-то старуха, затем живущая вроде как на пждивенни бездомная солдатка и несколько дочерей.

Пока варилась заказанная нами курица, завязалась оживленная беседа. Сидели в самой большой комнате — спальной, в собственно женской половине. Скоро в комнату явились посторонние, главным образом женщины. Беседа велась при помощи переводчика казанского татарина Исмаила, взятого нами из Ангоры. Исмаил попал в плен на германском фронте и проживал около 7 лет в Турции. Сначала хозяева, особенно женщины, дичились, но скоро освоились, перестали закрываться покрывалами и приняли живое участие в разговоре.

Говорили опять и о политике, и о крестьянском житье, о нашей революции, о деревенских обычаях, положении женщин и прочем.

За разговорами незаметно скоротали время до ужина. Ложимся спать довольно поздно. Ложимся не раздеваясь, так как по всем признакам нам угрожает ночная атака со стороны маленьких «друзей» человека — блох и вшей. Опасения эти подтвердились в полной мере. Утром встали до рассвета, ибо следующий переход до селения Яглы составляет 12—13 часов, т. е. около 75 верст, и надо отправляться в поход как можно раньше.

Несмотря на отданное накануне распоряжение о том, чтобы все было подготовлено к немедленной погрузке еще с вечера, выехать с рассветом не удастся. Наши арабаджи вообще довольно-таки кропотливый народ, ни быстротой соображения, ни особой энергией похвастаться не могут.

Не дождавшись конца сборов, выезжаю вперед. Небо чистое, но ветер, несколько приутихший ночью, дует с удвоенной силой. Дует он в самое лицо, и двигаться вперед очень трудно. Деревня Кылыгыляр расположена в долине между двумя хребтами на берегу небольшой, но шумливой речонки. В самой деревне и около нее много деревьев, виноградников; из плодовых вижу обычные для Анатолии айву, тут, яблони, груши, вишни, джигду; из остальных — тополь, иву.

Почти сейчас же за деревней начинается крутой подъем. Надо перевалить высокий горный хребет, у подножия которого расположена деревушка. Лошади плетутся с большими усилиями. Дорога ввиду крутизны все время идет зигзагами, местами она проходит возле крутых и глубоких оврагов и суживается до пределов проходимости одной лишь телеги. Чем выше в горы, тем порывы ветра становятся свирепее. Ехать становится положительно опасно; того и гляди сорвешься с дороги и покатышься вместе с конем куда-нибудь к черту на кулички. Раза три я едва смог удержаться. Особенно опасным был один момент, когда уже недалеко от вершины перевала на этой узкой дороге

нам попал навстречу огромный караван верблюдов. Резким порывом ветра в мое лицо и морду лошади бросило кучу песка и камней из-под ног шедших вверху в верблюдов; лошадь испуганно шарахнулась и, очутившись на краю пропасти, встала на дыбы. Пришлось пережить жуткое мгновение, но, к счастью, все обошлось хорошо. Не совсем благополучно проехали это место наши яэли; одну из них порывом ветра перевернуло и переломало колеса. К счастью для лошадей (седоки шли пешком), перевернулась она на таком месте, где лететь вниз пришлось не далеко.

Но зато какая прелестная картина открылась, когда мы добрались до самой вершины перевала. Только что взошедшее солнце залило ярким блеском вершины горных цепей, внизу, откуда мы поднимались, еще было темно, по другую сторону перевала вдали сверкала извилистая полоса — это река Кизил-Ирмак; вершины гор, покрытые снегом, горят нестерпимо для глаз; внизу по склону длинной-длинной вереницей тянется верблюжий караван, хвост которого, весь залитый солнцем, еще находится на вершине; кругом же все полно воем, свистом и стонами ветреной бури... Было только досадно, что сила ветра, достигшая на вершине ураганных размеров, не особенно-то позволяла любоваться развернувшейся картиной.

Начиная с перевала, дорога на протяжении 7 или 8 верст вплоть до Кизил-Ирмака все идет под гору. Реку переезжаем невдалеке от хорошо знакомой нам станции Яхши-хан. Здесь через Кизил-Ирмак перекинут единственный на протяжении многих десятков верст хороший мост.

По ту сторону моста нас встречает почетный караул во главе с нашим старым знакомым старичком майором, комендантом станции Яхши-хан. Уступая настоятельным просьбам его и других офицеров, заезжаем на несколько минут выпить стакан чаю.

Расспрашиваем про характер дальнейшей дороги. Говорят, что дорога благодаря сухому южному ветру поправилась, но что до намеченного пункта, до Яглы, нам добраться в этот день не удастся. Ответили, что будем пробовать, и откланялись.

В полутора верстах за станцией Яхши-хан дорога сворачивает круто на север. Этого поворота мы ожидали с величайшим нетерпением уже давно, так как он должен был поставить нас спиной ко все еще продолжавшемуся южному ветру. Вот и желанный поворот. После небольшого перевала дорога идет сравнительно широкой долиной речки Чорак-Козю. Долина очень живописна; там и сям виднеются рожицы тополей и между ними большие площади виноградников. Долина очень плодородна и представляет сплошное возделываемое поле. Деревни встречаются на расстоянии примерно 8—10 верст друг от друга. Это для Турции сравнительно очень близкие расстояния. Чем выше по течению речки, тем местность делается гористее, долна суживается и наконец превращается в горное ущелье.

ков минут, и мы бросаем якорь у того самого мола, на котором до сих пор лежат брошенные нами пароходы, рельсы и прочее имущество.

В Трапезунде на берег не сходил, так как чувствовал себя нездоровым. Вали прислал на пароход начальника жандармерии с приветом. Сам тоже болен и лежит в постели. Приехал наш трапезундский консул тов. Голубь¹⁰. Своей работой доволен; с местными властями как гражданскими, так и военными отношения установились хорошие; отношение к нам предупредительное.

В Трапезунде застали другой бывший наш пароход «Арагат». Плавает тоже под французским флагом. Стали мы борг о борт с ним, и конечно, моментально начались оживленные сношения. Настроение то же, что на «Мечте», все страшно озлоблены на «союзников», третирующих за границей своих бывших «белых» друзей, как париев. Жадно ловят все, что касается жизни в России.

К вечеру ветер стихает, и около 12 часов ночи мы трогаемся дальше на Батум. Хотя ветер и утих, но качает на море изрядно. Стоит то, что моряки называют мертвой зыбью. Возмущенное на большую глубину море долго еще не может успокоиться, и крупные волны, при полном отсутствии ветра, продолжают бороздить морскую поверхность. Качка при мертвой зыби, пожалуй, даже более неприятна, чем обыкновенная. Зыбь не стихает вплоть до конца перехода.

9 часов утра. Мы идем вдоль самого берега. Проехали Ризе, Атину, Хопу; еще час-полтора, и мы в Батуме. Вид на берег очаровательный. Эта часть турецкого побережья наиболее живописна. Горы здесь выше, чем в западных частях, и начиная с подошвы до самого верха покрыты лесом. Самый берег и нижняя часть гор ярко зеленеют, тогда как остальная часть и вершины ярко сверкают на солнце белыми покровами. Ризе и Атину — это родина померанцев, апельсинов и лимонов; отсюда их сотнями тысяч везут и к нам, в Батум, и в другие города турецкого Черноморья. Проходим мимо устья Чороха; в двух-трех верстах к югу от него проходит нынешняя граница Советского Закавказья с Турцией...

От устья Чороха до Батума всего 8 верст. А вот и самый Батум. Гордо поднимаем на мачтах российский и украинский флаги и как хозяева вступаем в пределы хотя и не своей формально, но глубоко родной и близкой по существу Советской Аджарии. Мы дома. Да здравствует родная Советская земля!

¹ Термен Ричард Иосифович (1870—?) на службе в русской армии с 17 лет; окончил Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генштаба, курсы восточных языков; генерал-майор (1915). Последняя должность с 20 июня 1916 г. — начальник штаба Азербайджано-Ванского отряда.

² Саид-бек — офицер французской службы, внук Имама Шамиля (1799—1871); был в 1920—1921 гг. одним из руководителей антисоветского мятежа в Дагестане, откуда бежал в Турцию, затем в Париж.

до Сунгурлу арабаджи считают 13 часов езды; дорога не особенно хорошая, и, стало быть, переход предстоит тяжелый. С рассветом моросил дождь, но к восходу солнца перестал. Дорога размякнуть не успела, и паш караван двинулся при самой благоприятной обстановке. Как и накануне, я с жандармами, с Андерсом и Мухиным, двумя красноармейцами-кавалеристами поехал не главной дорогой, а боковой, горами. Долина речки или, вернее, ручейка, у которого расположено село Бегок-Яглы, выходит в другую, гораздо более широкую (от 3 до 4 верст) долину, по которой быстро несется довольно многоводная речка под названием «сумасшедшая» (Наджет), прозванная так за стремительность течения.

Приблизительно через полтора часа после выезда с места ночевки мы стали подъезжать, двигаясь по небольшим перевалам и ущельям, к большой турецкой деревне Карабекир. Между прочим, эта деревня является родиной знаменитого турецкого паши Казима Карабекира, который в настоящее время командует войсками восточно-турецкого фронта. Когда мы были уже на расстоянии одной-полтора верст от деревни, поднявшись на вершину предпоследнего перед деревней гребня, вдруг оттуда послышалась частая стрельба. Жандармский офицер с испуганным видом подскочил ко мне и попросил спуститься вниз, в лошину. Сам же, выслав трех аскеров вперед, с остальными (всего 10—12 человек) раскинул цепь и в таком порядке стал медленно продвигаться к деревне. Я с товарищами следовал за ними, наблюдая за разворачивающейся картиной. Стрельба то утихает, то вновь разгорается. Как будто палат по нас, но странно — не слышно совершенно знакомого уху жужжанья пуль. Поднимаюсь на последний гребень, от которого до деревни не более $\frac{3}{4}$ версты. Стрельбы не слышно; наши аскеры продолжают лавой двигаться к деревне, с винтовками в руках. Вдруг передние останавливаются, что-то кричат и затем надевают винтовки за спину. Очевидно, тревога ложная; так и есть. Из села показывается большая толпа народу с флагами, с разноцветным тряпьем, окружающая две закрытые пологом повозки, запряженные буйволами. Слышны звуки какой-то музыки. «Дюю юн», — говорит мне аскер, с которым я поравнялся. Оказывается, это свадьба.

Въезжаем в село. В центре его нас встречают почетные старики, мухтар и несколько офицеров. Просят выпить чашку чая.

Слезаем с лошадей и начинаем говорить о происшедшем недоразумении. В это время все свадебное шествие вернулось обратно в деревню и по моей просьбе направилось к нам. Впереди шли музыканты, два старика, из которых один с ожесточением дупил в большой барабан, а другой выводил однообразный мотив на тростниковой дудке. Вслед за музыкантами двигалась группа молодежи, выделявшаяся на ходу, взявшись за руки, на пространстве в Турции народного танца лазов. Дальше двига-

лись две телеги, в одной из которых сидела разукрашенная невеста, в другой — ее подружки. Это была часть свадебной церемонии, заключающаяся в прощании невесты со своей прежней жизнью. После объезда села она должна была приехать в дом жениха. Самого жениха здесь не было; он ожидал невесту у себя дома.

Шествие все остановилось около нас; образовался большой круг, и в середине его танзоры под аккомпанемент еще более освирепевшей музыки принялись разделять свой танец. В общем, танец довольно прост; все движения сводятся к прыжкам вперед и затем назад и покачиваниям на месте; только роль ведущего танец, крайнего в цепи, несколько сложнее, и он выделяет более сложные па; все движения плавны и медлительны.

Тем временем привели и жениха; это был почти совсем мальчишка, лет 17; одет довольно бедно и вовсе не по-свадебному; обратили внимание все на его руки — невозможно грязные, не мытые, видимо, со дня рождения. Невеста тоже очень юна — ей 15 лет, довольно хорошенькая.

Совершенно неожиданно сымпровизировался митинг; народ горячо приветствовал нас; кричат здравицу Украине, России, Красной армии и т. д. Наивысшей восторженности достигло настроение, когда я дал золотой невесте и несколько лир музыкантам и плясунам. Провожаемые радостными криками, мы вошли в дом, где для нас приготовили чай.

Вся деревня живет сносно; земли хватает, хлеб пока есть; трудно с одеждой и обувью; также нет абсолютно железа. Распрощавшись с хозяевами, едем дальше, провожаемые всей деревней.

После полудня погода изменяется. Все небо заволакивается тучами, и начинается дождь. Дождь теплый, совсем не зимний и не осенний. Но для нас, тем не менее это весьма нежелательная вещь. Грунт быстро размокает и превращается в какую-то густую, тягучую жидкость — кашу, из которой лошади и люди с трудом вытягивают ноги. На наше счастье, к тому времени, когда дождь разошелся вовсю, мы успели сделать большую часть пути и до Сунгурлу оставалось не более 8—10 верст. Но и эти версты достались нам очень дорого. В то время как предшествующие 50—60 верст наш караван сделал в 7—8 часов, на оставшуюся часть пути ушло почти столько же времени. Только поздним вечером, уже в темноте, прибыл к месту почевки наш обоз. Что касается нас, верховых, то мы приехали значительно раньше, еще до наступления темноты.

При въезде в город, несмотря на проливной дождь, нас встретил почетный караул из конных аскеров. В центре города, на площади перед каймакамом, тоже караул уже из пехотных солдат, толпы народа и местная власть.

Всю ночь, не переставая, шел дождь. Согласно принятому на кануне решению, поднялись задолго до рассвета, с тем чтобы

успеть сделать за день большой тяжелый переход до Чорума. Расстояние при хорошей погоде определялось шоссейной администратцией в 13 часов. Дождь спутал все расчеты, и местные власти уверяли, что мы до Чорума не доедем. Военский начальник говорил, что нашим яэли лучше всего ехать на Аладжу. Этот путь будет длинее верст на 15, зато он скорей выведет на шоссе. Предоставив окончательное решение вопроса о выборе направления нашему коменданту Гассан-бею, я с верховыми и несколькими конными аскерами выехал прямой дорогой на Чорум.

6. От Сунгурлу до Самсуна

8/1—13/1 1922 г.

Было еще совсем темно, дождь перестал, но все небо было сплошь покрыто тяжелыми тучами. По узким извилистым и очень скверно вымощенным улицам города пришлось ехать с фонарями.

Наконец выбираемся за город. Часы по московскому времени показывают 6 часов 15 минут; по-турецки «алда франга» — это будет 5 часов 30 минут. По-прежнему ничего не видно, и приходится полагаться исключительно на чутье лошадей. Местность за городом низменная, и грязь на дороге невероятная. Лошади то и дело спотыкаются и обдают при этом фонтанами воды и грязи; а то еще хуже — завязают почти по брюхо в грязи и с величайшим трудом выползают на более твердое место. Нередко то тот, то другой из спутников летит вниз кубарем вместе с лошадыю. Меня сия участь, к счастью, не коснулась. После 7 часов начинает слегка светать, уже можно различать дорогу. Местность делается более возвышенной, и самый грунт становится тверже; мы едем небольшими горами, хорошим редким ковылем. По дороге проезжаем несколько деревень. Жители, как водится, сначала нас пугаются, а потом успокаиваются. Живут сносно; земля кругом очень плодородна; держат много птицы. К 11 часам добираемся до начала довольно высокого горного перевала Карабудаг-Богаз; поднимаемся узким ущельем, на дне которого бежит ручей. Чем выше, тем температура заметно изменяется; во многих местах, укрытых от солнца, лежат снег и лед. Оба склона ущелья покрыты густой растительностью: дубняк, гребенщик, шиповник, местный вереск и небольшие рощицы сосен. Местная сосна, между прочим, отличается от нашей своей необычайной смолистостью и значительно более длинными иглами.

На вершине перевала нас застает снежная буря. К счастью, она налетела как вихрь и так же быстро пронеслась; шел, собственно, не снег, а что-то вроде крупы. Противоположный склон точно так же был покрыт густой растительностью; сосны встречались все чаще и чаще и местами образовывали целые

полосы соснового бора. На протяжении более чем 10 верст дорога идет узким и глубоким ущельем. Едва заметный ручеек, струившийся по ущелью у вершины перевала, чем дальше, тем больше и больше разрастается и у деревушки Кара-Гисар превращается в бурную и стремительную горную речку, через которую с опаской приходится переправляться вброд.

В деревушке Кара-Гисар делаем маленький привал, чтобы подкормить лошадей и напиться чаю. Деревня маленькая, всего 25 дворов; жители — турки; живут крайне бедно, так как удобной для земледелия земли мало. Мужчин в деревне почти нет, все ушли в войска. Деревня, несмотря на свою бедность, уплачивает довольно значительный налог натурой. За полгода она внесла 5 коров, 50 овец, 5 пар упряжных буйволов; лошадей нет совершенно. Беседовали с женщинами и единственным мужчиной в цвете лет — безногим солдатом, потерявшим ногу еще во время империалистической войны при защите Дарданелл. Очень тяжело жить женщинам, мужья которых на войне. Им не оказывается никакой помощи не только от государства, но и от своих односельчан, где имеются мужчины. Впрочем, последних так мало, что в этом отношении все семьи в деревнях находятся почти в одинаковых условиях.

В час дня трогаемся дальше. Дорога идет вдоль той же речки, имени которой не могли назвать сами местные жители. Ущелье, по которому она течет, все больше и больше расширяется и наконец выходит на обширную долину с той же характерной для Турции жирной и вязкой суглинистой почвой. Эта долина почти сплошь занята деревнями черкесов, выходцев из России. В деревнях еще теперь есть в живых много стариков, отлично говорящих по-русски. Встречали они нас удивительно гостеприимно; нигде ни за что не хотели брать никакой платы. Очень интересовались событиями в России и особенно на Кубани и в Терской области.

Около 5 часов вечера выехали на знакомое уже нам шоссе Самсун — Юзгад.

В 6 верстах от Чорума нас встретил почетный караул в составе кавалерийского полубатальона под командой самого юзбаши (капитана), который встречал нас на первоначальном пути под Аладжой. Тут же были представители местной администрации — секретарь мутесарифа, городской голова, начальник жандармов, городской муфтий и др. По этой встрече мы сразу же почувствовали, что и в Чоруме, столь неблагоприятно встретившем нас в прошлый раз, ветер дует в другую сторону. Действительность вполне оправдала эти предположения, и мы таким образом имели возможность еще последний раз убедиться в том, что съездили в Ангору недаром. В Чорум приехали уже в темноте. Приехали в самом невозможном виде — мокрые, обрызганные грязью с головы до ног. Поэтому, приехав в известную уже по прежней остановке гостиницу, принялись приводить себя в порядок. В 8 часов предстояло явиться на торжественный бан-

кет, устроенный в нашу честь местным городским самоуправлением в помещении городской управы.

В гостинице нас встречали как своих людей; прислуга, мальчишки — чистильщики сапог с самым радостным видом носились сломя голову, стараясь чем-нибудь услужить. К 8 часам мы были в относительно приличном виде и могли отправиться на банкет.

В богато убранной коврами большой приемной городской управы нас уже ожидали все местные власти — мутесариф, начальник гарнизона, комендант города, члены городского самоуправления, окружного суда, местного комитета «Защиты прав» и т. д.

После обычных вопросов о здоровье, условиях путешествия и пр. беседа переходит на политические темы. Говорим о взаимоотношениях между Турцией и Советской Федерацией, об отношениях с Антантой, турецко-украинском договоре и пр. Все присутствующие слушают с напряженным вниманием. Беседу ведут мутесариф и начальник гарнизона, хорошо владеющий французским языком. Несколько вначале официальная беседа вскоре принимает откровенный и сердечный характер. Чувствуется, что атмосфера самая дружеская. Вопросы задаются самые разнообразные и на самые щекотливые темы. Общее оживление дарит среди нас к моменту начала обеда.

Обед, как и все подобные обеды, тянется долго. Подают бесконечное множество разных блюд, к большинству которых приходится притрагиваться лишь из вежливости, ибо все это рассчитано на прочные, хорошо «луженые» турецкие желудки, а не на мою грешную утробу. Почти все кушанья кислы, много сладких блюд. Зато наши красноармейцы наслаждаются вовсю. Между прочим, поражаюсь, с каким тактом они себя держат; а так как разницы в одежде между нами нет, то все они у нас всюду сходят за самых заправских дипломатов.

Ночевка в отеле вышла не из особенно удачных. Пришлось почти всю ночь воевать с непрошенными обитателями моей постели и одежды, не то привезенными мной с предыдущих ночевок по деревенским хибаркам, не то местными, «туземного» происхождения. Во всяком случае, чувствовал себя ночью довольно кисло.

Следующий день (9 января) решили сделать дневку, чтобы дать отдых себе и особенно лошадям, а вместе с тем дождаться каравана. О последнем не было ни слуху, ни духу. Я предполагал, что он ночевал в Аладже, но по справке, полученной из канцелярии мутесарифа, его там не было. Оставалось предположить, что он, невзирая на погоду, двинулся вслед за нами прямой дорогой. Так и вышло. Около 4 часов дня прибыла первая подвода; следом за ней стали подтягиваться и остальные. Каравану выпала жестокая доля; лошади выбились из сил, люди измучились, часть даже, по-видимому, так и застряла по дороге в грязи. Только поздней ночью подтянулось большинство подвод.

О возможности продолжения путешествия без отдыха не могло быть и речи. Поэтому наша конная группа решила выехать вперед, с тем чтобы, если понадобится, соединиться на третий день перед Самсуном.

В ночь с 8-го на 9-е выпал большой снег, покрывший белым покровом и город, и равнину, на которой раскинулся он, и все окружающие горы. День 9 января был ясный, ярко солнечный, и к 3 часам дня ни в городе, ни в долине снегу уже не было. За ночь подморозило, и мы тронулись в путь при температуре не менее 7—8° холода. Когда мы поднялись на вершину первого горного хребта на пути к Мерзифону, стало еще холоднее. Наверху все было бело от снега и дул резкий, пронзительный ветер. К полудню солнце стало вновь пригревать, и когда мы пересаживали второй перевал к Мерзифону, то было уже тепло и снег даже на горах удерживался лишь в затемненных от солнца местах. Когда же мы выехали в Мерзифонскую долину, то было уже совсем тепло и ничто не напоминало о зиме.

По дороге сделали маленькую остановку в одной деревушке. Поразительна выносливость турецких ребятишек к холоду. Я видел картину, как мать, разоблачив маленького годовалого ребенка от всяких следов одеяний, положила его прямо на снег для «нужного дела», а тот хоть бы что. Во всех деревенских домах нет никаких печей — ни каменных, ни железных; место их занимает очаг, устроенный у одной из стен, наподобие наших каминов. Холод и сырость в плохую погоду дают себя чувствовать всюю, а детям хоть бы что. Если верить показаниям крестьян, то и болезням, и смертность среди детей очень невелики. Та же черта у взрослых. Я видел по дороге сплошь и рядом погонщиков верблюдов и т. д., вышагивающих босиком самым спокойным образом по снегу в течение целых часов. После этого становится понятным то ни с чем не сравнимое терпение, с которым турецкий солдат, разутый и раздетый так, как мы, русские, уже, кажется, выдерживает всякие виды, и представить себе не можем, выносит тяготы зимней кампании на фронте.

В сопровождении встретившего нас в 10 верстах от Мерзифона отряда конных жандармов мы быстро двигаемся к Мерзифону.

Дорога подсохла; можно ехать стороной, не по шоссе, и мы имеем возможность ехать переменным аллюром.

В 3 верстах от города нас встречают все местные власти во главе с оставившим после первого же знакомства самое приятное впечатление каймакамом Хасан-беєм. В Мерзифоне нас тепло встретили и в прошлый раз. Но настоящая встреча далеко оставила ее за собой. В город мы въехали еще довольно рано. Начиная от окраины города и до самого центра, где помещается здание канака, нас встречала и провожала толпа народа. На улицы, видимо, высыпало все население. Вся площадь перед канаком, где мы остановились, была запружена народом. Пришлось устроить митинг. Моя речь, сказанная с балкона, была по-

крыта громкими аплодисментами и долгими криками в честь Украины и России.

На другой день та же картина. К моменту нашего отъезда вновь собралась огромная толпа народа, прибыли учащиеся местного лицея, масса женщин и т. д. Мы себя чувствовали положительно завоевателями Мерзифона. Снявшись по просьбе учеников вместе с ними, тронулись дальше на Кавзу, где нас тоже ожидали наши кавзинские друзья — местный каймакам Ахмет-бей и милый, трогательно-внимательный доктор Фекри-бей, женатый на нашей бакинской землячке.

Погода чудесная; солнце светит и греет, как у нас в мае; дорога идет почти все время живописным ущельем, по которому с шумом и ревом катит свои воды довольно значительная река Тересанам-Чай. Местами дорога проходит по самому краю обрывистого берега реки, поднимающегося над водой на несколько десятков метров.

Перегон от Мерзифона до Кавзы небольшой, всего 35 верст, и мы около 4 часов вместе с выехавшими нам навстречу нашими друзьями проезжаем в Кавзу...

Напившись чаю и наговорившись с нашими приятелями, среди которых мы чувствовали себя буквально как дома, мы поспешили домой, где все уже было готово для купания в кавзинской бане с ее знаменитыми горячими источниками.

Около 12 часов 12 января выехали на Кавак. Верстах в десяти от Кавзы встретили небольшую группу, человек в 60—70, только что положивших оружие греков. Все истощены до последних пределов. Лица измождены, худые; иные прямо похожи на скелеты. Вместо одежды на плечах болтаются какие-то лохмотья; на ногах у большинства нет даже тряпок. В середине группы высокий худой священник в камилавке. Погода не особенно теплая; дует холодный ветер, и вся толпа, подгоняемая конвоирами-солдатами, вприпрыжку бежит к Кавзе. Некоторые, увидя нас, стали громко плакать, вернее, выть, так как вырывавшиеся из их грудей звуки скорее походили на вой затравленного зверя. Я немножко задержал группу; сопровождавший меня аскер приказал конвоирам, чтобы они не смели бить, и печальное шествие снова возобновилось.

В Кавак приехали в сумерках. Квартиру нам отвели в доме первейшего здешнего богача, 72-летнего старика Хаджи-бея.

Дом действительно богатый; масса прекрасных ковров, зеркал. Есть даже мебель, чего почти нигде, даже в Ангоре, не приходилось встречать. Главное богатство старика — в земле и скоте. Земли, впрочем, у него вовсе не так много — всего 300 деюм, т. е. около 30 десятин. Скота прежде имел много, теперь же осталось столько, что едва хватает для обработки земли.

Старик еще крепкий, бодрый мужчина; имеет семь сыновей, из которых старшему 55 лет, а самому младшему — 32. Всех сыновей держит в страхе божьем, и они все вместе образуют единую патриархальную семью, хотя пятеро живут в особых

домах. Хаджи-бей женился, имея всего 14 лет от роду; женой взял девушку старше себя на 4 года и прожил с ней в согласии весь свой уже немалый век. Жена, тоже довольно еще крепкая старуха, жива и теперь. На мой вопрос, сколько он имел жен, старик с гордостью заявил: «Только одну и сейчас тоже с ней живу». Оба работают до сих пор дома, и в доме из посторонних есть только одна женская прислуга.

Поздно вечером в Кавак прибыл наш караван. Оказалось, что они решили сделать перегон прямо из Мерзифона в Кавак (около 75 верст), не останавливаясь в Кавзе. Таким образом, на другой день в Самсун тронулись вместе.

Из Кавака выехали 13 января в 7 часов. Дождя нет, но небо покрыто тучами и дует холодный, пронзительный ветер. Выехали несколько позднее наших повозок. Некоторые успели обогнать нас версты на четыре. Вместе с нами из Кавака выехал воинский начальник, майор, наш знакомый еще по первому проезду через Кавак. Жалуется на тяжесть службы в этом районе, где свирепствует бандитизм.

Почти сейчас же за Каваком начинается подъем на высокий перевал Хаджилер, Вверху, несмотря на проглянувшее солнце, холодно чертовски благодаря резкому, пронизывающему ветру. На вершине перевала встречаем какой-то обоз. Вглядываюсь — в открытых повозках сидят и лежат закутанные в черное женские фигуры. Среди них виднеются дети. Те и другие одеты плохо и дрожат от холода. Смотрю дальше: какой-то солдат, идущий сзади одной из повозок, поднимает маленькую девочку в лохмотьях и сажает на телегу. Та, вся синяя от холода и дрожа всем телом, прячет голову под лежащее на телеге сито. Я в недоумении спрашиваю майора, что это такое; тот отвечает: «А это везут семейства бандитов; их переселяют в Аманию».

В угрюмом молчании продолжили мы наш дальнейший путь к Самсуну. Всюду следы разрушений. На каждой высоте патрули. Часовые напряжены. Чувствуется, что где-то тут, рядом, скрывается враг. Этот путь на всю жизнь останется памятным мне. На всем его 30-верстном протяжении непрерывно попадались трупы. Я лично насчитал их 58. Много со следами насилия и надругательств. В одном месте наткнулись на труп девушки-красавицы с отрезанной и вложенной в руку головой. В другом — на труп прелестной белокурой девочки лет семи-восьми, с голыми ножками, в одной рубашонке. Девочка, видимо, плакала, уткнувшись лицом в землю, и так и осталась лежать, пригвожденная к земле штыком аскера.

Вот и Самсун. В двух-трех верстах от города нас ожидает встреча. Выстроен почетный караул; тут же сам мутесариф и начальник 10-й дивизии. С ними еще какая-то фигура европейского типа. Подъезжаем, оказывается, тов. Аралов⁹, вновь назначенный полномочным представителем РСФСР в Турции.

Под впечатлением только что виденных картин встреча с самсунскими властями вышла более чем холодной. Сев по пригла-

шению мутесарифа вместе с ним в его автомобиль, я прежде всего рассказал ему о всем виденном и попросил немедленно же принять меры к расследованию поведения конвоя, а также дать соответствующие указания властям по пути дальнейшего следования переселяемых. Ферик-бей чрезвычайно взволнован и заявляет, что он сейчас же сделает все, о чем я говорил. Далее он сказал, что около восьмидесяти детей-сирот из этой группы по его распоряжению было оставлено в Самсуне на попечении американской краснокрестной организации; остальных же детей отдавали матерям. С партией отправлен специальный врач, и вообще им сделано было все, что только возможно при таких обстоятельствах. Но, очевидно, заявил он дальше, настроенные аскеров и турецких крестьян такое озлобленное, что ими, вопреки распоряжению властей, допускаются жестокости. Далее он пояснил, что последнее время территория Самсунского санджака вновь охвачена сильной вспышкой греческого бандитизма; бандами сожжены ряд турецких селений, произведен ряд налетов на тракт Самсун — Ангора, почти ежедневно убивается по нескольку человек аскеров, и вообще проявляется самая энергичная деятельность. В связи с этими обстоятельствами им и пришлось пойти на такую решительную меру, как выселение всего греческого населения в глубь страны.

Все эти объяснения, несомненно, были верны. Следы разрушений я видел собственными глазами, точно так же как и сверхординарные меры, принятые по охране тракта. На расстоянии каждой версты друг от друга — полевые караулы; на каждой десятой версте — застава в одну-две роты с окопами, проводочными заграждениями и пр. И всюду напряженно-тревожное настроение. Тем не менее я не мог подавить чувство нравственного возмущения виденным, и наша беседа с Ферик-беем была очень холодна и патянута.

Весь город в нашу честь был разукрашен флагами; погода к вечеру установилась чудесная, и по всему городу нас встречала и провожала многочисленная толпа народа. Но когда я смотрел на эти разряженные по-праздничному толпы, я видел фигуры замученных, оставшихся сзади, и мне хотелось только одного — скорее, скорее вернуться в нашу голодную, нищую родину, где тоже так много горя, так много страданий, но где чувствуется биение живой, стремящейся к лучшему народной души, где национальный вопрос разрешен в совершенно иных формах.

К нашему величайшему удовольствию, на Самсунском рейде стояло наше собственное судно, доставившее в Самсун российскую миссию; тот самый пароходик «Феликс Дзержинский», на котором мне уже пришлось как-то совершить плавание из Одессы в Тендру для посещения нашей черноморской эскадры.

Таким образом, можно было уехать уже на завтрашний день. За ночь мы успели обменяться с членами вновь прибывшей миссии всеми впечатлениями и новостями и поговорились досыта. С утра же поспешили перебраться на наши собственные владения

под сень российско-украинского флага, развевавшегося на мачтах «Феликса Дзержинского».

На Самсунском рейде по-прежнему стоял американский контрабандосец; кроме него неподалеку от «Дзержинского» стоял бывший паш пароход «Мечта», теперь плавающий под французским флагом. Вся судовая администрация и большинство из команды на «Мечте» — русские; представителем Франции является француз комендант, наблюдающий за поведением экипажа. Несмотря на это, между командами пароходов установилась связь. На «Мечте» страшно интересуются положением дел в России; просят дать газет; жалуются на тяжелые материальные и моральные условия своей жизни за границей, говорят, что весь состав судовых команд наших, захваченных Врангелем пароходов только и живет надеждой на возврат на родину; смущает многих лишь опасение нашей «чека». По Черному морю вообще плавают немало наших бывших судов под флагами разных государств, чаще всего французским. Некоторые из них заходили и заходят и на советскую территорию, в Батумский порт.

7. Самсун — Батум

14/I—15/I 1922 г.

Около 3 часов после полудня 14 января снимаемся с якоря. Погода благоприятствует, хотя барометр угрожающе падает. Капитан боится, что мы попадем под сильный норд-вест. Наш «Дзержинский», по существу, не приспособлен плавать по морю, это простой речной колесный пароход. Но к его чести надо сказать, что всего за две недели перед тем на пути из Одессы в Батум он попал под сильный шторм и, по словам капитана, из испытаний вышел с честью. Но так как играть судьбой не рекомендуется, то капитан предупредил, что в случае сигнального норд-веста он будет стремиться укрыться в каком-нибудь ближайшем турецком порту.

4.30. Пока что плыть хорошо. Начинает смеркаться, и Самсун чуть-чуть виден, белея своими домами на покатых склонах прилегающих к рейду гор. Прямо против нас неподалеку от берега, в горах виднеются два громадных пожара; то горят две какие-то деревни, расположенные верстах в четырех-пяти друг от друга. Кто их зажег: греки ли, мстящие за насильственное выселение из родных очагов, или турки — мы не знаем. Только это мрачное зрелище является последним звеном, соединяющим мысль с этой богатой, но теперь такой несчастной страной. Капитан не ошибся. С вечера подул ветер, который к ночи перешел в настоящую бурю. Наш пароходик прыгает с волны на волну, но бодро летит вперед. Ночь прошла без особых приключений, не считая обычных явлений, сопутствующих дурной погоде, среди пассажиров.

Мы на высоте Трапезунда. Капитан решает переждать непогоду там. При такой непогоде вход в Трапезундский рейд далеко не безопасен, но счастье нас не оставляет; еще несколько десят-

При таких условиях надеяться на экономическое истощение Германии было бы непростительной наивностью.

В Германии продукты массового потребления дорожают. Народ голодает. Но причина этого внутренняя, а не внешняя. Причина дороговизны в Германии — безудержная спекуляция, разнузданная алчность немецких аграриев.

Временами хищничество богачей, строящих свои барыши на переживаемом страной бедствии, проявляется в Германии так ярко и вызывает против себя такое негодование в пролетарских кругах, что является мысль о могущей вспыхнуть в Германии революции.

Но это уже особый вопрос. Возможности прекращения войны революцией мы не касаемся. Нас интересует пока лишь вопрос о том, может ли война кончиться вследствие истощения припасов в Германии.

Но на этот вопрос мы должны ответить отрицательно.

2

В последнее время к вопросу о хозяйственном истощении Германии стали подходить с другой стороны.

Вот, например, как поставили вопрос «Русские ведомости».

Весь годовой продукт Германии оценивался до войны самое большее в 42 миллиарда марок.

Из этой суммы в распоряжение имперской казны, отдельных немецких государств, городов и общин поступало 7 миллиардов. На прирост национального капитала, на увеличение богатства страны откладывалось ежегодно тоже 7 миллиардов. Остальные 28 миллиардов шли на удовлетворение текущих потребностей населения.

Война сократила годовую производительность труда в стране на 1/3, т. е. до суммы в 28 миллиардов. Но сумма, поступающая в распоряжение государства и общин, осталась при этом прежняя — 7 миллиардов. За вычетом этой суммы страна располагает всего 21 миллиардом.

Но одна только война поглощает чуть не 20 миллиардов — точнее, в первый год поглотила 18 миллиардов, а в следующее полугодие 12 миллиардов.

Значит, на покрытие текущих потребностей в стране не остается ничего. Страна живет на свои запасы, экономя на восстановлении капитала и урезая до последней степени потребление. Длительное время такое существование невозможно. А потому хозяйственное истощение страны неизбежно.

В этом расчете все построено на ошибках.

Начать с того, что нет оснований считать, что война сократила на 1/3 годовой доход Германии. Многие отрасли ее промышленности процветают, как никогда. Ее земледельцы кладут в карманы миллионы и сотни миллионов там, где раньше кричали о грозящем им разорении. Наживаются и углепромышленники, и сахарозаводчики, и металлурги, и машиностроители,

- 3 Фостиков Михаил Архипович (1885—?) — кубанский казак, окончил Алексеевское училище (1908) хорунжим; при Врангеле генерал-майор, командир Кубанской кавбригады.
- 4 Слащев Яков Александрович (1886—1929) — летом 1920 г. командир 2-го армейского корпуса у Врангеля; не поладив с ним, отошел от дел; в 1921 г. добровольно вернулся в Советскую Россию, был преподавателем на высших стрелковых курсах «Выстрел».
- 5 Мустафа Кемаль-паша (1881—1938), известный также под именем Ата-турк (Отец турок) — вождь национально-освободительной революции в Турции; член республиканского правительства, с 1923 г. до конца жизни — первый президент Турецкой республики.
- 6 Магомет VI Вахеддин (1851—1926) — последний султан Турции; на трон вступил 3 июля 1918 г.; умер в Ремо, похоронен в Мекке.
- 7 Юсуф Кемаль-бей (1878—?) — министр иностранных дел Турецкой республики, вместе с М. В. Фрунзе подписал договор о дружбе и сотрудничестве.
- 8 Абилов Ибрагим Магеррам оглы (1882—1923) — в рабочем движении с 1907 г., в 1912 г. редактор газеты «Баки хаяты» («Бакинская жизнь»); член компартии с 1920 г. В начале 1923 г. поехал на совещание в турецкий город Смирну, заболел и скончался.
- 9 Аралов Семен Иванович (1880—1969) — в годы гражданской войны был начальником оперативного отдела Реввоенсовета Республики, членом РВС 12-й армии; затем посол РСФСР в Турции.
- 10 Голубь Александр Наумович (1885—?) — член компартии с 1905 г., в 1919—1920 гг. чрезвычайный посол в Хиве, затем консул в Трапезунде.

*В едином, неразрывном союзе

Из речи на X Всероссийском съезде Советов
26 декабря 1922 года

Товарищи, я прежде всего должен вам передать привет от рабочих и селян Украины (аплодисменты), которые на своем последнем VII Всеукраинском съезде Советов рабочих, селянских и красноармейских депутатов единогласно постановили о необходимости немедленного образования союза советских социалистических республик. (Аплодисменты.)

Товарищи, для Украины этот союз, по существу, не является фактом, вносящим какие-либо глубокие серьезные изменения в те отношения, которые существовали между нами и Российской Социалистической Республикой до сих пор. Формально, с внешней стороны, мы утрачиваем из числа наших самостоятельных наркоматов лишь народный комиссариат по иностранным делам. В остальном, по существу, все по-старому остается. Но для нас, для рабочего класса и селянства Украины, дело заключается не в форме, а в существе. В этом же отношении самым важным является факт теснейшей связи, которая до сих пор, несмотря на внешнюю, формальную особенность и самостоятельность наших республик, сливала на деле трудящиеся массы Украины и России в единый могучий союз. (Аплодисменты). Этот союз был создан давно. Основа его заложена еще в те времена, когда трудящиеся массы России, Украины и других народов, живших на территории прежней царской империи, вели вместе борьбу с царизмом во имя своих общих и единых классовых интересов. Тогда уже

был заложен первый фундамент этого братского союза, который развивался, креп и окончательно закалился в процессе нашей великой гражданской борьбы. Селяне и рабочие Украины из глубочайшего трудового опыта, из опыта всей своей исторической практики вынесли твердое убеждение, что только на почве братского объединения трудящиеся массы всех народов бывшей царской России смогут отстоять и защитить свои классовые завоевания. (Аплодисменты.) И действительно, Украина в подтверждение этого дает богатейший материал за время того краткого сравнительно опыта своей истории, который она проделала самостоятельно.

Вы, товарищи, должны знать, что селянство и рабочий класс Украины никогда, ни в один из моментов своей исторической жизни, не стремились оторваться от рабочих и крестьян России. Даже в тот момент, когда там существовала так называемая Рада, т. е. типичное правительство мелкой буржуазии, представлявшая собой элементы, наиболее пропитанные узконационалистическими настроениями, — даже эта Рада не осмеливалась вначале ставить вопрос о государственном отделении. Первые месяцы своего существования украинские самостийники, державшие Центральную раду в своих руках и старавшиеся всю использовать естественное чувство протеста украинского народа против полптики национального гнета, могли говорить только об образовании автономной Украины, но отнюдь не самостоятельной.

Когда вам здесь, в России, пришлось в 1918 г. вести переговоры в Брест-Литовске, то российская, а затем и советско-украинская делегации осаждались рядом писем и приговоров, вынесенных различными сельскими обществами, как Левобережной, так и Правобережной Украины. В этих приговорах заявлялось, что крестьяне Украины не делают разрыва со своими братьями в России, что они хотят вместе, в едином, неразрывном союзе продолжать дальнейшую борьбу. Но историческая обстановка сложилась так, что этот разрыв должен был состояться в Брест-Литовске; чтобы оградить завоевания Октябрьской революции, пришлось пойти на временную капитуляцию перед германским империализмом. И эта капитуляция была достигнута за счет отказа советской власти от Украины.

Украина была предоставлена собственным силам, и, оставшись одна, она была раздавлена соединенной тяжестью германского и отечественного капитала. Эта трагическая и для вас и для нас страница глубоко памятна нам всем. Мы помним о голосах, раздававшихся на IV Всероссийском съезде Советов, решавшем вопрос о войне и мире с Германией, — голосах, протестовавших против предоставления Украины ее собственным силам. Рабочий класс и крестьянство Украины в массе своей поняли, что иного выхода из положения нет. Поняли, что в конечном счете судьба рабочих и крестьян Украины будет решена в зависимости от того, удастся нам или не удастся удержать

и отстоять Советскую Россию. И устами своего представителя на этом съезде, товарища Затонского, трудящиеся массы Украины сказали, что они не могут обижаться на то, что рабочий класс и крестьянство России как бы оставляют их в жертву собственной судьбе. И история это решение оправдала в полной мере. И вот в этот-то момент Коммунистическая партия Украины сама поставила вопрос об образовании самостоятельной Украины.

Это было сделано главным образом по политическим соображениям, было сделано для того, чтобы продолжавшаяся на Украине борьба с германской армией, вторгшейся на ее территорию, не сорвала бы Брест-Литовского мира и не отняла бы этим у нашего советского российского центра возможность передохнуть и набрать новых сил. Вот почему, товарищи, в марте 1918 года, несмотря на явное стихийное нежелание рабочих и крестьян Украины отрываться от своих российских братьев, Всеукраинский съезд Советов, бывший в городе Екатеринославе, вынес постановление об образовании независимой Советской Украины.

С этого момента, товарищи, начинается наше самостоятельное существование как советской страны. Как вам известно, на этот раз оно было недолговечно. Но тем не менее практика показала, что наш путь был совершенно правилен. Она показала, что здесь, около московского центра, за время передышки, купленной этой дорогой ценой, смогла собраться и развернуться революционная армия труда. И, опираясь на ее мощь, рабоче-крестьянская Украина скоро смогла подготовить вооруженные силы и средства, чтобы выгнать остатки оккупантов с Украины и положить конец правительству Скоропадского и мелкобуржуазной петлюровской Рады. С этого момента, хотя формально и независимые, РСФСР и УССР весь дальнейший путь идут рука об руку.

Вот тот короткий путь, который проделала Украина. Этот путь еще больше убедил рабочих и крестьян Украины, что только в совместной борьбе, в теснейшей связи с трудящимися массами остальных советских республик смогут они отстоять свои завоевания. Они помнят, как правительство Скоропадского поставило вопрос об отобрании у крестьян завоеванной ими земли; помнят, как Рада готовила превращение Украины в колонию западноевропейского капитала. Вот те уроки, с которыми на своем опыте познакомились трудящиеся массы Украины. Основываясь на этих уроках, они тверже и крепче, чем когда бы то ни было, поддерживают идею развития и дальнейшего укрепления этого братского союза, соединившего нас всех в единый, могучий советский стан.

Теперь настал момент не только фактического укрепления этого союза, но и юридического оформления. Это необходимо по целому ряду моментов, которых я касаться не буду... Я хочу лишь сообщить о том, как прошло решение об объединении у нас, — какой отклик идея союза встретила среди широких рабоче-крестьянских масс Украины. Ни на одном из наших съездов, начиная с волостных и уездных и кончая Всеукраинским, не

раздалось ни единого голоса, направленного против идеи создания союза советских республик. Напротив, везде и всюду отмечалось, что этот вопрос уже давно было нужно поставить, давно уже следовало разрешить положительно, как наилучшую гарантию интересов труда...

X Всероссийский съезд Советов: Стеногр. отчет. М., 1922.

***Впечатления от поездки по Азербайджану**

Интервью сотруднику газеты «Бакинский рабочий»

В Баку прибыл после посещения некоторых уездов Азербайджана член ЦК РКП(б) и главком Украины тов. Фрунзе. В беседе с нашим сотрудником он поделился своими впечатлениями от поездки.

1. Цель поездки

Моя поездка по Азербайджану не имела никакого официального характера. У меня было личное желание познакомиться поближе с жизнью республики и в особенности ее уездов. Там, в центре, мы знакомы отчасти с жизнью Баку, но почти совершенно не знаем жизни провинции. По любезному приглашению бакинских товарищей Мусабекова¹ и Караева² я, воспользовавшись отпуском, посетил уезды Азербайджана. Мы объехали уезды Бакинский, Нухинский, Закатальский, Ганджинский и Карабах. Наибольший интерес для меня представляло выяснение следующих вопросов: 1) хозяйственное положение деревни; 2) народное образование и быт; 3) национальные взаимоотношения; 4) успехи советского строительства. Общие впечатления от моей поездки чрезвычайно благоприятны. Везде, где мне приходилось бывать, чувствовался нужный подъем и видна была успешная строительная работа. А строить надо многое, так как на каждом шагу, в каждом уезде нам встречалось наследие недавней национальной розни в виде целого ряда полуразрушенных городов и огромного количества разрушенных деревень и сел.

2. Экономическое и хозяйственное положение деревни

Сравнивая экономическое положение Азербайджана с положением Украины и России, можно сказать, что оно представляется мне лучшим. Почти повсюду площадь посевов такая же, как и в довоенное время (конечно, за исключением разрушенных местностей), живой инвентарь имеется в достаточном количестве, но приемы обработки земли архаичны.

В некоторых уездах из тех, кои нам удалось посетить, положение крестьянского хозяйства можно назвать хорошим в связи с удовлетворительным урожаем текущего года. К таковым относятся Закатальский, Ганджинский и Акдашский уезды. Крестьянство хотя немного и ворчит на продналог, но, без всякого

сомнения, легко его уплатит. Так, в Закаталах и Гандже уже при нашем проезде продналог был внесен более чем наполовину. Хуже обстоит дело в Нухе, где урожаем получился гораздо меньший, чем ожидался. Здесь азербайджанскому правительству, несомненно, придется пересмотреть ставки налогов и выработать новые, так как крестьяне вряд ли без ущерба для своего хозяйства смогут внести продналог по выработанным ставкам.

Совсем плохо обстоит дело в уездах Джебраильском и Курдистанском, где саранча, засуха свели урожай почти на нет и населению угрожает голод.

3. Связь с городом и электрификация

В городах Нуха, Закаталы, Ганджа и в остальных кипит живая созидательная работа. Несмотря на всего только трехлетний срок утверждения Советской власти, результаты, достигнутые в подъеме и восстановлении городской жизни, весьма значительны.

Я был поражен в Закатальском, Ганджинском и отчасти Нухинском уездах наличием телефонной связи уездных центров не только с волостными участками, но даже с отдельными деревнями. Названные уезды предполагают в ближайшем будущем связать телефонной сетью все селения.

Очень большие успехи наблюдаются в области электрификации. Так, Ганджа предполагает через полгода осветить электричеством большинство селений уезда. Электрическая станция в Закаталах расширяется. В Нухе выработан план и ищутся средства для общей электрификации. В этом отношении я должен признать, что уезды Азербайджана оставили далеко позади себя наши русские и украинские уезды.

Все посещенные мною места поразили меня своими естественными богатствами. Я уверен, что если темп работы, развитой в настоящее время, сохранится и впредь, то в ближайшем будущем удастся достигнуть грандиозно крупных успехов в эксплуатации естественных богатств.

4. Шоссе Нуха — Закаталы

В отношении благоустройства в уездах единственное отрицательное явление, которое я нахожу необходимым отметить, — это плохое состояние шоссе Нуха — Закаталы, единственного пути сообщения этого заброшенного уезда с центром республики.

Разливом горных рек на большом протяжении шоссе совершенно испорчено, и, принимая во внимание огромную его важность, азербайджанскому правительству придется ассигновать на его исправление значительную сумму.

Вообще в этой части республики одной из насущных задач для правительства выдвигается борьба с разливом горных рек. В целом ряде деревень крестьяне в беседе с нами заявляли, что если не придут на помощь в борьбе с разливами, то придется

бросить насиженные места и уходить куда-нибудь вглубь, ибо ежегодно сотни десятин садов и культурных земель уничтожаются и водою спосыта десятки домов.

5. Школьное дело

Отрадно положение народного образования. Всюду замечалась настоящая «образовательная горячка». Все уезды наперерыв друг перед другом стараются расширить школьную сеть и изыскать средства на народное образование. И нужно отметить, что успехи, достигнутые в этом отношении, весьма значительны не только в Гандже, которая и в этом отношении идет впереди, но и во всех других местах. Так, например, в Закаталах в добавление к сорока пяти существующим школам строится еще двенадцать новых. Здания почти закончены и занятия в них начнутся в текущем году. Характерен, между прочим, факт, что постройка школьных зданий ведется почти исключительно на средства населения, лишь при весьма незначительной поддержке правительства. Такое же положение следует отметить и в Нухе, но в несколько меньших размерах, так как неурожай текущего года не позволяет населению провести работы по увеличению школ полностью, и оно рассчитывает на помощь со стороны азербайджанского правительства.

Несколько хуже обстоит дело с кадрами учителей. Для создания этого кадра придется наркомпросу проделать большую работу, особенно принимая во внимание условие, чтобы учебный персонал был способен полностью проводить в школах и в населении новые идеи и что школьный учитель должен являться центральной фигурой культурной жизни захолустья.

6. Обновление быта

Мне, знакомому с условиями жизни народов Туркестана и отчасти Турции, бросился в глаза безусловный прогресс в смысле изменения внутреннего быта азербайджанского крестьянства. Во многих местах отмечается очевидная перемена взгляда на положение женщин. Во многих селениях мальчики и девочки учатся вместе, что уже составляет крупный шаг вперед для мусульманского населения. Особенно отрадно было наблюдать положение женщины в Закатальском уезде; здесь не только не существует чадры, но женщины выступают на собраниях наравне с мужчинами.

Конечно, рядом с этим все еще имеется масса дикостей, с которыми придется вести долгую и упорную борьбу. Так, например, в большинстве посещенных нами мест до сих пор практикуется обычай «умыкания» невест. Мне и товарищу Караеву пришлось при въезде в Нуху натолкнуться на сцену, последовавшую за похищением одной девушки. Мать с воплями и криками рвала на себе волосы, бросалась от одного к другому и,

завидя нас, кинулась к нам с жалобой на увоз ее дочери. Из введенных справок выяснилось, что в большинстве уездов похищение девушек стоит на первом месте в общей сумме уголовных преступлений.. Более отрадное впечатление оставляет Закатальский уезд, где энергичной борьбой удалось почти покончить с этим явлением.

К разряду пережитков быта надо отнести и кровную месть, до сих пор еще не изжитую. В Ганджинском уезде, например, наибольшее число уголовных преступлений совершено на почве кровавой мести.

Большой интерес для меня представил факт наличия новых веяний в среде мусульманского духовенства. По-видимому, здесь начинается процесс, переживавшийся и переживаемый ныне православной церковью. Процесс этот сводится к пересмотру наиболее не вяжущихся с современным бытом церковных положений и в стремлении приспособить религию к современным житейским условиям. Это либерально-реформистское движение может принести большую пользу в борьбе с суевием и религиозными предрассудками, кои тормозят всякое культурное начинание.

7. Исчезновение бандитизма

Не могу не отметить той полезной безопасности жизни, которой пользуется азербайджанская деревня. В беседе с крестьянами о разнице положений между теперешним и мусаватским или царским правлением я получал всегда один и тот же искренний ответ, что жизнь теперь стала спокойнее. Шайки грабителей совершенно исчезли. Ночью по дорогам мы встречали обозы и отдельные арбы без всякой охраны и в самых глухих местах. Нет не только политического бандитизма, но и уголовного.

Насколько изжит этот вид легкой наживы, видно из того, что в Джебраильском уезде, например, на днях в уисполком добровольно явились и сдались три последних разбойника, действовавшие там. Передав оружие и патроны, находившиеся при них, они просили об отводе им земельных участков, чтобы заняться мирным трудом.

Вообще преступность в уездах невелика.

8. Национальные взаимоотношения

Что касается национальных взаимоотношений, то и здесь приходится констатировать весьма отрадную картину. От былой розни не осталось и следа. Из неоднократных разговоров с тюркскими и армянскими крестьянами, живущими бок о бок, рядом, приходилось убеждаться, что в настоящее время не только не существует никаких враждебных отношений между ними, но, наоборот, усиленно оказывается братская взаимопомощь.

В Нухинском уезде, например, наблюдается непрерывное возвращение бежавших во время резни армянских крестьян в свои родные деревни, причем, по свидетельству беженцев, они встречали не отпор и вражду, а самое теплое отношение и поддержку со стороны своих туркских соседей.

Интересно отметить тот факт, что состоявшееся недавно постановление азербайджанского правительства о выделении Нагорного Карабаха в автономную армянскую область связано у армянских крестьян с некоторыми опасениями. Из бесед я вывел заключение, что они боялись и отчасти боятся до сих пор своего обособления от остальной массы населения. Тут потребуется большая агитационная работа для разъяснения обеим сторонам смысла этой реформы.

Наряду с этим надо отметить и некоторые промахи, совершенные во время размеживания земель, промахи, которые в будущем могут послужить предметом осложнений. Такие промахи замечены в бывшем Шушинском уезде, и правительству необходимо произвести тщательное обследование допущенных промахов и исправить вольные или невольные ошибки.

Констатируя изживание национальной розни, я все же не мог бы сказать, что с этим вопросом совершенно покончено, так как переживания недавнего прошлого, несомненно, еще живы и до сих пор замечается некоторое чувство отчужденности и известной настороженности, особенно со стороны армянского населения. Поэтому и правительству, и партии придется еще долгое время самым внимательным образом следить за национальными взаимоотношениями и вести беспощадную и умелую борьбу для изжития последних остатков былой розни.

9. Красная армия Азербайджана

Пришлось мне ознакомиться и с теперешним состоянием частей азербайджанской Красной армии.

При посещении Ганджи мною и товарищем Караевым был устроен смотр Азербайджанской дивизии. Я с большим удовольствием отметил колоссальную разницу в боевой подготовке азербайджанских частей сравнительно с позапрошлым годом, когда при проезде в Турцию мне пришлось ознакомиться с ними на первых порах их существования. На произведенном смотровом учении все части дивизии показали отличную выработку, умение производить самые сложные эволюции и знакомство каждого рода оружия со своим делом.

Азербайджанская республика обладает уже хорошим кадром национального состава снизу и вплоть до старейших войсковых начальников.

Вынесенное мною впечатление от войсковых частей самое отрадное, и я глубоко убежден, что в случае военного испытания азербайджанские аскеры займут почетное место наряду со своими русскими, украинскими, грузинскими и армянскими собратьями.

10. Нефтяная промышленность и город Баку

Здесь, в Баку, мне удалось познакомиться и с состоянием нефтепромышленности.

Пользуясь любезностью товарища Серебровского³, я объехал с ним почти все промыслы и большую часть заводов.

Полтора года тому назад я посетил Балаханский и Сабунчанский районы, и помню то довольно тяжелое впечатление, которое у меня осталось тогда от жизни и состояния этих заводов. Теперь я был положительно поражен размахом и размером работы, проделанной Азнефтью за это время. Я видел ряд восстановленных или законченных восстановлением буквально из развалин заводов; видел целую сеть вновь построенных железнодорожных и шоссейных подъездных путей; видел огромное количество вновь построенных вышек, ряд строящихся городков и отремонтированных и восстановленных отдельных зданий. Повторяю, что я буквально поражен грандиозностью развернутой Азнефтью работы.

Всякий, кто познакомится с результатами работы по восстановлению бакинских нефтяных промыслов, ни на минуту не усомнится в том, что нечего думать о передаче в чужие руки этого дела, даже на самых выгодных экономических условиях.

Мне передавали, что проживающие в Баку американцы очень внимательно следят за темпом восстановительных работ, и я думаю, что донесения, посылаемые ими своим господам, американским банкирам и промышленникам, будут далеко для последних не утешительными, ибо надеждам на захват иностранным капиталом наших нефтяных богатств, очевидно, положен конец.

Общее впечатление от всего мною виденного в целом более чем благоприятно. Жизнь бьет ключом. Столица Азербайджана — Баку растет и принимает широкие меры для своего благоустройства. К таковому, например, относится постройка трамвая, ведомая с громадной энергией и скоростью. Я могу только пожелать, чтобы темп работы не ослаб и, в частности, было бы обращено побольше внимания на внутреннее благоустройство.

Бакинский рабочий. 1923. 28 сент.

¹ Мусабеков Газанфар Махмуд оглы (1883—1938) — врач, из крестьян. Член КПСС с 1918, в 1920 — член ревкома Азербайджана, нарком просвещения. В 1921 на 3-м конгрессе Компартии избран членом ИККИ. С 1922 председатель СНК, ЦИК АзССР.

² Караев Алигейдар Керим оглы (1896—1938), из семьи мелкого торговца, учился в политехническом институте. Член КПСС с 1919 г. С июня 1920 до января 1923 г. Наркомвоенмор Азербайджанской ССР, затем на партийной работе.

³ Серебровский Александр Павлович (1884—1938), рабочий из семьи политического ссыльного, окончил высшее техническое училище в Брюсселе (1911). С 1920 г. председатель Азнефти в Баку. С 1926 кандидат в члены ЦК РКП(б). Член ВЦИК и ЦИК СССР.

О художественной литературе

Речь на заседании Литературной комиссии ЦК ВКП(б)

3 марта 1925 г.

В вопросах литературы я себя не считаю особенно сильным, но взял слово, во-первых, потому, что эти вопросы сейчас имеют не только художественное, но и политическое значение, а во-вторых, потому, что те проблемы, которые сейчас интересуют вас как деятелей литературы, тесно связаны с вопросами из других областей советского строительства.

Взять хотя бы наше военное дело. Я должен сказать, что в военном деле мы пережили раньше вас то, что сейчас переживается вами. И, вероятно, если не все из вас, то многие знают, что мне несколько лет тому назад пришлось выступить с теорией так называемой «единой военной доктрины». В чем была сущность моих предложений? Она сводилась к пересмотру всех вопросов военной науки и искусства под углом зрения пролетариата, к установлению основ пролетарского учения о войне. В этой своей попытке я натолкнулся на жестокий отпор со стороны товарища Троцкого. Тогда я не стал разворачивать широкой борьбы и сейчас скажу вам почему.

Решительную роль сыграл мой разговор с товарищем Лениным. Я изложил ему свою точку зрения, и он ответил мне так же, как и товарищу Бухарину, а именно: «Вы (коммунисты военные) здесь не правы. С точки зрения перспектив ваш подход, конечно, правильный. Разумеется, вы должны готовиться к задаче полного овладения военным делом и соответствующую работу вести. Пожалуйста, учитесь, выдвигайте молодые силы, но ежели вы сейчас станете выступать с теорией пролетарского искусства, то впадете в опасность комчванства. Мне кажется, что наши военные коммунисты еще недостаточно зрелы для того, чтобы претендовать на руководство всем военным делом».

Вот приблизительно, что говорил мне тогда товарищ Ленин.

Между прочим, переходя к литературе, я должен сказать, что я лично тогда в литературных вопросах стоял примерно на той же точке зрения, которую сейчас развивает товарищ Бухарин. Товарищ Плетнев¹, присутствующий здесь, это должен хорошо помнить. Я, в свою очередь, могу подтвердить то, что здесь сообщил товарищ Бухарин относительно взглядов товарища Ленина по этому вопросу. В этой части не может быть никакого сомнения. Товарищ Ленин решительно высказывался против теории пролетарской культуры как практической задачи текущего дня.

Как же пошло у нас дело в военной области? Практически мы задачу, поставленную мною при формулировании основных положений военной доктрины, в значительной части выполнили. Все основные позиции в военном деле мы прочно держим в своих руках. Мы создали свой красный генеральный штаб. Но теоретически задача создания пролетарского учения о войне еще не

выполнена. Мы только теперь после длительной, как видите, практической работы и крупных практических успехов приходим к этой проблеме. Кое-какие теоретические работы уже имеются, но это только начало. Перед нами в этом отношении впереди колоссальная работа, и в ней мы допускаем сотрудничество лиц, которые по своим принципиальным взглядам зачастую если не враждебны нам, то, во всяком случае, не могут считаться вполне нашими. Тем не менее мы этих людей всячески используем, потому что у них, по нашему мнению, нам можно многому научиться.

Таким образом, с точки зрения общей постановки вопроса, я думаю, что товарищи, стоящие на точке зрения пролетарской культуры, правы. Проблема создания таковой должна быть поставлена. Мы несомненно должны стремиться к завоеванию пролетариатом прочных позиций в области литературы, так же как и в области всего искусства. Эту принципиальную линию я считаю правильной и ее поддерживаю. Но мне кажется, что в данный момент сущность разногласий заключается не столько в области принципиальной, сколько в области тактики, методов овладения со стороны рабочего класса руководящими идеологическими позициями в области искусства и литературы. Здесь я с товарищами напостовцами² расхожусь. Я считаю, что они занимают такую позицию, которая является политически вредной и опасной.

Хотя товарищ Вардин³ принципиально прав, настаивая на необходимости идейного руководства со стороны пролетариата в области литературы, но им недостаточно четко и полно расценивается тот факт, что мы живем в Советском государстве с пролетарской диктатурой. Пролетариат в этом государстве осуществляет политическое и всякое иное руководство, отвечает за все и за вся, и в этом положении нам часто вовсе не выгодно подчеркивать классовые противоречия, а, наоборот, их выгодно заострять, а смягчать.

Я говорю о противоречиях, имеющих место в отношениях между отдельными классами нашего Советского государства — рабочим классом и крестьянством. Здесь об этом ярко и убедительно говорил товарищ Бухарин. Щели между нами и нашими политическими попутчиками, т. е. между рабочим классом и крестьянством, разумеется есть: иногда они расширяются достаточно. Мы прекрасно понимаем, какова должна быть основная позиция рабочего класса. Вывод, который вытекает из этого факта, — пролетарская диктатура. Но нам нужно также учитывать и тот факт, что крестьянство является союзником, требующим особенно умелого подхода с нашей стороны, и поэтому острое выщипывание наших пролетарских лозунгов в области литературы нас отнюдь не приближает к крестьянству, а, наоборот, от него отталкивает.

Нам нельзя также не считаться с существованием ряда других мелкобуржуазных прослоек: учителей, врачей, инженеров, техников и пр.

Недавно происходил ряд съездов этой категории труда. Эти съезды политически означают новые колоссальные успехи рабочего класса. Они означают укрепление позиций пролетарской диктатуры среди этих социальных слоев.

Могут ли и должны ли эти слои находить свое отражение в нашей советской литературе и искусстве? Разумеется, да. Отнюдь не в наших интересах вести такую линию в области литературы и искусства вообще, которая отталкивала бы от нас эти группы. Наша задача — действовать так, чтобы они, так же как и крестьянская масса, все теснее и теснее примыкали к нам при условии сохранения за нами полного идейного руководства.

Изменение политической позиции этих слоев, сказавшееся в работе указанных съездов, было отнюдь не случайным. На характере работ съездов сказался рост нашего хозяйства и вообще наше политическое укрепление.

Вопросы советского строительства в деревне, вопрос о формах крестьянского хозяйства, о путях его развития и т. д. — сейчас основные вопросы нашей внутренней политики. Теперь на очереди вопрос о необходимости допущения в известных пределах капиталистического накопления в деревне. С прямолинейно-социалистической точки зрения это как будто является искажением нашей политики, но это неверно. Пролетариат крепко держит власть в своих руках. Политически он укрепил свои позиции, и поэтому сейчас можно гораздо более свободно маневрировать, чем это было прежде. Линия административного нажима и прижима может и должна уступить место экономическому влиянию государства в лице нашего государственного хозяйства и кооперации. Мы можем теперь во всех областях жать гораздо меньше, чем жали прежде.

Подходя к вопросам литературы с этой точки зрения, придется прежде всего сделать вывод о неправильной позиции напостовцев в отношении так называемых «литературных попутчиков». Проводимая ими фактически линия административного прижима и захвата литературы в свои руки путем наскоков — неверна: таким путем пролетарской литературы не создашь, а политике пролетариата навредишь. Товарищ Вардин не прав, когда говорит, что «Красная новь» в своей деятельности содействовала отходу попутчиков от пролетарского лагеря, являясь, как он выразился, промежуточной базой для перебежчиков. По аналогии с военным делом я знаю, что отпугивает попутчиков от нас не «Красная новь», а, скорее, та тактика и методы, которые пропагандируются журналом «На посту».

По своему военному опыту я знаю, какое вредное влияние оказывает на наших беспартийных специалистов, и даже вообще беспартийных военных, острое выпячивание военной молодежью моментов гегемонии пролетариата в области идеологии и пр. И нами тоже нередко делается та же ошибка, которая характерна для Всероссийской ассоциации пролетарских писателей. В отношении беспартийных необходимо проявлять гораздо больше тер-

пимости, более умелого подхода к ним. В таких случаях лично я твердо и решительно нашу увлекающуюся военную молодежь одергиваю. Критика, конечно, должна быть, но эта критика должна иметь определенные границы.

Наша литературная тактика должна иметь две стороны: одну — по отношению к попутчикам, которые еще долгое время будут играть в литературе колоссальную роль, и другую — по отношению к пролетарским писателям, ко всей той молодежи, которая сейчас стихийно растет с низов.

Ту теоретическую оценку, которую сейчас дал нашей растущей пролетарской литературе товарищ Воронский⁴, я считаю правильной. Но я нахожу, что на практике он допустил в отношении к ней ошибку. Сущность не в том, плохих или хороших писателей объединяет ВАПП, но факт тот, что он их объединяет, и объединяет сотни и тысячи.

Оставаться в стороне от этого процесса и тем более иметь в лице ВАПП противников — абсолютно недопустимо. То обстоятельство, что ВАПП в своей массе настроен в отношении линии, проводимой товарищем Воронским, враждебно, для меня является несомненным доказательством допущения им каких-то ошибок. Эти ошибки я вижу в неправильном организационном подходе товарища Воронского, и эти ошибки необходимо исправить.

По аналогии с лозунгом «лицом к деревне» я считаю, что товарищу Воронскому нужно обратиться полностью лицом к пролетарской молодежи и, с другой стороны, нашим напостовцам необходимо обратиться лицом к попутчикам. Здесь необходимо сделать выпрямление с той и с другой стороны. Это открывает возможность для объединения ваших партийных усилий в деле овладения литературой. Методы острой кружковой борьбы, сплошь и рядом практикуемые теперь, должны быть нами решительно осуждены и отброшены. Задача нашей комиссии — оказать всемерное давление в этом направлении.

Несколько слов относительно коммунистического чванства. Я внимательно прослушал декларацию представителя «Кузницы»⁵ и считаю эту декларацию как раз выражением самого настоящего комчванства. Что в ней было сказано? Товарищ из «Кузницы» заявил, что молодым пролетарским писателям совершенно нечему учиться у попутчиков и что величайшую ошибку и непонимание сущности литературного дела делает тот, кто смотрит иначе.

Подобную позицию я считаю глубоко ошибочной. Это есть выражение коммунистического чванства. Как, нам нечему учиться? Каждый из нас, проглядывая новые книги, перелистывая страницы наших журналов, видит, как мало достижений имеет наша пролетарская литература. Когда есть время почитать, то невольно обращаешься либо к старым классикам, либо как раз к нашим литературным попутчикам, вроде Леонова.

Между прочим, по-моему, Леонов — очень крупный растущий писатель. Ему тоже еще нужно учиться, он растет, но если мы его не испортим, то в будущем это будет крупная литератур-

ная величина. Точно так же и многие другие, даже Пильняк. Я лично не являюсь его поклонником, мне не нравится его манера писать, но кое-чему, несомненно, можно поучиться и у него. То течение, которое возглавляется товарищем Маяковским, моему уму и сердцу мало понятно. Я предпочитаю более реалистические приемы. Но считаю его вполне законным оттенком в нашей советской литературе и ничего антикоммунистического в этом направлении не нахожу. Думаю, что ошибка в этом направлении заключается в том, что им выдвигается на первый план форма, содержание же отодвигается назад.

Маяковский. Не форма, а производство.

Фрунзе. Производство связано с формой.

В переживаемый нами момент как раз необходимо выпячивание вперед содержания. Представители враждебных нам литературных групп могут дать прекрасные формы, но содержание их произведений для нас будет неприемлемо. Революция у них не находит своего отражения, и я предпочитаю произведение, у которого наше содержание, хотя форма будет страдать. Разумеется, это не исключает необходимости жестко критиковать недостатки этих форм. Это мы все обязаны делать. Но все-таки такое содержание — наше, свое, и это играет огромную роль.

В дальнейшем наша задача будет заключаться в том, чтобы ввести форму в соответствие с содержанием. Это и будет венцом наших достижений.

Вот те замечания, которые я хотел сделать.

По части принципиальной я стою целиком на почве тех взглядов, которые излагал здесь товарищ Бухарин и которые, по моему мнению, являются совершенно правильными.

Фрунзе М. В. Собр. соч. М., 1927. Т. 3. С. 150—155.

¹ Плетнев Валерий Федорович (1886—1942), председатель Пролеткульта (Пролетарская культура) — культурно-просветительной и литературно-художественной организации, существовавшей с 1917 по 1932 г.

² Напостовцы — литераторы, группировавшиеся вокруг журнала «На посту», органа Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ВАПП).

³ Вардин (Мгеладзе) Илларион Виссарионович (1890—1941) — в партии с 1906 г., член редколлегии журналов «Большевик» и «На посту».

⁴ Воронский Александр Константинович (1884—1943) — член КПСС с 1904 г., критик, прозаик, редактор журнала «Красная новь».

⁵ «Кузница» — литературная группа 20-х годов, созданная вышедшими из Пролеткульта поэтами и остававшаяся в рамках вульгарно-социологических представлений Пролеткульта.

«Старых друзей не забываю»

1

В шуйский период (1905—1907 гг.) М. В. Фрунзе был дружен с семьей врача земской больницы Р. Д. Дамской, ее дочерьми Сусанной и Лилией, находил там приют в трудный час. Квартира

при больнице служила местом конспиративных встреч Арсения с товарищами.

Осенью 1919 г. Сусанна Альбертовна оказалась в Уфе, куда был направлен на службу ее муж врач В. М. Романкевич, а мать находилась в Ярославле и не могла к ней приехать из-за расстройств транспорта. По этой причине она обратилась за содействием к старому другу, ставшему крупным военачальником.

Публикуемое ниже ответное письмо М. В. Фрунзе найдено в 1967 г. в личных бумагах Сусанны Альбертовны при разборе их дочерью Т. В. Романкевич. Там была и фотокарточка Михаила Васильевича с дарственной надписью: «Сане на добрую память о былых днях. М. Фрунзе. Самара, 1/1—20 г.».

Письмо использовалось в периодике с произвольными сокращениями и ошибками. В настоящем издании впервые печатается полностью. Подлинник — в Шуйском мемориальном музее М. В. Фрунзе.

Самара, 6 января 1920 г.

Здравствуйте, милая Саня!¹

Надеюсь, Вы извините меня за вольность обращения. Воспоминания о Вас окутаны для меня такой дымкой теплого чувства, что мне как-то не хочется назвать Вас иначе.

Извиняюсь, прежде всего, за то, что не собрался написать раньше. Я и вообще-то писать не мастер, а при той напряженной атмосфере, в которой жил все последнее время, это становится тем более понятно. Только самые последние дни я стал относительно свободен, покончив взятием Гурьева с Уральским фронтом. Ныне я собираюсь в Ташкент, куда и отбуду не позднее 20/1.

Вашу просьбу относительно Раисы Давыдовны² я исполнил в тот же день, как получил Ваше письмо. Дал телеграмму Ярославскому военному комиссару³, а затем лично в Москве говорил с председателем Ярославского губсовдепа Растопчиним⁴ и просил помочь выездом. Не знаю, насколько это помогло Раисе Давыдовне. Если что-либо надо сделать еще, сейчас же сообщите. Между прочим, если что нужно очень скоро, то можете обратиться к члену Ревсовета Восточного фронта Б. П. Позерну⁵, показав ему письмо от меня. Он сделает все, что можно.

Вы знаете, ведь я был командующим Восточным фронтом до разделения его на Восточный и Туркестанский и уехал из Симбирска перед самым переездом штаба Востфронта в Уфу... Очень жалею, что не пришлось встретиться с Вами. Не можете ли приехать на несколько дней в Самару до 20? Был бы очень рад. Прошу иметь в виду, что я очень хорошо помню всех старых друзей и всегда готов сделать все, что могу. В частности, хочу предложить Вам вместе с Вашим мужем и Раисе Давыдовне поехать на работу в Туркестан. Что Вы на это скажете? В отношении работы — дело будет зависеть от Вашего выбора.

Несколько слов о себе. Подобно Вам, и я женат: моя жена — сибирячка (между прочим, она тоже присоединяется к просьбе о Вашем приезде); детей у нас нет. Начиная с своего бегства из Сибири (март 1916 г.), непрерывно варюсь в суполоке общественной жизни на самых различных амплуа. Последнее время специализировался на военном деле и, как видите, состою ныне командующим фронтом, сделал «некоторую карьеру». В общем же и целом, пожалуй, остался такой, каким и был.

Ну, пока всего доброго. Буду ждать ответа на мое предложение; буду рад за себя и за Туркестан в случае Вашего согласия.

Мой адрес: Командтурк Фрунзе (можно и без названия города).

До свидания. Крепко жму руку. Привет Раисе Давыдовне. Жива ли Лиля?

М. Фрунзе

Р. С. А я прочел как-то в одном из № «Русского богатства» рассказ, в котором узнал себя⁶. Мне было очень приятно.

¹ Дамская-Романкевич Сусанна Альбертовна (1889—1929), член пропагандистского кружка в Шуе, окончила естественноисторический факультет Петербургского университета. Последние 10 лет работала преподавателем в учебных заведениях Уфы.

² Дамская (до замужества Митбрет) Раиса Давыдовна (1859—1920), окончила женские врачебные курсы в Петербурге, работала врачом в Иваново-Вознесенске, Шуе, Ярославле.

³ В Ярославль Р. Д. Дамской 28 ноября 1919 г. была послана из Самары телеграмма: «Командующий Туркестанским фронтом тов. Фрунзе предлагает Вам прибыть в Самару. За содействием и документами обратитесь от его имени к Ярославскому губернскому военному комиссару, который предупрежден мною. Старший адъютант Сиротинский». Одновременно отправлена телеграмма в Уфу С. А. Романкевич: «По поручению тов. Фрунзе сообщаю, что Дамской выданы документы на проезд через Самару в Уфу. Старший адъютант Сиротинский».

⁴ Растопчин Николай Петрович (1884—1969), большевик с 1903 г.; личная встреча с ним Фрунзе в Москве была в дни работы VII Всероссийского съезда Советов 5—9 декабря 1919 г.

⁵ Позери Борис Павлович (1882—1939), большевик с 1902 г.; член РВС Востокфронта с 4.VIII 1919 по 15.I 1920.

⁶ Рассказ С. Дамской «Весною», в котором есть персонаж Трифонич, был напечатан в журнале «Русские записки» в № 5 за 1915 г. (был «Русское богатство»).

2

Познакомившись в августе 1918 г. в штабе Ярославского военного округа, М. В. Фрунзе и Ф. Ф. Новицкий работали затем вместе на Восточном и Туркестанском фронтах. Ни 15-летняя разница в возрасте, ни «разрыв» в прошлом опыте военной службы (один — вольноопределяющийся, и то короткий срок, другой — генерал-лейтенант русской армии, в первую мировую войну командовал дивизией и корпусом) не могли помешать их творческому боевому содружеству. Личная симпатия между ними сохранилась на всю жизнь.

Публикуемое ниже письмо предоставлено составителю дочерью адресата В. Ф. Новицкой; печатается впервые.

Харьков, 23 марта 1921 г.

Дорогой Федор Федорович!

Сейчас получил и прочел Ваше письмо. Очень тронут Вашим отношением ко мне. К сожалению, та толча и суетолока, среди которой прошло мое последнее пребывание в Москве, не позволили мне увидеться с Вами и поговорить поподробнее. Во всяком случае, прошу иметь в виду, что я всегда тяжело чувствовал Ваше отсутствие в трудные моменты работы¹ и особенно в настоящее время. При первой же для Вас возможности буду очень рад опять работать вместе. Относительно слухов о переезде в Москву могу сказать только одно: никакие московские комбинации, даже если бы таковые намечались, меня абсолютно не устраивают и не привлекают. Работы кабинетной, оторванной от непосредственной гущи жизни, я не люблю, а в Москве это будет неизбежно.

Ну, пока всего наилучшего. Желаю доброго здоровья и сил справиться с семейными заботами и огорчениями в нынешнее трудное время.

Любящий и уважающий Вас М. Фрунзе

¹ Привяв командование войсками Южного фронта, М. В. Фрунзе и тут рассчитывал на верного соратника. 19 октября 1920 г. им была послана телеграмма: «Москва, Начоперуп Полевого штаба Республики, для т. Новицкого. Предполагаю Ваше назначение на должность моего помощника т.чк Случае Вашего согласия прошу немедленно выехать в Харьков т.чк Желательно получить и захватить с собой легковой автомобиль, два мотоциклета НР 5855 Командож Фрунзе». Назначение это, однако, не состоялось, так как Ф. Ф. Новицкий в это время работал в составе делегации на советско-польских переговорах в Риге.

3

Это своеобразный эпилог к письмам из Владимирской тюрьмы (см. стр. 37—42). Адресат К. В. Кудрявцева, работавшая в 20-е годы учительницей на Орловщине, рассказывала: как-то на киносеансе в сельском клубе она в документальном фильме увидела Фрунзе; вспомнила юность и решила написать заместителю наркома, впрочем мало надеясь на ответ, а он-таки пришел. О продолжении переписки Клавдия Васильевна не говорила ни родным, ни журналистам.

Подлинник письма хранится в Шуйском мемориальном музее М. В. Фрунзе.

Москва, 4 мая 1924 г.

Получил Ваше письмо. Несмотря на разъяснения, все же до сих пор точно не знаю, кто Вы. Меня смущает фамилия «Кудрявцева». Под этой фамилией я никого не могу припомнить,

между тем все, что связано с моей работой в 5—7-е гг., я помню ярко. Не скрывается ли под незнакомой мне фамилией очень знакомая и часто вспоминаемая т. «Елена»? Ее звали тоже Клавдией, отчества не помню, но фамилию помню — Важнова (Градинская). Если это Вы, то я очень рад, что Вы, наконец, дали знать о себе. Я встречал немало старых товарищей по прежней работе в Шуе и Иваново, у всех спрашивая о Елене, но ни от кого не мог получить никаких сведений. Жду Вашего ответа. Пока всего хорошего.

М. Фрунзе

Р. С. Ваше письмо лежит сейчас передо мной. Надо сказать, что оно лежало довольно долго, пока я смог взяться за просмотр личной корреспонденции. Смотрю на него и вспоминаю почерк тех нескольких писем, которые когда-то получил от Елены во Владимирской тюрьме. Как будто похоже. Неужели же это Вы? Наконец-то!

4

В мае 1924 г. М. В. Фрунзе был в Иваново-Вознесенске на губернской партконференции. Получил известие о том, что в Шуе готовятся к пуску Большой Шуйской мануфактуры, бывшей фабрики Павлова. Он послал приветствие через газету «Серп и молот».

Товарищам шуянам

Дорогие товарищи! С чувством огромной радости услышал я о предстоящем пуске ряда новых фабрик в Иваново-Вознесенской губернии, и в том числе некоторых — в Шуе. Завертятся новые веретена, загудят ткацкие станки, и радостно начнут подниматься к небу клубы дыма из замолкших фабричных кочагарок. Ведь это все свое, родное, рабочее. Ведь это дело рабочей руки, взявшей на свои плечи задачу перестройки капиталистического мира. Дело идет вперед. Идет не так быстро, как мы хотим, но твердо и неуклонно. Ни тени сомнения, ни тени увяния в наших рядах. Пусть дружнее смыкается под знаменем своей родной партии наша пролетарская семья. Пусть дальше и дальше, в самые глухие уголки нашей деревни идет пропаганда идеи нашего умершего вождя товарища Ленина. Пусть вслед за рабочими вовлекаются в дело советского строительства тяжелые крестьянские резервы. Наши пролетарские уезды должны стать показательным полем такого строительства. Дела в деревне много, очень много, и наша основная задача на предстоящий год — это дело толкнуть вперед. Первым шагом к этому должно быть создание хорошей советской кооперации, дающей деревне дешевый товар.

Горячо приветствую рабочих и крестьян уезда и надеюсь, если позволит работа, принять вместе с вами участие в торжестве открытия фабрик.

С товарищеским приветом
М. Фрунзе («Арсений»)

Серп и молот. Шуй. 1924. 27 июля.

Москва, 23 июня 1924 г.

Вместе с родными шуйскими рабочими разделяю радость укрепления советской промышленности, которая должна претворить в жизнь великий завет Ильича — рабоче-крестьянскую смычку. Победив на военном фронте, мы не можем не победить на хозяйственном. Крайне сожалею, что неотложные дела лишают меня возможности присутствовать на торжестве. Прошу передать всем дорогим товарищам мои крепкие пожелания в долгой успешной работе на благо нашего социалистического Отечества.

Фрунзе

*Рабочий край. Иваново-Вознесенск, 1924.
24 июня.*

***«Надо побольше уверенности...»**

Это письмо, как реликвию, почти 60 лет хранил адресат Николай Александрович Глаголев (1896—1984), передавший его незадолго до смерти в Центральный музей революции СССР. Член партии с мая 1917 г., он в 1924 г. получил назначение на должность заместителя начальника политуправления Украинского военного округа. В новой обстановке, когда перед ним возникли сложные проблемы, он усомнился: справится ли?.. Своими сомнениями поделился с Фрунзе. Полученное ответное письмо, вспоминал Глаголев, пристыдило его, поддержало в трудный момент, укрепило веру в себя. В дальнейшем он стал видным литературоведом, профессором Московского университета.

Здравствуйте, т. Глаголев!

Ваше письмо получил. В вопросе об отношении к Вам Вы страшно преувеличиваете. В общем оно то же, что и прежде. Правда, мне не понравилось, что Вы опять впали в то состояние унынья и неуверенности, с которым Вы выехали в Харьков. Но в то же время я знаю, что по существу Вы правы и что, стало быть, нельзя Вас винить в том, что самостоятельно с работой не справляетесь.

Повторяю, что мое отношение остается прежним. Я надеялся лишь, что Вы станете тверже на ноги, а этого не случилось. Надо побольше уверенности и твердости. Всего хорошего.

С коммунистическим приветом
М. Фрунзе

Р. С. Вы, очевидно, обиделись на то, что я Вас не принял лично. Не обижайтесь. Здесь дело вовсе не в моем отношении к Вам, а в моем собственном тогдашнем настроении, связанном с некоторыми личными делами. Вот и все.

11 мая 1924 года

Из семейной почты

Сестре Людмиле — в г. Верный

1

Минск, 11.X.1916

Милая Люша!

Целую и шлю свой сердечный привет всем нашим. Попал ли Костя по мобилизации ратников и где от сейчас находится? Уведомь письмом на Марию Гавриловну¹.

Завтра я ложусь в больницу. Делаю операцию аппендицита. К концу же месяца побываю в Москве². Жду писем от всех вас в Москве.

Я по службе преуспеваю. У меня под начальством находятся, между прочим, и ваш брат — врачи.

Так-то, милая, «судьба играет человеком»! Ну, будь здорова, родная. Как дети?³ Еще раз крепко, крепко целую, милые мои.

Ваш Миша

2

Минск, 26.VIII 1917 г.

Люша, родная моя! Получил сегодня твою телеграмму. Страшно поражен известием⁴. Сочувствую всем сердцем. Милая, что же делать. К несчастью, жизнь не из роз одних состоит. Приходить в отчаяние все же не надо. У тебя же есть дети, есть родные — близкие люди. Первое горе пройдет, и сердце вновь откроется для радостей жизни. Вспомнить только, как много людей в таком же положении, как и ты. Ведь ежедневно у нас на фронте опять погибают десятки тысяч людей. А там, в тылу, у многих тоже ведь есть свои близкие и милые люди, которым остается лишь оплакивать их печальную судьбу.

Ты зовешь меня туда. Голубка, я и сам бы хотел, но это сейчас невозможно. Я же связан и службой и рядом дел общественных. При первой возможности постараюсь приехать.

Мы уже долго, долго не писали друг другу. Но надеюсь, ты не стала дальше от меня из-за этого. Я же по-прежнему крепко люблю тебя. Слишком много у меня на руках всяких дел и обязанностей теперь...

Как здоровье твоих детишек? Игорь-то, вероятно, уже большой-большой. Передай ему привет и поцелуй от дяди Миши.

Где сейчас мама и Лида? В Пишпек ли Костя?

Ну, пока до свидания. Целую крепко, крепко и желаю бодрости и спокойствия.

Твой Миша

Р. С. Посылаю карточку.

¹ М. Г. Моравидкая — вдова врача, знакомая семьи Фрунзе по г. Верному; с 1902 г. жила в Москве, на Кокоревском подворье. Давала приют Михаилу Васильевичу во время его приездов. На судебных процессах по делу о покушении на урядника выступала свидетельницей в пользу М. В. Фрунзе. Деятельно участвовала в хлопотах об отмене первого и смягчении второго смертного приговора, вынесенных военными судами по указанному делу.

² После удаления аппендикса М. В. Фрунзе ездил в Москву, отдыхал в Рязанской губернии (см. заметки А. А. Додоновой в сборниках: Воспоминания о Фрунзе. Иваново, 1957; М. В. Фрунзе. Воспоминания друзей и соратников. М.: Воениздат, 1965).

³ Дети: Игорь (рожд. 1912 г.) и Владимир (1914—1986) Боголюбовы.

⁴ Сестра сообщила о смерти мужа Семёна Николаевича Боголюбова (1889—1917), уроженца г. Верного.

Матери — в г. Пишпек

1

Ташкент, 10 марта 1920 г.

Милая мама! Пишу тебе в первый раз после долгого, долгого прерыва. Ты уже, конечно, знаешь, что я в Ташкенте и состою в роли командующего армиями Туркестанского фронта. Как видишь, я был вынужден силою обстоятельств подвизаться на военном поприще.

Хочу скорее увидеться с тобою. К сожалению, сам прехать в Семиречье, по крайней мере в ближайшее время, никак не могу. Прошу Костю, который сегодня уезжает в Семиречье, переправить тебя ко мне¹. В отношении содействия переезду прошу обратиться к председателю Семиреченского облревкома Юсупову, который поможет сделать то, что надо.

Хотел послать с Костей кое-что для тебя и Лиды, да боюсь, что пропадет, и вышлю как-нибудь после.

Ну, пока до свидания. Крепко целую. Привет Лиде и ее мужу² от меня и жены, от последней и тебе.

Твой М. Фрунзе

2

г. Пишпек, Джетысуйской обл.

Мавре Ефимовне Фрунзе

6 октября 1924 г.

Здравствуйте, мои дорогие! Шлю привет с Кавказа. Соня и Таня в Крыму, Тимка в Москве. Я встретился с ним в Харькове. Сам хворал, теперь поправился. Еду отдохнуть на месяц. До свиданья. Целую. М. Ф.

Пишу в дороге. Трясет.

¹ Приезд Мавры Ефимовны в Ташкент не состоялся. Со своим сыном она увиделась лишь летом 1921 г. в Харькове, куда приезжала с дочерьми Людмилой и Лидией.

² Мужем Лидии Васильевны был Алексей Михайлович Надежин (1895—1937). Их дочь Лидия Надежина живет в Ленинграде.

Сестре Клавдии — в Геленджик

1

г. Ростов, 6 ноября 1921 г.

Дорогая Клаша! Твое письмо я получил. В Ростове у члена Реввоенсовета Северо-Кавказского округа т. Бубнова мной для тебя оставлено 500 000 денег и немного других вещей. Если решишь уезжать из Геленджика, можешь ехать в Ростов. Здесь, по желанию, или поступишь на службу, или поедешь в Харьков или Москву. В Москве можно сразу же занять комнату у моего товарища Мухина. В Харькове с прожитием будет, пожалуй, хуже. Я сам уезжаю в Турцию, вернусь не раньше, чем через два месяца.

Мама, Люша и Лида вернулись в Семиречье. Мама не выдержала жизни в большом городе, уехали уже около трех месяцев тому назад. Был у меня Костя. Он, вероятно, поедет со мной в Турцию врачом.

Если почему-либо выехать сразу в Ростов нельзя, то дай телеграмму о том, чтобы тебе послали деньги и вещи. Адрес: Ростов, Ревсовет СКВО, Бубнову или Ворошилову. Они мной предупреждены.

Пока до свидания. Целую. М. Фрунзе.

Р. С. В Ташкенте видел Юлю¹. Она часто бывала у нас, жила ничего, только скучно. Чем мог, помог.

2

г. Харьков, 19 февраля 1922 г.

Дорогая Клаша!

Податель сего т. Дианов², иваново-возпесенец и мой старый товарищ. Я его попросил принять участие в вашей судьбе и помочь либо перебраться в Гудауты, либо устроиться на службе у него.

Мы все здоровы. Может быть, летом заглянем к вам.

Костя был со мной в Турции; теперь уехал к себе в Чарджуй. Мама и Лида в Пишпеке. Твоя Юля в Ташкенте со старухой Гавриловой. Я по-прежнему на Украине.

Пишу наспех. Тороплюсь. До свидания. Целую.

М. Фрунзе

¹ Юля — дочь Клавдии Васильевны; жила в Ташкенте у бабушки по линии отца Всеволода Валерьяновича Гаврилова (1886—1936).

² Дианов Николай Осипович (1881—1928), член партии с 1902 г.; после гражданской войны работал комиссаром курорта Сочи — Мацеста.

Маленьким детям — в Крым

Эти короткие записки на почтовых открытках с картинками Михаил Васильевич посылал из Кремлевской больницы в октябре 1925 г.

1

Крым, Алупка, Верхняя улица, Тиме Фрунзе
20.X

Ну, здравствуй, бутуз! Тебе пишет твой папа. Он очень соскучился. Хочется увидеть Тиму, Таню, маму и Клаву, и Натю, и тетю Тасю.

Папа

2

Здравствуй, Тимурка! Ты еще не забыл своего папу? Папка посылает тебе две карточки: на одной мальчик Тима пасет гусей... Видишь, как он помахивает кнутиком, а гуси кричат: «га-га-га... го-го-го» и слушаются, идут домой. А на другой «гав-гав» с трубкой. Нравится тебе, а?

Папа

3

Крым, Алупка, Верхняя улица, Тане Фрунзе
22.X

Здравствуй, Чинара-Танечка! А у нас мороз, везде на улицах и на домах снег. Настоящая зима. Смотрю в окно и вижу, как на дворе мальчики и девочки лепят бабу. Вот такую же, как на этой картинке. А у вас, верно, еще совсем тепло. Жду от тебя письма. Что-то долго ты не отвечаешь. Привет всему дому.

Папа

4

24.X

Здравствуй, Тимок! Папа шлет тебе поклон. Тима, вероятно, стал большой. Еще больше, чем этот мальчик. Правда, да? Ишь, он кому-то строит нос... Папа целует Тиму. А еще кланяется Тиме Чонгар.

Жене Софии Алексеевне — в Ялту

1

Крым, Ялта, поликлиника
Софии Алексеевне Фрунзе
20.X 1925

Здравствуй, родная! Получила ли ты мое письмо и открытки? От тебя что-то долго нет сообщений. Если верить телеграммам, то как будто бы температура нормальная и сон у тебя лучше. Ну, а как со всем остальным? Я все еще в больнице. В субботу будет новый консилиум. Я сейчас совсем здоров. Боюсь, как бы не отказались от операции. Ну, пока, родная. Пиши.

Здравствуй дорогая!

Ну вот, наконец подошел и конец моим испытаниям! Завтра утром я переезжаю в Солдатенковскую больницу, а послезавтра (в четверг) будет и операция. Когда ты получишь это письмо, вероятно, в твоих руках уже будет телеграмма, извещающая о ее результатах.

Я сейчас чувствую себя абсолютно здоровым и даже как-то смешно не только идти, а даже думать об операции. Тем не менее оба консилиума постановили ее делать. Лично этим решением удовлетворен. Пусть уж раз навсегда разглядят хорошенько, что там есть, и попытаются наметить настоящее лечение. У меня самого все чаще и чаще мелькает мысль, что ничего серьезного нет, ибо в противном случае как-то трудно объяснять факты моей быстрой поправки после отдыха и лечения. Ну, уж теперь недолго ждать. После операции думаю по-прежнему недельки на две приехать к вам.

Твои письма получил. Читал их, особенно второе — большое, прямо с мукой. Что это, действительно, навалились на тебя все болезни! Их так много, что прямо не верится в возможность выздоровления. Особенно если ты, не успев начать дышать, уже занимаешься устройством всяких других дел. Надо попробовать тебе серьезно взяться за лечение. Для этого надо прежде всего взять себя в руки. А то у нас все как-то идет хуже и хуже. От твоих забот о детях выходит хуже тебе, а в конечном счете и им. Мне как-то пришлось услышать про нас такую фразу: «Семья Фрунзе какая-то трагическая.. Все больны и на всех сыпятся все несчастья!..» И правда, мы представляем какой-то непрерывный, сплошной лазарет. Надо попытаться изменить это все решительно. Я за это дело взялся. Надо сделать и тебе.

Советы врачей относительно Ялты считаю правильными. Попробуйте провести зиму там. С деньгами как-нибудь справлюсь. При условии, конечно, что ты не будешь оплачивать из своих средств всех визитов врачей. На это никаких заработков не хватит. В пятницу посылаю Шмидта¹ с поручением устроить все для жительства в Ялте. В последний раз взял из ЦК денег. Думаю, что зиму проживем. Лишь бы только ты прочно стала на ноги. Тогда все будет ладно. И ведь все это зависит исключительно от тебя. Все врачи уверяют, что поправиться ты безусловно можешь, если будешь серьезно относиться к своему лечению.

Была у меня Тася². Предлагала поехать в Крым. Я отказался. Это было вскоре после моего возвращения в Москву. На днях это предложение повторил от ее имени Шмидт. Я сказал, что пусть переговарят об этом с тобой в Крыму.

Сегодня получил приглашение от турецкого посла прибыть вместе с тобой к ним в посольство на торжество по случаю годовщины их революции. Написал ответ от тебя и от себя.

Да, ты просишь зимних вещей, а не пишешь, что именно надо. Не знаю уж, как там разрешит этот вопрос т. Шмидт. У него, бедняги, дома тоже не слава богу. Все еле перемогаются. Я ему уж и то говорю: «За что это на нас с вами возложен такой крест иметь болящих жен! Не иначе, говорю, придется заводить новых. Начинайте вы, вы — старше...» А он перебирает себе пальцами да ухмыляется: «У меня, говорит, ходит...» Ну, а ты даже и не ходишь. Ведь прямо срам один! Никуда не годится, *signora cara*³. Поэтому извольте поправляться, иначе, как только встану, обязательно заведу «даму сердца»...

А что это Т. Г. взбесилась? Вот баба-то... Кажется, ты еще раз «разочаровалась». По-видимому, боишься только, памятуя многочисленные прошлые мои пасмешки, разразиться дифирамбами (только не лестного характера) по ее адресу.

Подумай, правда, насчет Таси. Ей, кажется, и самой хочется поехать в Ялту. Впрочем, как знаешь. Если встанешь на ноги сама, конечно, в этом нужды не будет.

Ну, всего наилучшего. Крепко целую. Поправляйся. Я настроен хорошо и совершенно спокоен. Лишь бы было благополучно у вас. Еще раз обнимаю и целую.

М. Фрунзе

ЦГАСА. Ф. 32392. Оп. 1. Д. 142. Л. 3—5.
Автограф.

¹ Шмидт Владимир Константинович — порученец наркома.

² Тасей в семье звали младшую сестру Софии Алексеевны — Наталию (в замужестве Костина, 1901—1975).

³ Сивьора дорогац (ит.).

Правительственное сообщение

В ночь на 31 октября от паралича сердца умер после операции председатель Реввоенсовета СССР Михаил Васильевич Фрунзе.

Союз ССР потерял в лице умершего опытного, закаленного в революционной борьбе вождя революционного народа, потерял борца, который всю свою жизнь, от подпольного кружка до ожесточенных боев в гражданской войне, был на самых опасных и передовых постах.

Армия и флот потеряли одного из лучших знатоков военного дела, организатора вооруженных сил Республики, непосредственного руководителя победы над Врангелем и организатора первого победоносного удара против Колчака.

В лице покойного сошел в могилу виднейший член правительства, один из лучших организаторов и руководителей Советского государства.

Народ и правительство понесли громадную утрату как раз в такой момент, когда творческие замыслы т. Фрунзе в деле организации вооруженных сил Республики стали с громадным успехом претворяться в жизнь, обеспечивая государству защиту его границ, народу — возможность мирного труда и строительства. Утрата т. Фрунзе особенно тяжела в настоящий момент, когда в связи с хозяйственным восстановлением государства и ростом к нему сочувствия со стороны трудящихся всего мира растет и ненависть мировой буржуазии к Республике Советов.

Трудящиеся СССР не забудут заслуг т. Фрунзе перед пролетарской революцией.

Похороны покойного состоятся во вторник, 3 ноября; для организации похорон правительством создана специальная комиссия в составе тт. Енукидзе, Уншлихта, Бубнова, Любимова, Михайлова.

Москва, 31 октября 1925 г.

Бюллетень о смерти М. В. Фрунзе

После 24 часов 30 октября тов. М. В. Фрунзе, несмотря на все принятые меры для поднятия сердечной деятельности, при непрерывной консультации профессоров И. И. Грекова, А. В. Мартынова, Д. Д. Плетнева, В. Н. Розанова, П. Н. Обросова и врачей А. Д. Очкина и Б. О. Неймана, в 5 час. 40 мин. 31 октября

скончался при явлениях паралича сердца. Затемнение сознания началось за 40 мин. до кончины.

В. Розанов, Д. Плетнев, И. Греков, А. Мартынов,
П. Обросов, А. Очкин, Б. Нейман

Из протокола вскрытия

Анатомический диагноз. Зажившая круглая язва двенадцатиперстной кишки с резко выраженным рубцевым уплотнением серозного покрова соответственно местоположению упомянутой язвы. Поверхностные изъязвления различной давности выхода желудка и верхней части двенадцатиперстной кишки. Фиброэластический перитонит в области выхода желудка, области печеночно-двенадцатиперстной связки, области слепой кишки и области рубца старой операционной раны правой подвздошной области. Острое гнойное воспаление брюшины. Паренхиматозное перерождение мышцы сердца, почек, печени. Ненормально большая сохранившаяся зубная железа. Недоразвитие (гипоплазия) аорты и крупных артериальных стволов. Рубец стенки живота в правой подвздошной области и отсутствие червеобразного отростка после бывшей операции (1916 г.).

Заключение. Заболевание Михаила Васильевича Фрунзе, как показало вскрытие, заключалось, с одной стороны, в наличии круглой язвы двенадцатиперстной кишки, подвергшейся рубцеванию и повлекшей за собой развитие рубцевых разрастаний вокруг двенадцатиперстной кишки, выхода желудка и желчного пузыря; с другой стороны, в качестве последствий от бывшей в 1916 г. операции — удаления червеобразного отростка, имелся старый воспалительный процесс в брюшной полости. Операция, предпринятая 29 октября 1925 г., по поводу язвы двенадцатиперстной кишки, вызвала обострение имевшего место хронического воспалительного процесса, что повело за собой острый упадок сердечной деятельности и смертельный исход. Обнаруженные при вскрытии недоразвития аорты и артерий, а также сохранившаяся зубная железа являются основой для предположения о нестойкости организма по отношению к наркозу и в смысле плохой сопротивляемости его по отношению к инфекции.

Наблюдавшиеся в последнее время кровотечения из желудочно-кишечного тракта объясняются поверхностными изъязвлениями (эрозиями), обнаруженными в желудке и двенадцатиперстной кишке и являющимися результатом упомянутых выше рубцевых разрастаний.

Вскрытие производил профессор А. И. Абрикосов.

Подписали: Замнаркома здравоохранения Э. П. Соловьев. Зав. Мосздравотделом В. А. Обух. Главный врач С. С. Молоденков. Профессора: А. И. Абрикосов, И. И. Греков, А. В. Мартынов, В. Н. Розанов, П. Н. Обросов, Д. Д. Плетнев. Доктора: Б. Я. Шимшелевич, А. Д. Очкин, П. Т. Приданников

*Из потока соболезнований

Ялта, поликлиника, С. А. Фрунзе

Революционный военный совет вместе с Вами с глубокой скорбью переживает незаменную потерю Михаила Васильевича. Заветы, пример дорогого вождя-полководца Красная Армия сохранит навсегда.

Реввоенсовет, Уншлихт, Бубнов,
Каменев, Буденный, Баранов

Москва, Центральный Комитет РКП(б)

Потрясен до глубины души вестью о кончине героического борца революции, беззаветного солдата партии, бессмертного военачальника Красной Армии Михаила Васильевича Фрунзе. Какая жестокая брешь в первой шеренге партии! Какой страшный удар восьмой годовщине Октября.

Троцкий

Москва, ЦК РКП(б), Реввоенсовет СССР

Глубоко потрясен печальным известием о смерти Михаила Васильевича. Посетив его перед отъездом, я его нашел полным бодрости и уверенной надежды о благополучном исходе операции. Но молодой и крепкий организм поплатился за тяжелую и славную революционную борьбу времен царизма и за сверхчеловеческий труд на фронтах, начиная с Октября. Преклоняясь перед гробом любимого товарища, я, работавший с ним в течение трех лет на Украине, свидетельствую перед партией и страной об его беззаветной преданности делу трудящихся, его неутомимой работе, часто с риском жизни, его редкой честности, скромности, даровитости и необыкновенном мужестве и вместе с тем чуткости и доброте, вызывающих к нему общее уважение и любовь. Красная Армия, партия, Союз потеряли одного из лучших своих вождей.

Раковский

*Прощальное слово

Гроб с телом М. В. Фрунзе был установлен в Колонном зале Дома Союзов. Два дня происходило прощание с покойным. 3 ноября 1925 года в 11 ч. 30 м. началось траурное шествие. По всему пути на Красную площадь — шпалеры войск Московского гарнизона. Вокруг гроба почетный караул, за ним — родственники умершего, члены советских и общественных организаций, делегация иваново-вознесенских и шуйских рабочих со своим знаменем. Вблизи гроба вели боевого коня покойного наркома. На Красной площади состоялся траурный митинг (выдержки из некоторых выступлений на нем приводятся ниже). По окончании митинга, в 13 часов, при опускании гроба в могилу раздались артиллерийский салют, печальные гудки предприятий, паровозов.

Из речи председателя Совнаркома СССР А. И. Рыкова

Суд народа и суд революции сделал товарища Фрунзе одним из лучших и любимейших вождей революционного народа. Через смертный приговор, через долгие годы каторги и ссылки он пронес свою любовь к рабочему классу и революции.

Это был человек гигантского масштаба. Достаточно вспомнить, что наша революция обязана ему первым победным ударом по Колчаку. При его живом и непосредственном участии и руководстве был сломлен последний оплот царизма и белогвардейщины — Южный фронт.

За несколько дней до операции, в разговоре, он хотел, чтобы его оперировали; не потому, что боялся своей болезни, нет, он мечтал, выздоровев окончательно, удесятить свою работу.

Из речи секретаря ЦК РКП(б) И. В. Сталина

Я не в состоянии говорить долго. Скажу лишь, что в лице товарища Фрунзе мы потеряли одного из самых чистых, честных и бесстрашных революционеров нашего времени. Партия, Советская власть, Красная Армия потеряли одного из самых любимых и уважаемых организаторов-вождей.

Этот год был проклятым для нас годом. Он вырывает из наших рядов одного работника за другим. К сожалению, следует сказать, что не так легко и просто подымать молодых товарищей на смену старым революционным бойцам...

Центральный Комитет поручил мне выразить перед раскрытым гробом товарища Фрунзе скорбь всей партии.

Из речи Г. Е. Зиновьева от имени Коминтерна

Товарищ Фрунзе, как и все подлинные большевики, был международным пролетарским революционером. Весь Коммунистический Интернационал склоняет голову перед его свежей могилой. Когда думаешь о сильных товарищах, уже сложивших свои головы за дело революции, невольно напрашивается сравнение Фрунзе с Карлом Либкнехтом. Оба рождены и воспитаны в большевистской семье. Оба похожи друг на друга. То же бесстрашие жизни на виду у своих врагов, та же связь с подлинными трудовыми массами, та же преданность революции, то же горячее сердце и тот же облик обаятельного человека, отдавшего себя до конца рабочему классу и революции. Трудящиеся не только Союза, но и всего мира отдадут должное пути, пройденному товарищем Фрунзе как членом партии и Коминтерна.

*Красная звезда, 1925. № 253. 5 нояб.
Репортерская запись (в сокращении).*

- Абилов И. 223, 239
 Абрикосов А. И. (1875—1955) 265
 Авксентьев Н. Д. 70, 118, 120, 147
 Акимов К. А. 20
 Акулинин И. Г. 181, 182, 183
 Алексинский Г. А. 70, 118, 120
 Алихан 191
 Андерс А. К. 201, 228
 Анненков Б. В. 188, 192
 Арапов С. И. 235, 239
 Аркадьев В. П. 157, 158
 Аронович С. С. 10
 Ардыбашев М. П. 95, 120
 Афанасьев Ф. А. (Отец) 25
 Ахмед-бей 218
- Бадаев А. Е. 123
 Балашов С. И. (Странник) 25
 Балкашина А. Ф. 191, 192
 Балтийский А. А. 4, 164, 166
 Баранов П. И. (1892—1933) 266
 Барк П. Л. 125, 127
 Ватурина П. С. 128, 171
 Белов [Виттекоф] Г. А. 172
 Бенько П. Г. 9, 20
 Берзин О. М. 164, 166
 Бернштейн Э. 122, 124
 Бетман-Гольбаг Т. 74, 84, 120
 Бласко Ибаньес В. 82, 120
 Богданов-Марьяшкин 144
 Боголюбов В. С. 259
 Боголюбов П. С. 46, 259
 Боголюбов С. Н. 259
 Богораз В. Г. (Тан) 95, 96, 120
 Бокит Г. И. 191
 Бочаров В. О. 58, 59
 Бочарева-Курганова Ю. Я. 44
 Бройдо Г. И. 187, 188, 191
 Броун В. О. 201
 Бубнов А. С. 5, 25, 260, 264, 266
 Бударный С. М. (1883—1973) 182, 266
 Булгаков С. П. 70, 120
 Бунаков И. И. 70, 118, 120
 Бурцев В. Л. 70, 120
 Бурьянов А. Ф. 122, 123, 124
 Бухарин Н. И. (1888—1938) 4, 248, 249, 252
- Важнова-Градинская-Кудряцева К. В. (Елена) 37, 39—42, 255, 256
 Вальден П. 155, 156
 Вандервельде Э. 50, 51, 118
 Варднн И. В. 249, 250, 252
 Варенцова О. А. 25, 141, 144
 Вахрушев М. В. 3, 20
 Вильгельм II Гогенцоллерн (1859—1941) 62, 73, 117, 172
 Волков И. П. 152, 153, 154
 Воронский А. К. 231, 252
- Ворошилов К. Е. (1881—1969) 260
 Врангель П. Н. (1878—1928) 180, 192—198, 201, 207, 237, 264
 Вунд В. 13, 14
- Гаврилов В. В. 260
 Гаврилова 260
 Гаврилова Ю. В. 260
 Гагарин А. Г. 21, 22
 Гамбург И. К. (1887—1965) 4
 Гассан-бей 204, 205, 208, 230
 Гед Ж. 118, 121
 Гельферих К.-Т. 74, 120
 Гинденбург П. 62, 120
 Глаголев Н. А. 257
 Голощекин Ф. И. 190, 191
 Голубь А. Н. 238, 239
 Горбачев Г. А. 169
 Грей Э. 117, 120
 Греков И. И. (1867—1934) 264, 265
 Гурла П. В. 20
 Гусев Н. Д. 43, 49
 Гусев П. Д. 4, 38—40, 44, 48, 49
 Гусев Я. Д. 49
- Дамская Р. Д. 252, 253, 254
 Дамская-Ланэ Л. А. 252, 254
 Дамская-Ромаякевич С. А. 252, 253, 254
 Деникин А. И. (1879—1947) 170, 173, 176, 180—183, 188, 196, 197
 Дианов Н. О. 260
 Довнар-Запольский Э. В. 49
 Додонова А. А. 141, 144, 259
 Досмухамедовы 162, 163
 Дутто А. И. (1879—1921) 172, 180, 183, 192
- Енуидзе А. С. (1877—1937) 264
- Ждан-Пушкин 201
 Жиделев Н. А. 25, 52, 156
- Замысловский Г. Г. 126, 127
 Затонский В. П. (1888—1938) 241
 Зиновьев Г. Е. (1883—1936) 267
 Зюдекум А. 118, 121
- Иванов Л. 10, 12, 14
 Иванов М. 10, 19
 Иванюков И. И. 42, 38
 Иглатовский Н. 10
 Иерусалем В. 14
 Иорданский 57, 59
- Калашников В. С. (1890—1970) 193
 Калинин М. И. (1875—1946) 172, 175, 178, 179
 Камнев С. С. 4, 163, 169, 266

* В указатель не включены автор и его псевдонимы, составитель и помогавшие ему в подготовке данного издания (с. 8). Опушены личности из экзаменационных билетов (с. 19), упоминаемые в комментариях литераторы, а также лица, названные в тексте по имени или инициалам, чьи фамилии не удалось установить. В круглых скобках даются подпольные клички, литературные псевдонимы, в прямых — настоящие фамилии. Даты жизни указаны здесь в тех случаях, когда их нет в затекстовых примечаниях.

Караев А. 242, 246, 247
Каратыгин П. П. (1897—1940) 4
Карахан С. А. 52
Кареев Н. И. 12
Касаткина Е. М. (Ксеяня) 37, 39
Каутский Карл (1854—1938) 71, 74
Кафафов К. Д. 125, 127
Керенский А. Ф. 118, 120, 143, 147, 175
Киселев Е. Ф. (Калиныч) 49
Кизим Карабекир 228
Кишкин Н. М. 146, 148
Клемансо Жорж Бенжамен (1841—1929) 176
Коновцов В. Н. 111, 120
Колосов Е. Е. 118, 121
Колчак А. В. (1873—1920) 164, 166, 167, 169, 170, 173, 174, 176, 180—183, 264, 267
Колядко Л. С. 201
Корелинский И. П. 20
Корнилов А. В. 193
Корнилов Л. Г. 146—148, 264
Костина Н. А. (Тася) 263
Краснов П. Н. (1869—1947) 180
Краснянский Ф. Г. 43
Крачмер В. В. 20
Кропоткин П. А. 91, 120
Куйбышев В. В. 4, 185, 191
Куропаткин А. Н. 187, 191
Кутяков И. С. 169
Кюльне О. 13, 14

Лазаревич В. С. (1882—1938) 4, 167
Лебедев М. Я. 20
Ледебур Г. 122, 124
Ленин В. И. (1870—1924) 4, 6, 7, 144, 156, 164, 179, 186, 190, 248, 256
Леонов Л. М. 251
Либнехт К. 90, 120, 122, 124, 267
Лимонов И. С. 25, 40
Ллойд Джордж Д. 89, 90, 120, 176, 181
Льюис Д. 13, 14
Любимов И. Е. 4, 153, 154, 166, 264
Любимова В. П. 24, 52
Люксембург Р. 122, 124

Магомед VI Вахэддин 201, 215, 239
Маянгович М. В. 128
Мамонтов [Мамантов] (1869—1920) 181, 182
Маньков И. Н. 122, 123
Мануильский Д. Э. 154
Марков Н. Е. 127
Мартьянов А. В. (1868—1934) 264, 265
Маслов П. П. 70, 117, 148, 120
Матвеев В. П. 12
Маяковский В. В. (1893—1930) 252
Менделеев Д. И. 12
Меньшиков М. О. 70, 120
Мережковский Д. С. 70, 120
Меринг Ф. 122, 124
Милунов П. Н. 85, 120, 123, 126, 146
Миндин 12
Михайлов В. М. (1894—1937) 264
Михайлов М. А. (1892—1915) 128
Михайлова-Шербакова Н. А. 46
Михайловы 15, 128
Могилевский Б. С. 144, 144
Молоденков С. С. (1874—1931) 265
Монтвид В. Э. 56, 57, 59
Моравицкая М. Г. 258, 259
Муралов Н. П. 141, 144, 157
Мураков М. К. 123
Мусабеков Г. 242, 247
Мустафа Кемаль-паша (1881—1938) 201, 212, 214, 215, 239
Мухин В. М. 201, 228, 260

Надэжин А. М. 260
Наполеон I Бонапарт (1769—1821) 62
Наумов В. Н. (1896—1957) 193

Пейман Б. О. (1889—?) 264, 265
Николай II (1862—1918) 29
Новак Д. Д. 40
Новицкий Ф. Ф. 4, 158, 159, 167, 254, 255
Ногин В. П. 141, 144

Обросов П. П. (1880—1937) 264, 265
Обух В. А. (1870—1934) 265
Очкин А. Д. (1886—1952) 264, 265

Павловичев 9
Павлов 29
Павлов М. А. (1847—1915) 33, 256
Перлов Н. Ф. (1879—1918) 40, 44
Перхуров А. П. (1876—1922) 158
Петр I Великий (1672—1725) 177
Петров И. М. 49, 51
Петровский Г. И. 123
Пильяк [Bogay] Б. А. (1894—1941) 252
Плетнев В. Ф. 248, 252
Плетнев Д. Д. (1872—1941) 264, 265
Плеханов Г. В. (1856—1918) 117, 118, 122, 123
Плотников М. Е. 20
Позерн Б. П. 3, 253, 254
Постников А. С. 24
Поярков Ф. В. 10, 14
Поярков Э. Ф. 10, 14
Приданников П. Т. (1893—1970) 265
Пуришкевич В. М. 117, 120, 122, 123, 127
Пушкин А. С. (1799—1837) 17, 18

Раковский Х. Г. (1873—1941) 266
Раскольников Ф. Ф. (1892—1939) 191
Растопчин Н. П. 253, 254
Розанов В. В. 70, 120
Розанов В. Н. (1876—1939) 264, 265
Розовский В. Л. 201
Романкевич В. М. (1899—1966) 253
Романкевич Т. В. 253
Рорбах П. 91, 120
Рудзутак Я. Э. 190, 191
Руднев В. В. 145—147
Рыков А. И. (1881—1938) 267
Рыскулов Т. 185, 190, 192
Рябцев К. И. 140, 144, 145

Сабит Самы-бей 203, 206
Савенко А. И. 118, 121
Сазонов И. Н. 40
Санд-бек 203, 238
Самойлов Ф. Н. 123
Самородов В. С. 191
Сапунов 9
Седенко Ф. И. (Влгязев) 118, 120
Семенов-Тянь-Шанский П. П. 16
Серебровский А. П. 247
Сиротинский С. Я. 9, 15, 45, 138, 254
Скобелев М. И. 124
Скобелевы В. В. 24
Скоропадский П. П. (1873—1945) 241
Слацкий Л. А. 207, 239
Смит А. 89, 120
Соколов В. В. 40
Соловьев Э. П. (1876—1928) 265
Сологуб Ф. К. 95, 120
Сорокин П. А. 118, 120
Сперанская Ю. М. (Тила, Юлия) 37
Сталин П. В. (1879—1953) 267
Стишинский А. С. (1857—?) 29
Столыпин П. А. (1862—1911) 29
Стратилатов М. А. 20
Стрелецкий 143, 144
Стуков П. Н. 139, 144
Суконкин К. С. 9, 11, 12, 14

Термен Р. И. 203, 238
Толстов В. С. 160, 163
Толстой А. К. (1817—1875) 49
Триандафиллов В. К. (1894—1931) 195

Троцкий Л. Д. (1879—1940) 3, 157, 158,
164, 248, 266
Туляков И. Н. 124
Турсунходжаев С. 190, 192
Тухачевский М. Н. 169

Угланов Н. А. (1886—1940) 264
Унгилов А. К. 41
Уншлихт И. С. (1879—1938) 264, 266
Уткин И. Н. (Станю) 25

Фаддеев В. С. 57, 59
Ферик-бей 206, 208, 236
Фикри-бей 214, 215, 216
Фишер А. К. 20
Форд Г. 87, 88, 120
Фостиков М. А. 207, 239
Фридман М. И. 75, 120
Фрунзе В. М. 15, 16, 18
Фрунзе К. В. 11, 14, 15, 17, 21, 22, 23,
40, 42, 46, 47, 201, 259, 260
Фрунзе М. Е. 3, 15—18, 46, 259, 260
Фрунзе С. А. (1890—1926) 259, 261, 266
Фрунзе Татьяна (р. 1920) 259, 261
Фрунзе Тимур (1923—1941) 259, 261
Фрунзе-Боголюбова Л. В. (1890—1959) 17,
45—48, 258, 260
Фрунзе-Гаврилова К. В. (1887—1948) 17,
18, 21, 260
Фрунзе-Надеждина Л. В. (1898—1978) 44,
46, 259, 260
Фурманов Д. А. (1891—1926) 7

Хаджи-бей 234, 235
Ханжин М. В. (1876 — ок. 1960) 160
Хасан-бей, каймакам 233

Хасан-бей, чиновник 221
Хаустов В. И. 124
Хвостов А. Н. 125, 127
Химмет-бей 232
Храмов Н. Г. 152, 154

Чапаев В. И. 169, 171
Чернов В. М. (1873—1952) 136
Чхеидзе Н. С. 124
Чхенкелли А. И. 124

Шагов Н. Р. 123
Шамиль 203, 238
Шебеко И. А. 64, 120
Шефкет-паша 218, 219
Шимония 10
Шимшелевич Б. Я. (1888—1956) 265
Шлихтер А. Г. 154
Шмидт В. К. 262, 263
Шрейдер Г. И. 147, 148

Щелоков И. И. 159

Элиава Ш. З. 4, 170, 171, 185, 187, 188,
190, 191
Эрве Г. 118, 121

Юленич Н. Н. (1862—1933) 181—183
Юсупов Загид 259
Юсуф Кемаль-бей 223, 239

Ягелло Е. О. 124
Янговский Ф. И. 20

Содержание

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	3
В ГИМНАЗИИ И ИНСТИТУТЕ	9
Пять писем К. С. Суконкину	9
Документы тех лет	15
ЛИСТОВКИ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ	25
Мир заключен	26
Разгон Государственной думы и царский манифест	28
К рабочим города Шуи	31
К торгово-промышленным служащим	34
ЖИЗНЬ И БОРЬБА В НЕВОЛЕ	37
Письма шуйским друзьям	37
Из письма старшему брату	42
Обращение к товарищам по партии	43
Вести из Николаевского централа	44
Из манзурской почты	46
Лира за решеткой	52
ЧИТИНСКОЕ ПОЛУГОДИЕ	56
Отчеты статистика Василенко	56
Письма о войне	60
Удар в спину	121
В Таврическом дворце	124
1917-й — РЕВОЛЮЦИЯ СОВЕРШИЛАСЬ	128
О земельных комитетах	128
Анархия или организация	131
К продовольственному вопросу	134
Революция и фронт	136
В Октябрьские дни	137
И им не стыдно	144
Обращение к избирателям	146
ПЕРВЫЙ ГОД КРАСНОЙ ГУБЕРНИИ	149
Что делать?	149
«Прошу сделать безотлагательно»	152
Не стыдно ли нам	154
«Маяк света и знания»	156
О ярославском мятеже	157
«Расставаясь с округом»	158
НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	160
К казахскому населению Приуралья	161
О неустойчивости ближнего тыла	164